

Записки начальника нелегальной разведки

Юрий Дроздов

Оглавление

ЮРИЙ ДРОЗДОВ

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ
РАЗВЕДКИ

15.05.1999

ПРЕДИСЛОВИЕ. "МЕЖДУ БОЛЬШИМИ
ВОЙНАМИ ВЕДЕТСЯ ВОЙНА ТАЙНАЯ"

За 35 лет службы в нелегальной разведке Юрий Иванович Дроздов прошел путь от оперативного уполномоченного до начальника управления "С" Первого главного управления КГБ. Ему довелось участвовать во многих секретных операциях. Имеет правительственные награды СССР, ГДР, Польши, Кубы, Афганистана. Юрий Дроздов присутствовал в качестве "родственника" знаменитого полковника Рудольфа Абеля при его обмене на американского летчика Пауэrsa, был резидентом в Китае и США, руководил операцией по взятию дворца Амина в Кабуле. Он имел непосредственное отношение к созданию, подготовке и использованию секретного подразделения советской разведки "Вымпел".

Когда, будучи резидентом в Нью-Йорке, Юрий Дроздов отмечал свое 50-летие, среди дру-

гих поздравлений он получил письмо от Мао Цзедуна, в котором отмечался его "личный неоценимый" вклад в развитие советско-китайских отношений. Лондонский журнал "Форбс" в статье, посвященной "живой легенде среди шпионов" Юрию Дроздову, в качестве особых примет разведчика отметил, что он хорошо сложен, имеет военную выправку и "серые жульнические глаза". К тому времени ему исполнилось 69 лет.

Сейчас, по собственному выражению, он "занимается предпринимательской деятельностью" - возглавляет аналитический центр "Намакон", является почетным президентом Ассоциации ветеранов подразделений специального назначения и спецслужб "Вымпел-Союз". Автор книг "Нужная работа", "Вымысел исключен".

Мысли о разведке

- Юрий Иванович, если кто-то решит написать историю нелегальной разведки, с какого времени ему придется начинать?

- Можно начинать с Александра Македонского, можно - с древних китайцев, а еще лучше начинать с Библии. Самое первое агентурное доне-

сение Древней Руси, которое сохранилось где-то в архивах военной разведки, это нацарапанное на бересте: "Чудь встала на карелов".

В нашей истории всегда существовало деление на две части: военную разведку и разведку князя, императора, канцлера, как это было в елизаветинские и екатерининские времена. К концу XIX века во всех генерал-губернаторствах существовали тайные отделения, в которых сидели офицеры второго отдела управления генерального штаба и которые занимались разведкой, в том числе нелегальной.

Среди наших тогдашних разведчиков, в первую очередь разведчиков-нелегалов, было очень много выдающихся людей, большая часть которых известна нам как писатели, исследователи и путешественники. Тут можно вспомнить Пржевальского, Ивана Сергеевича Тургенева: Если взять период Отечественной войны 1812 года, то это - Александр Фигнер, а если уйти еще дальше в историю, можно вспомнить монаха Иакинфа Бичурина, известного своими исследованиями по Китаю.

- Можно ли сравнивать вообще разведки различных стран? Какая из них сильнее?

- На вопрос, кто сильнее можно ответить только тогда, когда все стороны выложат карты на стол, а этого не будет никогда. Но если бы мы были слабее, то американские аналитики не отзывались бы о работе нашей нелегальной разведки так лестно. В свое время США арестовали двух наших разведчиков, но мы организовали их обмен на угонщиков самолета. И вот - два случая, связанных с этим. Наш сотрудник, который проводил переговоры об их освобождении, увидел в кабинете одного из офицеров ФБР рядом с портретом Гувера портрет: Андропова. И на его недоуменный вопрос хозяин кабинета ответил: "А что тут такого? Это руководитель сильнейшей разведки мира". А когда проходил сам обмен, дежуривший в аэропорту Кеннеди сотрудник ФБР сказал: "Таких ребят на подонков меняем!". Американцы очень высоко оценили их профессионализм.

- А под какими "крышами" удобнее было работать нелегалам? Какие специальности для

этой работы подходили больше всего?

- Любые. У нас были просто торговцы, у нас были ученые, писатели, поэты, священники, военные. У нас был даже человек, которого однажды высадили на побережье одной страны с лодки, и он появился в городе как безработный. А потом постепенно стал крупным бизнесменом и даже почетным гражданином этого города. Для этой работы годна любая профессия. Требовались лишь огромный объем знаний, большая выдержка и большое терпение.

- Как известно, нынешнее руководство внешнеполитической разведки исходит из постулата, что противников у нас не осталось, а есть только партнеры. Может быть, в таком случае и разведка не нужна, тем более - нелегальная?

- Геополитика определяет место каждой страны в системе мирового сообщества. И в борьбе за это место не может не быть оппонентов, желающих поживиться за чужой счет. Взаимное недоверие существует даже между странами НАТО. Если бы это было не так, то мудрый Аллен Даллес, наверное, в свое время не сказал бы своим

партнерам по НАТО: "Мы обмениваемся информацией, а то, что вы нам не дадите, мы возьмем сами". И то, что стороны хотят знать об искренности своего соседа по отношению к себе, тоже естественно.

Из интервью "Новой ежедневной газете" (5.11.94 г.)

- Хорошо ли, вербуя человека, заставляя его предавать Родину?

- Это наивный вопрос. Как будто между большими войнами не ведется война тайная! Она нужна, чтобы не гибли тысячи, а то и миллионы. Разве защита собственного дома безнравственна? Все страны, которые заботятся о своей безопасности, занимаются разведкой и развитием агентурной сети.

- Но у нас, кажется, денег на это нет. Вас не беспокоит, что бывшие ваши коллеги, обладающие специфическими навыками, ушли в лучшем случае в коммерцию, а в худшем - в мир криминала?

- Сейчас деньги перемалывают в пыль человека любого ранга. Прежде чем обвинять бойца-

спецназовца, что он служит теперь не тем людям, надо знать мотивы, почему он принял такое решение. Да и с кого можно требовать преданности, если у многих руководителей на первом плане не долг перед страной, а обеспечение собственного благополучия. Сегодня бывает, что дисциплина в некоторых преступных группах выше, чем в государственных подразделениях, призванных с ними бороться. Криминальный мир теперь сам имеет все возможности подготовить себе боевиков. Раньше обучение бойца сильнейшего подразделения "Вымпел" стоило 100 тыс. старых весомых рублей в год. Трудно поверить, что сейчас государство не может найти средств на подготовку такого отряда.

- Вам лично приходилось отдавать приказ на чье-то уничтожение?

- Нет. Никогда за все 53 года службы в армии и в органах это не входило в мои обязанности. В документах КГБ было строго оговорено, что "особые мероприятия" проводятся только на основании специального решения Политбюро и Совета Министров. О тех операциях, что не согла-

совывались с Политбюро, мне неизвестно. Может быть, кто-то этим и занимался, но не управление "С".

Из интервью газете "Аргументы и факты" (№25 1998 г.)

Декабрь 1979-го. Афганистан

- Какую характеристику вы можете дать Хафизулле Амину?

- Политический интриган! Мне с ним никогда лично не приходилось соприкасаться, но когда читаешь материалы в прессе, особенно те, что ссылаются на документы, в том числе из "Особой папки", то складывается такое впечатление.

- Какова была реакция кабульской резидентуры на устранение лидера страны Тараки?

- Думаю, что спокойная. На то она и резидентура, чтобы все знать, видеть и чувствовать себя уверенно.

- Насколько для вас лично было неожиданным решение руководства страны о вводе войск в Афганистан?

- Совершенно не было неожиданным, потому что общая обстановка "холодной войны" говори-

ла о том, что противная сторона, заинтересованная в конфликте, будет прилагать все усилия для того, чтобы спровоцировать Россию на этот шаг.

- В Афганистане еще и до ввода войск было много наших легальных спецсотрудников. Как у них складывались отношения с нашими нелегалами?

- О своей работе и о деятельности моих товарищей, которые были советниками в некоторых афганских подразделениях, в том числе и в подразделениях специального назначения могу сказать только одно - мы им ни одной глупости не посоветовали:

- Как вы отнеслись к приказу о штурме дворца Амина?

- Как к приказу, который необходимо было выполнить в интересах России.

- Почему?

- Потому что речь шла о защите южных рубежей страны в связи с серьезной ситуацией, которая там назревала. И, кстати, если бы этого не произошло, то таджикскую трагедию мы переживали бы на пятнадцать лет раньше.

- То есть существовала серьезная угроза территориальной целостности?

- Я хочу сказать, что обозначилась очень серьезная опасность для территории, именуемой Таджикистаном. Уже в который раз!

- Когда перед вами была поставлена задача на штурм?

- Ю. Андропов 27 декабря, где-то в три по кабульскому времени, в разговоре по ВЧ сказал мне: "Не хотелось бы, но: придется". А затем: "Это не я тебя посылаю:" И всех до единого членов Политбюро перечислили, кто был в комнате рядом с ним.

- Что же заставило пойти на столь непопулярный шаг, получивший такой отрицательный для нас резонанс в мире? Ведь Юрий Владимирович не был сторонником силовых методов.

- Возьмите книгу, написанную четверью американцами! Она называется "Наглый орел". В ней оценивается особенность американской политики в 80-е годы. Оценивается деятельность американского сената, конгресса и администрации по всем вопросам отношений с СССР. И об-

ратите внимание, насколько организованно была поставлена работа по втягиванию России в долговременную изнуряющую войну в Афганистане. А ведь мы в 1980 году, в январе, в первый раз обсуждали с В. Крючковым в Министерстве обороны СССР вопрос о выводе ограниченного контингента наших войск из Афганистана. И не вина советских руководителей того периода, что эта война растянулась на десять лет. Это вина наших нынешних партнеров, которые сделали все, чтобы обеспечить афганских моджахедов вооружением, и которые практически навязали нам настоящую войну. И в американской печати, особенно в книге Швейцера, которая была недавно опубликована, прямо говорится: "как мы воевали с Советским Союзом в Афганистане:".

- А существовала ли какая-нибудь наша агентура, например, на территории Пакистана еще до начала военных действий?

- На территории Пакистана была легальная резидентура. Для нелегальной разведки Пакистан большого интереса не представлял. Он так же, как, например, Бразилия или Боливия, про-

тив Советского Союза воевать не собирался.

- Но ведь были же инструкторы пакистанские, обучавшие моджахедов в лагерях?

- Это же разные вещи! Да, они обучали.

- Значит, против них никаких акций не проводилось?

- Совершенно ничего:

- Значит, "Голос Америки" погрешил против истины, когда сообщал о таких действиях?

- И не только "Голос Америки". Если посмотреть на содержание значительной части американских изданий, то волей-неволей убеждаешься, что решение политических задач специального характера входит в прямую обязанность средств массовой информации США.

Из интервью газете "Подмосковные известия" (№29 1996 г.)

- Представителем КГБ в Афганистане тогда был генерал Богданов. Вся работа от нашего ведомства с представителями других структур координировал Борис Семенович Иванов, позже для участия в подготовке операции туда направили Кирпиченко. У каждого из нас имелось свое

задание от руководства в Центре. Конечно, советы старших должностных лиц на месте событий для меня, весьма неожиданно впервые оказавшегося на афганской земле, оказались полезными.

Те события нашли отражение в двух телефильмах: "Разведчик особого назначения" и "Равных им не было": Авторы отобрали уникальные архивные видеоматериалы, встретились и записали воспоминания бывших спецназовцев из групп "Зенит", "Гром", "Каскад" и "Вымпел".

- Кто из них участвовал в операции по свержению Амина? Имела ли к этому отношение знаменитая "Альфа"?

- "Альфа" занималась борьбой с терроризмом и прямого отношения к разведке не имела, но часть ее в виде группы "Гром" прибыла в Кабул между 16 и 24 декабря для участия в операциях. Всего около 30 человек. Командир группы - Михаил Романов. Еще 30 сотрудников ПГУ и спецрезервистов, в основном хорошо подготовленных разведчиков-диверсантов, составляли группу "Зенит".

Безусловно, политикам следовало решать

проблему Афганистана в декабре 79-го политическими средствами, активными и настойчивыми дипломатическими шагами. Однако было решение использовать спецназ КГБ и спецназ Советской Армии, которые выполнили приказ своего правительства.

- Какую боевую задачу поставили вам? Велики ли оказались потери?

- Как один из руководителей операции по овладению президентским дворцом Тадж-Бек я выполнял свою задачу. На это понадобилось 43 минуты. При всей сложности тогдашней обстановки операция "Шторм-333" завершилась при минимальных потерях. У нас в группах разведчиков-диверсантов было четверо убитых и 17 раненых, в "мусульманском батальоне" погибли пять солдат и офицеров, 35 ранены. Отступить нам было некогда, кроме как "вниз", в землю:

Перед началом операции в Кабуле я пришел к ребятам, смотрю, они сидят с опущенными лицами, немного заскучавшие. Говорю им: "Ну что, парни, похулиганим немного?!": Потом хлопцы

мне говорили: "У тебя был такой огонь в глазах, что было ясно - дело пойдет". Из раненых в том бою большинство (более 20 человек) из "мусульманского батальона", остались в строю. Молодые, хорошие, интересные ребята. Их опалил и закалил огонь войны. И я горжусь, что был одним из командиров таких людей.

- "Мусбат" также состоял из разведчиков?

- Это был один из лучших батальонов спецназа Советской Армии, сформированный из добровольцев. Командовал подразделением майор ВДВ Халбаев. А командиром одной из парашютно-десантных рот был старший лейтенант Валерий Востротин, известный "афганец", Герой Советского Союза, ныне генерал-лейтенант. Это подразделение численностью до 500 человек, одетых в афганскую военную форму, охраняло президентский дворец, а также некоторые другие важные объекты.

Помимо дворца и комплекса зданий генштаба афганской армии трудным для взятия объектом для нас представлялось здание разведки и контрразведки. Шесть наших разведчиков, 12 советни-

ков и два взвода десантников блокировали огнем действия охраны, ворвались на территорию объекта и внутрь здания, где соединились с находившимся там советником при афганских спецслужбах Владимиром Алексеевичем Чучукиным. Командир группы даже не ожидал такой быстроты действий. Потери: один легкораненый.

Помню, во всех отчетах и докладах командиров штурмовых групп в адрес солдат и офицеров подразделений огневой поддержки ВДВ подчеркивалось: претензий к десантникам нет, молодцы!

Из интервью газете "Независимое военное обозрение" (№1 1999 г.)

История подразделения "Вымпел"

Мысль о необходимости иметь в разведке свое подразделение специального назначения возникла у меня накануне штурма дворца, когда я наблюдал за порядком отяжелевшими от возраста и пребывания в резерве офицерами. Уже в январе 1980 года в Афганистан был переброшен отряд специального назначения "Каскад", также сформированный из офицеров-резервистов, ко-

торым пришлось, мягко говоря, несладко. Ошибочность принятого в 50-е годы решения о расформировании частей специального назначения стала очевидной. В течение 1980-1981 гг. было создано одно небольшое такое подразделение. В его боевую подготовку и я, и мои товарищи вложили весь свой прошлый боевой опыт. Подразделение спецназначения "встало на ноги". Подготовка спецназа ПГУ нацеливалась на тесное взаимодействие разведчиков-нелегалов и разведчиков специального назначения в операциях любой сложности.

В течение 10 лет, с 1981 по 1991 год, это подразделение находилось в постоянной боевой готовности, непрерывно действуя своими группами то в Афганистане, то на театрах оперативно-тактических учений внутри страны и за рубежом. Позднее оно стало известно российской общественности как группа "Вымпел", перешедшая после августа 1991 года в МБ РФ, а позднее, в 1993 году - в распоряжение президента России.

- 2 февраля 1994 года газеты, радио и телевидение сообщили, что разведчики "Вымпела"

подали рапорт о переводе в другие подразделения, об увольнении в запас или отставку в связи с нежеланием продолжать службу в составе Министерства внутренних дел. Как вы относитесь к этому?

- Я не осуждаю их. Они готовились защищать интересы Родины, своего народа от внешнего противника и за пределами своей страны. И я их понимаю. Чувство преданности своему народу, долг и честь офицера-разведчика не позволили им поступить иначе. И худшее, что могло случиться, произошло. Прекратило существование подразделение специального назначения, офицеры которого не знали слова "невозможно".

- Много ходит легенд о боевой подготовке и выучке разведчиков-диверсантов "Вымпела". Не могли бы вы что-нибудь прояснить?

- Разведчики-диверсанты "Вымпела" могли длительное время изучать сверхважный объект и, если потребуется, захватить его или уничтожить в считанные секунды и успеть уйти. Например, после учебной операции на одной из АЭС, ученые-эксперты, которых мы просили дать за-

ключение о возможных размерах последствий, сказали, что размеры катастрофы, если бы подобное произошло, многократно превысили бы Чернобыльские. Так "Вымпел" в 1990 году помог на показательных учениях ряду руководителей в укреплении режима секретности и трудовой дисциплины на ядерном объекте. К сожалению, не все руководители страны тогда обратили на это внимание. Почему была выбрана АЭС? Мы знали перечень целей, определенных противником на нашей территории, и учились противодействовать ему. Мы учили сотрудников "Вымпела" тому, что требуется на войне. Наибольший интерес, на мой взгляд, представляли учебные операции, которые носили по отношению к противнику ответный или встречный характер. Например, несколько лет назад командование НАТО проводило на своем южном фланге на территории Греции и Турции маневры "Арч Бей Экспресс", нацеленные на тогдашние советские республики Закавказья и Болгарию. Командование войсками южного фланга НАТО по сценарию вероятных боевых действий предусматривало в том числе

нанесение ядерных ударов на этих направлениях, если сопротивление противника того потребует. Маневрам НАТО мы противопоставили свои оперативно-тактические учения "Чесма", которые проходили на нашей и сопредельных территориях. Результаты агентурных и оперативно-тактических наблюдений превзошли наши ожидания: "Арч Бей Экспресс" оставили после себя следы, которые позволили создать об учениях "Чесма" закрытый кинофильм "По поступившим данным". В апреле 1991 года председатель КГБ СССР В.А.Крючков согласился с моим предложением показать этот фильм членам комитета ВС СССР по вопросам обороны и безопасности страны. Фильм произвел на них большое впечатление. Мы, со своей стороны, просили законодателей принять меры, чтобы не допустить возникновения очагов гражданской войны на юге и ее распространения на север страны. Одной из целей маневров "Арч Бей Экспресс" была отработка возможных действий по блокированию попыток Ирана установить контроль над республиками Закавказья, где развитие обстановки мог-

ло привести к образованию новых мусульманских государств. В связи со всем этим Турция рассматривалась (и сейчас рассматривается) как одно из важных звеньев НАТО в исламском мире, причем не только на Востоке, но и на Западе (имелись в виду Болгария и Югославия). Мне иногда, кстати, кажется, что на территории Закавказья практически проигрывается конкретная тайная операция "малой войны". Для достижения контроля над ситуацией в регионе через Турцию и Азербайджан достаточно умело используется метод коммуникационного давления по линиям: Батуми-Кутаиси-Баку, Батуми-Кутаиси-Тбилиси-Гюмри-Ереван-Нахичевань-Баку, а также Тбилиси-Гюмри-Ереван-Нахичевань-Тебриз. В политической борьбе методично используется не только железнодорожная, но и "газовая" блокада. Я помню содержание наставлений и уставов армии США, регламентирующих назначение, цели и характер боевой деятельности американских подразделений специального назначения, и вижу, что все происходит в соответствии с положениями директив по проведению тайных

операций: дестабилизация обстановки, создание партизанско-повстанческого движения, овладение ситуацией, восстановление положения с передачей власти дружественным силам.

Одна из уникальных тренировочных операций "Вымпела" - захват цеха сборки ядерных боеприпасов в Арзамасе-16. Местные власти, милицию, ФСК предупредили: "Ждите диверсантов". Дали даже приблизительные словесные портреты. Несколько дивизий внутренних войск работали против "вымпеловцев". Но задание было выполнено: цех захватили. Такая работа ведется исподволь, как специалисты говорят "волнами" первая группа приезжает только для того, чтобы подготовить тайники. Вторая разведывает обстановку, вычисляет подступы к объекту, ищет болтунов. Были такие специалисты, что могли выпить две бутылки водки с местными "бухариками", а потом работать на благо группы. Другие на женском фронте вели борьбу за жилплощадь, чтоб в гостиницах "не светится". А местное УВД, заподозрив у приезжих московский говорок, приставляло к ним своих женщин: В арзамасской опера-

ции несколько человек обосновались километрах в 20 от города в женском монастыре. Выдавали себя за паломников, днем молились со всеми, ночами работали. Когда все было готово, прибывали исполнители, за несколько часов выполнявшие свою часть задания.

Подготовка членов отряда позволяла им проникнуть в любой объект, как бы он ни охранялся. Проводились тренировки в Кремле и на госдачах. В подробности вдаваться пока нельзя, но практически все "учения" "диверсанты" выиграли. Несмотря на то, что, скажем, президента одновременно охраняют около 200 человек. Находил "Вымпел" бреши в охране атомной электростанции, условно захваченной террористами. На АЭС прыгали ночью на крышу ядерного реактора. Получили за это тогда, в конце 80-х, по две тысячи на брата. В подразделениях некогда братских соцстран некоторые вымпеловцы проходили стажировку: в джунглях Вьетнама перенимали различные "бойскаутские штучки" и ловушки, в Никарагуа научились у сандинистов стрельбе "бамбам" - два почти одновременных выстрела в одну

точку, чтоб пробить бронезилет.

Конечно, за границей "Вымпел" не только учился. В одной из стран Ближнего Востока были захвачены заложники - граждане СССР. Переговоры ни к чему не приводили. Потом вдруг при неясных обстоятельствах погибает один из лидеров террористической группировки, захватившей наших. Потом другой. А потом террористы получают ультиматум, что если заложников не отпустят, то пусть сами выбирают, кто погибнет следующим. Заложников отпустили. Огласки не было: сказали, что "Красный Крест" и дипломаты договорились.

За все время существования "Вымпела" погибло несколько десятков человек: в основном, в Афганистане, а потом в операциях внутри СССР. При штурме Белого дома в 1993-м снайпер убил Геннадия Сергеева, бойца "Альфы", до этого служившего в "Вымпеле".

В те октябрьские дни спецподразделение не подчинилось приказу штурмовать Белый дом. Точно так же "Вымпел" поступил в 1991-м - и тогда будущий президент России лично благо-

дарил спецназовцев. В 1993-м их не похвалили. Воспользовавшись случаем, заставили всех без разбора надеть милицейские погоны. Из нескольких сот человек согласилось 50. Узнав о распаде "Вымпела", в Москву приехали представители крупнейшего в США агентства безопасности и предложили работу. Спецназовцы отказались, решили, что смогут найти себе применение и здесь. Одни ушли в Службу внешней разведки, помогали вывозить наших людей из горячих точек Африки. 5 человек работают в Министерстве по чрезвычайным ситуациям. 20 вернулись в ФСК, в созданное недавно Управление специальных ситуаций. Некоторые сотрудничают с фирмами "Газпром", "ЛУКОЙЛ", с группой компаний "Савва", получая в десятки раз больше, чем на госслужбе.

По материалам "Мы учили "Вымпел" воевать" ("Новая ежедневная газета" от 16.03.94 г.), "Спецназ среди нас" ("АиФ", №18-19 1995 г.)

Разговор на личную тему

- Вы испытывали страх?

- Много раз. Первый раз, когда думал, что

узнают, что я не немец. Всегда было волнение, когда я уходил в Западный Берлин на встречи с агентами. Умели ловить.

- Что вы испытывали тогда?

- Волнение и холодок.

- Вы готовились?

- Да, хорошо знал город, улицы, учреждения, магазины... Когда обнаруживал хвост, пил лимонад и возвращался домой.

- Сколько вы завербовали агентов?

- Несколько человек, в разных странах. В Европе и Азии. Это происходило как следствие установления личных отношений, взаимной симпатии, общих интересов. Во взаимоотношениях с агентами главное - обязательность даже в пустяках, недопущение никакого обмана.

- Неужели обходились без нажима и давления?

- Это было в исключительных случаях.

- Что же главное?

- Установление личных отношений. Предельная честность.

- Вы искунитель?

- Все разведки работают на этом. Завоевывают человека.

- Уловление человека?

- Нет, завоевание. Под словом "уловление" есть коварство.

- Значит, сначала дружба, затем манипулирование?

- Мы всегда говорили человеку: могут быть арест, различные трудности. Он должен был сознательно делать выбор.

- А была идейная общность?

- Как правило, она есть всегда. Кроме вербовки под нажимом.

- У вас были случаи вербовки под нажимом?

- Не было.

- Вы искали компромат на вербуемого?

- Иностранец должен видеть в тебе друга, а не страшного врага. Мы ему говорили: гарантируем вам безопасность, если будете правильно себя вести.

- Есть ли преимущество в работе российской разведки?

- Преимущество характерна для русской

разведки. Кадровые русские разведчики устанавливали связи с советской разведкой. Приведу такую историю. В одну страну Юго-Восточной Азии еще до революции были внедрены два русских разведчика. После второй мировой войны они получили возможность выйти на связь с советской разведкой и доложили о выполнении задания. Они уже были стариками. Вот пример верности долгу.

- Были предатели среди нелегальных разведчиков?

- Только один. Хайнанен, выдавший Абея. Других я не помню.

- Как погиб Хайнанен? Его убрали?

- Его сбила машина. Пьяный шел по улице. От террористического акта вред был бы много больший. Наше правительство это понимало, хотя ретивые головы советовали разное.

- Имея сильную разведку, руководители госбезопасности допустили разрушение СССР.

- Все звенья разведки делали все, чтобы политические руководители знали угрозу и могли принять меры. Видимо, не все руководители от-

вечали требованиям этой задачи. О нашей работе так свидетельствуют наши противники: "Русские в вопросах организации агентурной разведки остались непревзойденными". Такая оценка из уст противника позволяет утверждать, что наше руководство обладало всей полнотой информации.

- Эймса выдали в Москве?

- Неосторожное сообщение в печати агентурных сведений приводит к провалу.

- Какова в таком случае методика поиска?

- Определяется круг лиц, имеющих доступ к информации. С началом акции разрабатывается программа информационного обеспечения. Если в какой-то стране всплывает что-то за рамками версии, это дает основание искать.

- Как зарабатывала нелегальная разведка?

- За рубежом, как сейчас в России, возникает и разоряется множество фирм. Наши разведчики доказали, что они могут быть серьезными бизнесменами. Бизнес дает маневр, свободу действий.

- Можно ли разведке создать экономический потенциал для влияния изнутри на зарубежное

государство?

- Да, можно. Но это дело не разведки.

- Что вы можете сказать о советском разведчике Ахмерове и об операции советской внешней разведки, которая подтолкнула Японию к нападению на США, в результате чего наши дальневосточные рубежи остались неприкосновенными?

- Я ни разу не слышал от него ничего подобного.

- Но подобные операции в принципе возможны?

- Да. Но будет ли нужная реакция?

- Операции такого уровня были?

- Это имеет отношение к активным мероприятиям, к разряду спецопераций. Американцы боялись наших спецопераций. Мы - их.

- Почему многие разведчики относятся к нелегальным разведчикам без особой любви?

- К нам, действительно, относились ревниво. За то, что мы часто давали не ту информацию, которую давали они. Наша информация вызывала спор, не совпадала со сведениями легальных резидентур. Например, мы утверждали, что ре-

жим Салазара падет. С нами спорили. Но через полгода он пал.

- А как нелегалы относились к внутреннему положению в Союзе?

- Они откровенно делились своими впечатлениями, которые некоторым казались антисоветскими. Например, о том, какие неподготовленные кадры в наших роддомах, о работе военных призывных комиссий. Не тех призывали в армию. Мы даже писали специальную записку. Но до сих пор все то же.

- Нелегалы разочаровывались?

- Да, была неудовлетворенность.

- Правда, что знаменитый английский агент Лоуренс Аравийский разочаровался и ушел из разведки?

- Да, для разведчика трагедия, когда правительство не понимает его.

- У нас это было?

- Сужу по нашей разведке. Вот нелегалы на отдыхе, дома. Сидят на ковре посреди кучи газет и возмущаются нашими руководителями, которые не понимают Запад и его подходы. И вообще,

спрашивают, насколько такие руководители отвечают безопасности страны? Вот что я услышал: "Это предательство. Я хочу найти ответ, ради чего я отказался от нормальной жизни, потерял семью, почти забыл язык? Чтобы столкнуться с осмысленным разрушением государства?" Стоило большого труда убедить его продолжать работу.

- Вы можете описать какие-либо операции?

- Нет, ведь они и сейчас должны продолжаться.

- А операции противников?

- Тоже продолжают. Они строго соблюдают принцип Черчилля: "Как важно и приятно знать все, что происходит в мире".

- Правда, что Пеньковский был двойным агентом?

- Это хорошая версия, чтобы путать карты. Носенко, когда он перебежал на Запад, несколько лет продержали в камере, боясь, что он - наша подстава.

- Как вы относитесь к браку по расчету между нелегальными разведчиками?

- Всегда был против брака по расчету. Я старался, чтобы они поняли важность друг друга. Я заставлял их постепенно вглядываться друг в друга. За двадцать лет я знаю только один случай, когда мы ошиблись. Служебная близость не переросла в личную. Люди вернулись и развелись.

- Что можете сказать о методах обольщения женщин?

- У нас этого не было.

- Не верю.

- Это вопросы особенностей вербовки женской агентуры

- Как вы готовили легенды ?

- Легенда похожа на китайскую корзинку. Дернешь за один прут - развалится. Должна быть привязка к реальной действительности. Если была, например, в доме кошка, то надо знать, как ее звали и что она вообще была. У одного разведчика однажды спросили: какая в том доме, где вы раньше жили, ступенька была с выбоиной? Их контрразведка потом проверяла, ответ совпал.

- И сколько таких ступенек? И про все он должен знать?

- Про все.

Из интервью главному редактору журнала "Российский кто есть кто" Святославу Рыбасу (№ 1 1996 г.)

ГЛАВА 1

В конце декабря 1994 года московское частное издательство "ВлаДар", возглавляемое В.Ю.Григорьевой и Г.Л.Гуртовой, небольшим тиражом выпустило мою книгу "Нужная работа (записки разведчика)".

Книга рождалась и печаталась трудно. С одной стороны, я сам не мог сразу коснуться такой острой темы, как нелегальная и специальная разведка, а с другой стороны, когда книга была написана и разрешена к печати руководством разведки, возникли трудности с ее опубликованием. За это не бралось ни одно издательство.

Книгу читали, хвалили, рекомендовали расширить, раскрыть вопросы, не относившиеся к компетенции автора, добавить "разоблачительную изуминку", обнажить

внутренние проблемы. Я вносил отдельные коррективы, но дело не сдвигалось с мертвой точки. Становилось ясно, что причина в другом - в отсутствии дегтя, которым усердно в последнее время мажут нашу разведку. Подчеркиваю: нашу. Так как эта разведка, от вещего Олега, Ивана Грозного, Петра I, Александра I... и до сегодняшнего дня, была и будет, пока существует Россия, только нашей, российской. И два последних периода ее истории - советский и постсоветский содержат много больше положительного, результативного, нежели того отрицательного, что с наслаждением смакуется зарубежной и отечественной прессой, комментирующей откровения предателей. Я не могу разделить бытующей точки зрения, согласно которой, безоглядное очернение прошлого способствует оздоровлению страны и общества. Скорее наоборот.

Поскольку книга была выпущена небольшим тиражом, ее появление не вызвало обычного для такого рода публикаций резонанса в нашей стране, но привлекло к себе внимание средств массовой информации ближнего и

дальнего зарубежья. Главы из нее печатались в газетах и журналах "Российский кто есть кто", "Сегодня" (Латвия). Группа Е.В.Ковалевой и И.Г.Свешниковой (РИА-Видео) сняла по мотивам книги фильм "Разведчик специального назначения", общественный просмотр которого, состоявшийся в Москве летом 1995 года, произвел переполох в спецслужбах ФРГ. Материалы книги также предполагали использовать для создания двухсерийного телевизионного фильма ленинградские кинематографисты. Бывшие разведчики спецназа Комитета госбезопасности, посетившие Москву в 1995-96 гг., увезли книгу в разные города России, и я был глубоко тронут их откликами. Видимо, мне удалось отразить то, что объединяло нас всех в трудной, но крайне необходимой, нужной работе.

Всегда рядом со мной служили преданные нашему народу и стране разведчики. Эта книга о них. Но есть в ней страницы и об изменниках: в серьезной борьбе - и тогда, и теперь - такие, к сожалению, появляются не только среди нас.

За два прошедших после написания книги

года совершилось много событий. Как частное лицо, пенсионер, я не смог остаться в стороне от сегодняшней бурной жизни. Старая привычка разведчика - наблюдать, собирать информацию и анализировать - пригодилась и президенту небольшого аналитического центра АО "НАМА-КОН" (Независимое Агенство Маркетинг и Консалтинг). Некоторые из этих наблюдений нашли свое место вразных главах книги, и надеюсь, они с интересом будут приняты читателем.

Москва, апрель 1999 г. Ю.Дроздов

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ГЛАВА 1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

^ ТТ:

Все, что видим мы, - видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.

Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей - не видна.

Омар Хайам

Вот уже пятый год, как я на пенсии. За плечами 35 лет службы в разведке. . . После публикации статьи "Нелегал" в газете "Труд" (02.06.92) ко мне обратились российские и зарубежные журналисты с просьбой рассказать о работе разведки в СССР. А в конце июля того же года знакомый нашей семьи, работающий в Вашингтоне, поделился с американским корреспондентом газеты "Вашингтон Таймс" Биллом Гертцем содержанием телевизионной передачи "Совершенно секретно", в которой пригласили участвовать меня и в которой я немного рассказал о нелегальной разведке.

Тема привлекла Б.Гертца, и через некоторое время на моем столе лежал факс из США: журналист просил принять его для обсуждения предложения, интересного нам обоим. Как видно было из /этого "послания"/, он активно занимался проблемой деятельности спецслужб и в последние годы написал об этом ряд статей. Знакомые сообщили также, что Б.Гертц относится к категории репортеров, которые пишут сдержанно и не искажают действительности, чего, к сожалению,

нельзя сказать о многих его коллегах. Для меня это обстоятельство стало решающим, и в своем ответе я согласился встретиться с ним в нашей фирме в середине сентября 1992 года.

Билл Гертц оказался приятным собеседником, мы с моими товарищами по прошлой работе провели в общении с ним несколько часов. В итоге в США за его подписью было опубликовано несколько достаточно объективных статей о работе нашей разведки. Б.Гертц меня не разочаровал, и я признателен ему за это.

Гость также передал нам пакет документов фирмы "Парвус Джерико", подписанных ее президентом Джерри Берком, бывшим заместителем руководителя Агентства по вопросам национальной безопасности США, который просил принять его в октябре 1992 г. для обсуждения вопросов возможного делового сотрудничества. Встречу он собирался приурочить к двухнедельной московской конференции ветеранов разведывательных служб США и бывшего СССР. На одно из мероприятий этой конференции, которое проходило в Центре общественных связей внешней

разведки и которое оказалось весьма интересным, был приглашен и я. Приветливое вступительное слово директора Центра Юрия Кабаладзе, представлявшего российских ветеранов, быстро развеяло напряженность. Рекомендуя собравшимся меня, он заметил, что с некоторой настороженностью относился к "наиболее загадочному подразделению разведки", которым мне пришлось руководить последние 12 лет службы. Эти слова вызвали оживление в зале. В перерыве некоторые американцы изъявили желание сфотографироваться со мной.

... С Джерри Берком мы договорились встретиться в "НАМАКОНе"... Прошло время. Берк иногда бывает у нас, и мы всегда рады его приезду.

Хорошие отношения установились у нас с американской фирмой "Каннистаро Ассошиэйтс" и "Алексис Лимитед". Владельцы этих фирм Винсент Каннистаро и Терренс Дуглас предложили нам деловое сотрудничество в области маркетинга и консалтинга для американских и российских предпринимателей.

Меня удовлетворяют отношения с такими партнерами, которых отличает оперативность, четкость и обязательность. Это вполне понятно, ведь оба они в прошлом сотрудники американских спецслужб и были нашими серьезными противниками. То, что мы стали деловыми партнерами, не перестает удивлять и нас, и их, но больше всего, по словам Джерри Берка, руководителей спецслужб США и России, наблюдающих, как нам представляется, за нашими контактами.

В феврале 1993 года Винсент Каннистаро и корреспондент журнала "Ю.С.Ньюс энд Уорлд Рипорт" Джерри Тримбл предложили мне написать серию статей для публикации в этом журнале или книгу для издания в Соединенных Штатах. В.Каннистаро передал мне копию своего письма в редакцию, содержавшего упомянутые предложения и представлявшего своего рода выжимку из имеющихся на меня данных в ЦРУ и ФБР США или почерпнутых ими из других источников, не лишенных доли фантазии и вольных догадок. Привожу письмо с незначительными сокращениями.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Винсент Каннистаро 1609 Лонгфеллоу
Стрит, Маклин, Вирджиния 22101

22 января 1993 г.

Передача по факсу

Господину Брайану Даффи Ю.С. Ньюс энд Уорлд Рипорт

Дорогой Брайан, Посылаю меморандум, подготовленный в дополнение к нашей встрече и беседе за ланчем 21 января с.г. В период моего пребывания в Москве я подписал деловое соглашение с недавно образовавшейся Российской компанией "НАМАКОН". Ее возглавляет Юрий Дроздов, бывший высокопоставленный сотрудник КГБ, который являлся начальником Управления "С" ПГУ (нелегальная разведка). Мы обсуждали с Юрием возможность написания им книги о своей работе и карьере в разведке, однако окончательного решения по этому вопросу он не высказал. Опыт, подготовка и квалификация Юрия уникальны для офицеров КГБ, о чем в настоящее время известно на Западе.

Управление "С" готовило и направляло сво-

их разведчиков за границу, которые действовали автономно и не ассоциировались с официальными советскими представительствами и учреждениями. Полковник Рудольф Абель, который был обменен Президентом Кеннеди на Фрэнсиса Гарри Пауэрса в 1962 году, является примером разведчика-нелегала. Что касается особого интереса, то Управление "С" располагает информацией по вопросам терроризма и специальных операций. Юрий возглавлял Управление, когда он получил в декабре 1979 года указания от Политбюро через Ю.Андропова направить в Кабул элитное подразделение, укомплектованное офицерами, владеющими языком фарси.

Дроздов располагает сведениями, относящимися к деятельности нелегалов как в США, так и в Европе. Он руководил разведывательной деятельностью преемника Абеля - "Георгия", который основал свою технологическую компанию в США и позднее стал субконтрактором Министерства обороны США по осуществлению программы и проекта ракеты "Титан". "Георгий" работал успешно в США на протяжении 15 лет, по-

лучая множество патентов по технологии вооружений, естественно передавая все в КГБ. С соответствующими деталями это могло бы послужить для написания интересных статей. Наряду с этим Дроздов и его коллеги располагают интересными архивными материалами, на основании которых подготовлены более чем на 40 часов заготовки для включения в фильм о деятельности КГБ. Здесь и дело Крогеров, Лонсдейла, деятельности нелегальной резидентуры в Европе, об операции по проникновению в БНД.

В последнем случае интересно участие Дроздова в 70-х годах в мероприятиях по использованию созданной неонацистской ячейки в Германии (фиктивной - Ю.Д.), когда он сам выступил в роли бывшего офицера СС, принимавшего гитлеровскую присягу от вновь завербованного члена организации.

Представляет большой интерес опыт общения и впечатления Дроздова от встреч с Юрием Андроповым, который лично курировал Управление "С" ПГУ как председатель КГБ и член Политбюро. Прошу сообщить мне, заинтересован ли жур-

нал во всем этом, чтобы мы могли определиться с заключением соответствующего контракта для работы над этим проектом.

Винсент М.Каннистаро"

Наши американские оппоненты уже в изменившихся условиях уделяют большое внимание изучению опыта своих бывших противников, считая это необходимым для знания истории специальных служб государств, противоборствовавших друг другу в период "холодной войны". С ними нельзя не согласиться. Но я не могу согласиться и с моими американскими коллегами Д.Берком, Б.Гертцем и В.Каннистаро, объявляющих меня "легендой", "легендарной личностью", человеком, прошлое которого, по западным представлениям, "уникально" для офицера КГБ. Такая оценка принесла мне лишь неудобства. Я не удовлетворил любопытства моих американских партнеров, ибо очень многое в их вопроснике выходило за рамки простого журналистского интереса. Однако после встречи с ними у меня возникло желание в допустимых пределах рассказать о своей работе российским чита-

телям.

Всего рассказать я не могу. Не настало время. О многих событиях написали другие. И тем не менее свидетельство непосредственного участника, а иногда организатора, надеюсь, будет небезинтересно. Я долго колебался, имею ли право поведать о пережитом. Думаю, что имею. Бывшие и нынешние руководители довольно откровенно обнажили страницы "особой папки". Наши недавние противники и теперешние партнеры открыто пишут об осуществленном в СНГ демонтаже бывших разведывательных структур СССР, но продолжают рассматривать "сотрудничество с традиционными противниками как определенный для себя риск"...

У нас тоже есть все основания рассматривать сотрудничество с американцами как определенный риск. Сейчас уже не секрет, что в 1945 году руководитель политической разведки США в Европе Аллен Даллес, будущий директор ЦРУ в своем обращении в Конгресс заявил:

"Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим

их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников-союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино - все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства.

Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства - словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточ-

ников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, - все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества."

Лично мне не забыть слов американского президента Г. Трумена, заявившего, что Соединенные Штаты должны завершить начатое Гитлером дело по разгрому Советского Союза. До сих пор помню и содержание подготовленного генералом Джеймсом Дулитлом для президента Дуайта Эйзенхауэра доклада, который лег в основу директивы НСБ США № 6412/1 от 12 мар-

та 61955г., предоставившей ЦРУ широкие права по проведению тайных операций, включающих в себя пропаганду, политические акции, саботаж, подрывные мероприятия, создание сил сопротивления, повстанческих групп и многое другое. Хорошо, если бы все это навсегда ушло в прошлое.

Сомнения не оставляют меня, когда мысль возвращается к высказываниям Г.Киссинджера ("Дипломатия"), З.Бжезинского("Великая шахматная доска") и выводам из геополитической обстановки в мире, сделанным президентом США Б.Клинтоном в октябре 1995 года.

Однако в нашей стране были преданы забвению многие нравственные и моральные ценности. Стремление к быстрым радикальным переменам, поспешность и недостаточная продуманность практических шагов со стороны преемников бывшего СССР осложнили и без того трудные условия возрождения России. Успех здесь возможен только при условии ее защиты от любого негативного или нежелательного влияния извне - в том числе спомощью разведки и контрразведки. Ради этого мы служили своей Родине. Пусть

также ей послужат те, кто пришел нам на смену в новой России. И пусть они не забывают о том, что в мире есть две профессии, представители которых в случаях крайней опасности первыми идут на риск, не щадя жизни,- разведчики и солдаты.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: ГЛАВА 1. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ

^ТТ:

Вступая в новую эпоху развития России, все мы должны прекратить не ведущие к созиданию словопрения и озаботиться судьбой страны. Мой опыт и возраст позволяют дать совет всем, кому дорого наше Отечество: чаще нужно заглядывать в историю родного государства, прежде чем искать "бескорыстных и искренних" советников и радетелей за рубежом, какое бы хорошее личное впечатление о них ни складывалось.

В военном и разведывательном искусстве древних китайцев есть учение о форме и содержании. Неизменность содержания, цели, при многообразии форм ее достижения - это то, что хорошо используется в последние годы в политической борьбе. Две с половиной тысячи лет тому назад Сунь Цзы писал, что самое лучшее на войне покорить чужую страну, не сражаясь. Просвещенные государи, - отмечал он, побеждали, так как знали все наперед.

Знание и расчет всего и вся у себя и у противников основа твоей устойчивости и силы государства. Нашим предкам эти правила были хорошо известны. "Россия слишком велика, говорил, напутствуя Николая II на царство, Александр III, чтобы иметь настоящих друзей, поэтому у нее есть враги, которые стремятся урвать лакомый кусок".

Разведка придумана не сегодня и не вчера: примеры ее использования уходят в глубь тысячелетий. А остряки даже утверждают, что сам господь бог стал первым в истории руководителем разведывательной службы - вскоре после то-

го, как он создал небо, землю и человека "по образу своему".

В бывшей Ассирии археологи раскопали царскую библиотеку, где были обнаружены глиняные донесения секретных агентов VII в. до н.э. Ганнибал, одержавший ряд блистательных побед над Римом, добивался их, во многом благодаря хорошо поставленной разведке, причем он и сам не чуждался этой профессии время от времени лично проникал в римский стан, перевоплощаясь с помощью парика и фальшивой бороды.

На Руси организованная разведка появилась сразу же после возникновения основ государственности. Вещий Олег, спускаясь в 882 г. по Днепру завоевывать Киев, послал вперед корабль с разведчиками, выдавшими себя за греческих купцов и сообщившими Аскольду и Дару об идущем следом - якобы для подписания договора в большом посольстве. Ничего не подозревающие князья явились на пристань, чтобы встретить его. Пред ними предстал Олег, окруженный "торговцами" и держащий на руках малолетнего Игоря. После взаимных приветствий важный гость

внезапно воскликнул: "Не вы князя, а мы князя Киева!" По его знаку Аскольд и Дар тут же были зарублены переодетыми в "свиту" телохранителями, и сотни выскочивших из судов дружинников завладели Киевом.

В 979 (980)г.Владимир (будущий "Креститель") привел из-за моря в Новгород варягов и начал вооруженную борьбу за киевский престол, вызываясь предупредив своего брата Ярополка (отправив к нему новгородских посадников), чтобы тот "пристроивался к битве".

Обладая силами и возможностями меньшими по сравнению теми, которые имелись в распоряжении киевского князя, Владимир возлагал большие надежды на разведку. Через лазутчиков выявил в окружении Ярополка жадного и тщеславного воеводу Блуда, которого и завербовал в агенты, пообещав в своем "прелестном (от слова "прельщать" - заманивать) письме", что тот ему будет "в отца место", если поможет захватить или убить своего князя.

Блуд выполнил задание. Напуганный его речами о якобы созревшем заговоре киевлян, Яро-

полк бежал из хорошо укрепленного Киева. А после долгой и изнурительной обороны в осажденной Родне снова послушался совета продажного воеводы и явился на переговоры в резиденцию Владимира. Но не успел туда даже войти: сопровождавший его Блуд перед носом дружинников захлопнул дверь на крюк, а два выскочивших из засады варяга пронзили Ярополка мечами под пазуху. Так Владимир оказался единоличным властителем всея Руси и начал захват новых территорий.

Перед каждым походом он подсылал лазутчиков, возбуждавших среди населения недовольство своими правителями, сеявших панику при приближении русских сил, а также распространявших слухи о жестокости Владимира к непокорившимся и о необыкновенной гуманности и щедрости к сдавшимся добровольно.

Но не всех могли устрашить такие угрозы. Например, слишком долго и безрезультатно пришлось Владимиру осаждать каменный Херсонес. Проклиная стойкость его защитников, князь собрался было уводить войско, как вдруг ему под-

несли прилетевшую из крепости стрелу с запиской агента: "На востоке от тебя колодезь; из него вода идет по трубе в город; откопай колодезь и перейми воду." Лишенный воды, город сдался на милость победителя.

Эпоха междоусобицы повлекла за собою изменение роли и функции разведки. Скудные ресурсы средних и мелких княжеств не позволяли содержать штат специальной службы, а потому ставка делалась на индивидуалов - "доброхотов". В атмосфере взаимных подозрений жизненно важной стала необходимостью иметь своего человека в окружении вероятного противника, насущные интересы которого, в свою очередь, требовали выявления такого тайного "доброхота".

Поскольку все князья были близкими родственниками и христианами - а христиане убийство родственника почитают за великий грех, они выбирали грех меньший: заковать побежденного или (чаще) заманенного в ловушку соперника и бросить его навсегда в темницу. Именно тогда обрело переносное значение, а с ним и вто-

рую жизнь древнее слово "крамола", происходящее от названия оковы кандалов, в которые заковывали узника. "Княже! Брат твой кует на тя крамолу" - не было для властителя более страшной вести от "доброхота". Такой сигнал требовал немедленного отпора князю-"крамольнику". Вносили свою лепту в междоусобную борьбу на Руси и внешние враги. Активно действовала против русских, укрепившихся на берегу Черного моря, разведка Византии. Желая воспрепятствовать росту могущества и влияния Тмутараканского княжества, Константинополь послал туда резидента, который под видом купца проник в окружение князя Ростислава и однажды, во время пира, на котором он был удостоен чести разделить чашу с самим правителем, погубил его. Отпив свою долю, он незаметно обмакнул в вино ноготь, под которым таился сильный, но медленно действующий яд. Через несколько дней князь умер в мучениях, о чем его "подданным" торжественно сообщил добравшийся до Херсона лазутчик. Однако "злой вестник" не учел популярности Ростислава: разъяренные жители до смерти избивали

его камнями.

Феодальная раздробленность, в числе прочих, послужившая причиной поражения Руси от монгольских орд и наступления ненавистного ига, не искоренила разведку. С особенной энергией она была развернута при подготовке Куликовской битвы. Хорошо информированный своими негласными помощниками о силах и возможностях противника, князь Дмитрий сумел предпринять все необходимое для того, чтобы, нейтрализовав верных Мамаю рязанцев, не допустить объединения татар и литовцев накануне сражения. Разведка определила численность подступавших врагов, а также помогла выбрать место, самое подходящее для встречи с ними, поскольку было самым неудобным для действий конницы.

После разгрома Мамаю авторитет Руси значительно вырос, так что вчерашние враги, литовцы, на некоторое время врагами быть перестали, озабоченные собственными проблемами, связанными с Тевтонским орденом. В 1410 г. рыцари этого ордена потерпели сокрушительное поражение у Грюнвальда от польских, литовских и рус-

ских полков. А в 1428 г. по приглашению великого Московского князя Василия Темного русские земли посетил его родной дед - литовский князь Витовт. В тот момент произошел весьма примечательный случай, все признаки которого свидетельствуют о существовании не просто разведки, но разведки нелегальной, направленной против нашего государства.

Своей веселостью и незаурядной находчивостью Василию пришелся по душе любимый шут гостя, по имени Курка, которого Витовт и оставил внуку, не устояв перед настойчивостью его просьб. Так Курка стал скоморохом князя Московского. Лишь четыре века спустя историки узнали о его истинном амплуа. В кенигсбергском архиве сохранились документы, утверждающие, что он был тайным агентом-рыцарем Тевтонского ордена, посланным сначала в Литву, а затем и в Московию. Все добытые и переданные им сведения регулярно докладывались магистру ордена Паулю фон Русдорфу. Как видно из донесений, перед разведчиком стояла задача получения информации, касающейся вооружений,

и прежде всего - количества и численности конницы; ибо в те времена государство, обладающее сильной конницей, считалось могущественным в военном отношении.

Вот одно из донесений Курки:

"Знайте, что я догнал великого князя на его четвертой ночевке по пути его из Трок до Смоленска. Поставлено ему вовремя встречи 27 сотен коней, не считая тех, которые еще ему доставят в Смоленске. Князь Сигизмунд, когда великий князь прибыл в его край, доставил ему 10 коней, а когда принял его в замке, доставил 200 коней (и кроме того, поднес в подарок дорогие меха, соболя и много татарских денег...). Затем мы поехали к Свидригайлу. Этот князь доставил 90 коней, много мехов, соболей и много денег... Знайте также, что у великого князя были и посольства из Великого Новгорода, Смоленска и постоянно приезжают к нему послы: от татарского царя, от турецкого султана и от многих христианских и нехристианских князей. Приезжают они с богатыми подарками - трудно было бы все описать, расскажу о том устно, когда возвращусь. Поручу-

чаю себя Вашей милости. Писано в Смоленске в день успения Божьей матери. Число коней превосходит три тысячи. Генне, до полудня рыцарь, после полудня шут, Ваш дворянин".

Могущество Московского государства действительно возрастало. Это очень тревожило соседей и вынуждало их вести разведку против Москвы. Карл Маркс писал об этом времени: "Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва замечавшая существование Москвы, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвиты". С ростом государства возрастала и потребность в разведывательной информации.

В XV-XVII веках Московское государство, как и большинство других, еще не сформировало особых централизованных органов, предназначенных специально для ведения разведки и контрразведки. Это приходилось совмещать с выполнением своих официальных

функций различным приказам, в первую очередь, Посольскому и Разрядному, главным правительственным учреждениям тогдашней Москвы.

Посольский приказ при Иване IV Грозном осуществлял дешифровку донесений иностранных послов и не без успеха вел контрразведывательную борьбу против экономического шпионажа Английской Московской компании (стремившейся достать образцы руд, раскрыть рецепты окраски тканей и кожи и т.д.). Чтобы затруднить деятельность разведок на территории России, Посольский приказ запрещал иностранцам носить русскую одежду и иметь русских слуг. При царском дворе был разоблачен английский агент Бомелин, выдававший себя за крупного специалиста в математике, астрономии и медицине. Любопытно, что ради засылки в Москву и выполнения своих задач этот крупный авантюрист был выпущен англичанами из лондонской тюрьмы Тауэр.

Посольский приказ раскрывал также и факты военно-экономической диверсии. Так, в

1648 г. было перехвачено донесение шведского резидента Поммеринга своему королю: "Как эти (иностранные специалисты) уедут отсюда, тульские и другие русские горные заводы не в состоянии будут вредить горным заводам Вашего королевского величества, ибо я достал Петру Марселису (владельцу тульского завода) плохого кузнечного мастера". Во второй половине XVII в. шведам удалось подкупить работавшего в приказе подъячего Григория Котошихина, который, однако, вскоре был разоблачен.

При Иване Грозном имелся Тайный приказ, возглавляемый могущественным боярином Василием Ивановичем Колычевым (по прозвищу Умной). По указу царя он объединил свое ведомство с Посольским приказом. После разгрома опричнины они сосредоточили свои усилия не на борьбе с внутренней крамолой, а на том, чтобы предотвратить попытки обострения внутренних противоречий, предпринимаемые иностранными тайными службами. Колычеву не удалось многого осуществить, ему мешали, ибо было видно, что всякий, ощутив силу, тянется к чужому.

В ведение Разрядного приказа постепенно перешло назначение воевод в порубежные города, где они занимались разведывательной и контрразведывательной деятельностью. Стольнику Бутурлину, направленному воеводой в 1630 г. в порубежные с Литвой Великие Луки, Разрядный приказ предписывал: "... которые люди учнут приходить в Луки из украйных и других городов... А ему тех людей ведать, записывать в книги... откуда и хто пришел и к кому имянем и для чево, и знатцы на них в Луках есть ли... и ему тех спрашивать исыскивать про них накрепко...

А того ему беречи накрепко... что на Луки из литовских городов и от русских воров, от изменников для лазутчества литовские и русские люди не ходили и с Лук к литовским людям для лазутчества потому же никто не ездили и не ходили опричь того, ково он посылает для лазутчества".

При Петре функции воевод перешли к генералам-губернаторам приграничных губерний, а функции отмененного Разрядного приказа - к Коллегии иностранных дел. Образованная

в 1718 году, она уже через год имела более десяти постоянных миссий в Западной Европе и странах Востока: в Польше, Голландии, Швеции, Дании, Австрии, Турции, Пруссии, Англии, Макленбурге, Шаумбурге, Венеции, Курляндии и Бухаре. Используя весь аппарат этих миссий, а также образованный чуть позже институт консулов, Коллегия успешно выполняла задачи разведывательного и контрразведывательного характера. Русская разведка в лице графа Толстого сорвала планы западных государств изменить неприемлемую для них тенденцию роста влияния России, прибегая при этом к "услугам" царевича Алексея. Последний, как известно, был разыскан и вытасчен из-под опеки кесаря Римского (австрийского императора), после чего предстал перед судом петровского Сената. Если Коллегия иностранных дел, помимо организации своих основных дипломатических задач, занималась разведкой, то функции центра контрразведки при Петре 1 стала выполнять Тайная розыскных дел канцелярия, созданная в связи с делом царевича Алексея (в 1762 году она была преобразована в

Тайную экспедицию при Сенате).

Обоим этим центрам удалось разоблачить и предотвратить покушение на жизнь самого Петра. Документы свидетельствуют о высоком патриотизме тогдашней российской разведки. Наши послы в Турции не жалели денег и подарков на подкуп местных должностных лиц, зачастую отдавая для этого и свои личные средства. Поэтому Петр был хорошо осведомлен о замыслах своего могущественного противника. Однажды в Стамбуле была получена информация, со всей срочностью переданная в Россию: "По велению султана турецкого велено господарю мультянскому(молдавскому) послать нарочно двух человек из греческих купцов в Российское государство под именами купеческими будто для торгового промыслу, а в самом деле для того, чтобы они всякими мерами промысл чинили: высокую персону его царского величества через отраву умертвить. За что ему, мультянскому господарю, от Порты обещано вечно иметь господарство и его наследникам". Государственный канцлер граф Головин дал указание о сыске "купцов", ко-

которые были арестованы в Москве. Помимо тщательно замаскированной склянки с ядом, у них были обнаружены несколько десятков тысяч червонцев и алмазы на большую сумму.

Разведка донесла и о готовившемся в 1712 г. секретными агентами Карла XII вооруженном выступлении пленных шведов, множество которых находились в Москве.

Иностранные державы продолжали подрывную работу и при преемниках Петра. Лейб-медик императрицы Елизаветы Лесток был завербован трижды: пруссаками за 10 тысяч рублей одновременно и ежегодную пенсию в 4 тысячи, французами - за ежегодный пенсион в 5 тысяч ливров и шведами (суммы не известны). Агент был разоблачен канцлером Бестужевым и заточен в крепость, а прусский посол был вынужден уехать. Послы пытались завербовать и самого Бестужева, но безрезультатно. Зато пруссакам все-таки удалось подкупить ставшего вице-канцлером графа Воронцова, польстившегося на 50 тысяч рублей и ежегодный пенсион. Этот аристократ охотно и небескорыстно оказывал услуги и

другим иностранцам. С его подачи-рекомендации при царском дворе произошла одна из наиболее загадочных "шпионских историй": императорской ночной чтицей в течение 10 месяцев состоял французский авантюрист д'Эон перевоплотившийся в очаровательную "девицу де Бомон". Подозрения Бестужева относительно этой "особы" перешли в уверенность, когда д'Эон вновь объявился в Петербуре уже в качестве секретаря французского посольства и, естественно, уже в мужском обличье. Свое поразительное сходство с де Бомон он объяснил тем, что является ее родным братом.

Однако похвалиться разведывательными успехами могли не только иностранные дипломаты: отечественные также вносили свой значительный вклад в обеспечение безопасности государства. В 1762 г. под руководством русского посланника в Гамбурге Ф.Гросса был завербован офицер французской разведки, желавший получить хорошую должность в России. При вербовке были получены сведения о французах Шарманто (офицер русской армии) и Казье (житель

Петербурга), работавших против России под руководством графа де Конфлана. После того, как данные поступили в Коллегию иностранных дел, группа прекратила свое существование.

Накануне присоединения Крыма русская разведка располагала многими "конфидентами" из числа постоянно проживавших там православных купцов (русских, украинцев, греков). На русскую разведку работали также приближенные к ханскому двору агенты и агенты влияния. Один из них - Якуб-ага, состоявший переводчиком при хане Керим-Гирее и получавший ежегодно по 900 рублей от русского консула в Бахчисарае. Когда в 1767г. престол занял другой хан и Якуб-ага потерял возможность вести разведку, он написал письмо, в котором, перечислив свои заслуги и указав на смертельный риск разоблачения, потребовал от русских заплатить ему "жалованье" за два года вперед - "для поправления обстоятельств" ("обрушившихся" в виде новой жены и нового дома). Осторожный генерал-губернатор Елизаветграда, руководивший разведкой в Крыму, предпочел с выплатой повременить, чтобы

испытать возможности "конфидента". Но нетерпеливый переводчик возмутился и ограбил одного из прибывших в Крым русских купцов - ровно на требуемую сумму, на что и указал тому в расписке, посоветовав обратиться за возмещением к генералу-губернатору.

Императрица Екатерина II, блестяще владевшая навыками разведывательной и контрразведывательной работы, в 80-е годы XVIII века пришла в крайнее беспокойство вследствие исключительной осведомленности французского правительства относительно содержания совершенно секретных документов, касавшихся внешней политики. Подозрения не без оснований пали на французского посла графа Сегюра, но, несмотря на все усилия, обнаружить источник, через который происходила утечка информации, не удалось. Разоблачить чужого "конфидента" было поручено разведчику И.Симолину - русскому послу в Париже, блестяще справившемуся с заданием.

В апреле 1791 г. он доложил вице-канцлеру И.А.Остерману: "Нашему confidentу удалось

найти для меня источник получения самых достоверных сведений об осведомителе графа Сегюра, которого он имеет в нашей Коллегии иностранных дел. Отчет об этом я дал ее императорскому величеству также в приложении к сему письму". В докладе Екатерине посол писал: "Я постарался получить эти сведения из источника, который не может возбудить ни малейшего сомнения или подозрения в его достоверности. Осмелюсь приложить к сему экстракт (выписку), полученный из Бюро фондов иностранных дел, в котором обозначено имя получателя и время вознаграждения, выданного лицу, которое в последние три года записано под именем Скрибса". К донесению была приложена расписка конфидента: "Я клятвенно удостоверяю, что эти сведения получены из Бюро фондов иностранных дел (бухгалтерия МИДа) и что я видел оригинал, на котором значатся имена".

Этих данных оказалось достаточно, чтобы выявить и арестовать надворного советника Ивана Вальца, завербованного тремя годами раньше за ежегодные 3 тысячи рублей.

В начале XIX века в Европе бушевали многочисленные войны, к которым так или иначе была причастна и Россия. В 1809 г. она объявила войну Швеции, в результате которой присоединила к себе на правах автономии Финляндию. Во время подготовки кампании эффективно поработала русская разведка, которая опиралась на патриотически настроенных шведских офицеров финского происхождения - некоторые из них раскрывали перед русскими ворота осажденных крепостей. Современные финские историки убеждены, что начавшая войну Россия подняла на своем щите самосознание финской нации. Шведский король был низложен собственными офицерами, а на его место был приглашен Бернадотт, один из безродных наполеоновских маршалов.

Через три года, после нападения Наполеона на Россию, тщеславный Бернадотт, мечтавший о французском троне, будучи завербованным русской разведкой, принялся снабжать царя Александра ценной информацией о французском императоре.

Вообще, во время войны 1812 года, разведка

сыграла далеко не последнюю роль - во многом благодаря тому, что большинство русских дворян французским языком зачастую владело лучше, чем родным. Особенным дерзновением отличался Александр Фигнер (друг Дениса Давыдова), которому удавалось добывать ценнейшие сведения, выдавая себя то за итальянского negociанта, то за французского офицера и попадая в самые невероятные по степени риска ситуации. Сравнить эту легендарную личность, истинного героя Отечественной войны можно только с героем войны Великой Отечественной - с нашим партизанским разведчиком Николаем Кузнецовым.

До завоевательных войн на Кавказе и в Средней Азии Россия слабо представляла себе мусульманский мир и по сути первыми учеными, дотошно и последовательно занявшимися изучением новых регионов, стали кадровые русские разведчики из Военно-учебного комитета Главного штаба. Они разработали "Наставление и программу вопросов для туземных разведчиков, посылаемых в малоизвестные страны Средней Азии", которые были переведены на персидский

язык русским консулом в Афганистане. Среди 70 пунктов Программы встречаются, например, и такие (60-65):

"- Есть ли у владельцев страны постоянное войско или нет? Если постоянное войско есть, то сколько, примерно, человек пеших и конных? Все ли это войско живет в одном городе или стоит по разным городам?

- Откуда это войско взялось: составлено ли оно из жителей самой страны или из людей другой какой-либо страны и какой именно?

- Если войско составлено из жителей своей страны, то как оно набрано: от селений или отдельных домов, силой, за плату или вместо подати?

- Есть ли пушки? Если есть, то сделаны ли они в самой стране или привезены и откуда, а именно?

- Чем солдаты вооружены? Имеют ли они ружья, пики, сабли? Если ружья имеют не все, то из скольких человек один вооружен ружьем? Какие ружья, сделаны ли они оружейниками самой страны или откуда-нибудь привезены и откуда

именно? Как они заряжаются: сзади или спереди?"

Известно, что примерно тогда же в Средней Азии действовали и английские разведчики, собиравшие подобные сведения. Уличенные в этом, они подвергались жестокой казни.

Что касается деятельности нашей разведки во время похода русской армии на Балканы и освобождения Болгарии, то дошедшие до нас сведения немногочисленны. Однако можно утверждать, что для сбора данных широко привлекались жители южнославянских территорий.

Наступил двадцатый век, почти сразу ввергнув Россию в позор русско-японской войны, к которой она оказалась совершенно не готовой.

Русские разведчики, работавшие во время военных действий в Манчжурии, отмечали исключительную сложность добывания оперативной информации. Китайцы ненавидели японских захватчиков, установивших массовый террор на оккупированной территории, но те, в отличие от европейцев, хорошо понимали особенности местного населения и умело использовали это пре-

имущество в борьбе против русских. Все население имело на руках японские удостоверения; оказавшийся в зоне видимости неместный китаец тут же попадал под подозрение и передавался японским властям. Наказание лазутчиков было устрашающим после пыток их на глазах населения живыми закапывали в землю. Зная об этом, некоторые лазутчики обманывали офицеров разведки: получив деньги, добирались лишь до населенных пунктов нейтральной зоны, отсиживались там и в лучшем случае расспрашивали беженцев, покупали японские административные справки, служившие подтверждением того, что они якобы "побывали на той стороне". В худшем случае они передавали выдуманные сведения, на основании которых иногда принимались серьезные военные решения.

Однако и в этих трудных условиях русским разведчикам удавалось извлечь преимущество из китайско-японской вражды для ведения разведки и диверсий в тылу японцев. Например, в историю разведки прочно вошло имя ротмистра В.Шварца, разведчика-диверсанта, использовав-

шего в японском тылу боевые отряды из китайских хунхузов (бандитов) для нанесения ущерба противнику.

Накануне Первой мировой войны наша разведка имела большие заделы в военных и промышленных сферах Европы- как в Австро-Венгрии, так и в Германии. Дело поставлено было таким образом, что русские конструкторы-оружейники, приехав инкогнито в Германию, могли воочию детально ознакомиться с самыми последними образцами немецкого оружия. А начальник Генерального штаба австрийской армии (чех по матери) полковник Рейдль преданно служил России.

После революции исчезли и разведывательные и контрразведывательные службы Российской империи. Однако ни одно государство не может существовать без специальных служб. "Каждая революция, - констатировал в своей крылатой фразе В.И.Ленин, - лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться". Для защиты революции и нового государства были созданы ВЧК и ее разведывательный орган - ИНО (Ино-

странный отдел), а также подразделения разведки в Генштабе Красной Армии.

Обе эти структуры решали специфические задачи, иногда соревнуясь, соперничая, дополняя информацию друг друга, используя легальные и нелегальные возможности (агентуру и разведчиков-нелегалов), а когда это было необходимо взаимодействуя с подразделениями специального назначения.

В литературе обычно указывается на то, что в основу деятельности разведки был положен богатейший опыт нелегальной работы партии большевиков. Однако советская разведывательная служба не сумела бы стать на ноги и окрепнуть, если бы ее не поддержали сложившиеся еще при царском режиме профессионалы. Соответствующий персонаж романа В.Пикуля "Честь имею" не голая выдумка. Подобные случаи слабо отражены в литературе, но это вовсе не означает их неправдоподобия.

В частности, один из царских разведчиков, А.Н.Луцкий, до революции работавший в Японии, перейдя на сторону советской власти, щедро де-

лился своим опытом со сподвижниками. Будущий начальник ИНО М.А.Трилиссер очень многому у него научился.

В феврале 1920 г. Луцкий стал членом Военного Совета и начальником контрразведывательной службы Приморья, но в апреле был арестован японцами и белогвардейцами. После жестоких пыток он был сожжен в топке паровоза вместе с С.Лазо и В.Сибирцевым. Большинство разведчиков царской России порвали с нею связи. Однако известны примеры, когда эти разведчики устанавливали контакты с советской разведкой и продолжали служить своей стране.

* * *

Поскольку специфика работы спецслужб не допускает огласки и многие имеющие к ним отношение дореволюционные архивы были уничтожены, история русской разведки оказалась недостаточно изученной. Но даже на основе тех немногих доступных нам материалов можно сделать вывод, что главная черта российских разведчиков, людей самых разных национальностей, неизменна: беззаветный патриотизм, забо-

та об интересах единого и могучего государства, любовь к своему Отечеству. Это поддерживало их и в самые тяжелые периоды истории.

Наша внешняя разведка, даже в условиях внутреннего террора, даже испытав на себе удары 30-40-х, когда незаслуженному осуждению и репрессиям подверглись несколько десятков разведчиков-нелегалов (достаточно вспомнить судьбу Дмитрия Быстролетова), продолжала выполнять свой долг перед Родиной. Она своевременно предупредила о готовившемся нападении гитлеровской Германии на нашу страну, а в годы войны перебросила в тыл немцев около 2000 групп разведчиков специального назначения с информационными и диверсионными заданиями.

В закрытых фондах Службы внешней разведки, в закрытом музее бережно хранятся материалы по ее истории. На мраморных досках славы и почета золотыми буквами навечно высечены имена разведчиков и руководителей разведки, которыми может и должна гордиться наша великая Родина. Среди них - имена нелегалов

и разведчиков специального назначения. В ближайшее время, когда будет издана История российской разведки, широкая общественность сможет познакомиться с некоторыми фактами, пока сосредоточенными в секретных учебниках, обзорах и делах-формулярах.

Можно смело утверждать, что разведывательная служба России является преемницей лучших традиций отечественной разведки минувших веков.

ГЛАВА 2. ВМЕСТО АНКЕТЫ

Меня всегда упрекали в том, что из моих записей не посвященный в предысторию мало что может почерпнуть. Да, но ведь мало кто в своих заметках, дневнике обнаруживал следы любопытства других. Скажите, вам понравилась бы в вашем дневнике фраза "Пишите, но думайте о содержании ваших впечатлений жизни. Иногда плохие последствия для автора вытекают из дневника. Т.Кислицын"? Взводный проверил 6 марта 1944 г. записи курсанта и... предупредил. Каких-либо плохих последствий я на себя не навлек, но выводы сделал: писать короче, четче, не

давать понимать себя двояко.

Так что же рассказать о себе?

Я родился в 1925 г. в Минске в семье военнослужащего. Если верить архивным данным, мое рождение было отмечено тем, что коллектив служащих "Белбумтреста", где работала мать, преподнес ей поздравительный адрес, а мне "соску советского производства".

В Минске есть большой мост, переброшенный над железнодорожными путями, бегущими в сторону станции Негорелое и далее к Польше и Литве. В детстве, в самом начале 30-х годов, я любил поджидать идущий внизу по рельсам поезд и с тревогой ожидать, когда меня окутает облако дыма и пара, поднимавшееся из паровоза выше моста. Затем я перебежал на другую сторону моста и долго смотрел вслед поезду, пока он не скрывался из виду. Стальная колея звала в дорогу перестуком вагонных колес на стыках. Мать чувствовала: это пробуждение духа странствий, страсти к скитаниям, к непоседливой жизни. Она оказалась права. Жена и сегодня говорит, что из-за меня у нее все время сборы, дороги и опять

сборы в дорогу. . .

Отец мой, Иван Дмитриевич Дроздов, был офицером русской армии. Участвовал в Первой Мировой войне, воевал на Юго-Западном фронте. За храбрость получил Георгиевский крест и удар широким австрийским штыком в грудь. Но остался жив. После 1917 г. служил в Красной Армии. Все годы Гражданской войны провел на фронтах. Там же познакомился с моей матерью. Потом служил на разных должностях в Белоруссии и на Украине. В первые дни Великой Отечественной войны ушел на фронт и был тяжело ранен под Старой Руссой: разрывная пуля вырвала одно легкое. Полтора года он провалялся в госпитале, а затем служил начальником штаба одного из военных училищ и на военной кафедре Казанского Университета. Так что доживали родители свой век в Казани, где когда-то отец начинал свою службу в русской армии.

Мать, Анастасия Кузьминична Дроздова (Панкевич) - дочь садовника помещичьего сада под Лепелем, что в Белоруссии. Вдовец-помещик дал ей возможность закончить гимназию, сек-

ретарские курсы и устроил машинисткой на английскую бумажную фабрику в Переяславле-Залесском.

Дед по матери Кузьма Панкевич крепко засел в моей памяти. После революции он служил сторожем на Лепельском кладбище. Его избушка в одну комнату почти вплотную примыкала к кладбищенской роще. Дед был молчалив, по-настоящему стар. Он строгал для меня из тонких жердинок удочки и уводил ловить рыбу в одном из затончиков старой Мариинской системы, построенной еще во времена Петра I и Екатерины II. В период Гражданской войны в Лепеле были поляки. Поляков дед не любил. Он не мог им простить, что польский жолнер тогда уволок у него оловянную мельницу.

Дед прожил более 90 лет и умер в 1943 или 1944 году. Точно не знаю. В 1975 г. перед отъездом в Нью-Йорк мы с женой во время поездки на машине по местам детства посетили Лепель. С большим трудом, после многочисленных распросов местных жителей нам удалось отыскать старую кладбищенскую сторожку, которая теперь

приютила других людей. (Я сфотографировал ее и послал фотографию матери. После долгих изучений она и ее сестры из Витебска и Шклова признали избушку своей.)

О дедде там уже почти никто ничего не знал. Только старожилы, которых мы обнаружили в одном доме, припомнили несколько скудных фактов. Во время войны дед ушел в партизанский отряд; зимой 1943 г. заболел и, видимо, покинул отряд. Умер недалеко от своей избушки: его нашли мертвым на какой-то могиле.

Для меня он - как дед Талаш из "Дрыгвы" ("Трясина") Якуба Коласа: простой, добрый, отзывчивый и негнибаемый человек.

* * *

В 1937 г. отца перевели из Минска в Харьков, в одно из военных училищ. Моя жизнь и учеба в украинской школе началась, можно сказать, с первого диктанта на уроке украинского языка, когда я умудрился наляпать на одной странице 39 ошибок. Так я соприкоснулся с "иностранным языком". Пришлось взяться за ум. Помогли книги. Я стал читать по-украински, полюбил этот

живой и интересный язык, стал "гакать", что потом долго давало о себе знать. Примерно с 1938 г. начал заниматься в различных кружках Харьковского Дома Красной Армии: в зоологическом (поэтому, наверное, безумно люблю собак и прочую животину), в кружке исследователей Арктики, где познакомился с суровой историей освоения наших северных просторов. Надолго, почти до начала Великой Отечественной войны, осел в детской драматической студии ДКА, которой руководил артист харьковского театра русской драмы Виктор Иванович Хохряков. Из этого кружка-студии вышли интересные люди. Кто? Да вот, хотя бы, известный и многолетний руководитель "Кохинора", что при ДК Союза архитекторов, В.Косаржевский. Мы учились в одной спецшколе, занимались в одном драматическом кружке, закончили одно артиллерийское училище и вместе ушли на фронт. Потом жизнь развела нас в разные стороны.

Первые 12-13 лет жизни рос я дохлым, болезненным мальчишкой. Перенес, кажется, все болезни, разве что кроме "воды в коленке". До-

нимали меня воспаления легких и всевозможные осложнения. Это переполнило чашу терпения родителей, особенно отца, и они "бросили меня на выживание" в суровые лагерные условия воинской части. Сосновый лес и простая солдатская пища положили конец всем недугам. Мне было 14 лет, когда отец положил передо мной книгу "Артиллерия", сказав, что это моя профессия. Я сразу же углубился в эту книгу и осенью следующего года уже был зачислен в специальную артиллерийскую школу.

Начало Великой Отечественной войны застало нашу семью в Харькове. С началом боевых действий курсантов спецшколы отозвали из летних лагерей и направили на танкоремонтный завод помогать ремонтировать танки, прибывавшие с фронта. Это было первое конкретное знакомство с проделками жестокой войны, жертвой которой уже стал отец.

Каким-либо репрессиям, гонениям не подвергался, но в 1942 г. в Актюбинске пришлось пережить строгое, с угрозой исключения из комсомола, обсуждение на общем комсомольском собра-

нии артспецшколы за попытку бежать вместе с тремя другими товарищами в Сталинград, в танковое училище.

А 1944-м, после подготовки в 1-ом Ленинградском артиллерийском училище г. Энгельса, уезжал на фронт. Уезжал романтиком, ответив отказом на предложение остаться в училище командиром учебного взвода и обрадовавшись назначению командиром взвода в противотанковом артиллерийском дивизионе одной из гвардейских дивизий 1-го Белорусского. Мною двигало желание бороться и быть вместе с уходившими на фронт друзьями детства. Я понимал, что могу и погибнуть. Этого больше всего боялась мать, а у меня в голове стучали слова Франсуа Тибо из "Рассуждений о свободе человека": "... И если в последней борьбе враги одолеют тебя, не падай духом, не смиряй сердца. И если тебя закуют в железо и бросят в темницу, в которой мрак, холод и одиночество, не плачь и не бейся в безумии головой о холодные стены. Помни, нет таких засовов, нет таких решеток и каменных стен, которые устояли бы против твоей воли к победе.

И если тебя поведут на эшафот, не бойся, пой песни, смейся в лицо своим палачам. Помни - победа

твоя бессмертна, сколько бы ни хрустнуло шейных позвонков под топорами палачей на площадях всего мира. . . " .

Никаких геройских подвигов в ходе боевых действий мне совершить не пришлось. Война - это страшная кровавая работа, тяжелая и безжалостная, и чтобы выжить самому и другим, я просто старался делать ее добросовестно, насколько это было возможно младшему лейтенанту в неполные девятнадцать лет. Войну закончил в Берлине, затем служил в Германии и Прибалтийском военном округе помощником начальника штаба артиллерийского полка.

В 1952 г. поступил в Военный институт иностранных языков в Москве. На мандатной комиссии начальник института генерал Ратов спросил меня, какой язык мне хотелось бы изучать. Я ответил: "Немецкий". Он окинул меня взглядом и бросил: "Подходишь". Видимо, это определило мою дальнейшую судьбу.

Я был зачислен на 4-й факультет (разложение войск и населения противника), с большим интересом изучал немецкий и английский языки, другие специальные дисциплины. Годы, проведенные в ВИИЯ Советской Армии, несмотря на крайне напряженный ритм учебы, обогатили знаниями, которые пригодились во всей последующей жизни. Когда в 1956 г. сокращали Вооруженные Силы СССР на 1 млн. 200 тыс. человек, и наш институт попал в число ненужных военных учебных заведений, трудно было понять, как могло прийти в голову решение о ликвидации бесценной базы подготовки кадров, нехватка которых ощущалась уже в период расформирования.

Я женат. Мы познакомились уже в конце войны. После освобождения Варшавы в одну из пауз в Висло-Одерской операции 1945 г. я на пару недель оказался в полевом госпитале 3-й Ударной Армии, где мы и встретили друг друга. Моя жена, Людмила Александровна Дроздова (Юденич), моя ровесница, родилась в с. Жихарево Бельского уезда Нелидовской волости Западной (Калининской) области. Мать, Мария Михайлов-

на Качановская, воспитала ее прямой, честной, немного резкой, отзывчивой, но непреклонной. Все, что она рассказывала о себе, все, что я видел сам, бывая на ее малой родине, достойно отдельной книги. Ранней голодной весной 1943 г. она пришла в село Займище Калининской области и поступила в полевой армейский госпиталь и прошла вместе с ним до окраин Берлина, сделав для нашей общей Победы все, что смогла. В конце октября 1993 г. ей вручили орден "Великой отечественной войны II ст.", который разыскивал ее с 1985 г. В наше бурное время не так легко найти человека даже в Москве. . .

Поездка 1975 г. по местам детства жены привела нас в деревню Монино, что под Нелидовым, где прошли первые годы ее жизни. Никаких следов, кроме остатков фундамента от дома, да разросшихся буйно кустов и деревьев на берегу Межи найти не удалось. В соседней деревне мы разыскали старую учительницу Ольгу Ивановну, бывшую подругу матери жены, доживавшую свой век в старой полусгнившей избе на краю деревни. После наших объяснений она узнала Людмилу

Александровну, вспомнила ее мать. Мы провели у нее целый день, сварили хороший обед, свозили в магазин за продуктами. Ольга Ивановна была почти полностью слепа. К ней почти ежедневно прибегали помочь ребятишки, дети бывших учеников. А некоторые из бывших учеников, ставшие местными районными и сельскими руководителями, представителями власти, спешили мимо, забыв, что она их вырастила и воспитала. Она не обращала на это внимания. Но тому, кого она все-таки встречала, доставалось за все. И почти слепая, она продолжала следить за жизнью района и влиять на нее в меру сил.

Жена и Ольга Ивановна долго проговорили друг с другом, вспоминая прошлое. Несколько лет назад старая учительница умерла.

Все эти 35 лет, отданных разведке, жена была рядом со мной. Она умеет молчать, напряженно ждать и ждать, ограничивая себя из-за моей работы во многом. По звуку мотора моего "Фольксвагена" она узнавала, все ли у меня сошло гладко. В 1966 г., вернувшись домой после тайниковой операции, на которую я сам не мог

выйти из-за плотной слежки, она бросила мне на колени контейнер с пленками и сказала: "Возьми. Теперь я знаю, почему вы кончаете инфарктами". Почти всем в своей жизни я обязан ей, ее умению быть рядом с человеком тревожной судьбы.

У меня два сына. Служат Родине. Один внук, две внучки и один правнук. На Дальнем Востоке в г. Уссурийске живет моя сестра Нина Ивановна Заболотная с семьей.

Я не знаю, что можно рассказать о своей, как говорят, "карьере" особенного. И в армии, и в разведке мне приходилось работать с совершенно разными по складу характера людьми. Все было, как в жизни каждого человека: друзья, товарищи, сослуживцы, противники, может быть, и ненавистники, партийные взыскания (даже сидел на гарнизонной гауптвахте), переживания из-за задержек в присвоении очередного воинского звания, неустроенности с жильем (квартиру получил в 1962 г.). . . . Были и "некоторые недостатки", но часть из них считал и считаю, вопреки мнению отдельных руководителей, положитель-

ными качествами. Словом, в моем личном деле, видимо, сосредоточено все то, что составляет разностороннюю характеристику человека.

Все? А увлечения, пристрастия? Люблю лес и автомобильные путешествия. Бывали отпуска, когда из-под колес моего "Жигуленка" убежали тысячи километров дорог. На восточном Валдае есть "мое" озеро Волчина, где в последние 15 лет мы частенько разбивали нашу палатку и вели удивительно интересный, дикий образ жизни. Там, между Вышним Волочком, Удомлей и Максатихой, спрятался скромный, неповторимый уголок нашей России. Путешествовали всегда втроем: я, жена и ротвейлер Вильма. Из путевых заметок и того, что сохранила память можно написать отдельную книгу. В санаториях КГБ и других был всего лишь трижды за все годы службы. Невозможность найти меня во время отпуска вызывала неудовольствие руководства, но я регулярно оставлял оперативному дежурному номер своей автомашины и маршрут движения, что иногда выручало.

Раньше увлекался фотографией, с годами

пристрастие угасло. Теперь люблю возиться с деревом. Жадно щекочущий ноздри запах стружки иногда наводит меня на мысль, что мог бы овладеть и специальностью деревообработчика. Но не вышло. Люблю книги. Особенно К.Паустовского, В.Пикуля и Б.Васильева (за его роман "Были и небыли"), вообще исторические романы, хроники. Кажется все. Получилось даже шире, чем вопросы в анкете.

Когда судьба сделала меня руководителем, понимая характер своей работы, я всегда отдавал предпочтение служебным отношениям. Это не допускало со стороны подчиненных панибратства, облегчало решение сложных и острых оперативных вопросов, делало требовательность разумной, а исполнительность обязательной. В конце концов это было залогом успеха, удачи, а точнее достижения результатов. Мне пришлось встречаться, общаться со многими людьми, большинство из которых можно назвать знакомыми, сослуживцами, приятелями, коллегами. К каждому из них я старался относиться с доброжелательностью и отзывчивостью. Но не обошли

меня стороной и негативные моменты человеческих отношений: обман, оговор, клевета, разочарование и отчуждение.

Блиzkих друзей не много. И не только потому, что много их иметь не позволяла профессия, но и потому, что настоящих друзей много вообще не бывает. У меня их трое: Владислав Навротский, Василий Михайлец и Борис Бурштейн. Они удивительно разные по характерам, но с ними легко и уверенно. Мы все бывшие офицеры, нас сроднила война и служба в армии. Жизнь разбросала нас по разным городам России, встречаемся сейчас редко, но эти редкие встречи - праздник большой солдатской дружбы, прямоты и откровенности в отношениях друг с другом.

ГЛАВА 3. 6 ЛЕТ В ГЕРМАНИИ

В 1956 г. я был переведен из кадров Советской Армии в Комитет государственной безопасности. Не знаю, как поступали на службу в КГБ другие, но я, получив тем летом такое предложение, попросил время подумать до утра следующего дня. Самый тяжелый выбор предстояло сделать моей жене. Мы провели с ней вечер в разду-

мьях на уединенной скамейке сквера у Андроникова монастыря (на площади Прямикова). Оба понимали, что должны решиться на серьезную перемену во всей своей жизни, которая и без новых забот у бесквартирного армейского капитана была нелегкой. Жена говорила, что эта работа отнимет меня у нее и у сыновей, разрушит семью, лишит знакомых и привычного образа жизни. Она справедливо опасалась новых мотаний по частным квартирам, когда приходилось половину жалованья отдавать за жилье, угождать хозяйкам квартир, трястись от боязни, что в середине школьного учебного года потребуют освободить комнату. Я и соглашался с нею, и возражал, не скрывая, что сделанное предложение меня заинтересовало, что оно позволит использовать полученные в ВИИЯ знания, увидеть другие страны, несколько улучшить материальное положение и, может быть, решить вопрос с жильем. В конце концов решение было принято. И ни я, ни моя жена о нем не жалеем, хотя многие ее тревоги подтвердились: изменилась вся жизнь. С этого момента все в семье было подчинено другим

жизненным законам, обязанностям, ограничениям. Содержанием жизни стало многообразное и разноликое поле разведывательной работы.

Весной 1957 г. мне предложили стать разведчиком-нелегалом. (Можно было догадаться, что в этом "виноваты" две мои прекрасные преподавательницы, которые, по всей вероятности, поделились с руководством своей оценкой "качества" моего немецкого языка.) Я отказался, сославшись на возраст (больше тридцати лет - это мне тогда казалось очень много) и броский внешний вид (лыс), на то, что обременен семьей. Но обойтись без службы в нелегальной разведке все-таки не смог. В августе того же года я с семьей выехал в Берлин в Аппарат Уполномоченного КГБ СССР при МГБ ГДР.

С тех пор прошло 35 лет. Я с большой теплотой вспоминаю своих первых руководителей А.М.Короткова, Т.Н.Бескровного, Н.М.Горшкова, Н.А.Корзникова, Б.Я.Наливайко, В.И.Кирюхина, С.И.Буянова, А.А.Корешкова, других сотрудников нелегальной разведки, имена которых не имею права называть, и благода-

рен им за их участие в моем становлении как разведчика в боевых условиях. Это они шли на риск, поручая и доверяя мне и другим, таким, как я, выполнение оперативных заданий. Каждый из них - героическая страница в истории внешней разведки. И каждый из них достоин отдельной книги.

Я начал свою работу в нелегальной разведке рядовым оперативным работником. Да и за эту первичную должность пришлось побороться. Берлинские кадровики, решавшие мою судьбу, пытались назначить меня оперативным переводчиком. Я отказался и попросил откомандировать меня на Родину. Резкий отказ стал причиной вызова к Уполномоченному КГБ в ГДР генералу А.М.Короткову.

- В чем дело? - сухо спросил он.

- Я прошу назначить меня на должность, близкую хотя бы по окладу той, что я занимал в Армии.

- Но Вы же ничего у нас пока не знаете.

- Но и Ваши сотрудники не все знают и умеют. Не могут же они спланировать наступление

артиллерийского полка.

- Согласен. Идите и работайте. Мы еще встретимся и поговорим.

Второй раз кадровики приняли меня приветливее и отправили в отдел нелегальной разведки к одному из ее руководителей полковнику В.И.Кирюхину.

В его кабинете я застал группу сотрудников, критически посмотревших на бывшего армейского капитана.

Мы познакомились. Мне пришлось обстоятельно ответить всего лишь на один вопрос: могли ли я сделать жизнь другого человека. С тех пор прошло столько лет, но я помню этот вопрос... "Сделать жизнь" можно, но как же это трудно, каких требует знаний, сколько разных особенностей нужно предусмотреть, чтобы ожила, заговорила и принесла пользу придуманная и отдокументированная тобой жизнь иностранца, в которого превращался советский разведчик.

Этот участок работы в нелегальной разведке - самый трудоемкий, даже нудный, но наиболее важный. Разведчики-документальщики на-

зывают себя "Союзом неформалов", подчеркивая недопустимость шаблона. Уже через 10 дней после приезда в Берлин они окунули меня в разведывательную работу, наблюдая за моими действиями и строго управляя ими. В это же время я познакомился с разведчиками ГДР, общение с которыми много помогло мне в изучении Германии и совершенствовании немецкого языка.

В 1958 г. в одной из мастерских Лейпцига меня спросили: "Откуда ты, земляк?" (Von wo bist du denn, Landsmann?). "Из Силезии", - ответил я немцу. Мы разговорились, и мой язык не вызвал у него подозрений. Но робость и неуверенность все еще не проходили. Чтобы преодолеть самого себя я часами мотался по Западному Берлину, слушал речь немцев, впитывал ее эмоциональную окраску, старался перенять манеру поведения. Пришлось перечитать массу разнородной литературы и писанины. Помню, для "освоения" вульгарного юмора както прихватил "листовку-откровение" директора Шарлотенбургской общественной уборной с разъяснениями относительно поведения лиц мужского пола, посещающих

это заведение. Большую пользу принесли и лекции по искусству подражания, которые я слушал в западноберлинской театральной школе "Макс Райнхардт театршULE", с благодарностью вспоминая нашего народного артиста В.И.Хохрякова, руководившего перед войной детской театральной студией Харьковского дома Красной Армии. Как все пригОдилось.

В начале 1959 г. произошло незначительное событие, после которого я почувствовал себя увереннее и спокойнее, выступая в роли немца. Истоки этого события уходят в далекие 1946-1947 гг. Ранней весной по каким-то делам мне пришлось побывать в небольшом немецком городке Вернигероде, раскинувшемся на восточном подножии Гарца. Покончив со своими делами, я и мой спутник К.Калашников отправились в обратный путь в Берлин, оставив позади Гарц, далекую, покрытую туманом и облаками, гору Брокен, прихватив по просьбе немецких друзей сестру одного из местных сотрудников госбезопасности Бригитту.

Мы миновали Бад Бланкенбург, который

местные жители называют "городом тысячи девушек" (вроде нашего Иванова), и взяли направление на Магдебург. Я сказал Бригитте, что с этим городом, а особенно с небольшим уездным городком Бург, где мне пришлось служить после войны, у меня многое связано.

В 1946 г. наша 52-я гвардейская стрелковая дивизия 3-й Ударной Армии была преобразована в 22-ю механизированную дивизию, и один из ее полков, в котором я служил, стал гарнизоном в Бурге.

Мы с приехавшей ко мне в начале марта женой разместились в домике автослесаря Иоганна Мюллера на окраине городка на Розенплатц. Напротив, в таком же домике, поселился мой товарищ по спецшколе, училищу и фронту, такой же, как я, лейтенант Ю.К.

Постепенно мы и немцы познакомились друг с другом, стали здороваться, кто мог - беседовать. В комнате моего хозяина висела фотография Адольфа Гитлера, окапывающего вишню. Это дерево, растущее в саду за домом, я видел каждый раз, когда уходил на службу и возвра-

щался домой. Мюллер рассказал, что все было так, как на фотографии. Тогда это был рекламно-популистский шаг лидера, но перед домом Мюллера был асфальт и сад (???) - все, мол, как обещал фюрер. На фронте И. Мюллер получил тяжелое ранение, а с 1943 г. был дома. Война "промыла" ему голову, он трезво оценивал все события. Жена Мюллера - Роза - и приемная дочь все время работали дома и в саду, чтобы сносно жить в то трудное время. Война кончилась, напряжение в наших отношениях постепенно начало спадать. Моя жена и Роза частенько что-то обсуждали на своем русско-немецком диалекте, уезжали вместе на велосипедах в деревни за молоком, за фруктами, собирали сливы, варили по немецкому рецепту варенье без сахара.

Жена осваивала мотоцикл, с шумом объезжая разбитую посреди площади клумбу с увядшими кустами роз. За ее упражнениями с любопытством наблюдали девчушки из дома напротив, где поселился Ю.К. Иногда к ним присоединялась девушка лет 18-20, которая приветливо улыбалась и вся светилась, когда появлялся

Ю.К. Мы с женой в тот момент переглядывались... Однажды мотоцикл забарахлил, на повороте жена упала и обожгла о выхлопную трубу ногу (след от ожога и сегодня напоминает о том времени). Соседки прибежали ей на помощь. Так они познакомились.

Вскоре меня перевели в Магдебург, где родился сын, затем - на север, в г.Людвигслуст, провинция Мекленбург.

Весной 1947 г. в нашей квартире в Людвигслусте внезапно появился Ю.К. с ... Эрикой.

Ему было 22, ей - около 20. Она полюбила его сразу после того, как впервые осмелилась вылезти из бельевой корзины и спуститься с чердака в комнату, где встретила со жгучими глазами чернявого харьковчанина. Дочь погибшего под Сталинградом немецкого офицера, ученица местной хореографической школы пренебрегла упреками матери, ее избранник - указаниями своего командования. Они бросились навстречу друг другу. Его перевели в наш город. Она, разругавшись с матерью, бросив ее и двух сестер, устремилась вслед за ним, и нашла его в Лю-

двигслусте. А он привел ее к нам в дом. Эрика уже ждала ребенка и нуждалась в помощи и поддержке.

Жене тоже нужна была помощь, у нас рос полугодовалый сын. Офицерского пайка пока хватало, и мы решили оставить Эрику у себя, выдав ее за домработницу-немку.

Время шло. В октябре 1947 г., когда Эрика была на восьмом месяце беременности, нам пришлось по замене покинуть Людвигслуст и вернуться на Родину. Ю.К. устроил Эрику временно в другую семью. Мы уехали, и связь с Ю.К. и Эрикой оборвалась.

И вот через 12 лет мы проезжаем мимо города, в котором начиналась эта история.

- Заедем, - сказал К.Калашников.

- Интересно, может быть, кто-нибудь из этой семьи еще живет там? - робко заметила Бриггита.

И вот уже мой "Фольксваген" шуршит по гравии Розенплатца, останавливается у дома, где я жил 12 лет назад.

Фасад его дома был заново выкрашен. На

звонок вышла женщина, которая рассказала, что семья Мюллера здесь больше не живет, что он сейчас большой человек, руководит уездным отделением Либерально-демократической партии и живет в центре Бурга.

Я извинился, перешел через улицу к дому Эрики и позвонил в дверь. Через некоторое время в окно выглянула женская головка: - Что Вам угодно? - Я хотел бы узнать, можно ли повидать Эрику? - Это зачем? - резко спросила она.

Я объяснил, что 12 лет назад был знаком с девушкой по имени Эрика из этого дома, а сам жил в доме напротив.

Она удивленно посмотрела на меня подобрешшими глазами и исчезла. Дверь отворилась, вышла молодая женщина, которая быстро заговорила со мной, сразу перейдя на ты.

- У тебя жена ездила на мотоцикле? Где обожгла ногу?

Я показал.

- Правильно. Ты Юрий, жена Людмила? Я подтвердил.

- Я - Гита, сестра Эрики. Не помнишь? Эрика

здесь в городе, живет на северной окраине. Она замужем. Два сына.

Гита согласилась проводить нас к дому Эрики, и через несколько минут мы остановились перед особняком. По саду ходила овчарка.

- Терри! Это свой, - сказала Гита, приглашая меня войти. Мои спутники остались в машине, проявляя завидное терпение.

Гита поднялась на крыльцо, загородила входную дверь, попросив меня встать в сторонку, и позвонила. Дверь отворилась.

- Эрика! Смотри и удивляйся! Из темноты прихожей широко открытыми от удивления глазами на нас смотрела молодая женщина. Она узнала меня.

- Что ты мне от него привез? - были первые ее слова, прозвучавшие и как приветствие, и как надежда.

Я пробыл у Эрики часа полтора, рассказал, что ничего не знаю о Ю.К. после 1947 г., что мы с женой сейчас живем в Берлине, что это она просила меня разыскать ее и передать огромный привет.

Судьба Эрики сложилась драматично. После нашего отъезда ей пришлось туго. Она просила советские оккупационные власти в Потсдаме разрешить ей вступить в брак с советским офицером. Ей обещали разобраться. А когда она вернулась в Людвигслуст, оказалось, что Ю.К. в 24 часа был откомандирован к новому месту службы в СССР. (Время было суровое, близкие отношения с немцами не поощрялись). Вернуться домой она не могла: мать не принимала ее. Прибежище она нашла сначала у родственников в Цербсте, затем в Гентине, где и родила сына. Затем все-таки вернулась в Бург к матери, чье сердце смягчилось.

- Какая страшная и странная жизнь, - говорила она. - Вы, русские, разрушили мою жизнь, отняли у меня любимого человека, у сына - отца. Я должна за это вас ненавидеть. Но вы же помогли мне здесь выжить и вырастить сына. И я благодарна русским за это.

Помощь пришла ко мне тогда, когда немцы-иждивенцы писали на стенах, что у них нет ничего, чтобы жить, и слишком много, чтобы умереть. Ваши женщины из гарнизона согрели меня,

помогли устроиться кассиршей в магазине Воен-торга. Более того, узнав мою историю, они помогли мне найти Ю.К. Через них у меня с ним завязалась переписка. Они привозили мне от него подарки, деньги. Я жила, растила сына и ждала, ждала. . . Потом эти женщины и их мужья уехали, и связь оборвалась. Постепенно стала угасать и надежда. В 1956 г. я, устав ждать, уступила просьбам Вернера, и вышла замуж. У меня уже растёт второй сын.

На полу в гостиной у телевизора сидели и смотрели мультики двое мальчишек. Старший, - вылитый Ю.К., и белобрысый младший.

- Что ты делаешь в Германии? - Торгую пшеницей, - ответил я. Я не мог сказать правду.

- Послушай, на каком языке мы говорим? - спохватилась она.- Ведь ты же русский, а. . .

Я напомнил ей, что и тогда, в 1947 г., говорил с ней по-немецки, но плохо. "Прошло ведь много лет, и вот научился".

- Да ты говоришь, как мы. Гита, правда? - А я и не подумала об этом.

На прощанье Эрика сказала, что ее мужа,

бывшего морского офицера, ныне сотрудника полиции, перевели в Магдебург, дала мне новый адрес и просила навестить их вместе с женой.

Позднее, через полгода, Эрика сказала мне, что едет с мужем по путевке в Россию и хотела бы хоть одним глазком взглянуть на Ю.К.

- Знаешь, мне ничего не надо. Я только через щелочку в заборе посмотрю на него, на его глаза. Я так хочу знать, хорошо ли ему без меня. Ведь я все еще люблю его! Мы расстались. Всю долгую дорогу до Берлина я рассказывал заждавшимся меня Бригитте и К.Калашникову историю любви русского лейтенанта Ю.К. и немецкой девушки Эрики в первые и очень трудные послевоенные годы.

К.Калашников промолчал. Бригитта же заметила: - Если бы увидела в кино, то не поверила, что такое может быть в жизни. Но все видела своими глазами. . .

После этой встречи я почувствовал себя увереннее и испытал чувство благодарности к преподавателям Военного Института иностранных языков. Как-то, приехав в Центр, я нашел в спра-

вочном бюро адрес нашей первой, самой настойчивой, самой терпеливой к нашим ошибкам, преподавательницы немецкого языка капитана Котовой (Шулешкиной) Ксении Владимировны и послал ей телеграмму: "Спасибо. Один из самых беспокойных". Почти через 40 лет я повторяю свое "Спасибо" ей, В.И. Чуваевой, А.М. Семиной, Е.В. Ивановой, Н.И. Ишканьянц, Р.Г. Лепковской, Басаргину, Парпарову и всем другим, кто дал нам эти знания, подтвердив слова К.Маркса о том, что иностранный язык- это оружие в борьбе за жизнь.

Характер заданий постепенно становился острее, использование иностранных документов продолжительнее. Это дало возможность на себе самом почувствовать сложность и серьезность труда разведчика-нелегала, действующего в течение длительного времени в чужой стране.

Помимо целого ряда разнообразных оперативных заданий, выполнять которые мне приходилось вместе с другими сотрудниками, много времени занимало участие в длительных операциях. Огласку в силу разных причин получила

роль Юргена Дривса в оперативной игре с американцами по освобождению Рудольфа Ивановича Абеля.

Рудольф Иванович Абель... Кто же такой был этот человек, разведчик-нелегал, чье имя вот уже 37 лет не сходит со страниц газет и журналов? Лучше, чем сказал о нем много лет назад его адвокат американец Джеймс Бритт Донован, не скажешь: "Абель - культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он свободно говорил по-английски и прекрасно ориентировался в американских идиоматических выражениях, знал еще пять языков, имел специальность инженера-электронщика, был знаком с химией, ядерной физикой, был музыкантом и художником, математиком и криптографом... Рудольф человек, обладающий чувством юмора. Как личность его просто нельзя было не любить".

Абель родился и вырос в семье рабочего-металлиста, большевикареволюционера, ученика и соратника В.И.Ленина по "Союзу борьбы за

освобождение рабочего класса". Люди, окружавшие отца, были полны жизнерадостности и неистощимой энергии. Их отличали идейность, бескорыстие и честность. Особенно ему нравился Василий Андреевич Щелгунов, с которым его отец работал еще в девяностых годах прошлого столетия. "Щелгунов, - говорил Абель, - обладал жизнелюбием, стойкостью, интересовался всем, что происходило вокруг". В глазах Абеля Щелгунов и другие соратники отца, каждодневно совершавшие подвиги, были окружены таинственностью. Благодаря им, он проникся уважением к старшим, любовью к труду, воспитал в себе преданность делу. Немалое значение имела и служба в Красной Армии, куда Абель ушел по призыву в 1925 г. Наиболее сильное влияние оказали не него старые чекисты, с которыми он начинал работу в ВЧК, в том числе участники гражданской войны, соратники Ф.Э.Дзержинского.

Прошло время, Абель приобрел необходимые знания, опыт и стал профессиональным разведчиком. Ему поручили работать в США под чужим именем. В течение нескольких лет он успеш-

но выполнял самые сложные задания Центра.

Работал в США под тремя именами. В отеле "Латам" значился как Мартин Коллинз. С конца 1953 г. проживал в Бруклине, на Фултон-стрит, 252, где его знали под именем Эмиля Голдфуса, профессионального художника. Иногда прирабатывал фотографией. За все платил исправно, с соседями ладил. Был у него и псевдоним "Марк".

Радист Абеля Рейно Хейханнен, который кое-что знал о его работе, стал на путь предательства. И выдал Абеля американцам. Во всяком случае, только Хейханнен мог рассказать им, откуда Рудольф Иванович приехал и что он кадровый советский разведчик.

Предателя Абелю выдали сами агенты Федерального бюро расследований в день ареста, когда они нагрянули в номер нью-йоркской гостиницы "Латам". В ночь с 21 на 22 июня 1957 г. Мартин Коллинз заночевал в гостинице, ожидая очередного сеанса радиосвязи с Центром. А в соседнем номере агенты ФБР уже вели подготовку к его аресту.

После сеанса связи Абель еще раз прочитал полученную радиограмму и решил, что можно отдохнуть. На рассвете его разбудил резкий стук в дверь. Из коридора громко крикнули: "Мартин Коллинз?" - "Я", - ответил Абель и открыл дверь. В комнату ворвались трое в штатском. Один из них резко сказал: "Полковник, мы знаем, что вы полковник и что вы делаете в нашей стране. Давайте знакомиться!" Они представились: агенты ФБР. Затем начался допрос. Абель хладнокровно молчал. "В наших руках имеется достоверная информация о том, кто вы есть на самом деле. Мы давно следим за вами. Лучший для вас выход - немедленно дать согласие на сотрудничество с нами. В противном случае - арест". Абель наотрез отказался. ФБР подключило к допросу сотрудников службы иммиграции и натурализации, которые ожидали своей очереди за дверью номера. Они вошли тогда, когда Абель твердо повторил: "Мне не понятно, о каком "сотрудничестве" вы говорите". Ему предъявили ордер на арест. Основание? Иностранец, нелегально въехавший и находящийся на тер-

ритории США, не зарегистрированный в службе иммиграции. Затем начался обыск. Находчивость не изменила Абеля, оказавшемуся в окружении шестерки чиновников. Попросив разрешения сходить в туалет, он ловко избавился там от своего шифра и полученной накануне радиограммы. Однако другие предметы, свидетельствующие о его причастности к разведке, все же попали в руки агентов ФБР. Через час, закончив обыск, они в наручниках вывели Абеля из гостиницы на улицу, где находилась специальная машина.

На специальном самолете "DC-3", а затем на машине в субботу 22 июня Абеля доставили в лагерь иммиграционной службы в городе Мак-Аллен (штат Техас) и поместили в одиночную камеру. 25 июня на допросе он заявил: "Я Рудольф Иванович Абель, гражданин Советского Союза. История его появления в США, звучала примерно так: случайно после войны нашел в старом сарае крупную сумму американских долларов. Переехал в Данию, где купил фальшивый американский паспорт, через Канаду в 1948 г. въехал в США.

Попробуй проверить! Это не устраивало ФБР. Продолжались допросы. Вновь и вновь Абелю предлагали "сотрудничество" во имя его же "выгоды", сулили всякие блага. 7 августа 1957 г. Абелю сообщили, что ему вменяется в вину: 1) заговор с целью передачи Советской России атомной и военной информации; 2) заговор с целью сбора такой информации; 3) пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте. По американской шкале мер наказания это означало: по первому пункту - смертный приговор, по второму - десять лет тюрьмы, по третьему - пять лет заключения. После предъявления обвинения Абеля познакомили с адвокатом. Им стал Дж. Б. Донован.

14 октября 1957 г. в федеральном суде Восточного округа Нью-Йорка началось слушание дела No 45094 "Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля".

На мой взгляд, большой интерес представляет речь его адвоката, произнесенная 24 октября 1957 г.: "Многоуважаемый суд, дамы и господа

присяжные.

Как вы помните, в начале процесса я говорил о высокой ответственности присяжных. Долг вашей совести- определить, виновен ли на основе представленных доказательств этот человек, по имени Абель, в совершении конкретных действий, в которых он обвиняется судом.

Теперь вы познакомились со всеми доказательствами обвинения, вы слышали всех свидетелей. Давайте предположим, что этот человек является именно тем, кем его считает правительство. Это означает, что, служа интересам своей страны, он выполнял чрезвычайно опасную задачу. В вооруженных силах нашей страны мы посылаем с такими заданиями только самых храбрых и умных людей. Вы слышали, как каждый американец, знакомый с Абелем, невольно давал высокую оценку моральных качеств подсудимого, хотя и был вызван с другой целью.

Вчера вам зачитали письма от родных этого человека. Вы могли составить свое мнение об этих посланиях. Совершенно очевидно, что они рисуют образ преданного мужа, любящего отца.

Короче говоря, прекрасного семьянина, подобно-го тем, какие есть у нас в Соединенных Штатах.

Таким образом, с одной стороны, считая, что все сказанное здесь правда, нельзя не сделать вывод, что перед вами очень мужественный человек, выполнявший чрезвычайно опасную военную работу в интересах своей страны, который все эти годы мирно жил среди нас. С другой стороны, вы слышали, как два других человека выступали в качестве главных его обвинителей.

Хейханнен - ренегат с любой точки зрения. Первоначально о нем говорили как о человеке, который "остался на Западе". Можно было представить себе человека с высокими идеалами, который "выбрал свободу" и так далее. Но вы видели, что он собой представляет: ни на что не годный тип, предатель, лжец, вор.

За ним последовал человек, который, насколько мне известно, стал единственным солдатом в истории Америки, признавшем, что он продавал свою страну за деньги. (Речь идет о втором свидетеле обвинения - сержанте Роудсе, работавшем ранее в Москве в американском по-

сольстве - Ю.Д.).

Вернемся к Хейханнену. Обвинитель скажет вам, что для того, чтобы обвинять таких людей, нужно использовать именно таких свидетелей. Однако я хотел бы, чтобы вы, оценивая показания этого человека, спрашивали себя: говорит ли он правду или лжет и готов лгать сколько угодно, лишь бы спасти собственную шкуру.

Если этот человек шпион, то история, несомненно, обогатится еще одним рекордом, потому что он - самый ленивый, самый неумелый и незадачливый агент, которому когда-либо поручали задания.

Каковы же остальные свидетельские показания? Появился сержант Роудс. Все вы видели, что это за человек: распущенный пьяница, предатель своей страны. Поистине трудно представить глубину падения этого человека.

Вспомните, Роудс утверждал, что никогда не встречался с Хейханненом, никогда не слышал о нем. Он никогда не встречался с подсудимым. В то же самое время он подробно рассказал нам о своей жизни в Москве, о том, что всех нас про-

давал за деньги. А какое это имеет отношение к подсудимому? Эти события в Москве произошли за два года до того, как, по утверждению Хейхан-нена, Абель послал его, чтобы найти человека по фамилии Роудс.

И вот на основе такого рода свидетельских показаний нам предлагают вынести в отношении этого человека обвинительное заключение. Возможно, отправить его в камеру смертников. . .

Прошу вас помнить об этом, когда вы будете обдумывать ваш вердикт. Дамы и господа присяжные, если вы решите это дело, пользуясь критериями высшей истины, с тем чтобы покинуть здание суда с чистой совестью, вы, без сомнения, вынесете по первому и второму пунктам обвинения вердикт "не виновен".

Благодарю вас." В конце концов суд признал Абеля виновным и приговорил его к 30 годам тюремного заключения. Вот что писал о поведении разведчика на суде американский публицист И.Естен в книге "Как работает американская секретная служба": "В течение трех недель Абеля пытались завербовать, обещая ему все блага

жизни... Когда это не удалось, его начали пугать электрическим стулом... Но и это не сделало русского более податливым. На вопрос судьи, признает ли Абель себя виновным, он не колеблясь отвечал: "Нет". От дачи показаний Абель отказался".

"Вынесение приговора, - писал Donovan в своих воспоминаниях о Р.И.Абеле, заняло всего 16 минут. Приговор был объявлен, и Абеля вывели из зала суда. Я смотрел ему вслед и думал... для человека в 55 лет 30 лет тюремного заключения означали пожизненное заключение... Прощаясь, он протянул мне руку, и я пожал ее. Для человека, готовящегося отбывать тридцатилетний срок заключения в иностранной тюрьме, полковник Абель обладал поразительным спокойствием".

К тому дню, когда Абелю был вынесен приговор, шпиономания в США во всех слоях общества дошла до грани истерии. Лишь в марте 1958 г. апелляционная жалоба Абеля наконец попала в апелляционный суд второго округа Нью-Йорка, где была отклонена.

Особенно тяжело Рудольф Иванович, по его словам, переживал в те дни запрет на переписку с семьей. И тогда Donovan предложил ему переговорить по данному поводу лично с шефом американской разведки Алленом Даллесом. Встреча произошла в штаб-квартире ЦРУ Лэнгли. Шеф ЦРУ, обращаясь к Donovanу, сказал: "Я хотел бы, чтобы мы имели трех-четыре таких человек, как Абель, в Москве. . . ". Переписку Абелю разрешили, но поставили под жесточайшую цензуру.

О моем участии в освобождении Р.И.Абеля стало известно из книги Кирилла Хенкина "Охотник вверх ногами", изданной 1975 году в ФРГ после его эмиграции на Запад. У нас в переводе книга вышла в 1992 г.

Хенкин когда-то был близким другом Р.И.Абеля. Они вместе служили в одном из радиобатальонов Красной Армии, в годы войны готовились к работе в тылу противника и за кордоном. Трудно сейчас точно утверждать почему, но Хенкин как разведчик не состоялся: то ли в силу личных качеств, то ли по какой-то другой причине. Но он всегда был "около разведки", рядом

с видимым разведчиком, в период подготовки получил определенные знания и, естественно, был осведомлен о некоторых вещах. В начале 70-х годов Хенкин работал в одной из редакций АПН, где пришлось кстати его знания французского и немецкого языков. В 1973 г. он решил покинуть нашу страну и выехать в Германию. Руководители нелегальной разведки были против этого, опасаясь, что он может нанести ей ущерб, сообщив западным спецслужбам изветные ему сведения о советской разведке и отдельных разведчиках. К сожалению, заместитель Председателя КГБ СССР В.М.Чебриков не принял во внимание наши опасения, и Хенкину был разрешен выезд на Запад. Там он был опрошен представителями спецслужб, которые нашли возможным использовать его в своих целях. К.Хенкин услужливо написал то, что от него хотели, лишь бы ему разрешили въезд в США.

... Двоюродным братом Р.И.Абеля - Ю.Дривсом, мелким служащим, проживающим в ГДР, я стал при следующих обстоятельствах. Весной 1958 г. Н.М.Горшков, руководитель отде-

ла, где я работал, положил передо мной журнал "Дер Шпигель" со статьей "Дело Эмиля Гольдфуса". Он предложил мне прочитать статью и подумать. На нашем языке это означало дать конкретные предложения по существу вопроса.

- Надо освобождать, - сказал я.

- Вот и займись, - был ответ.

Таким образом было доведено до меня решение руководства разведки об участии в мероприятиях по освобождению захваченного в США советского разведчика-нелегала "Марка" (Р.И.Абеля).

Несколько лет шла кропотливая работа, которую проводила большая группа сотрудников Центра. В Берлине, кроме меня, этим вопросом занималось и руководство отдела. Был "сделан" родственник Дривс, налажена переписка членов семьи Абеля с его адвокатом в США Донованом через адвоката в Восточном Берлине. Сначала дело развивалось вяло. Американцы были очень осторожны, занялись проверкой адресов родственника и адвоката. Видимо, они чувствовали себя неуверенно. Во всяком случае об этом

говорили те данные, что поступали к нам из их конторы в Западном Берлине, и наблюдение за действиями их агентуры на территории ГДР.

... 1 мая 1960 г. в 4.30 по московскому времени Фрэнсис Гарри Пауэрс, 30-летний американский летчик, уроженец города Паунд, штат Виргиния, поднялся на своем самолете У-2 с аэродрома Пешавара в Пакистане и взял курс на советскую границу. Перед перелетом через территорию Советского Союза, как позже он признается на допросах, Пауэрс нервничал, ему было страшно.

В 20 милях к юго-востоку от Свердловска Пауэрс сделал поворот на 90 градусов влево. В это мгновение он увидел вспышку, затем услышал какой-то шум, и его самолет, клюнув носом, стал падать. Пауэрс выбросился, не попытавшись взорвать самолет (соответствующая кнопка была рядом с креслом). После приземления на парашюте он был схвачен и через несколько часов доставлен на допрос в Москву.

На пресс-конференции, в ответ на советские обвинения в том, что Соединенные Штаты осу-

ществляют шпионские действия, посылая свои самолеты в полеты над советской территорией, президент Эйзенхауэр посоветовал русским вспомнить дело Рудольфа Ивановича Абея.

Фотографии Абея и материалы о нем снова появились в прессе. Верховный суд США вроде бы поставил точку на судьбе советского разведчика, но его имя опять вернулось на первые страницы газет. Газета "Нью-Йорк дейли ньюс" в своей редакционной статье первой предложила обменять Абея на Пауэрса: "Можно с уверенностью предположить, что для нашего правительства Абель не представляет больше ценности как источник информации о деятельности красных. (Он никогда им не был). После того, как Кремль выжмет из Пауэрса всю информацию, какую сможет... такой обмен был бы вполне естественным".

Удар нашей ракеты по самолету У-2 заметно повысил заинтересованность американской стороны в удовлетворении просьбы жены Р.И.Абея. Контакты между адвокатами активизировались, и через некоторое время на мосту Альт Глинке

состоялся обмен Абеля на Пауэрса.

Вот как об этом вспоминает в книге "Незнакомцы на мосту" адвокат Дж.Б. Донован: "... 10 февраля 1962 г. я проснулся в 5.30 утра и с трудом упаковал вещи. Шел восьмой день моего пребывания в Берлине, и, если все пройдет хорошо, день последний. После завтрака я отправился в американский военный лагерь. Из маленькой гаупвахты с усиленным караулом, где Абеля содержали в особо охраняемой камере, были удалены все арестованные.

Когда я вошел, Абель поднялся мне на встречу. Он улыбнулся, протянул руку и, к моему удивлению, сказал: "Здравствуйте, Джим". Ранее он всегда называл меня "мистер Донован". Он выглядел худым, усталым и сильно постаревшим. Однако он был, как всегда, любезен и предложил мне американскую сигарету, сказав с усмешкой: "Этого мне будет не хватать".

Нашу беседу ничто не стесняло. Я спросил, не возникает ли у него опасений в связи с возвращением домой, и он быстро ответил: "Конечно нет. Я не сделал ничего бесчестного".

Мы проехали на автомобиле по безлюдным улицам Западного Берлина, направляясь к мосту Глиникер-брюкке, месту нашей встречи. И вот мы уже на "своей" стороне темно-зеленого стального моста, который ведет в оккупированную Советским Союзом Восточную Германию. На той стороне озера был Потсдам, справа на холме виднелся силуэт старого замка.

На другой стороне моста, названного в 1945 г. американскими и русскими солдатами "Мостом-свободы", виднелась группа людей в темных меховых шапках. Выделялась высокая фигура одного из советских официальных представителей в Восточном Берлине, с которым я вел переговоры об обмене заключенными. Теперь трем правительствам предстояло завершить этот обмен.

По нашей стороне Глиникер-брюкке прохаживались американские военные полицейские.

Позади остановились два автомобиля вооруженных сил США. Окруженный здоровенными охранниками, появился Рудольф Абель, изможденный и выглядевший старше своих лет. Пребывание в тюрьме в Америке оставило на нем

заметный след. Теперь, в самый последний момент, он держался только благодаря выработанной им внутренней самодисциплине.

Рудольф Иванович Абель был полковником КГБ. Его считали "резидентом", который из своей художественной студии в Бруклине в течение 9 лет руководил советской разведывательной сетью в Северной Америке. Абеля задержали в июне 1957 года, полковника выдал его подчиненный Хейханнен, аморальная личность. ФБР арестовало Абеля, предъявив ему обвинения в заговоре с целью сбора атомной и военной информации, что могло грозить смертной казнью.

В августе 1957 г. Абель попросил "назначить ему защитника по усмотрению ассоциации адвокатов". Выбор пал на меня. На процессе 15 ноября 1957 г. я попросил судью не прибегать к смертной казни, поскольку, помимо прочих причин, "вполне возможно, что в обозримом будущем американец подобного ранга будет схвачен Советской Россией или союзной ей стране; в этом случае обмен заключенными, организованный по дипломатическим каналам, мог быть признан со-

ответствующим национальным интересам Соединенных Штатов".

И теперь на Глиникер-брюкке должен был состояться именно такой обмен во исполнение договоренности, достигнутой "после того, как дипломатические усилия оказались бесплодными", как написал мне президент Кеннеди.

На другой стороне моста находился пилот американского самолета У-2 Фрэнсис Гарри Пауэрс. В другом районе Берлина, у контрольно-пропускного пункта "Чарли", должны были освободить Фредерика Прайора, американского студента из Йеля, арестованного за шпионаж в Восточном Берлине в августе 1961 г. Последней фигурой в соглашении об обмене был молодой американец Марвин Макинен из Пенсильванского университета. Он находился в советской тюрьме в Киеве, отбывая 8-летний срок заключения за шпионаж, и даже не подозревал, что в скором времени его освободят.

Когда я дошел до середины Глиникер-брюкке и завершил заранее обговоренную процедуру, можно было наконец сказать, что долгий путь за-

вершен. Для адвоката, занимающегося частной практикой, это было больше чем судебное дело - это был вопрос престижа.

Я был единственным посетителем и корреспондентом Абеля в США в течение всего 5-летнего его пребывания в заключении. Полковник был выдающейся личностью, его отличали блестящий ум, любознательность и ненасытная жажда познания. Он был общительным человеком и охотно поддерживал разговор. Когда Абель находился в федеральной тюрьме Нью-Йорка, он взялся учить французскому языку своего соседа по камере - полуграмотного мафиози, главаря рэкетиров.

Приближалось время расставания. Он пожал мне руку и искренне сказал: "Я никогда не смогу полностью выразить вам мою благодарность за вашу напряженную работу, и прежде всего за вашу честность. Я знаю, что ваше хобби - собирание редких книг. В моей стране такие сокровища культуры являются собственностью государства.

Однако я постараюсь все же сделать так, чтобы вы получили, не позже следующего года, со-

ответствующее выражение моей благодарности".

... Во второй половине 1962 г. по моему адресу в Нью-Йорке на Уильям-стрит были доставлены конверт и пакет. В конверт было вложено следующее письмо: "Дорогой Джим! Хотя я не коллекционер старых книг и не юрист, я полагаю, что две старые, напечатанные в XVI веке книги по вопросам права, которые мне удалось найти, достаточно редки, чтобы явиться ценным дополнением к вашей коллекции. Примите их, пожалуйста, в знак признательности за все, что вы для меня сделали.

Надеюсь, что ваше здоровье не пострадает от чрезмерной загруженности работой." Искренне ваш Рудольф".

К письму были приложены два редких издания "Комментариев к кодексу Юстиниана" на латинском языке, которые поступили к нам в Берлин из Центра. Я попросил адвоката В.Фогеля отправить их из Западного Берлина. В.Фогель с большой любовью смотрел на эти раритеты. Ему было жалко выпускать их из рук.

Об этих событиях уже много писалось и ско-

ро, надеюсь, все же выйдет из печати книга Д.П.Тарасова "Товарищ Марк", в которой на основе документальных материалов об этом будет рассказано подробно.

От себя мне остается только добавить, что накануне обмена Абеля на Пауэрс у руководителя Аппарата уполномоченного КГБ СССР в ГДР генерала А.А.Крохина прошло последнее совещание. Задавалось много всяких, порой ненужных, не имеющих отношения к делу вопросов. Так бывает, когда в операцию включаются лица, ранее к ней непричастные. За дни непосредственной подготовки к операции я порядком устал (двое детей, жена на лечении в Москве, вечные наши хозяйственные заботы по дому). Чтобы успеть все сделать по службе и дома, я встал и сказал: "Все ясно. Если я завтра утром просплю, то операция по обмену пройдет благополучно". Это было дерзко, но я все-таки по-настоящему проспал. Рано утром проснулся от стука в дверь. Машина уже ждала меня внизу, в ней сидели разъяренные начальники. На место обмена я приехал невыспавшимся и небритым. Н.А.Корзников сказал тогда

Д.Доновану, что "жена и дочь Абеля почти до смерти замучали меня, задержали". Все оказалось кстати. Обмен прошел хорошо. Р.И.Абель вернулся домой. Хотелось бы только заметить, что мы передали американцам Пауэрса в хорошем пальто, зимней пыжиковой шапке, физически крепким, здоровым. Абель же перешел линию обмена в каком-то серо-зеленом тюремном балахоне и маленькой кепочке, с трудом уместившейся на его голове. В тот же день мы потратили с ним пару часов на приобретение ему необходимого гардероба в берлинских магазинах.

Скромный служащий Дривс уже был не нужен. Я распрощался в ресторане на Фридрихштрассе с адвокатами Д.Донованом и В.Фогелем.

Позднее в своих воспоминаниях адвокат Д.Донован напишет, что у родственника Абеля большие волосатые руки. Прочитав это, я долго рассматривал кисти своих рук, но ничего подобного не заметил. Видимо, для устрашения своей общественности он воспользовался приемом гиперболы.

Через сутки Абель улетел в Москву.

Я встретился с ним еще раз в конце 60-х годов в столовой нашего здания на Лубянке во время своего приезда в Центр из Китая. Он узнал меня, подошел, поблагодарил, сказал, что нам надо все же пообщаться хоть через 5 лет. Я не мог, поскольку в тот же вечер улетал.

Судьба распорядилась так, что я посетил дачу Р.И.Абеля в 1972 г., в годовщину его смерти. Дочь Р.И.Абеля Эвелин подарила мне сделанную отцом гравюру на меди "Домик в лесу". Гравюра долго висела в моем рабочем кабинете, а потом "переехала" ко мне домой и сейчас постоянно напоминает мне о нем.

Это дело оставило особый отпечаток в моей памяти. На его агентурную и оперативную реализацию ушло несколько лет интересной и напряженной работы.

11 июля 1993 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Р.И.Абеля. Накануне, в том самом "домике в лесу", мы встретились с его дочерью Эвелин, в чьих "кузенах" мне довелось побывать в те далекие годы. Встретились в очень узком кру-

гу только непосредственно причастные. Мне не захотелось принимать участие в "официальном мероприятии". Мне дорога память об этом разведчике как о человеке. Мы ценили друг в друге что-то свое, связывающее нас взаимно, невысказанное. Так бывает. . .

Арест Абеля в Нью-Йорке в известной мере сказался на нашей работе в США. Однако ФБР не смогло накрыть всю сеть. Агентура была временно выведена или законсервирована.

Однако "свято место пусто не бывает". Замена Абелю готовилась с учетом последствий его провала. На Западе наш разведчик известен из прессы как "Георгий". Нужно было тщательно все отработать и обеспечить документально. Возникла необходимость заинтересовать западных работодателей в конкретном специалисте (нелегале), создать условия для контроля за ходом его проверки, постараться, чтобы его там "ждали с нетерпением".

Один из наших сотрудников, А.Корешков, бросил идею проникнуть в находящийся под контролем спецслужб пункт специальной связи, че-

рез который проходят все служебные почтовые отправления. Мои непосредственные руководители идею подхватили, и я превратился почти на два месяца в "инспектора Клейнерта". Перед этим немецкие друзья экзаменовали меня перекрестным опросом на пригодность к очередной роли добрых полтора часа, пока их начальник, генерал-майор Вайкерт, не сказал: "Пусть идет, выдержит".

Роль инспектора Клейнерта заставила меня вспомнить присказку одного французского полководца перед боем: "Дрожишь, скелет. Дрожишь. Ты задрожешь еще сильнее, когда узнаешь, куда я тебя поведу".

Я пошел и выдержал, завел друзей, знакомых, выполнил свою инспекторскую функцию, памятуя о том, что "страшной начальства немцев нет" (как говорили у нас в дивизионе на фронте).

Группа обеспечения операции работала в одном ритме с Западом, заинтересованным в "Георгии" как специалисте. Фирмы ждали его.

Перехватив документы проверки и направив необходимые для внедрения "Георгия" на Запад

подтверждения, инспектор Клейнерт возвратился в Восточный Берлин.

Чего только не пришлось изучить, прочитать или просто понять, "делая жизнь" "Георгия" и других нелегалов. Ведь каждое слово в характеристике или рекомендации имело свое второе, понятное только "боссу" или "шефу бюро персонала", значение. Расшифровка этих терминов была весьма сложна, но необходима, чтобы обеспечить продвижение "Георгия" в нужном направлении. Вот посмотрите только, насколько изобретательны кадровики всех уровней в кодировании истинного смысла служебной характеристики.

Если в ней написано: все работы выполнял с большой прилежностью и интересом, - следует читать: он старался, но без особого рвения.

Обладает профессиональными знаниями, проявляет здоровую уверенность в себе - мало знаний, большая глотка.

Постоянно старался выполнять порученную работу к удовлетворению руководства - способности средние.

Своим поведением являлся примером для

окружающих - абсолютным нулем не был.

Добросовестный коллега - делал, что мог.

Прилагал все свои способности - результаты работы слабые.

Все задачи выполнял в соответствии с действующими требованиями - ... но никогда не проявлял инициативы.

К порученным заданиям относился с пониманием - ... но его устраивало все.

Мы ценили его старания - был карьеристом.

Старался установить хорошие отношения с шефом - был подхалимом.

Над всеми порученными заданиями работал с большим усердием- ... но без всякого успеха.

Благодаря своей общительности способствовал улучшению общего климата пьяница, разбазаривал рабочее время на прибаутки.

К коллегам относился с большим уважением и чувствительностью- искал сексуальные контакты.

Руководство довольно выполнением порученной ему работы- посредственные результаты.

Руководство постоянно выражало удовлетво-

рение выполнением порученной ему работы - на него можно положиться.

Порученную работу выполнял к полному удовлетворению руководства - хорошие результаты.

Порученную работу постоянно выполнял к полному удовлетворению руководства очень хорошие результаты.

Он покидает нас по обоюдному согласию - мы его уволили.

Он покидает нас по собственному желанию - мы ничего не имеем против.

Через несколько дней мы провожали "Георгия". На дружеской прощальной вечеринке он окрестил меня "министром документаций", оставил мне интересные книги на немецком языке, которые изучал в период подготовки. Сейчас порой их читает моя внучка.

Провожая меня в отставку, как бы напоминая о самом трудном участке работы в нелегальной разведке и о том периоде службы, друзья вручили мне "Именное свидетельство" "Союза неформалов". Я глубоко признателен им за шутку, за улыбку. Многие нелегалы, в которых мне удалось

"вдохнуть жизнь иностранца", до сих пор нет-нет да вспоминают обо мне.

... "Георгий" выехал в США почти одновременно с возвращением Абея в Центр и проработал там около 15 лет. В том месте, где он жил, его немного недолюбливали за ... нацистское прошлое, хотя специалистом в своей отрасли и по внешней политике США он был первоклассным. "Георгий" возвратился домой, выполнив задание. Через некоторое время он приехал в Ленинград навестить родственников, там заболел и умер от... перитонита. Спасти его не смогли. Говорить о работе "Георгия" подробнее и сегодня еще не время. И так сказано уже много. Американские и немецкие разведчики весьма заинтересованы в том, чтобы узнать его легенду, места работы, через его связи установить, кто же это был, как смог преодолеть все преграды и стать "своим".

Все годы жизни "Георгия" в США вместе с ним была наша разведчица, из иностранных граждан. Они "жили дружной семьей", в которой было все: и любовь, и дружба, и ссоры, и

размолвки, и - самое главное - кропотливая разведывательная работа. Помню, в самом начале сотрудничества она ко всему относилась скептически, с большим недоверием. После смерти "Георгия" попросила отпустить ее на отдых. Мы согласились. В конце 80-х я встретился с одним разведчиком, который оказывал ей помощь в необходимых случаях, и попросил поинтересоваться, не желает ли она вернуться к активной работе. Через некоторое время она ответила, что с удовольствием сделала бы это, но ... только с "Георгием". Она отказалась, желая сохранить память о верном друге.

Возвращаясь домой, я долго думал, сидя в кресле самолета, об ее ответе. Я знал обоих около 30 лет, знал несходство их характеров и при этом глубину привязанности друг к другу, умение преодолеть себя ради интересов дела...

В беседе с американцами зимой 1992 года, я пошутил, сказав, что "Георгий" принес им большую пользу, и за это они со мной еще не рассчитались. Мы имели информацию- и только, а они с его помощью осуществили техниче-

ский прорыв, достигли серьезных результатов. Поэтому было бы неплохо, если бы они увеличили на определенную сумму предоставляемый России 24-миллиардный кредит. Мои американские собеседники правильно меня поняли и через свою прессу известили свое правительство о моем предложении.

Администрация Соединенных Штатов его, к сожалению, не заметила.

... Один мой знакомый, который был в курсе этой операции, здороваясь, говорит с хитрецей: "Инспектор Клейнерт". Как много это значит!..

Роль "инспектора Клейнерта" привела и к переменам в моей работе. Мне пришлось взять на себя выполнение ряда других оперативных функций, заняться по решению руководства и вербовкой агентуры для обеспечения деятельности нелегальной разведки.

Выполняя различные поручения, я изъездил всю страну вдоль и поперек, внимательно приглядываясь к людям, их нравам, привычкам. Впоследствии, когда я "разъезжал" по разным странам, большую пользу принесли мне реко-

мендации немцупутешественнику, которые я вычитал в книге "Единожды один хорошего тона" ("Einmal eins des guten Tons"), изданной в ФРГ в начале 50-х годов.. Этих десяти основных правил поведения немца за границей, на мой взгляд, необходимо придерживаться каждому уважающему себя и свою нацию человеку (и русскому, и американцу, и китайцу и т.д.). Попробуйте не согласиться с ними: 1. Никогда не забывай: в Германии ты немец среди миллионов немцев. За границей ты немец, по словам и поступкам которого судят о всей нации.

2. Не скрывай, что твои родители немцы, но позаботься о том, чтобы иностранец был этим приятно удивлен.

3. Придерживаешься ты глупой точки зрения, что за границей все много хуже, чем дома, оставайся дома. Думаешь, что на чужбине все лучше, не возвращайся домой.

4. Путешествуя по чужой стране, не привлекай к себе внимания замкнутостью. Чем ты тише, тем громче о тебе говорят другие. Будь в меру общителен.

5. Одевайся так, чтобы оставаться неброским.

6. Пой только тогда, когда тебя попросят.

7. Не стремись превзойти встречного, если видишь, что он сильнее. Если же ты сильнее в чем-то, дай себя победить, чтобы завоевать надежных друзей.

8. Не забывай, что только названия достоинств и пороков могут переводиться на другие языки. Однако, что они означают, в каждой новой стране ты будешь узнавать заново.

9. То, что тебе кажется странным в чужом народе, постарайся понять. Не удастся самому, разузнай у других.

10. Находясь за границей, стремись только понять или узнать, но ни в коем случае никого не поучай.

Хотелось бы очень много написать о бывших сотрудниках Министерства безопасности ГДР, с которыми меня связывают годы совместной работы на трудном участке. Нынешняя обстановка в Германии не дает мне права назвать их, как не дает права перечислить имена тех, кто помогал

в конкретных делах, - просто немцев, которые, возможно, помнят и Дривса, и Клейнерта, и Драгова (под этой фамилией меня знали сотрудники МГБ ГДР). Всем им говорю спасибо за дружбу и помощь.

Хотелось бы рассказать и о встречах с обыкновенными гражданами Германии, о сложных судьбах людей разных поколений, об их отношении к России, к русским. Я не могу это сделать, так как не уверен, что не доставлю им нежелательных хлопот или осложнений.

В конце лета 1963 г. я вернулся в Москву.

В декабре 1992 г. в газете "Мы/We" была опубликована статья Б.Иванова "Барон фон Хонштайн дает урок маркетинга", в которой сообщалось об одной из наших операций по проникновению в БНД, завершившейся вербовкой сотрудника этой спецслужбы. (Подробнее об обстоятельствах данного дела - в главе "Нужная работа"). Подобные публикации в российской и зарубежной прессе, опрос ряда сотрудников восточногерманской разведки в БНД после прекращения существования ГДР, привлекли более се-

рьезное внимание федеральной разведывательной службы Германии к нашей нелегальной разведке и, в частности, к моей персоне.

Через французского журналиста Мориса Хужманна, оказывавшего помощь Маркусу Вольфу в подготовке и публикации его книги во Франции, они обратились ко мне с просьбой встретиться с корреспондентами журнала "Фокус". Я согласился.

Мы встретились в июне 1994 г. у меня в фирме и проговорили несколько часов: бывшие противники в дружеской беседе. Оказывается, это возможно. Господа Йозеф Хуфельшульте и Томас Томашек вели себя с присутим немцам тактом и аккуратностью. Сотрудники американских и германских спецслужб не лишены чувства уважения к своим бывшим противникам. Сотрудников "Фокуса" интересовали вопросы, касающиеся управления нелегалами, их подготовки, моей работы в Германии, места Германии в спектре задач советской нелегальной разведки, ее взаимодействия с подразделениями спецназа КГБ, а также мое отношение к их стране. Было видно,

что гости хорошо подготовились к беседе. Я сожалею, что не смог в полной мере удовлетворить их любопытства, но думаю, они понимали невозможность этого. Йозеф Хуфельшульте прислал мне из Мюнхена гранки интервью, где все было дословно изложено, а через две недели также без искажений и приписок опубликовано 4 июля 1994 года в 27-м номере журнала "Фокус".

30 лет назад я покинул Германию как разведчик; ушли из Берлина и последние официальные подразделения российской разведки, а прошлое все еще продолжает волновать БНД и БФФ ФРГ, не правда ли, Томас Томашек? Что ж, должно пройти еще лет 100-150, прежде чем раскрытие других оперативных материалов станет более или менее возможным.

ГЛАВА 6. США, НЬЮ-ЙОРК (1975-1979 ГГ.)

В начале 1975 г. В.А.Кирпиченко и я были вместе на докладе у Начальника ПГУ КГБ СССР В.А.Крючкова, который после обстоятельного изучения наших материалов, касавшихся работы по США, неожиданно сказал: - Юрий Иванович, что Вы думаете относительно работы в

Нью-Йорке. Ведь Вы уже почти 6 лет дома. Юрий Владимирович Андропов хочет, чтобы Вы там сменили Б.А.Соломатина.

Это предложение явилось неожиданностью не только для меня, но и для В.А.Кирпиченко, который только начинал входить в тонкости работы нелегальной разведки. Мы надеялись проработать вместе не менее полутора-двух лет. Вадим Алексеевич прямо сказал об этом Крючкову. Тот остался непреклонен.

Я понимал причину такого неожиданного поворота. В конце 1974 г. при возвращении с другого задания мне довелось провести несколько дней в Нью-Йорке. Б.А. Соломатин подробно познакомил меня с обстановкой в США и, опираясь на агентурные, оперативные данные и выводы из личных наблюдений, высказал свои соображения о том, что разрядка, если судить по действиям американцев, начинает приобретать весьма негативный для советской стороны характер.

Он от своего имени предупредил об этом руководство разведки специальной телеграммой. Весьма серьезное, веско аргументированное со-

общение все же вызвало раздражение в "верхах". Видимо, было принято решение заменить руководителя резидентуры, чтобы свежим взглядом оценить еще раз всю обстановку, включая необходимость перехода к более активным формам работы (мы берегли "хрупкую" разрядку и избегали резких действий). Вот в этих сложных условиях выбор пал на меня, и я с известной долей тревоги выслушал предложение В.А. Крючкова.

Но у меня не было иного выхода, кроме как взяться за подготовку к работе в новой для меня стране, в которой я, правда, уже успел побывать дважды.

Наши американисты приняли известие об этом решении Андропова и Крючкова настороженно, с недоверием и даже сопротивлением. Я казался им человеком с неустойчивой биографией (из нелегальной разведки, германист, работал в Германии и потом в Китае), зачем "нам такой нужен". Это отношение я скоро почувствовал, мне не оставалось ничего иного, как изучить обстановку в США, освоить оперативный багаж резидентуры, прибыть в Нью-Йорк и наладить

рабочий контакт с новым для меня коллективом.

Время шло. На 9 августа 1975 г. был назначен день моего отлета. Утром этого дня ко мне домой позвонил В.А.Крючков со словами последнего напутствия. Он понимал сложность ситуации, в которой мне предстояло оказаться. Как всегда, был краток, рекомендовал попытаться внести в работу свой наступательный метод, не похожий на то, к чему уже привыкли американские спецслужбы. Сотрудники резидентуры должны почувствовать, что приехал свежий человек. Нужно снять с коллектива напряжение ожидания нового руководителя, расположить его к себе и добиться откровенности. При этом - никаких любимчиков, на сильных, средних и слабых не делить. Беречь и укреплять положительные традиции резидентуры и авторитет моих предшественников, которые сделали много полезного за годы своей деятельности в Америке. Главное - организация активной оперативной работы. Начальник разведки подчеркнул особую важность конспирации, тщательного изучения всех американских объектов, призывал, учитывая активность американ-

ских спецслужб, быть недоверчивым, сомневающимся в оценке "чистоты" контактов и связей. В.А.Крючков предложил через бмесяцев прилететь в Москву и доложить о направлениях работы в Нью-Йорке.

Итак, к вечеру того же дня мы с женой после полуторачасовых посадок в Лондоне и Гандере (Канада) приземлились в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке, чтобы провести там долгих четыре года.

Нью-Йорк встретил нас влажной, душной, с мелко морозящим дождиком, погодой, немного затхлым запахом, свойственным давно залежавшимся вещам. Я поймал себя на мысли о том, что с таким запахом уже приходилось встречаться в Пекине в сезон футяня (сезон повышенной влажности).

Мне пришлось начинать свою работу в Нью-Йорке в период, когда Соединенные Штаты, постепенно оправляясь от "уотергейта", готовились к предстоящим в 1976 г. президентским выборам. "Уотергейт" заставил общественность США критически взглянуть на американское разведыв-

вательное сообщество. Американцы, в том числе и разведчики, пытались ответить на вопросы: что есть в активе ЦРУ, в каком это сегодня состоянии, что ждет ЦРУ впереди. Пересматривалось все, начиная со дня создания ЦРУ в 1947 г., когда в основу секретных операций против СССР было положено нелегальное внедрение агентуры на объекты проникновения с целью раннего предупреждения о нападении и сбора информации о ходе выполнения советской атомной программы. В области внутренней контрразведки на 70-е годы они ставили задачу защиты американских стратегических объектов от агентуры советской разведки, направляли усилия на организацию и осуществление уверенного взаимодействия между резидентурой ЦРУ в Москве и штаб-квартирой в Лэнгли по выявлению агентуры КГБ из числа выезжающих в США советских граждан. При этом американские аналитики и разведчики ЦРУ отмечали, что основную угрозу для них представляют советские разведчики-нелегалы, обнаружение которых обычными методами и средствами расследования почти невоз-

можно. Большую угрозу для себя они видели также в легальных и активных советских представителях в США, которых почти поголовно причисляли к категории сотрудников или агентов КГБ, поскольку те поддерживали активные контакты с американскими гражданами по разным вопросам. Таких американцев ни ЦРУ, ни ФБР не могли назвать агентами, они называли их "агентами влияния". В американских спецслужбах совершенно справедливо считали, что новые советские "дипломаты", эрудированные, компетентные, утонченные, владеющие в совершенстве иностранными языками, могут добиться успеха куда большего и быстрого, нежели горстка агентов, завербованных в военных объектах, где почти не осталось секретов.

Давая оценку советскому политическому наступлению периода разрядки, Администрация США делала вывод, что активность советских разведывательных операций в пять раз превышает размеры деятельности ЦРУ и союзников, и, соответственно, ужесточает давление со стороны ФБР на советских граждан и учреждения в

Нью-Йорке.

Советская колония в Нью-Йорке тогда насчитывала примерно полторы тысячи человек, постоянно увеличивалась и была разбросана группами или отдельными семьями по всему большому городу.

В Нью-Йорке я отметил свое 50-летие. Разведчики, с которыми мне пришлось в 60-е годы вместе работать в КНР и встретиться опять в США, положили в этот день на стол своего резидента телетайпную ленту с "информацией А.П. из Пекина".

"ПЕКИН, АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС. КАК СТАЛО ИЗВЕСТНО В МИССИИ СВЯЗИ США В ПЕКИНЕ, ДЕЛЕГАТ НАРОДНОГО КИТАЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ХУАН ХУА УПОЛНОМОЧЕН ВРУЧИТЬ НЕДАВНО ПРИБЫВШЕМУ В НЬЮ-ЙОРК ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ООН ЮРИЮ И.ДРОЗДОВУ ЛИЧНОЕ ПИСЬМО МАО ЦЗЭДУНА, ЦЗЯН ЦИН И ЧЖОУ ЭНЬЛАЯ. В СВОЕМ ПОСЛАНИИ КИТАЙСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ, ПОЗДРАВЛЯЯ ЮРИЯ И.ДРОЗДОВА С ПЯ-

ТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ, ОТМЕЧАЮТ ЕГО ЛИЧНЫЙ НЕОЦЕНИМЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДВУМЯ СВЕРХДЕРЖАВАМИ (ОСОБЕННО В ПЕРИОД КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ). В ПИСЬМЕ СОДЕРЖИТСЯ ПРИГЛАШЕНИЕ ЮРИЮ И.ДРОЗДОВУ ПОСЕТИТЬ КИТАЙ В ЛЮБОЕ УДОБНОЕ ДЛЯ НЕГО ВРЕМЯ. В ПЕКИНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КРУГАХ СЧИТАЮТ, ЧТО ЮРИЙ И.ДРОЗДОВ БЛАГОСКЛОННО РАССМОТРИТ ПРИГЛАШЕНИЕ ПЕКИНСКИХ ЛИДЕРОВ.

НА ВОПРОС, НЕ СВЯЗАНО ЛИ ОЖИВЛЕНИЕ В ЧЖУННАНЬХАЕ С ПОДГОТОВКОЙ К ПРАЗДНОВАНИЮ ЮБИЛЕЯ РУССКОГО ДИПЛОМАТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИССИИ СВЯЗИ ОТВЕТИЛ: "ПОКА НЕ ЯСНО. НАБЛЮДЕНИЕ ВЕДЕТСЯ".

Я ознакомился с текстом, вспомнил одну подобную информационную ленту, которой меня встретили по возвращении из Москвы в Пекин в разгар "культурной революции" сотрудники резидентуры, улыбнулся и понял: нью-йоркская резидентура признала меня своим.

С руководством Представительства СССР при ООН и других советских учреждений у меня постепенно установились нормальные отношения, которые способствовали организации нашей работы. Не могу не вспомнить положительного отношения к работе разведки со стороны Министра иностранных дел А.А.Громыко и Представителя СССР при ООН Я.А.Малика, посла СССР в Вашингтоне А.Ф.Добрынина, которые всегда с пониманием относились к нам и содействовали в решении возникавших проблем.

В течение первых шести месяцев всем коллективом резидентуры мы заново оценили деятельность ЦРУ и ФБР против нас, критически пересмотрели свои действия, внесли коррективы в организацию и обеспечение безопасности разведывательной деятельности. Было достаточно споров, возражений, сомнений, анализа малейших сигналов, но все сошлись на том, что не так уж все страшно. В конце зимы я на несколько дней вылетел в Москву, где доложил руководству о том, что нью-йоркская резидентура готова к активной работе.

Мне пришлось в напряженной агентурно-оперативной обстановке Нью-Йорка провести четыре года. Коллектив разведчиков в основной своей массе работал с риском, смело, изобретательно и результативно. Нужно прямо признать, что противостоявшие нам подразделения ЦРУ и ФБР были серьезным и заслуживающим уважения противниками. Чтобы понять их действия, мы провели ряд мероприятий, которые вынудили их раскрыть свои методы и сделали нас зрячими.

У войны разведок свои законы. Один, и наиболее важный из них, - искусство обнаружить скрытое агентурное наблюдение контрразведки за твоими действиями, переключить ее внимание на ложное направление, обеспечить наиболее безопасные условия для собственной разведывательной работы. Это вечный поиск, учет всех мелочей, их проверка, моделирование фантастических ситуаций и гадание почти "на кофейной гуще".

Пусть на меня не обижаются сотрудники Нью-Йоркского отделения ФБР, обслуживающие комплекс зданий ООН, но тогда, в середине 70-х го-

дов, они многое нам подсказали и показали. Нет, нет, они не сотрудничали с нами, они просто раскрыли себя, пойдя у нас на поводу. Дело дошло даже до маленького курьеза.

Мы захотели окончательно убедиться в том, что агентура ФБР хорошо "прочесывает" подземный гараж ООН. Паркуя там свои машины, наши сотрудники отмечали некоторые особенности (оплошности) в поведении гаражной охраны. Это дало хороший повод для проверки соблюдения ими требований ООН о неиспользовании служебного положения в специфических интересах спецслужб, в том числе страны пребывания. Как-то мы специально "забыли" в одной из машин печатные ТАССовские материалы. Вечером, когда группа сотрудников садилась в эту машину, заметили, что материалы исчезли. Через несколько дней опять "забыли" в той же машине, из которой вылезли несколько человек, письмо с предложением услуг, "затерявшееся" в ООНовских документах. В последующие дни частенько наблюдали возле парковки этой машины уборщиков, охранников, иногда новых лиц и новые

машины. Затем наша машина из-за изношенности (в действительности) была продана, но прежде мы попросили сотрудников ФБР ответить на наше "письмо с предложением услуг", выставив сигнал на одном из знаков дорожного движения по маршруту нашего рабочего автобуса, написав под ним номер автомашины представительства, из которой можно изъять ответ.

Сотрудники ФБР добросовестно выполнили нашу просьбу. Они поместили такой величины сигнал, написали такие отчетливые цифры, что могли вызвать к себе нарекания со стороны службы регулирования уличного движения Нью-Йорка. Но безличный контакт был установлен. Мы "пошли на углубление отношений": передавая газетную информацию в собственной обработке, стали просить за нее деньги. Американцы настойчиво приглашали нас на встречу для личного знакомства. Мы отказывались, мотивируя это страхом перед "всемогущим офицером безопасности, который и так во все сует свой нос", и просили их найти способ передать нам деньги, может быть, спрятав их в "бампер какой-

нибудь автомашины", а номер автомашины - указав под уличным знаком. Сотрудники ФБР через несколько дней снова выполнили нашу просьбу.

XXXXXXXXXX Поздно вечером в своем подземном гараже в бампере одной из автомашин мы обнаружили магнитный контейнер и алюминиевый патрон от толстой сигары, в котором находилось письмо-приглашение на встречу и несколько тысяч долларов.

Деньги вместе с отчетом о наших шалостях мы отправили в Центр. Ответ ждали долго. Потом нас попросили деньги не присылать, так как "в финансовом отделе нет соответствующей статьи для оприходования таких средств". Вот дела!...

Мы решили взять паузу и понаблюдать за отношением к нашим сотрудникам со стороны американцев и ряда иностранцев на верхних этажах здания ООН. Конечно же, коллеги, поиск вести надо, но незаметнее. Иначе можно раскрыть много карт. Надо быть спокойнее.

брат пример хотя бы с англичан, которые подозревали каждого, кого замечали с советским

сотрудником ООН даже на дальних подступах к комплексу зданий этой организации.

Мы еще некоторое время "сотрудничали", затем прекратили отношения, просигналив американцам о своем отъезде в Россию и поблагодарив их за помощь. Такая внешне безобидная комбинация помогла нам узнать многое о многих. Дальнейшее наблюдение давало возможность предостеречь наших сотрудников от целого ряда неожиданных сюрпризов со стороны ФБР, хотя это и было нелегко.

Американцы тогда активно начали использовать в работе против нас свою подставную агентуру под видом доброжелателей. Мы несколько раз уходили из приготовленных для нас ловушек.

20 октября 1993 г. в программе РТВ "Вести" было объявлено, что в программе "60 минут" будет передано интервью одного американского тележурналиста с бывшим советским дипломатом А.Шевченко, занимавшим пост заместителя Генерального секретаря ООН, оставшимся в США и продавшим свою Родину. Это было подано как некая сенсация, хотя времени со дня пре-

дательства прошло немало более 15 лет. (Каждый раз, когда наши журналисты будто с сочувствием пишут или вещают о случаях измены, мне хочется спросить, а как они относятся к изменам в собственной семье, в семьях братьев, сестер, родителей, к изменам друзей? Так же или иначе... Какие последствия они видят, чью беду, разруху, горе, несостоявшиеся надежды и конкретные дела. На эти вопросы ответ почему-то отыскать бывает трудно).

Интервью с А.Шевченко комментировал бывший представитель США при ООН сенатор П.Мойнихен. Бесспорно, предательство Шевченко было большой удачей американских спецслужб, ведь он за 32 месяца добровольного, инициативного и сознательного сотрудничества с ними нанес нашей стране значительный ущерб.

В 1975-1976 гг. мы уже чувствовали, что в составе советской колонии в НьюЙорке есть предатель. Разумеется, мы искали его. Американской стороне, видимо, недостаточно было ценной и достоверной политической информации, и она принялась активно использовать в местной печат-

ти его сообщения об известных ему сотрудниках и возможных агентах КГБ в аппарате ООН. У нас возникло беспокойство, однако после тщательного анализа ситуации стало ясно, где искать предателя. Мы смогли успокоить "пропечатанных", объяснили, что наши политические противники ведут борьбу за вытеснение советских сотрудников с ответственных постов в ООН, так как наше представительство поставило вопрос об увеличении их численности. Круг осведомленных об этом сузился до нескольких человек. Среди них был и Шевченко.

А выдали нам Шевченко сами же американцы задолго до его ухода к ним. Ведь это они, нарушив свои же собственные правила работы с агентурой, изложенные в инструкции "Об агентурном проникновении в организации и объекты, представляющие оперативный интерес", изменили его образ жизни, дав ему повод жить, нарушая финансовую дисциплину нашего Представительства, поместили в Майами на несколько дней в роскошном номере гостиницы, стоимость которого была ему явно не по карману. Он стал пить,

уклоняться от работы, вести себя на совещаниях вызывающе, иногда впадал в состояние необъяснимого страха, депрессии. Мы замечали разницу в отношении к Шевченко сотрудников секретариата ООН и американской стороны. Ни его действия, ни его слова не давали повода называть его "сталинистом", тут был заметный перебор, что и настораживало еще больше.

Помню, как-то на одном из совещаний у нашего Представителя в ООН О.А.Трояновского Шевченко весьма неосторожно подверг критике Директивы Центра делегации СССР на сессии ООН в сентябре-декабре 1977 г. по одному из вопросов, что вызвало всеобщее удивление, так как его предложения явно играли на руку США.

Месяца через полтора после возвращения Шевченко из Майами мы проинформировали руководство разведки о возникшем у нас подозрении и попросили через МИД СССР отозвать его в Москву, с тем чтобы избежать нежелательных последствий.

Шевченко имел ранг посла, был близок к А.А.Громыко и, естественно, наша информация

вызвала противоречивую реакцию. Кто-то из друзей Шевченко в нашей службе даже официально потребовал от нас прекратить наблюдение. Более осмотрительные руководители, как мне известно, сообщили в МИД СССР заместителю министра В.В.Кузнецову и поручили нам проинформировать обо всем О.А.Трояновского.

Реакция Трояновского была сначала спокойной, потом более возбужденной, с указанием на 1937 год, мол, придется извиняться и отвечать за клевету. Я напомнил ему, кто тогда руководил "тройками" и что он в большей степени, чем я, ответственен за коллектив советской колонии. В тот вечер мы друг друга не поняли.

Я не выполнил требования Центра прекратить наблюдение. Каждый раз, когда поступали данные о Шевченко, в том числе и из американских кругов, мы хладнокровно и методично направляли их в Центр. В управлении внешней контрразведки, в подразделении О.Д.Калугина их принимали не весьма охотно: надо реагировать... Центр и МИД, увы, медлили, не верили.

Когда Шевченко изменил, мне ночью позво-

нил О.А.Трояновский: "Юрий Иванович, случилось самое страшное - Шевченко ушел. . . " Нам ничего не оставалось, как общими усилиями приступить к локализации последствий этого предательства. Вскоре страсти поутихли, и Трояновский в беседе со мной по поводу измены Шевченко както сказал: "Ведь может же советский человек выбрать себе новую родину".

Новую Родину выбрать нельзя. Можно лишь сменить место жительства. Да и то какой ценой? Думаю, предательство Шевченко - это следствие медлительности политического руководства с принятием решения по сигналу разведки, которая своевременно предупредила и длительное время информировала о вероятности такого расклада событий и тяжести последствий.

Некоторое время спустя после предательства Шевченко попросил политического убежища в США еще один советский сотрудник Секретариата ООН Лещинкас. Мы сообщили о случившемся в Москву. На этот раз реакция руководства и МИД СССР была весьма спокойной. Из ПГУ мы получили данные, что КГБ в свое вре-

мя выступило против использования Лещинскаса за рубежом по политическим мотивам, однако в ЦК КПСС этого не приняли во внимание. В конце мая - начале июня 1978 г. в Нью-Йорке был в командировке заведующий отделом ЦК КПСС Н.М.Пегов, который вызвал меня на беседу. Он начал ее несколько странно, сказав: "Опять у Вас, Юрий Иванович, ушел сотрудник, что-то неладно у вас здесь".

Такое замечание, не буду скрывать, задело и обидело меня. Я ответил Пегову, что сотрудник ушел не "у меня", а "у нас". Он промолчал, а я попросил ответить мне - почему в случае с Лещинскасом материалы спецпроверки оказались слабее телефонного звонка и, кто разрешил выезд за рубеж этому человеку в нарушение всех инструкций ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Пегов опять ничего не ответил, затем попросил перечислить тех сотрудников Представительства СССР при ООН, чье поведение вызывает тревогу. Мне пришлось назвать ему довольно большую группу лиц из числа "позвоночников" и попросить разобраться, насколько их пребывание

в США соответствует требованиям Инструкций по подбору кадров. Пегов все молча выслушал и уехал.

Летом 1978 г. я был в Москве. Принимая меня с докладом о работе резидентуры, Ю.В.Андропов сказал: "В деле с Шевченко ты был прав, я прочитал все материалы. Это наша вина. Наказывать тебя за него никто не будет, но (он помедлил) . . . и Громыко тоже снимать не будем". Затем, хитро посмотрев на меня, поинтересовался: "На тебя, Юрий Иванович, жалуется Н.М.Пегов. Что там между вами произошло?" Я подробно доложил о нашей беседе. Юрий Владимирович все внимательно выслушал и ответил, что, по словам Н.М.Пегова, "с ним (со мной - Ю.Д.) невозможно разговаривать, но он прав". Ю.В.Андропов тут же позвонил Н.М.Пегову и попросил его подумать, как исправить дело.

Осенью 1978 г. в сентябре в Нью-Йорке Министр иностранных дел СССР А.А.Громыко спросил, почему я, зная его многие годы, не сообщил ему о Шевченко лично. Я ответил, что ценил его занятость и доверял его заместителям и

О.А.Трояновскому, которые обо всем были своевременно информированы. Он помолчал, тщательно ознакомился с информацией резидентуры и признал, что в этом вопросе допустил "большой промах".

Последние дни своего пребывания в Нью-Йорке жена Шевченко Лина провела в нашем представительстве в ООН. Она почти все время находилась у нас в квартире, не хотела оставаться одна. Моя жена и Лина хорошо знали и понимали друг друга. Лина в беседах с нею раскрывалась, были видны ее тревоги, сомнения. На первых порах она не верила в предательство мужа, перебирая в памяти всю жизнь. Она понастоящему была жертвой, которую принес Шевченко своим новым хозяевам, предав ее и своих детей.

О Шевченко мы еще поговорим ниже, когда коснемся его книги и книги проститутки Джуди Чавез.

В том же 1978 году, "благодаря" Шевченко, американским спецслужбам стали известны имена нескольких сотрудников резидентуры, за которыми местное отделение ФБР установило посто-

янное наблюдение. Поскольку срок их заграничных командировок заканчивался, мы сочли возможным их участие в обеспечении одного острого оперативного мероприятия. Но потерпели неудачу.

21 мая в американской газете "Нью-Йорк Таймс" появилось сообщение об аресте ФБР за шпионаж двух советских граждан. Во время изъятия из тайника секретных документов, касающихся одного из глубоко засекреченных проектов ВМС США в области подводного вооружения, были задержаны сотрудники секретариата ООН Рудольф Петрович Черняев и Вальдик Александрович Энгел. Их напарник, Владимир Петрович Зинякин, являвшийся атташе Советского Представительства при ООН и обладавший дипломатическим иммунитетом, через некоторое время после задержания был отпущен.

Специальный агент ФБР Джон Шварц заявил репортерам, что все трое задержанных принадлежат к советским разведывательным спецслужбам и являются сотрудниками КГБ. В сделанном по этому поводу Директором ФБР Уильямом Уэбстером заявлении говорилось, что на-

чатое по этому факту расследование проводится в координации с отделом расследований ВМС США, которому также помогают американские граждане, но конкретных лиц названо не было. Однако чуть позднее ФБР сообщило, что информатором по делу был офицер ВМС США Артур И. Линдберг, получивший в ФБР псевдоним "Шелуха" (Peel). Как это обычно бывает, "жареную" новость подхватили многие газеты и другие средства массовой информации, нашлось много желающих прокомментировать этот факт. Вскоре, естественно, последовали официальные демарши госдепартамента, обмены дипломатическими нотами, договоренности об освобождении наших товарищей под залог и т.п. Не буду подробно останавливаться на этом деле, так как в свое время оно достаточно подробно освещалось и в нашей прессе. Отмечу только, что в работе разведки риск присутствует почти всегда. Его степень повышается при проведении острых и сложных операций, особенно в такой стране, как США, с хорошо отлаженной работой местной контрразведки и сложной политической обстановкой.

С самого начала мы допускали, что здесь может быть встречная игра противника- "подстава". Поэтому мы ставили перед собой задачу заставить источник передать нам как можно больше информации, которая представляла для нас интерес, а не той, которую предлагал сам источник.

Думаю, нам удалось достигнуть этого, если судить по объему того, о чем ФБР и пресса умолчали и о чем сообщили общественности. С успехом решалась через Линдберга задача перепроверки документальной информации других источников. Подозрение, что он может быть подставным агентом, заставило нас с самого начала избрать безличный способ установления контакта с Линдбергом и такой же постоянно меняющийся и подвижный способ передачи информации. ФБР дало нам знать, что Линдбергу не следует доверять (на одном из кадров пленки были новые пальцы). Мы увеличили скорость движения при выемке контейнеров из тайников, меняли сомнительные места бросков. ФБР, чтобы уследить за нами, привлекло спортивную авиацию,

действия которой мы, к сожалению, не отнесли к средствам наружного наблюдения. На заключительном этапе противник бросил против нас, если верить американской прессе, более 100 сотрудников с неподвижными постами наблюдения, автотранспортом и малой авиацией. Вот лишь некоторые имена сотрудников американской контрразведки, которые были задействованы в этой акции: Дэниэл Ньюман, Николас Хэнд, Гарет Пасас, Уильям Линч, Шерил Диск, Лоуренс Дойл, Джилберт Бэйтс, Джон Кири-Тейлор. Думаю, что эти данные, а также имена самого Артура И. Линдберга и завербовавшего его сотрудника разведки ВМС США Терренса Тэйта стали известны спецслужбам многих стран.

Каких-либо материалов у Зинякина, который должен был изымать контейнер, в руках не было. Он в последний момент заметил слежку и подошел к другому кусту по срочной надобности, но все же был схвачен. За контейнером потом возвращались сами сотрудники ФБР. Энгера и Черняева схватили за то, что они были в районе операции. Несмотря на шумиху, начавшуюся

по местному радио сразу после задержания сотрудников, другие разведчики не испугались: в соседнем районе, недалеко от места задержания, одним из них была завершена вербовка интересного агента.

Вспоминая это событие, хотелось бы также сказать несколько слов и об американской контрразведке. Хотя Федеральное бюро расследований и утверждало, что с самого начала контролировало Линдберга, службе наружного наблюдения ФБР пришлось все-таки немало потрудиться, чтобы координировать и камуфлировать свои действия.

Сотрудники ФБР, с которыми наши товарищи контактировали, решая вопрос об освобождении задержанных, обращали на это внимание. Один американский контрразведчик, в кабинете которого рядом с портретом Э.Гувера висел портрет Ю.В.Андропова, как руководителя "сильнейшей разведки в мире", прямо подчеркивал оперативное мастерство "блестящей тройки".

В день обмена задержанных на отпущенных угонщиков нашего авиалайнера дежуривший то-

гда в аэропорту Кеннеди сотрудник ФБР бросил: "Кого отдаем, таких ребят меняем на подонков. . ." Мне оставалось работать в Нью-Йорке еще целый год. Несмотря на удар, нанесенный нам ФБР, мы не законсервировали свою деятельность. Осмотрелись, отряхнулись, внесли коррективы в тактику мероприятий и пошли дальше.

Быть резидентом в Нью-Йорке в те годы было нелегко. Свободного времени почти не было. Только несколько раз нам с женой удалось выбраться в театр, на концерты, спортивные мероприятия, проскочить на машине к Ниагарскому водопаду в Буффало, да один раз в круиз на сутки на теплоходе "Лермонтов".

Приглядываясь к американцам, их поведению, читая их прессу, я каждый раз встречался с раскованными людьми, готовыми с юмором принять трудности жизни и серьезно, с полной отдачей работать. Сейчас у нас многие уезжают в Америку, путешествовать или и жить. Многие оседают в Нью-Йорке. Последние должны знать, что Нью-Йорк - это еще не Америка, и следовать инструкции, предложенной в конце 70-х го-

дов жителям этого города Расселом Бейкером в "Нью-Йорк Таймс".

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ГЛАВА 6. "КАК ОКАЗАТЬСЯ СВОИМ"

^ ТТ:

Инструкция нью-йоркцам, собирающимся путешествовать по Америке: 1. Оказавшись на другой стороне Гудзона, следует ездить только на задней площадке автобуса.

2. Не говорите с нью-йоркским акцентом. Он звучит для американцев странно, а это создает плохое мнение о городе. Говорите по-французски, по-британски или по-техасски. Если же Вы не можете изменить свой нью-йоркский акцент, то не говорите вовсе.

Носите с собой большой блокнот желтой канцелярской бумаги и пишите все, что хотите сказать. Осторожно: не пишите с нью-йоркским акцентом или на испанском языке.

3. Не расхваливайте Нью-Йорк. Если, например, американец в автомобиле наезжает на выбоину, то не прерывайте его жалоб замечаниями о том, что американские выбоины просто булавочные головки по сравнению с выбоинами Нью-Йорка.

4. Не держитесь высокомерно и вызывающе. Встретив на тротуаре американца-политика, сойдите на обочину. Дайте ему пройти. Снимите шляпу и потеревите свой чуб, а если такового не имеется, то свой блокнот.

5. Если Вы пользуетесь гостеприимством американского дома, то не выбрасывайте мусор на мостовую перед домом.

6. Если Вы приглашены куда-нибудь, идите, всем своим видом показывая, что Вы, как грешник раскаиваетесь в том, что находились под началом финансово-безответственных людей. Если Вы садитесь за стол, постарайтесь убедить окружающих, что рассчитываете лишь на корку хлеба и глоток воды.

7. Выгуливая свою собаку, не уходите, не прибав за ней.

8. В машине не гоняйте с головокружительной скоростью по улицам города и не заставляйте американцев стучаться лбами о ветровое стекло Вашей машины, когда Вы неожиданно резко тормозите в центре перекрестка. Если американец одалживает Вам свою машину, не считайте, что смятое крыло будет необходимой платой за эту дружескую услугу. Как это ни странно, американцы предпочитают машины с неповрежденными крыльями.

9. Не пытайтесь ограбить кого-либо.

10. Когда Вы приходите к американцу в гости, не стучитесь в парадную дверь. Подойдите к черному входу и почтительно ждите там, пока на Вас не обратят внимание.

11. Старайтесь не вести себя вызывающе, если хозяин намеревается принять Вас в кухне. В комнате у него могут быть другие гости, которые обиделись бы, если узнали, что он принимает нью-йоркцев.

12. Учитесь американским идиомам. Если Вы хотите купить тапочки для игры в теннис, то спрашивайте "теннисные тапочки", а не "тюрем-

ные бутсы". В поисках места для обеда спрашивайте как найти "грязную харчевню", а не роскошный ресторан.

13. Завоевывайте расположение враждебно настроенных американцев, поощряя их предвзятость по отношению к Нью-Йорку. Многие американцы совершенно убеждены, что всем нью-йоркцам естественно свойство финансовой безответственности. Американцев, как любых людей, желающих получить подтверждение своим предубеждениям, можно привести в хорошее расположение духа, если Вы будете упорно прикуривать от горящих 10-ти долларовых банкнот.

14. Не обижайтесь на шутки по поводу Нью-Йорка. Нью-Йорк сейчас единственное иностранное государство, на чей счет американцы могут проходиться без боязни быть обвиненными в фанатизме. Будьте готовы удачно закончить начатый ими анекдот. Например, если американец спрашивает: "Почему требуется три ньюйоркца, чтобы подписать чек?", без раздумий отвечайте: "Это необходимо, так как двое должны поддерживать обеспеченность чека, пока третий будет

его подписывать". Это должно показать, что Вы, хоть и нью-йоркец, но все же не так безнадежны.

15. Выражайте зависть Америке, постоянно твердя о недостатках Нью-Йорка по сравнению с другими местами. Например, "Конечно же, в Нью-Йорке не умеют выращивать таких свиней как в Айове". Или: "Нью-йоркский бейсбол - ничто по сравнению с бейсболом в Цинциннати". Или: "Нью-йоркские трущобы и в подметки не годятся трущобам Детройта".

16. Ну и конечно, не выбрасывайте мусор из окна во двор.

Период "холодной войны" был наполнен напряженной работой специальных служб, направленной, с одной стороны, на проникновение в страну противника, а с другой стороны, на разоблачение проникшего агента. Так было и в прежние века, и в период "холодной войны", так будет и впредь, даже если все страны прекратят враждовать друг с другом. Так устроен мир. Каждому хочется знать про соседа больше, чем тот находит нужным говорить сам. Видимо, Ален Даллес, устанавливая дружеские отношения с парт-

нерами США по блоку НАТО, не зря подчеркнул, что ЦРУ будет обмениваться с ними информацией, ну а ту, которую они захотят от США скрыть, добудет само. Партнеры строго придерживались этого правила: взаимодействовали и следили друг за другом, а если подворачивался удобный случай, то и вербовали сотрудников дружественных спецслужб. Нам неоднократно доводилось наблюдать за такими объятиями и извлекать из этого пользу. Такова жизнь. В одном только спецслужбы стран НАТО обнаруживали абсолютную согласованность- в розыске и проведении мероприятий по пресечению деятельности агентуры и сотрудников советской разведки, включая реализацию данных, полученных от предателей.

... Отток населения из Германской Демократической Республики до возведения Берлинской стены был довольно велик. Естественно, что разведки стран социалистического лагеря не оставили этот канал бегства на Запад без внимания. Естественно также, что и западные спецслужбы разработали систему фильтрации потока бежен-

цев из-за "железного занавеса". Через эту систему фильтрации было пропущено значительное количество лиц, а те из них, кто попадал под опознавательные признаки вероятной агентуры восточных разведок, подвергались глубокому агентурному изучению. И случалось, что в результате такого изучения, при тесном взаимодействии спецслужб ФРГ и США, в их поле зрения попадали и нелегалы нашей разведки, и мы несли потери. Нам не всегда удавалось своевременно получить необходимую информацию и вывести нелегала из-под удара.

Так получилось с "Дугласом" и его сыном "Эрбе", о деле и судьбе которых обстоятельно пишет Джон Баррон в своей книге "Наследник", переведенной и изданной и у нас. Мне довелось знать обоих.

К весне 1972 г. в Центре сложилось мнение, что у "Дугласа" не все в порядке. Чувствовалось непонимание друг друга, неисполнительность, даже раздраженность. Это беспокоило нас, настораживало, мы даже допускали возможный подход к нему со стороны американских

спецслужб. Было решено, что с ним надо встретиться и поговорить. Это поручили мне, поскольку я летел в Чили. Встречались мы дважды, в апреле 1972 г. в Кито (Эквадор), и во время этих встреч мне удалось восстановить взаимопонимание между Центром и нашим нелегаломинностранцем. Однако не удалось снять все сомнения, так как в окружении "Дугласа", по его словам, появился новый знакомый, о котором он говорил уклончиво. Я попросил его присмотреться к нему.

Сын "Эрбе" был интересным эрудированным подростком 14 лет, и на предложение "Дугласа" ориентироваться и на использование сына в будущем, я ответил, что посмотрим так года через 3-4. Мы расстались друг с другом в надежде на дальнейшее сотрудничество.

Летом 1975-го, когда я готовился к выезду на работу в Нью-Йорк, Центр пригласил "Дугласа" и "Эрбе" на дополнительную подготовку в Москву. После возвращения домой они сообщили, что всех пассажиров корабля, сходящих на берег в Копенгагене, снимал кинокамерой какой-то англичанин. Как выяснилось позднее,

это была совместная работа английской разведки и предателя Гордиевского, выдавшего канал переброски разведчиков и нелегалов "Мартыновых" с двумя детьми. Не знаю, удалось ли тогда спецслужбам США, Великобритании и ФРГ идентифицировать "Дугласа" и "Эрбе" и форсировать их разработку или нет, но нам стало ясно, что союзническая скоординированная система поиска советских разведчиков существует и функционирует. Мы начали более тщательную проверку форм и методов своей работы, резко усилили конспирацию, и взялись за поиск вероятного канала утечки информации.

Как бы то ни было, но в дальнейшем мы исходили из того, что "Дуглас" и "Эрбе" могут быть под наблюдением, и наша резидентура в Нью-Йорке провела ряд проверочных мероприятий, в ходе которых опасения подтвердились: один из заложённых в тайники контейнеров оказался вскрытым. У ФБР терпения и выдержки не хватило, подвело любопытство. Мы насторожились, перенесли встречи и операции с "Дугласом" в третьи страны. Но ФБР очень хотелось

захватить кого-нибудь из сотрудников нашей резидентуры в Нью-Йорке. Агенты ФБР даже заставили Дугласа появиться в магазине советской книги "Четыре континента", что на Бродвее. Это уже не шло ни в какие ворота. Там мы его опознали, опознали и других посетителей и сделали окончательный вывод о его действиях под контролем противника. Нам ничего не оставалось, как включиться в игру с ФБР. И опять у ФБР не хватило терпения: они сменили ему в сентябре 1979 г. документы и переселили в другой город. В декабре мы со своей стороны направили "Дугласу" последнюю шифровку, дав знать ему, что нам все известно. Игра была закончена.

В течение 1990-1991 гг. американские спецслужбы неоднократно пытались использовать "Дугласа" для осложнения отношений между разведками СССР и Чехословакии. Они даже направляли его в ЧССР для шантажа оперативных работников. "Дуглас" послушно выполнял их поручения, мешая чешским друзьям работать, но был, не солоно хлебавши, выдворен из страны. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Джон Баррон в своей книге многого не договаривает. Это его и ФБР право: раскрывать свои и союзников методы поиска разведчиков и их агентуры не принято ни в одной разведке. Для меня же это была потеря, понести которую пришлось из-за предательства Гордиевского.

Ранней осенью 1979 года, уже в разгар очередной Сессии ООН, я получил телеграмму с указанием вернуться в Москву на свою прежнюю должность, если у меня "нет иного мнения". Иного мнения у меня не было. Накануне отъезда коллектив резидентуры преподнес мне памятный подарок: индейский нож с надписью на чехле "Нью-Йорк. 1975-1979". Неужели все это было?..

Я уже не помню сейчас, кто дал мне листок со стихотворением "Шереметьево", откуда разведчики-нелегалы иногда уходили на задания и куда возвращались. И не знаю, то ли оно написано каким-нибудь поэтом, то ли самим нелегалом, вернувшимся на Родину после выполнения боевого задания.

ШЕРЕМЕТЬЕВО

Где-то в небе возникли высокие звуки,

Будто тихо и нежно кто-то тронул струну.
О великое счастье - после дальней разлуки
Возвратиться обратно в родную страну.
Возвратиться не кем-то, не вчерашним талан-
том,

Осознавшим ошибки парижской зимой,
Не прощенным за старость седым эмигран-
том,

А вернуться с работы. С работы - домой.
Ни дожди, ни метели, ни жаркое пламя
Не сломили, Россия, твои рубежи,
И высокие звезды встают над лесами,
И серебряный месяц в овраге лежит.
В шереметьевской роще - березы, березы.
Молча девочка держит цветок полевой.
Ты прости мне, Россия, невольные слезы,
Просто долго мечталось о встрече с тобой.
26 июля 1972 г.

Ощущение близости Родины, медленное за-
тухание щемящей сердце тоски, боли каждый
раз сменялось нарастающим чувством радости,
облегчения, чем-то светлым, свежим. Так было
каждый раз, когда самолет выбрасывал шасси,

подпрыгивал от соприкосновения с бетоном, открывалась дверь кабины и внутрь врывался родной воздух.

ГЛАВА 4. "ПАСЕКА" (КИТАЙ)

После возвращения из Германии, несмотря на положительные результаты в работе, мне не нашлось места в центральном аппарате нелегальной разведки. Для него я был новичком. Хотя и опытным, но новичком, а таких туда брали неохотно. К тому же, тогдашнему руководству были известны мои взгляды на организацию работы и использование нелегалов, что отдельными руководителями воспринималось в 1963 г. с опаской и настороженностью.

Я не стал спорить и был направлен отделом кадров на курсы усовершенствования оперативного состава (УСО). Учеба на курсах, обилие свободного времени давали возможность проверить правильность своих взглядов, ознакомиться со взглядами на организацию и ведение разведывательной деятельности других сотрудников разведки.

Время шло, его нет-нет да разнообразили вы-

ходки нашей почты. Кто-то, наверное, незлонамеренно, шутя, стал бросать в наш почтовый ящик газету "Жэньминь жибао" на китайском языке. В семье на это не обратили внимания. Но сразу же об этом вспомнили, когда в декабре 1963 г. в кадрах разведки мне предложили прервать учебу и начать подготовку к командировке в КНР. Почему выбор пал на меня, не владеющего китайским языком, не знаю, но резкое обострение советско-китайских отношений требовало организации разведывательной работы по КНР, которую мы прекратили в октябре 1949 г., ко всему прочему, передав китайским органам безопасности свою агентуру, совершив недопустимый для любой разведки промах в угоду пожеланиям и просьбам временных союзников. Ошибочность этого шага сказывается и по сей день.

Задача передо мной была поставлена трудная. Ведь с 1949 г. китайские разведчики и контрразведчики проходили подготовку у нас, были частыми гостями на Лубянке. Мы широко распахнули им свою душу и раскрыли сокровенные

секреты, но не обратили внимания на отдельные особенности действий китайской верхушки.

Дипломаты и разведчики-китаисты еще помнили, что после своего прихода к власти, во время первого парада на площади Тяньаньмынь, Мао Цзедун сказал Чжоу Эньлаю: "Ну что? Несбыточное, как видишь, с советской помощью осуществилось". На это Чжоу ответил: "Теперь бы с их помощью и удержаться." "Удержимся, но не будешь же ты считать их постоянными союзниками?" - бросил Мао.

Этот вроде бы безобидный обмен мнениями не был случайным, он отражал истинные взгляды Мао Цзедуна. Как стало известно в ходе последующих наблюдений и сбора данных, слегка оправившись после последней гражданской войны и взяв власть в свои руки, китайское руководство еще в 1952 г. развернуло глубоко законспирированную разведывательную работу по СССР, готовило пакет территориальных претензий к Советскому Союзу. Ко всему этому добавлялись острые разногласия по вопросам лидерства и задачмеждународного коммунистическо-

го движения, отягощенные еще и отношениями между главами обеих стран.

Начальник Первого Главного управления генерал А.М.Сахаровский, напутствуя меня на работу в Пекине, просил быть осторожным, терпеливым, все перепроверять, не забывать об истории Китая и его отношений с Россией, а также об особенностях психологического склада китайцев, который во многом определяет их отношение к другим странам и их поведение с иностранцами.

В конце августа 1964 г. я улетел в Пекин.

Итак, 1964-1968 гг. я провел в Китае. Пожалуй, это было наиболее критическое время в советско-китайских отношениях. Наши китаеведы и сами китайцы называли его "хорошее плохое" до мая 1966 года, и потом - "плохое-плохое" время.

Постепенно под прикрытием Посольства СССР в Пекине собрался небольшой коллектив разведчиков, которые шаг за шагом включались в работу по обеспечению руководства необходимыми сведениями. Здесь не обошлось и без курьезов. С нас все больше спрашивали серьезную

политическую и оперативную информацию, а это требовало внесения значительных изменений в формы и методы нашей деятельности. Не все сотрудники, помнившие, что "русский с китайцем - братья навек", были готовы к этому. По воле обстоятельств одно из оперативных мероприятий мне пришлось готовить и осуществлять самому. Его результаты дали положительный эффект. Мы обо всем доложили в Москву. Руководство разведки поблагодарило меня за информацию, и выговорило за личное участие: руководи, исправляй, но не лезь сам. Я не обижался на суровость реакции. Я должен был так поступить, чтобы иметь право заставлять других.

Обобщая сегодня весь свой опыт и свою осведомленность по вопросу взаимоотношений в треугольнике Китай-СССР-США, я не могу не согласиться с выводом к которому пришел Пьетро Кваронни в книге "Русские и китайцы. Кризис коммунистического мира": напряженная обстановка на Дальнем Востоке и в ЮгоВосточной Азии по существу была отражением тогдашнего конфликта между США и Россией. Это очень

сложный предмет для рассмотрения, но если проанализировать в этой связи действия политических лидеров с 1945 г. по сегодняшний день, подоплека станет видна отчетливо. Это предупреждение на будущее: в ходе психологической войны США против СССР, приведшей к взвинчиванию расходов на военные цели, наша страна вовлекалась в гонку вооружений и, не доводя дела до открытого конфликта, становилась на путь саморазрушения. Вопрос "кто - кого" в экономической войне, начиная с 1946 года, стал активно разыгрываться на международной политической арене в крупнейшей в истории операции психологической войны, имевшей целью лишить СССР крупнейшего его союзника - КНР. Джордж Ф.Кеннан в статье "Кто выиграл холодную войну" ("Нью-Йорк Таймс", ноябрь 1992 г., русское издание) подтверждает это.

Другим подтверждением этому являются материалы конференции "Круглого стола" американских китаеведов, ученых и политиков, проведенной в конце 1949 - начале 1950 гг., где обсуждались два вопроса: "на каких условиях Китай

пойдет против России и как повернуть традиционную китайско-русскую вражду на Север".

Тогда в Китае всего этого нам видно не было, но Центр это чувствовал и направлял наше внимание в сторону западных представителей, количество которых в Пекине постоянно увеличивалось.

В 1964-1965 гг. в Китае уже полным ходом проводилась так называемая "Программа социалистического воспитания", предусматривавшая выявление противников нового режима из числа сторонников "советского ревизионизма" и подготовку населения для участия в строительстве социализма с учетом специфики развития революции в Китае. Тогда еще даже не всем китайцам было ясно, что это было разбегом для "нового скачка". Тревога в обществе нарастала. Осенью 1965 г., будучи вызванным в Москву, я летел в самолете вместе с одним из представителей Швейцарской партии труда, работавшим в партийной школе Шанхая. Завязалась беседа, он обмолвился о том, что слушатели этой школы изучают вопросы управления большими массами населе-

ния по книгам, изданным в гитлеровской Германии. И подчеркнул, что китайцы готовят новую большую чистку своих партийных рядов и всего населения. Руководство разведки поручило нам внимательно следить за развитием обстановки в КНР.

26 мая 1966 г. аспирантка Пекинского университета Ван Гуанмей вывесила на стене здания свое гневное "дацзыбао", клеймящее клику противников Мао Цзедуна, стремящихся свернуть Китай на путь советского ревизионизма и американского империализма.

Направление борьбы и враги были указаны. Началась продолжавшаяся около 10 лет "культурная революция", целью которой был пересмотр старых и поиск новых путей социально-экономического развития страны при сохранении внешних политических атрибутов курса строительства социализма. Если внутри страны наносился удар против сторонников группировки Лю Шао-ци и Линь-бяо, то в области внешней политики главный удар, сопровождавшийся громкой трескотней в адрес американского империализ-

ма, ведущего войну с вьетнамским народом, был направлен против СССР.

Я не думал затрагивать эту тему, но публикация в "Комсомольской правде" от 15 февраля 1992 г. "Как мы держали палец на красной кнопке" возвратила меня в год 1967-ой - год наибольшего накала в советско-китайском кризисе.

В течение 1966-1967гг. обстановка вокруг представителей "советского ревизионизма" продолжала накаляться. Несколько раз наши сотрудники подвергались нападениям со стороны хунвейбинов. Почти целую ночь я провел недалеко от ворот торгпредства в своем новеньком "Москвиче", облитом клеем, облепленным всякими дацзыбао, с выхлопной трубой, обмотанной соломой (гори, ревизионист, сам себя подожжешь, если заведешь мотор). Напряженность нарастала. Хунвейбины подвергли городок посольства двухнедельной физической и звуковой блокаде, вынудившей нас с помощью других дипломатических представительств провести эвакуацию членов семей.

Чтобы снизить накал, мы решили органи-

зовать торжественно-траурные проводы на Родину трех погибших в ДРВ советских воинов-ракетчиков. На площади перед зданием посольства, к удивлению хунвейбинов, устроили митинг и через громкоговоритель рассказали всему Пекину, что прощаемся с воинами, которые отдали жизнь, защищая небо Вьетнама. Машина с телами погибших прошла перед строем сотрудников советских учреждений, ворота распахнулись и она медленно двинулась в сторону аэропорта сквозь расступившуюся толпу ранее бесновавшихся хунвейбинов. Они более или менее притихли на несколько дней. А потом пошли на штурм городка посольства, разгромили здание консульства и сожгли будку привратника. В самом здании посольства были перебиты все стекла первого этажа. Провокация была явно рассчитана на разрыв дипломатических отношений. Но русские нервы оказались достаточно крепкими. Последовавшая затем встреча А.Н.Косыгина с Чжоу Эньлаем в пекинском аэропорту на некоторое время сняла острое напряжение.

Незадолго до штурма посольства хунвейби-

нами нашим сотрудникам удалось побывать в провинции Хейлунцзян и Харбине и встретиться с нашими престарелыми соотечественниками. Один из них рассказал, что китайские власти выселили его с принадлежавшей ему пасеки, превратили ее в огромный ящик с песком, какие бывают в классах тактики военных академий. Представленная на нем местность отображает участок сопредельной советской территории. Старый 84-летний амурский казачий офицер этим был очень озадачен.

Представитель фирмы "Крупп" в Пекине в беседе со мной обозвал русских дураками, которые не видят, что делается под их носом. Он выражал обеспокоенность, поскольку бывал там, куда советских давно не пускали. "Крупп" это сталь, а сталь нужна для войны.

Мои западные коллеги, наблюдавшие за советско-китайскими пограничными отношениями, осторожно давали понять, что китайцы усиливают войсковую группировку на границе с СССР.

Мы обобщили эти и другие данные и направи-

ли сообщения в Центр, изложив просьбу проверить информацию средствами космической, радиотехнической, военной и пограничной разведки. Ответа не последовало.

Осенью 1967 г. я прилетел в Центр в отпуск, где мой прямой начальник заявил, что мои шифровки вгонят его в очередной инфаркт. Я промолчал. В нашем подразделении мне рассказали, что тревожная шифровка была направлена в инстанции, откуда вернулась с грозной резолюцией: "Проверить, если не подтвердится, резидента наказать".

Проверили. Все подтвердилось. Не извинились. Не принято.

В 1969 г. в районе, близком к пасеке, произошел известный вооруженный конфликт.

Предупреждений настораживающего характера разведкой делалось в последние годы предостаточно, в том числе и относительно ряда столь болезненно переживаемых сегодня явлений. Не повторяем ли мы вновь ошибки, приведшие к июню 1941 года, не подтверждаем ли истину, что русский мужик задним умом крепок? А ведь пре-

дупреждения разведки выстраданы ценой невероятного труда разведчиков.

... Все пережитое в те напряженные во всех отношениях годы - материал для отдельной и большой книги. Вероятно, когда-нибудь наступит и ее очередь. Работа в Китае дала мне возможность понять эту страну и даже полюбить за ее самобытность. У меня там осталось много друзей-китайцев, которые, надеюсь, еще помнят меня. Сегодня я с большой признательностью вспоминаю наших послов С.В.Червоненко, С.Г.Лапина, дипломатов Ф.В.Мочульского, Ю.И.Раздухова, А.А.Брежнева и других, которые тогда помогли мне освоиться в новой стране, где европейцу невозможно раствориться.

В трудные годы "культурной революции" в КНР во второй половине 60-х годов у меня сложились хорошие отношения с дипломатами социалистических и капиталистических стран. Волна крайнего национализма и экстремизма, обрушившаяся в ту пору на иностранный дипкорпус, сблизила нас, заставила помогать друг другу в

трудные минуты. Одной из жертв "культурной революции" стала Людмила Малова, одного дипломата Посольства ГДР в Пекине, хорошая знакомая моей жены. В магазине "Дружба" на улице Ванфуцзин один из китайских экстремистов, находящийся то ли в полупьяном состоянии, то ли в патриотическом дурмане, ударом секача для рубки мяса по нижней челюсти тяжело ранил ее. Она упала на пол, обливаясь кровью, а он, с криками "смерть советским ревизионистам", тем же секачом пытался вспороть ей живот, видя, что она беременна. Нападавшего сотрудникам магазина удалось задержать. Людмилу Малову срочно доставили в госпиталь, где ей была оказана помощь. Ребенок был спасен. Позднее она и ее муж рассказывали нам, как в госпитале ее посетил заместитель министра иностранных дел КНР Ван Бин-нань, который выразил сожаление, что "жертвой стала жена дипломата ГДР", но призвал "с гордостью носить шрам от ранения, полученного ею в борьбе с советским ревизионизмом".

В дни "культурной революции" разгрому под-

верглись также Посольства Великобритании и Монголии в Пекине. Стихийно возникшая тогда "солидарность" европейских дипломатов помогла англичанам пережить трудное время. Видимо, этим можно объяснить тот факт, что советник-посланник этого посольства господин Вилфорд прислал мне и некоторым другим советским дипломатам приглашение правительства Ее Величества посетить Англию в удобное время. К сожалению, подходящего для этого случая пока не было.

Представителями какой бы страны мы ни были, но при последующих встречах в Европе, Америке или Юго-Восточной Азии мы всегда находили возможность даже в трудных вопросах прийти к выгодному компромиссу.

В конце командировки мне передали просьбу Ю.В.Андропова: кроме оперативного отчета, описать свое впечатление о работе в Китае и обстановке там. В течение месяца я трудился над своими записками "Четыре года в Китае", излагая все, как мне представлялось нужным. Эта "своеобразная" работа читалась руко-

водителями КГБ и Инстанцией, как сказал мне Ю.В.Андропов, возвращая ее, испещренную разноцветными пометками и подчеркиваниями. Видимо, она все еще хранится где-то в архиве, изредка напоминая заинтересовавшимся о тех далеких временах. У меня же осталась красная эмалированная металлическая табличка, сделанная досужими хунвейбинами, с номером здания Посольства СССР в Пекине и надписью: "Улица советских ревизионистов, 1".

ГЛАВА 5. Ю.В. АНДРОПОВ

Мне приходилось встречаться и работать со многими руководителями: Ю.В.Андроповым, А.А.Громыко, Б.Н.Пономаревым, В.М.Чебриковым, В.А.Крючковым и другими. О встречах и беседах с ними можно говорить много и долго. Скажу лишь несколько слов о Ю.В.Андропове.

О Юрии Владимировиче как Председателе КГБ, дипломате и человеке вообще в последнее время писать стали чаще и больше. И у нас, и за границей.

Я не видел за свою жизнь ни одного добрень-

кого политика. Если политик хочет быть добреньким и для своих и для чужих, он явно занимается не своим делом. Любой государственный деятель защищает интересы своего государства. Каждое государство имеет свою историю, занимает определенное место в мире, имеет традиционный характер взаимоотношений с теми или иными странами. Ю.В.Андропов хорошо знал и понимал это. Он был сыном своей страны, своего времени. И действовал в духе этого времени.

Я буду говорить о Ю.В.Андропове только как о главе Комитета Государственной Безопасности, непосредственно руководившем деятельностью нелегальной разведки.

Наше первое знакомство с ним относится к зиме 1964 г. Меня вызвали в Центр для доклада о работе по Китаю и Юго-Восточной Азии.

Председатель КГБ СССР В.Е.Семичастный после доклада позвонил в ЦК КПСС Ю.В.Андропову и доложил, что резидент разведки из Пекина прибыл. Ю.В.Андропов попросил срочно направить меня к нему для беседы.

И сейчас помню этот кабинет на Старой площади. Помню, как он встал из-за стола, с улыбкой пошел навстречу... Познакомились, поздоровались друг с другом, и он попросил: "Сядь, рассказывай о всех своих впечатлениях, какие у тебя сложились после полугодового пребывания там, в Китае..." Я заметил, что на это потребуется очень много времени, которое вряд ли позволительно отнимать у секретаря ЦК. Он, улыбнувшись, "приказал": "Начинай, рассказывай... Для Китая у нас времени достаточно..." Встреча продолжалась около четырех часов. Юрий Владимирович умел слушать, завать вопросы, быы всегда активен, привлекал к участию в беседе других, входивших в его кабинет. Он очень внимательно отнесся к впечатлениям "свежего" человека, переброшенного после многолетней работы в Германии на Дальний Восток, в страну, которая стала представлять из себя серьезную заботу для нас. В страну, которой наша разведка, наша Армия, наши государственные деятели еще недавно, в "дружественный" период, в период гражданских войн оказывали значи-

тельную помощь в решении политических и военных вопросов. Я не знаю, насколько ценными были сведения, сообщенные мной в той беседе. Но Ю.В.Андропова интересовали именно впечатления, наблюдения, моя точка зрения на то, каким образом можно разрубить узел советско-китайских противоречий.

Зная сложность этого вопроса, я в шутку заметил: "Видимо, следует наложить на марксизм ленинизм, потом маоизм, затем все просветить, и что будет сбоку марксизма- отрезать". Он улыбнулся, ответил, что это уже пробовали... На его предложение в конце беседы перейти на работу в аппарат ЦК КПСС я ответил отказом. Он еще раз улыбнулся: "Ну подумай, подумай..." И когда через несколько лет он прилетел с Алексеем Николаевичем Косыгиным в Китай, в посольстве, на лестнице, Юрий Владимирович напомнил о нашем разговоре и "предупредил", что опять увидимся.

В следующий раз мы встретились в 1968 г., когда я вернулся домой, а он уже стал Председателем КГБ. "Вот мы и встретились, и будем

работать вместе", сказал он.

Видимо, мои записки "Четыре года в Китае" побудили его направить меня на короткий промежуток времени в китайский отдел ПГУ, а затем вернуть в Управление "С".

Как он и начальник ПГУ А.М.Сахаровский решали мою судьбу, мне до сих пор неизвестно. Александр Михайлович Сахаровский, вызвав меня, передал решение Председателя КГБ о моем новом назначении заместителем начальника нелегальной разведки. Я ответил согласием, но предупредил, что процесс "притирки" к новому коллективу руководителей может быть трудным из-за тренировок, которые были в 1963 г. по вопросам организации работы. А.М.Сахаровский попросил внимательно ознакомиться с взглядами Ю.В.Андропова на деятельность нелегальной разведки, подчеркнул, что период поисков пути закончился и подвел итог: "Внутри Управления можешь пробовать, искать, менять, делать, что хочешь, но Управление "С" должно найти свое место. Это просил передать тебе Ю.В.Андропов".

Так произошло мое возвращение в нелегальную разведку. Я весьма признателен всему коллективу Управления за помощь - хотя порой и через сопротивление - в решении острейших вопросов разведывательной работы.

Ю.В.Андропов не был недостижимым. Он жил проблемами нелегальной разведки, думал вместе с нами о путях ее развития. Многое, о чем он говорил, мы постарались претворить в жизнь. По своему военному прошлому он знал, сколь сложно и опасно ремесло разведки. Он жил жизнью нелегалов, встречался с ними. В беседах он вовлекал в разговор всех участников встречи, журил отмалчивающихся, разрешал спорить и не соглашаться с ним. Юрию Владимировичу не всегда нравилось, что ему возражают. Но он умел возражающему предоставить возможность доказать свою правоту последующими действиями. Он принимал возражения только, как у нас говорят, материализованные, подтвержденные убедительными аргументами, результатами серьезной работы.

Ю.В.Андропова глубоко интересовали вопро-

сы воспитания у разведчиков выдержки, преданности и стойкости в острых ситуациях, в случае захвата противником. Ведь каждый из них переживает то состояние, которое было знакомо партизанам, уходящим в тыл врага: можно действовать, рисковать своей жизнью, а можно и отсидеться. Так бывало.

Как-то мы пригласили его поехать вручить орден Красного Знамени нелегалу иностранцу, которому пришлось многое испытать, выполняя задание. Он согласился. Между ними состоялся живой и интересный разговор. Ю.В. Андропов как бы ушел от своей высокой должности, вручил орден, просто по-товарищески поздравил. На обратном пути в машине он внезапно спросил: "Скажи, Юрий Иванович, почему иностранец, бывший идеологический противник, служит делу социализма вернее, чем наш соотечественник?" "Он служит в нелегальной разведке, Юрий Владимирович", ответил я. - У нас не принято говорить нелегалу неправду, обманывать. Он сам имеет право высказать все, даже самое неприятное. Без этого доверия не будет". Ю.В. Андропов

помолчал, потом промолвил: "Да, многое нам поправлять надо".

Ю.В. Андропов внимательно следил за ходом нелегальных операций, некоторые знал в деталях. Иногда ему не терпелось узнать что-то новое, но он останавливал себя, подчиняя свои желания условиям связи и строжайшей конспирации.

Помню, когда один из наших нелегалов успешно завершил сложную операцию, ставшие известными данные о замыслах наших противников против Советского Союза и стран Варшавского блока серьезно обеспокоили его. К информации нелегальной разведки он стал относиться с еще большим вниманием. Перед уходом из КГБ опять на Старую площадь, на свой последний государственно-политический пост, он встретился с руководством нелегальной разведки. Он был уже тяжело болен, но считал своим долгом проститься с нами.

Обладая гигантской осведомленностью относительно обстановки в мире и стране, он сумел в скупых, но емких словах поставить задачи, вы-

полнение которых и поныне подтверждает его выводы.

Ю.В.Андропов попросил радировать от его имени всем действующим разведчикам нелегалам о вынесении им благодарности за работу. Наши радисты и шифровальщики почти месяц передавали его последнюю шифровку и получали ответы, которые сразу же уходили к нему на Старую площадь.

Он ушел из жизни непозволительно рано.

* * *

После возвращения в нелегальную разведку, наряду с решением вопросов управления ее подразделениями, мне пришлось также побывать в разных странах разных континентов. Почему-то запомнились два незначительных эпизода, о которых я каждый раз с теплом вспоминаю.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ГЛАВА 5. "ПОДЪЕМ ФЛАГА В ПАНА-

МЕ"

^ТТ:

Самолет в Панаму из Нью-Йорка прилетел около шести часов утра. Пассажиров пригласили выйти из самолета и пройти в зал ожидания аэропорта.

Было душно. Недавно прошел теплый дождь, небо еще покрыто разорванными серо-черными облаками, чуть-чуть начинающими розоветь на востоке.

Вдруг раздается прерывистый сигнал свистка, затем четкий солдатский шаг под ритмичное посвистывание. Капрал и два солдата со сложенным государственным флагом на вытянутых руках идут по бетонным плитам к флагштоку. Их форма поношена и многократно стирается. Лица напряженно сосредоточены и серьезны.

Головы всех пассажиров лайнера повернуты в сторону солдат. Всем (хотя все иностранцы) что-то подсказывает, что надо выпрямиться и подтянуться в эту минуту (можно даже выделить военных, несмотря на штатскую одежду). Прикреплен и поднят флаг Панамы.

Солдаты так же строго уходят. Среди пассажиров оживление, шутки, смех. День начался.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ГЛАВА 5. "НАХОДЧИВОСТЬ"

^ ТТ:

В 1972 г. возникла необходимость встретиться с одним из нелегалов. Почемуто местом встречи мы избрали Перу, удивительный город Куско.

Моя поездка туда привлекла внимание американцев. Летел в Лиму транзитом через Нью-Йорк, все понятно. В Лиме они попросили местную контрразведку последить за мной. Так началась слежка с передачей меня от одной бригады наружников другой в каждом пункте. Интересно, спокойно чувствуешь себя.

В Куско улетели самолетом местной компании "Авианка" без "хвоста". Самолет дребезжал и скрипел от старости. То ли связь не сработала, то ли телеграмма о взятии меня под наблюдение

была составлена плохо, но в Куско меня встречали.

В гостинице к сопровождавшему меня нашему разведчику И.Ф., высокому, смуглому, как перуанец, безупречно говорившему на местном испанском языке, подошел сотрудник местной спецслужбы и сказал: - Эй, парень, ты его знаешь, уже давно следишь за ним? - С момента прилета, - ответил И.Ф., - даже знаком с ним. А что? - Помоги нам, согласен? Тут своих дел полно, а еще за ним топай. Расскажешь потом, чтобы было что сообщить.

Мы решили помочь им. И.Ф. хорошо поужинал с перуанцем и отпустил его заниматься своими делами.

На меня произвели большое впечатление развалины Мачу Пикчу, сам городок Куско с его собором и строениями. У меня была возможность спокойно и подробно обсудить с нелегалом все вопросы.

И.Ф. перед отлетом еще раз поужинал с приятным коллегой и даже взял от него пакетик для знакомого в Лиме.

Обратный перелет из Куско в Лиму на самолете "Авианки" обошелся без приключений. Нам повезло. Во время следующего рейса эта машина - последняя из обслуживавших эту линию - рухнула от дряхлости на землю вместе со своими пассажирами.

* * *

В самом начале 1974 г. получил новое назначение начальник Управления "С" А.И.Лазарев. Вся огромная работа по Управлению легла на мои плечи, и я с большим облегчением вздохнул, узнав, что на его место будет назначен В.А.Кирпиченко. Знающие его сотрудники говорили: с ним легко сходишься и трудно расстаться. Мы сработались, спорили, решали трудные вопросы, делили неприятности, поддерживали и ободряли друг друга. Такие люди встречаются редко.

ГЛАВА 7. НАЧАЛЬНИК НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

Итак, во второй половине октября 1979 г. мы распрощались с Нью-Йорком и вернулись в Москву. Стояла золотая осень. Я думал, что по-

ка меня будут оформлять на должность, успею заняться квартирой, дачей, на которую "ухнул" все накопленные деньги.

Через несколько дней после возвращения я был на приеме у Председателя КГБ Ю.В.Андропова. Обычно при назначении на прежнюю должность проводить беседу на таком уровне не полагалось: отчет был написан еще в Нью-Йорке, вопрос о работе решен, надо просто начинать работать.

Ю.В.Андропов, видимо, был удовлетворен результатами работы резидентуры и сразу перешел к новой проблеме. Он сказал, что руководство КГБ решило внести изменения в планы моего использования. "В.А.Кирпиченко переводится на другую работу. Кстати, он сейчас в командировке. А тебе мы предлагаем должность Начальника Управления "С", тем более, что ты в нем прошел путь от рядового сотрудника до заместителя начальника, и все в нем знаешь".

Он кратко обрисовал обстановку, определил основные оперативные направления работы, уточнил задачу Управления "С", теп-

ло попрощался и порекомендовал "впрягаться". В.А.Крючков, присутствовавший при беседе, попросил обратить внимание на Афганистан.

После беседы у Ю.В.Андропова я вернулся теперь уже в свой кабинет № 655 на Лубянке, переполненный указаниями Председателя КГБ и Начальника разведки и своими собственными мыслями, вызванными этим назначением.

Что же сказал Ю.В.Андропов? Он еще раз подчеркнул, что затянувшееся на много лет определение роли и поиски места нелегальной разведки в системе разведывательной деятельности давно закончились. Он был удовлетворен практически результатами, достигнутыми нелегалами за последние 10 лет на определенных для них направлениях боевой работы (активная разведка по предотвращению внезапного ракетно-ядерного нападения на нашу Родину). Ряд операций, начатых в начале 70-х годов, положительно развивается. С этого направления нельзя сходиться, какие бы изменения не происходили в других подразделениях. Ю.В.Андропов посоветовал внимательно отнестись к прошлому опыту дея-

тельности нелегалов, отбросить все, что стало известно противнику от предателей, и вследствие провалов, и все время искать и искать новое, но смелое и дерзкое, не забывая о конспирации и отвлекающих маневрах. Тут же он вспомнил еще ряд дел, которые были начаты нами еще до моего отъезда в США.

В заключение Ю.В. Андропов подчеркнул, что нелегальная разведка должна жить и работать по своим законам и правилам, быть максимально автономной в общей системе внешней разведки, и предоставил нам право самостоятельно информировать его и Инстанции в случаях, когда это диктуется интересами безопасности нелегалов и их агентуры. (Как я был все годы благодарен ему за это решение, хотя оно иногда и осложняло наши отношения с информационной службой ПГУ, так как мы стали "знакомить" ее с нашими данными, которые постепенно приобретали все более весомый и значимый характер).

Дальше мне предстояло действовать самому, опираясь на руководящий и оперативный состав Управления "С" - нелегальной разведки, кото-

рая за мое отсутствие окрепла благодаря усилиям В.А.Кирпиченко.

14 ноября 1979 г. я был утвержден в новой должности и на добрые 12 лет связал свою жизнь с напряженной и постоянно беспокойной жизнью нелегальной разведки.

Через месяц мне пришлось на несколько дней прервать знакомство с делами и людьми Управления и вылететь в Афганистан, где уже находилась в краткосрочной командировке часть наших сотрудников. По возвращении из Афганистана внутренние заботы Управления так захватили меня, что я не заметил, как пролетели годы.

Видимо, нет никакой надобности останавливаться на описании структуры и организации работы Управления "С", так как это с большим рвением и изрядной долей выдумки уже сделали перебежчики-предатели Гордиевский и Кузичкин в своих мемуарах, о которых уже успел составить представление наш читатель.

Обострение международной обстановки усложняло задачи оперативного состава и нелегалов, требовало от них больше

самостоятельности и отдачи. Мы все понимали, что добиться этого можно только при условии укрепления исполнительской дисциплины. Моим лучшим помощником среди руководящего состава Управления был секретарь партийного комитета, сам бывший боевой нелегал.

Мы не проводили нудных нравоучительных лекций, не читали морали. В основу своей работы мы положили оперативно-практические совещания с анализом конкретных результатов работы и комплексные оперативно-тактические учения всех подразделений Управления по тематике выявленной встречной деятельности спецслужб противника.

В ходе таких учений мы стремились не только решать оперативные вопросы, но и ознакомить оперативный состав с полученными данными о разных направлениях деятельности спецслужб стран, регион которых охватывали учения. Например, в секретном документе одной из западных спецслужб, который касается вопросов подбора кадров в разведку, говорилось: "Наличие отрицательных черт или качеств у челове-

ка ограничивает его пригодность к разведработе. Обычно эти отрицательные качества настолько глубоко укоренились в личности человека, что их трудно изменить. Идеальных людей очень мало. "Святые" в разведке обычно не работают. Вместе с тем не следует тратить усилий на исправление слабостей и недостатков характера. Людей с явными недостатками вообще не следует привлекать к разведработе. К таким недостаткам относятся: болтливость, нечестность, трусость, боязнь трудностей, отсутствие объективности, психическая неуравновешенность".

Мы учитывали эти рекомендации, пересматривая и проверяя свои требования к подбору кадров.

Каждый разведчик, независимо от его категории (легал или нелегал), хотя бы один раз в жизни, но решал задачу "агентурного проникновения в организацию или объект, представляющий оперативный интерес". Мы напоминали нелегалам и сотрудникам свои требования и знакомили их с подходом ЦРУ США к этой проблеме: "Ни в коем случае нельзя расслабляться, надо постоянно

контролировать свои действия, поступки и возможности, сохранять высокую бдительность по отношению к противнику. Потеря бдительности может привести к провалу нелегала.

На всех этапах операции необходимо соблюдать все известные требования конспирации и по возможности обеспечивать полную безопасность ее осуществления. Мы не можем, разумеется, полностью устранить элементы риска или заранее предусмотреть возникновение неожиданных ситуаций. Кроме того, совсем нетрудно усилить безопасность до таких пределов, что она превратится в преобладающий фактор, вследствие чего может застопориться вся операция. Поэтому необходимо поддерживать правильное равновесие между требованиями безопасности и эффективностью операции.

Условия безопасности: а) Личная безопасность: соблюдение требований конспирации везде, всегда и во всем. Встречаются люди, которые с удовольствием окунаются в атмосферу таинственности и приключений, не свойственную обычному образу жизни. Подобное отношение к

делу является неотъемлемой частью операции, разработки, но только все это должно выглядеть естественно.

б) Уверенность в себе: хотя от агента ожидается строгое соблюдение легенды, это еще не означает, что он является абсолютно послушным орудием в наших руках. Уверенность в себе, в своих силах и возможностях обычно требует повышенного уважения и соответствующего отклика. Однако излишняя самоуверенность и тщеславие могут в конечном счете привести к разрыву отношений между агентом и оперработником.

в) Эмоциональный контроль.

г) Осторожность и скрытность: агент не должен ни в коем случае иметь при себе чего-либо, что могло бы привести к расконспирации операции. Это же относится и к месту постоянного жительства агента.

Нет такого тайника, который было бы нельзя обнаружить.

Меры обеспечения безопасности и конспирации должны быть предельно простыми. Чем они сложнее, тем больше опасность провала и рас-

конспирации.

Ограничить круг лиц, принимающих участие в операции. . . " Сказано не так уж много, а сколько полезного, совпадающего и с нашими требованиями.

Война разведок - настоящая, не видимая простому глазу война. И как на всякой войне, здесь также бывали жертвы. Чтобы их свести на нет или чтобы их было как можно меньше, мы учили нелегалов и поведению в экстремальных ситуациях - при задержании, аресте, несчастных случаях и т.д. И мне часто вспоминалось, как относились к подготовке разведчиков и воинов наши предки.

"Идя на пытку, вспомни Исаака Сирина: потщись войти во внутреннее сокровение твое. . . как на умной молитве, на священном трезвении, - ты достигал его, если хотел. - Отдели дух от тела и дай телу без чувств принять страдание. Если же изменит тебе это искусство разделения живого естества, вспомни, что нет невыносимой боли, пока ты в памяти. От истинно невыносимой боли и сильный впадет в беспамятство, а ты не столь силен телесно, да можешь еще и помочь

себе. . . Готовил я из тебя схимника и книжника, а изготовил, видно, воина. Иди." (Старец Вла- сий Ветлужанин Алексею Дуплеву "Неупокою". В.Усов, "Цари и скитальцы") Нелегалы понима- ли, что такие встречи с противником во время боевой работы возможны. Как много это дало для нелегальной разведки, было отчетливо вид- но по результатам нашей работы за рубежом. Но не все мероприятия, однако, с пониманием встре- чались в ПГУ на первом этапе.

Мы же были удовлетворены тем, что нелега- лы узнали- они сами отмечали в своих отчетах,- для чего они нужны, с чем они встретятся за ру- бежом; а находящиеся на боевой работе поняли, как им предстояло действовать. Деловая само- стоятельность перестала носить принудительный характер.

Переход от учений, оперативной подготовки к конкретной деятельности за рубежом становился плавным, естественным.

Большую помощь, на мой взгляд, в этой воспитательной работе оказывало восприятие оперативным со-

ставом делового стиля Ф.Э.Дзержинского, выработанного им в бытность Председателем ВСНХ СССР. Эти положения актуальны, значимы и сегодня в период возрождения России. Вот они: 1. Начинай с себя, с требований к себе, с культуры собственной работы.

2. Будь компетентен, принципиален, способен правдиво и честно объяснить свои неудачи, а также до конца отстаивать свои предложения.

3. Не допускай всезнайства. Оно чуждо как комчанство. Умей учиться у подчиненных. Учись и ищи.

4. В рамках своих прав и обязанностей решай, делай и отвечай, не тратя ни одной лишней минуты, не допуская лишних инстанций.

5. Имей свою схему калькуляции и оценки собственной неорганизованности на рабочем участке, бесхозяйственности, расточительности и т.д. для того, чтобы по этой схеме давать анализ критики, а не восхваления.

6. Не допускай бахвальства при оценке результатов своей работы, критически относись к положению дел на своем участке.

Нас все время беспокоила возможная утечка информации о деятельности нелегальной разведки. Я очень признателен руководству разведки за то, что оно оберегало нас: у нас были результаты, а нас продолжали ругать на совещаниях (мы сами просили об этом); наша информация была упреждающей и достоверной, а нас упрекали в медлительности действий и легковесности сведений. Это помогало нам защищать себя внутри, в ПГУ и КГБ, и водило за нос таких, как Гордиевский и Кузичкин. Но это было нелегко, случались и промахи, в том числе и в самом коллективе.

В нелегальной разведке многое обнажено, почти все воспринимается обостренно, болезненно, если ты сам не подчинил себя суровым законам этой службы. Самый главный из них - полная откровенность и отчетность обо всех твоих шагах и действиях как за рубежом, так и внутри страны. Почему внутри? Потому что разведки противника действуют и внутри твоей Родины, и ты сам, если забыл об этом, можешь стать виновником "неприятных моментов". А как же личная свобода? Живи, пользуйся, люби, но помни

о долге, о взятых на себя обязательствах. Тебя в разведку на суровую службу насильно не тянули. Ты пришел в нее добровольно, осознанно, тебе с самого начала сказали, что тебе будут помогать работать, учить, оберегать, проверять... У меня лично и у других разведчиков-нелегалов эти требования никогда не вызывали чувства горечи и обиды якобы за недоверие.

А как быть с теми, кто из других ведомств и не связан этими обязательствами, кто волен вести себя более свободно? Внешне будь как он. А если он болтлив, назойлив, любознателен, просто безответственен в своем поведении? Будь осмотрителен и нейтрален в отношениях с ним. А если он вышестоящий руководитель да еще и с этими слабостями? Будь внимателен, не оставляй без учета особенностей его характера и поведения, по возможности упреждай его действия. Все это не просто, трудно... Все это необходимо учитывать и не забывать, особенно легальным разведчикам, обеспечивающим деятельность нелегальной разведки.

... Сотрудник

нью-йоркской резидентуры В.В.А. участвовал в операциях по связи с нелегалами. О его принадлежности к разведке было известно Шевченко, которого как дипломата в ранге посла об этом проинформировали в Центре. ФБР, получив информацию от Шевченко, установило за В.В.А. плотное круглосуточное наблюдение, сделав его работу как разведчика почти невозможной. . .

Сотрудник нью-йоркской резидентуры В.Н. на приеме в советском представительстве при ООН оживленно беседовал с американским дипломатом, установленным разведчиком. К ним приблизился член делегации СССР на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, заведующий международным отделом МИД Израэля, у которого более двух лет работал В.Н. Наш сотрудник тактично отошел в сторону. Американец спросил Израэля, знает ли он В.Н. Тот ответил отрицательно. Объяснить потом свой поступок, приведший к расшифровке разведчика, впрочем как и многие другие оплошности в своем поведении, он не пожелал. А что же американцы? Они получили подтверждение своих подозрений и серьезно

осложнили работу В.Н.

... В середине 80-х годов в одну из резидентур было направлено сообщение о том, что в их страну будет переброшен агент-нелегал Н. По оплошности Центра в информации были указаны не только условия связи, но и специальность и языки, которыми владел Н.

В резидентуре оказался предатель, который сумел из-за спины другого сотрудника прочесть это сообщение и передать его содержание местной контрразведке. Ей потребовалось всего лишь 5 месяцев, чтобы по наименованию специальности и двум иностранным языкам, найти и арестовать нелегала и вместе с другой иностранной контрразведкой навязать нам сложную оперативную игру. Мы сразу же поняли, что произошел провал, и много усилий потратили на поиски предателя, нашли его и обезвредили...

В работе были и другие "неприятные моменты". Этот термин весьма деликатно вошел в словарь разведчиков, когда им приходилось докладывать высшему руководству о срывах вербовок, провалах агентуры, арестах нелегалов. Развед-

чикиагентуристы прекрасно понимали насколько опасна и рискованна их работа, как болезненно любая неудача воспринимается руководством, как сказывается она на взаимоотношениях между лидерами разных стран, если между ними установились дружеские отношения, на общей политической обстановке, к каким последствиям может привести.

Если в легальной разведке "неприятный момент" завершался высылкой легального разведчика из страны и кратковременной шумихой в прессе в связи с арестом очередного советского шпиона, то в нелегальной разведке все было во много раз сложнее. Надо было быть твердо уверенным, что "неприятный момент" касается именно нелегала (ведь он и так ежеминутно внутри общества чужой страны, в ее объекте, путь к которому измерялся иногда не одним десятком лет). Необходимо было вычислить, кто или что является причиной опасности. Следовало оценить обстановку и сделать вывод: нелегал может выбраться из сложной ситуации сам; нелегала надо срочно выводить из-под ареста; надо

спасать его агентурную сеть, - и решить целый ряд других вопросов, в том числе и как повернуть весь "неприятный момент" в свою пользу и выйти из сложной ситуации без потерь.

Перед глазами проходит ряд эпизодов, связанных с "неприятными моментами", и я вновь и вновь переживаю их. Сколько раз приходилось слышать от нелегалов, что у них все в порядке, тогда как достоверные агентурные данные предупреждали о вероятности его ареста в ближайшем будущем. Нелегала приходилось срочно отзывать, и если это удавалось, ощущение "неприятного момента" уступало место чувству удовлетворения: перехитрили контрразведку противника.

... "Шиверт" уже давно в этой стране. Освоился, появились хорошие друзья. Среди них - один из его европейской страны. Помогает устроиться, ненавязчив, подозрений не вызывает. Обещал помочь найти после учебы хорошую работу. И вдруг - эти два полицейских, предъявивших обвинение в незаконном въезде и шпионаже. Устроили в квартире засаду, а сегодня как раз должна

приехать жена. Как она поведет себя: ехала к мужу, а попала в лапы полиции. Нет, "Люси" находчива, она все поймет. (Такой вариант мы проигрывали, когда готовили "Шиверта" и "Люси" к предстоящей работе).

"Люси" легко вбежала на третий этаж дома, где ее ожидал "Шиверт", нашла кнопку звонка и оказалась лицом к лицу с полицейским, вежливо пригласившим ее в квартиру. Что это? Арест, проверка документов, провокация? Как быть? Она все прочитала в глазах мужа. Вот тут и пригодился ей весь запас ее знаний и бабушкин характер. "Люси" атакует "Шиверта" на глазах у полицейских, обвиняет его в том, что он хотел втянуть ее в свои махинации, да еще призвал на помощь этих полицейских, рвется к телефону, чтобы вызвать консула своей страны. Ее поведение настолько естественно, что полицейские, повертев в руках ее документы, возвращают их и отпускают ее. "Люси" "мчится в свое посольство", выезжает немедленно из страны и информирует о провале Центр.

По местному законодательству "Шиверт"

должен быть выслан в страну своего паспорта и передан властям для расследования причин использования чужих документов. Через некоторое время "Шиверт" сообщает, что осужден на незначительный срок, просит шагов по его освобождению не предпринимать. В результате анализа случившегося нам стало ясно, какие в этой сверхдемократической стране введены дополнительные меры контроля за "свободным" выездом иностранцев. Работу пришлось начинать заново. . .

Начальник ПГУ КГБ СССР генерал-лейтенант Шебаршин Л.В. вспоминает в своей книге "Из жизни начальника разведки" еще один "неприятный момент", связанный с нелегалом "Рагимом". Он в основном правильно отражает обстановку, но в Афганистан "Рагим" был направлен нами сознательно. Среди знакомств "Рагима" были иранцы и афганцы, тесно связанные с партией ИПА Г.Хакматияра, банды которой проникали в Кабул через Герат. Нас интересовала эта партия, ее деятельность в Афганистане и Пакистане. Л.В.Шебаршин, будучи резидентом в Те-

геране, об этом замысле в 1982 г. не знал и не мог знать, так как соответствующая информация к нему не поступала и не могла поступить по соображениям конспирации. Задание знал только сам "Рагим".

"Рагим" ушел из Тегерана вместе с группой боевиков ИПА в Афганистан. На маршруте группа была рассеяна, и он вернулся один в Тегеран и укрылся в Посольстве. Получив новые документы, он опять ушел в Афганистан, добрался до Кабула, где попал в облаву и был арестован, затем направлен в афганскую армию. Нам удалось освободить его от службы в армии, и он, опираясь на связи среди нелегальных членов ИПА, открыл свое дело. Его мастерская пользовалась авторитетом в Кабуле. Постепенно укрепились связи, и "Рагим" стал уже направлять своих людей в Пакистан в штаб-квартиру ИПА в Пешаваре и получать от них серьезную разведывательную информацию по политическим и военным вопросам. Мастерская и нелегальная резидентура "Рагима" активно выполняли свои задачи.

На груди у "Рагима" два боевых ордена. Вру-

чая их ему, я испытывал большое чувство гордости за этого простого парня-азербайджанца, скромного, смелого, готового на самопожертвование.

Все эти годы много времени уходило на работу непосредственно с нелегалами и ветеранами. Ведь каждый отдельный разведчик-нелегал - это целый оригинальный, по-своему неповторимый мир. Они и сейчас проходят перед моими глазами живые и безвременно ушедшие. Я не назову их имен, но я помню, как зарождались и решались наши долговременные разведывательные операции, большие и маленькие.

Легко ли было? Нет. Ненормированный рабочий день. Разнообразие задач и вопросов. Постоянный стресс: все ли правильно, все ли целы, нет ли шаблона, работает ли связь, удалось ли выполнить задачу, как ведет себя чужая спецслужба и многое другое. Да ко всему прочему - все 12 лет без телефона на даче, только в служебной машине (в городе он у меня трезвонил постоянно, особенно в случаях "нештатной" ситуации). Попробуйте.

ГЛАВА 8. НУЖНАЯ РАБОТА

"На войне большинство людей рискует жизнью не больше, нежели это необходимо, чтобы не запятнать своей чести; но лишь немногие готовы всегда рисковать так, как этого требует честь, ради которой они идут на риск".

Франсуа де Ларошфуко.

Так кто же такой нелегал? Что у него за работа? Нелегал - это особый разведчик, отличающийся от обычного тем, что обладает более высокими личными качествами, специальной подготовкой, которые дают ему возможность выступать и действовать, не отличаясь от местных жителей той страны, где он находится.

Разведчиком-нелегалом может стать далеко не каждый. Профессия требует высокого уровня развития интеллекта (мышления, памяти, интуиции), эмоциональной устойчивости, позволяющей сохранять интеллектуальный потенциал в стрессовых ситуациях и переносить без ущерба для здоровья постоянное психическое напряжение, развитая воля, способности к овладению иностранными языками.

Это самые общие требования, но понятно, что найти людей с таким сочетанием качеств нелегко и что нелегальная разведка - удел специально подобранных (отобранных) людей.

Подготовка разведчика-нелегала очень трудоемка и занимает несколько лет. Она нацелена на то, чтобы на базе имеющихся личных качеств сотрудника сформировать профессиональные навыки и умения. Безусловно, она включает в себя овладение иностранными языками, подготовку разведчика в психологическом плане (которая, в частности, позволяет ему выступать в амплу представителя той или иной национальности, носителя тех или иных национально-культурных особенностей), разумеется, - оперативную подготовку, в том числе освоение приемов получения и анализа разведывательной информации, поддержания связи с Центром, и другие аспекты.

Чего нет в этой подготовке, так это курса террора, диверсий и убийств, хотя именно это подразумевают, когда нас называют "рыцарями плаща и кинжала". Все это - далекое прошлое.

Разведчик-нелегал - это человек, способный добывать разведывательную информацию, в том числе и аналитическим путем. Просто невозможно представить себе разведчика, который бы пошел на убийство даже в условиях грозящей ему опасности.

Я люблю этих людей, отважившихся избрать эту долю. Смелых, умных, находчивых, с орденами и звездами Героев и без них, не имеющих права сказать открыто о себе, живущих трудной, полной ограничений жизнью. ..Летом 1990 г. мы вывезли двух разведчиков-нелегалов отдыхать на Енисей. Глава местной администрации, которого познакомили с ними, растроганно воскликнул: "Ребята, дайте я вас обоих пощупаю, дорогие мои. . ." Нелегалы обладают цепким критическим взглядом на окружающую действительность за рубежом и у себя на Родине. Руководство хорошо знало это и с большим вниманием относилось к результатам их труда, понимая, что эти люди ничего приукрашивать или затушевывать не будут.

Заканчивался 1983 год. Как всегда в конце

года, я работал над годовым отчетом. В сухих официальных строчках оперативного отчета, за цифрами, псевдонимами и фразами упрятывал живую активность разведчиков-нелегалов за рубежом. В который раз приходилось ловить себя на мысли о том, что мы чрезмерно скупы на похвалу или положительную оценку результатов их труда.

Мы обсудили в руководстве нелегальной разведки этот вопрос и пришли к выводу, что руководство страны должно знать, каким трудом обеспечивается решение внешнеполитических проблем. Среди нелегалов и сотрудников управления были представители более 30 национальностей СССР и других стран мира, были награжденные орденами и после 1945 г. - ни одного Героя Советского Союза. Нам это показалось несправедливым.

Мы внимательно оценили операции последних почти 40 лет, их конкретных участников и единодушно пришли к выводу, что можем представить к высшей государственной награде нескольких лучших разведчиков-нелегалов. В ру-

ководстве разведки и Комитета госбезопасности нас поддержали.

Когда в ЦК КПСС и Совете Министров предварительно ознакомились с материалами представлений к награждению, то были поражены тем, чего может достигнуть и что может сотворить сконцентрированная и целеустремленная воля разведчика-нелегала.

Руководство страны положительно рассмотрело материалы нелегальной разведки о присвоении звания Героя Советского Союза нелегалу "Анри" и награждении Орденом Красного Знамени его жены "Аниты", отдавших более 40 лет жизни обеспечению безопасности нашей Родины.

У меня на столе лежал Указ Президиума ВС СССР, а где-то через пару часов "Анри" или "Анита" должны были выйти на связь, получить и расшифровать телеграмму. Какой написать текст? Решили - сухо и просто: "Указом Президиума ВС СССР за выполнение специальных заданий Родины Вам присвоено звание Героя Советского Союза. "Анита" награждена Орденом Красного Знамени. Поздравляем. Желаем успе-

хов в работе. Центр." Рабочих вопросов в шифровке на этот раз не было.

Свою последнюю вербовку агента-иностранца "Анри" провел уже после получения высокой награды.

"Анита" потом рассказывала мне, что "Анри" принял по радио шифровку, обработал ее, прочитал, побледнел и, молча, протянул ей.

Эпоха гласности позволила и нелегальной разведке приоткрыть свои архивы. В 1990-1993 гг. в нашей периодической печати было опубликовано несколько статей о работе нелегалов за границей, которые вызвали живой отклик российской и зарубежной общественности. Особенно настойчиво добивались уточнений наши американские и французские партнеры, чье любопытство мы, к их сожалению, по соображениям безопасности удовлетворить не смогли.

Об "Анри" и "Аните" написал в "Красной Звезде" Равиль Мустафин, 11 сентября 1993 года. Они сделали много больше. Возможно, нашим потомкам об этом когданибудь станет известно. Прочтите ее еще раз.

"Равный Зорге, Абелю, Филби... А, возможно, и первый" Зорге, Абель, Филби... Эти имена давно уже стали символом успехов советской разведки и ее неудач. Им удавалось проникать глубоко в чужие секреты, черпая информацию на самых высоких этажах власти, забираясь в самое сердце вражеских спецслужб. Но ведь, скажем так, и широкая известность пришла к ним в результате провалов - то ли в силу рокового стечения обстоятельств, то ли из-за предательства или риска, на который они пошли вполне сознательно, понимая, как важны были для Центра поступавшие от них сведения.

Таковы уж парадоксы профессии разведчика, тем более разведчика-нелегала, чтобы стать знаменитым, прогреметь на весь мир, "надо" засветиться. О других, тех, кому с профессиональной точки зрения повезло больше - они остались нераскрытыми, - как правило, мало кто знает у нас и, к счастью, у "них". А о некоторых вряд ли узнают вообще когда-либо, однако, по своему таланту и мужеству, профессиональному мастерству и ценности, а вернее, бесценности инфор-

мации от них, короче, по всему тому, что можно, наверное, назвать "высшим пилотажем" в разведке, многие из них не только не уступают тем выдающимся разведчикам, чьи имена у всех на слуху, но, как сказали мне в Службе внешней разведки России, нередко и превосходят их. Об одном из таких людей, составляющих поистине золотой фонд нашей разведки, и пойдет ниже речь.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. Как Вас теперь называть?

^ТТ:

- Вы можете называть меня Георгий Андреевич, - произнес сидевший напротив пожилой человек.

- Простите, это Ваше настоящее имя или условное? - Вот взгляните, улыбнулся мой собеседник, протягивая небольшую красную книжечку.

"За мужество и героизм, проявленные при

выполнении специального задания, Президиум Верховного Совета СССР... присвоил звание Героя Советского Союза... " читаю в удостоверении. Но вот что странно: Героя Георгию Андреевичу присвоили в 1984 году, но документ подписал Громыко. А ведь он, дай Бог памяти, поднялся в кресло Председателя Президиума Верховного Совета СССР уже с приходом к власти Горбачева, то есть позже.

- Вообще-то это уже второе удостоверение, - словно уловив мое замешательство, сказал мой собеседник. - Первое выписали в 1984 году, когда я еще работал "там". Поэтому, чтобы исключить возможную утечку информации, мне тогда "присвоили" чужие паспортные данные. После возвращения документ переписали, но уже на имя, более или менее приближенное к настоящему.

- Если не секрет, что это было за специальное задание? - Если Вы имеете в виду мое последнее задание, то это секрет. Но я думаю, что Героя мне дали не только за одно это задание. К тому времени я более сорока лет проработал в разведке.

- А когда и как Вы пришли в разведку? - Я как сейчас помню этот день. 4 февраля 1940 года, когда по своей инициативе установил контакт с резидентурой советской разведки в Тегеране во главе с известным нашим разведчиком Иваном Ивановичем Агаянцем, человеком очень добрым, умным, настоящим профессионалом в нашем деле.

Медленно проведя рукой по своему лицу, словно снимая какую-то завесу, Георгий Андреевич начал вспоминать то далекое прошлое. К 40-му году их семья оказалась в Иране. Там у отца было свое дело - он был предприниматель. И несмотря на то, что они были вынуждены покинуть Советский Союз в конце 30-х годов не по своей воле, отец воспитывал детей в духе любви в Родине. Это, очевидно, и сыграло главную роль в том, что Георгий еще в юном возрасте принял решение работать на советскую разведку. Хотя не следует исключать и романтику.

Ведь в группе, которую ему поручили создать, что и явилось его первым заданием, должны были быть такие же мальчишки по 16-18 лет.

Никаких денег за свою деятельность они не получали. А когда началась Великая Отечественная война, еще сами находили средства, чтобы сдать их в фонд обороны. Брели и у своих родителей, так как и другие ребята из группы тоже были не из бедствовавших семей.

- Должен сказать, - подчеркнул Георгий Андреевич, - мне с первых же дней своей деятельности пришлось очень много заниматься вербовкой, и делал это я исключительно на патриотической основе. Уверен, что в этом заключается одна из основных причин, почему мне удалось избежать провала. Честно будет работать и никогда не предаст только тот, кто работает не за деньги, а как убежденный патриот.

Кстати, в первую группу Георгия входили и представители тех национальностей бывшего СССР, которые в наши дни враждуют между собой. А они не только уживались, но и всячески поддерживали друг друга, подстраховывали, прикрывали, готовы были пойти в огонь и в воду за друга. Никто тогда не обращал внимания на национальность другого, так как у всех нас была

одна Родина, которая находилась в опасности.

Среди членов группы была и та, которая затем станет женой Георгия Андреевича. И не только женой, но и верным соратником. В каждой командировке она была рядом с ним, помогала ему в выполнении сложных заданий с той же самоотверженностью, с которой работала в юные годы.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: Глава 8. "Легкая кавалерия"

^ ТТ:

Одним из первых заданий группы стала работа по выявлению немецкой агентуры как из числа местных жителей, так и из профессиональных кадровых разведчиков "третьего рейха". А ее, этой агентуры, в Иране хватало с избытком. К 1940 году в стране насчитывалось свыше 20 тысяч немцев. Вооруженные силы Ирана были в буквальном смысле слова нашпигованы немецкими инструкторами. Влияние Берлина на Тегеран

было велико. Шах Реза не скрывал своих прогерманских настроений. В планы Берлина входило вторжение с территории Турции и Ирана в советское Закавказье и Среднюю Азию. Взамен немцы обещали поддержку в осуществлении планов создания "Великого Турана".

На немцев работали сотни, если не тысячи иранских агентов, среди которых выделялась группа иранцев в количестве примерно 400 человек - высокопоставленные чиновники, депутаты парламента, министры, видные военные, дипломаты, журналисты.

- Насколько успешной была деятельность вашей группы? - Нам удалось установить немало немецких агентов. Во многом за счет тех преимуществ, которые давал нам наш возраст. Ну в самом деле какому, даже очень опытному разведчику придет в голову мысль слишком тщательно проверяться или отрываться от каких-то пацанов на велосипедах. Нас и прозвали-то в шутку "легкой кавалерией", потому что мы везде успевали. Забирались на крыши домов, на деревья, заборы и вели оттуда наблюдение. Часто через зна-

комых сверстников удавалось проникать в немецкое окружение, выслеживать, устанавливая связи, явочные квартиры. Нинакой техники, понятное дело, тогда не было.

Что касается выявленных агентов, то до августа 1941 года, пока на север Ирана не пришли советские войска, а юг был оккупирован английскими (французское и американское военное присутствие можно считать в значительной степени символическим), их не трогали. Ну, а после того как в Иран вошли наши войска, немецких шпионов арестовали и отправили в Москву. Кое-кого, очевидно, перевербовали, так как через год-два некоторых из установленных агентов Георгий со своими ребятами снова видел в Тегеране, но работать по ним приказа не получил.

Правда, были среди перевербованных и такие, кто пытался вести нечестную игру. Однажды группа выследила одного иранского генерала. У себя дома на пишущей машинке он чуть ли не каждый вечер "выпекал" якобы секретные документы на заранее принесенных из генштаба чистых бланках с грифом "Совершенно секретно".

С такими, естественно, расставались без сожаления.

Долгое время, например, наши разведчики не могли разобраться с одним немецким "фармацевтом". Наружное наблюдение - следили буквально за каждым шагом этого человека - никакого криминала, ничего подозрительного установить не помогло. Он часто выходил из дома, слонялся без какой-либо цели по городу, не проводил никаких конспиративных встреч, люди, с которыми он встречался, сами по себе ничего не значили, не вызывали подозрений. По всем данным выходило, что "фармацевт" чист. Но через какое-то время поступали сведения о встречах немецкой агентуры с этим "фармацевтом" в то же самое время, когда он, по докладам "наружки", ни с кем вроде бы не встречался. Это была настоящая головоломка.

Разгадать ее решили поручить группе Георгия. И в один прекрасный день, наблюдая с крыши соседнего дома, они вдруг увидели сразу двух "фармацевтов". Оказалось, это были братья-близнецы.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: Глава 8. Дружба дружбой, а спецслужба спецслужбой

^ ТТ:

- А как складывались взаимоотношения разведок союзных держав после ввода в Иран войск антигитлеровской коалиции? - Основными действующими лицами в игре спецслужб в Иране были советская и английская разведки. Американские и французские спецслужбы не проявляли особой активности. Видимо, в силу того, что их военное присутствие носило чисто символический характер.

После ввода союзных войск в Иран в августе 1941 года немецкая агентура частично разбежалась, частично затаилась. Многих мы сумели обезвредить. И хотя англичане и наши действовали против одного врага, сотрудничество между разведками было, на мой взгляд, формальным. И

мы, и англичане стремились сохранить свои секреты, побольше оторвать друг от друга агентов для себя. А англичане, так те вообще часто действовали против нас. Наша же резидентура, следуя указаниям из Москвы, старалась не обострять отношений с английской разведкой, хотя та давала для этого немало поводов.

- Например? - Они развернули в Иране сеть разведывательных школ, в которых готовили агентуру для последующей заброски в республики Закавказья и Средней Азии. Уже тогда Черчилль ставил перед Сталиным вопрос о вводе туда английских войск. Об одной из таких школ мне стало известно через моих тегеранских знакомых. После того, как резидентура доложила в Москву, Центр дал "добро" на внедрение меня в эту школу. После небольшого собеседования, во время которого я делал акцент на желании подзаработать, меня туда приняли. Школа располагалась в жилом доме, в котором якобы разместился радиоклуб. Нам преподавали радиодело, тайнопись, правила конспирации и другие науки, необходимые разведчику. По окончании школы

нас должны были отправить в другое учебное заведение, но уже на территории Индии. И только потом - засылать в СССР. Правда, до Индии я уже не добрался. Вообще я даже благодарен англичанам за то, чему и как они меня научили. Все это очень пригодилось мне в моей последующей работе.

Вот так и выяснилось, что один из наших талантливых разведчиков свое первичное специальное образование получил в английской разведшколе. Причем, очевидно, неплохое. Как рассказывал Георгий Андреевич, это была небольшая школа, всего шесть человек.

Вообще это характерно для работы английской разведки. Она предпочитает действовать незаметно, маленькими группами, соблюдая правила конспирации, рассредоточенно. Даже в Лондоне весь их центральный аппарат разбросан по всему городу. Различные отделы действуют под крышей мелких лавочек, мастерских, книжных магазинов, кафе. Спереди магазин или салон, а за стеной работает какойнибудь отдел...

Школу же эту после учебы Георгия Андрееви-

ча было решено ликвидировать. Но сделать это надо было так, чтобы не испортить отношений с англичанами. Поэтому Агаянц очень деликатно довел до сведения английского резидента, что в Тегеране действует некая разведывательная школа.

- Очевидно, это немецкая, - ответил тот. - Они совсем обнаглели, действуют под самым нашим носом.

Тем не менее школу англичане быстро закрыли.

Не лучше повели себя англичане, когда выловили выброшенную на парашютах в районе Керманшаха группу из шести немецких радистов. Это была первая группа, которую выбросили немцы, готовя операцию по срыву тегеранской конференции и физической ликвидации Рузвельта, Сталина и Черчилля. Арестовав немецких радистов, английская разведка начала с их помощью радиоигру с Берлином.

Тут-то их и засекли наши разведчики, установив с помощью группы Георгия Андреевича, что немцы проводят радиосеансы с Берлином

под колпаком у англичан. Агаянц снова вышел на своего английского коллегу. Тот ответил, что он не в курсе.

- Если вы не в курсе, мы их арестуем, - отрезал Агаянц.

От этих слов англичанин побледнел. Но продолжал разыгрывать свою неосведомленность. Лишь через несколько дней он сообщил Агаянцу, что эти немцы работали якобы на английскую военную разведку, и поэтому он был не в курсе. Чтобы как-то снять напряженность, англичанин добавил, что немцы готовят операцию, направленную против трех лидеров антигитлеровской коалиции и поэтому была затеяна радиоигра с Берлином.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: Глава 8. После Тегерана

^ ТТ:

После Тегерана они с женой вернулись в Со-

юз, где им дали возможность получить высшее образование. Потом - второй заход за рубеж, более длительный. Причем, учитывая опыт работы в Тегеране, время на их подготовку было сведено до минимума. Если обычного нелегала у нас готовят в течение шести-семи лет, то им с женой понадобилось для подготовки... всего два месяца.

Где, в каких странах они работали, какими языками владеют, на какие высоты им удалось подняться в разведке в тех странах, где они были, - обо всем этом Георгий Андреевич не говорит. Это не рисовка, это - необходимость, чувство ответственности за тех людей, с которыми работал и которые остались там. Не важно, продолжают ли они работать на нас или уже отошли от дел. По любым мелочам, по любым деталям аналитики в чужих разведках могут легко вычислить их.

Они полностью выкладывались на работе, не задумываясь о чинах и наградах. Только где-то в конце 50-х годов во время короткого пребывания в Москве Георгий Андреевич зашел в кадры

разведки с просьбой официально принять его в ряды чекистов.

- Так ты за погоны служишь? - словно ножом по сердцу провел этим вопросом кадровик.

Нет, не за погоны служил Георгий Андреевич. . . Только в 1968 году, когда на стол тогдашнему председателю КГБ Андропову легла особо ценная, "горячая", информация от разведчика, вдруг вспомнили, что он даже не имеет воинского звания. На 45-м году жизни ему присвоили звание. . . капитана. Правда, потом он быстро вырос до полковника. Жене же звания так и не присвоили. Когда она уходила на пенсию, тогдашний председатель КГБ В.М. Чебриков своей властью определил ей максимальную военную, то есть полковничью, пенсию - 250 рублей. Ныне этот максимум превратился в минимум - в 25 тысяч, и это после того, что вдвоем они отдали сотню лет своей жизни работе в разведке. И каких лет! - А вообще-то мы довольны своей жизнью, своей работой, _ - сказал в заключение мой собеседник. Единственное, о чем жалеет, - не было возможности завести детей. А в остальном нам

повезло. Волна предательства в разведке в годы горбачевской перестройки нас не коснулась.

Несколько лет "Анри" и "Анита" работали в Италии, уделяя пристальное внимание южному флангу НАТО. Это было как раз в те годы, когда будущий директор ЦРУ США адмирал С.Тернер был командующим войсками этой зоны, а генерал Александр Хейг - командующим союзническими войсками НАТО в Европе. К этому времени "Анри" и "Анита" уже занимали видное положение в обществе, их хорошо знал президент и некоторые министры страны, а американские морские офицеры и сам адмирал С.Тернер не раз пожимали им руки и пользовались их услугами. Они же оказывали "Анри" помощь, когда ему приходилось выезжать в США с заданиями нелегальной разведки. Все как у Д.Карнеги: умеи заводить, иметь и сохранять друзей.

В прошлом году Георгий Андреевич ушел в запас. Сейчас передает свой опыт молодому поколению разведчиков. Передо мной сидел подтянутый, несмотря на свои годы, с живыми и умными глазами человек. С одинаковым успехом он,

наверное, мог бы "работать" французом и арабом, турком или американцем, персом и югославом. Во всяком случае, об этом свидетельствовал его внешний вид. Аккуратность в причёске, в одежде, естественность манер, поведения, какая-то раскованность в сочетании с чувством собственного достоинства, я бы сказал, аристократизмом. Такой вот человек, об истинном вкладе в разведку которого мы можем только догадываться. Человек, отдавший разведке более полувека, сумевший покорить немало ее вершин и остаться при этом нераскрытым".

Огромную помощь в подготовке публикаций о разведчиках-нелегалах нам оказал корреспондент газеты "Труд" В.Головачев. Мы познакомили его с нелегалами, некоторыми делами и позволили задавать любые вопросы. Нелегалы "выговорились" насколько это было допустимо. Всего о работе разведки сказать нельзя никогда.

Думаю, что читателям будет интересно вновь встретиться с некоторыми нелегалами.

В марте, мае и декабре 1990 г. "Труд" опубликовал серию статей-рассказов о двух

разведчиках-нелегалах. Вот как они жили и работали.

"БИР" сообщает Центру"

"Решение о рассекречивании имени разведчика-нелегала при его жизни может принять только председатель КГБ СССР. Такой документ был подписан в начале марта. Сегодня мы рассказываем о бывшей блестящей советской разведчице Ирине Каримовне Алимовой, тринадцать лет проработавшей под чужим именем в одной из стран Юго-Восточной Азии.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. Слежка

^ТТ:

Она почувствовала слезку почти сразу. "Шестое чувство", интуиция, опыт, умение "видеть спиной"? Она и сама не могла бы объяснить этого. Множество людей шли позади нее, но почему-то молодой человек в светлой куртке со смуг-

лым лицом, черными усиками и узкими раскосыми щелками глаз привлек ее внимание. Говорят, у разведчиков "шестое чувство" развито очень сильно. . . Тревога шевельнулась внутри неприятным холодком и тут же улетучилась, уступив место холодному, как бы со стороны анализу обстановки.

Будто внутри включили ЭВМ. И словно все происходящее не имело к ней никакого отношения. В такие моменты она преображалась, ощущала удивительную собранность, прилив сил, энергии, ясность мысли, душевный поъем, словно играла перед кинокамерой свою лучшую роль.

В этом шумном многоцветном городе далекой азиатской страны у нее было другое имя, другая фамилия. По узкой улочке шла не Ирина Каримовна Алимова, а. . . Впрочем, и сегодня мы не можем назвать то имя, под которым она долгое время жила за рубежом. Ее тамошние знакомые считают, что она поехала то ли в Гонконг, то ли в Стамбул. . . Выберем для нее другое имя, например, Гюзель.

Еще раз, не поворачивая головы, взглянула

на ходу в зеркальное стекло огромной витрины магазина. Человек в куртке равнодушно, не обращая на нее никакого внимания, шел на том же расстоянии. Людей стало заметно меньше, и теперь они двигались, будто связанные невидимой, но очень прочной нитью.

"Проверим для начала его квалификацию", - сказала себе Гюзель. Она подошла к небольшому киоску, увешанному с двух сторон массой всевозможных мелочей. Выбрала дешевенькую брошкунку. "Что же он предпримет? Может пройти мимо и чуть дальше задержаться, чтобы купить сигареты. Это для него удобнее всего. Там, на углу, легко наблюдать за всей улицей. А если я пойду обратно, то и он может сделать то же - вроде бы ходил за сигаретами. Менее профессионально в данной ситуации подойти к "моему" киоску или остановиться где-то на подходе, ожидая, когда "объект" тронется дальше. Ну, посмотрим...".

Конечно, Гюзель не раскладывала все это "по полочкам", это ей после казалось, что она думала так - последовательно и методично, а в те секунды действовала скорее по наитию, за которым

стоял многолетний опыт выявления слежки. Расплатившись, отошла от киоска, успев заметить краешком глаза: белая куртка где-то позади.

"Новичка приставили. Хорошо... Но почему я считаю, что "приставили"? Если бы "вели" всерьез, то дали бы не "новичка", да к тому же не одного. Значит, пристроился случайно? Иностранка (это по лицу видно), вот и увязался? Прилип он где-то у торгового центра. Что показалось ему подозрительным в моем поведении? Ну что ж, попробуем создать ему некомфортные условия...".

Гюзель свернула в переулочек. Прохожих было мало. Проезжая часть была настолько узка, что водитель широкой американской машины отгибал на въезде боковые зеркала справа и слева, чтобы во время движения не задеть штабеля картонных ящиков, высившихся возле маленьких лавчонок и магазинчиков.

Гюзель спокойно шла вперед. Остановилась, сняла туфлю, вытряхнула из нее воображаемый камешек. Белая куртка быстро спряталась за штабель ящиков.

"Ну хорошо. Теперь вроде все ясно. Надо от него уходить - времени в обрез".

Гюзель шла не на прогулку и не за покупкой модной шляпки - в кармане у нее лежал миниатюрный контейнер, "письмо", которое ей предстояло опустить в "почтовый ящик", то есть в тайник.

Она вышла на просторную улицу и на следующем перекрестке решила использовать прием, который называла "встречный ход". Агент в куртке, похоже, не догадывается, что раскрыт, старается маскироваться. Значит, он не имеет приказа вести открытое наблюдение... Гюзель завернула за угол и встала за толстым деревом. В тот момент, когда человек в куртке, ощупывая взглядом улицу, поровнялся с деревом, она выросла перед ним, прямо взглянула ему в глаза и спокойно пошла в противоположную сторону.

"Продолжит слежку или нет? Вид у него был не ахти...". В стекле витрины была хорошо видна его растерянная фигура. Он постоял, посмотрел ей вслед, махнул рукой и побрел прочь...

Она сделала еще контрольную "восьмерку",

затем села в автобус и в последний момент, буд-то вспомнив что-то, вышла из него, провела еще одну проверку и, убедившись, что "хвоста" нет, выполнила намеченное и поехала домой.

- Ирина Каримовна, хочу задать вопрос, который, наверное, покажется Вам наивным: страшно было? Ведь , если бы полиция Вас раскрыла, то грозила тюрьма. . .

- Да, около 20 лет тюрьмы. Но страх - это все-таки не то слово. Страшно это когда человек боится. А тут было другое - я не боялась этого парня в белой куртке. Я его изучала, стремилась осмыслить ситуацию, ощущала, разумеется, большую опасность, тем более, что письмо было со мной, но не боялась. . . Напряжение, мобилизация своих возможностей, решимость найти выход - да, все это, но не страх. Ведь еще когда принимала решение стать разведчицей, знала: все может быть, и была готова к этому.

- Вы сообщили о слежке в Центр? - Да, я была обязана сделать это. Центр попросил тщательно проверить, будет ли слежка в другие дни. Про-

верка показала: больше слезки не было.

- Как прореагировали в Москве на сообщение о слезке? - А азиатских странах слезка за иностранцами - в общем-то обычное дело. Строгий полицейский режим, широкая сеть осведомителей контрразведки, традиционная подозрительность к иностранцам, специфика местных условий - все это создавало чрезвычайные трудности в работе разведчика. (Ирина Каримовна и ее муж проработали на Востоке тринадцать лет и уехали не "раскрытыми". Это говорит о многом. Во-первых, о высочайшем классе работы, профессионализме. А во-вторых, о том, что работа их была высокоэффективна. Ибо если должной отдачи от разведчика нет, его отзывают).

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. Как приходят в разведку

^ТТ:

Как приходят в разведку? По-разному - кому-

то сами чекисты предлагают заняться этим опасным и трудным делом, кто-то изъявляет желание сам. . . Ирина Каримовна в молодости и представить себе не могла, что станет разведчицей, какой крутой поворот сделает ее судьба. Жизненные планы у нее были совсем иные. . .

Родилась в небогатой туркменской семье в городе Мары в июне 1920 г. - того самого, когда было принято решение о создании в нашей стране "закордонной разведки", чуть позже - Иностранного отдела ВЧК. Ее отец прошел солдатом гражданскую войну, а затем стал часовщиком, занимался также обработкой ювелирных изделий. Это был великолепный мастер, искусство его было известно далеко за пределами города.

Ирина Каримовна хорошо помнит, как пришли однажды к отцу персидские консулы. Ей было лет восемь, тихонько играла в уголке с куклами, но каждое слово той беседы отпечаталось в памяти на всю жизнь - визит был необычным. Сначала гости расхваливали изделия мастера, а потом предложили ему переехать в семьею в Иран. "Там, Карим-ага, заживете хорошо, бога-

то, мировая слава Вас ждет...".

Отец не спеша допил чай из пиалы, вытер ладонью рот и сказал: - Здесь моя земля, я воевал за нее, бросить ее - все равно что бросить свою мать... .

Жили они в глинобитной мазанке, каждую весну и осень отец поправлял ее. В семье было пятеро - мама занималась домом, детьми (у Ирины было еще два брата).

Потом переехали в Ашхабад. Ирина училась в школе, самозабвенно увлекалась самодеятельностью. Но после школы в театральную не пошла - решила стать ветеринаром-хирургом, поступила на рабфак при сельхозинституте.

В ее характере удивительным образом сочетаются, казалось бы, несовместимые качества - кремневая воля и мягкая уступчивость в споре; непреклонность, жесткость, и доброта, отзывчивость, долготерпение; умение полностью перевоплощаться в театральные образы и в то же время оставаться естественной, искренней, обаятельной... После окончания второго курса рабфака Ирину неожиданно пригласили сниматься в

кино. Да не подработать в массовке, а стать профессиональной киноактрисой. Работники студии "Туркменфильм" познакомились с ней в доме отдыха, а вскоре последовало приглашение. Она приняла его почти без колебаний - театр и кино всегда манили ее, но казались недостижимой мечтой.

В первом же фильме "Умбар", который вышел за несколько лет до войны, она играла одну из главных ролей - девушку, которую любил Умбар. Неожиданно пришедшая слава (ее узнавали на улице, в магазине, в автобусе) не кружила голову и не смущала, а несколько тяготила, хотя и была все же приятной.

После успешного дебюта Ирину командировали учиться актерскому мастерству в Ленинград, в группу Г.Козинцева и Л.Трауберга. В 1939 г. она вернулась в Среднюю Азию, но не в Ашхабад, а в Ташкент, где на студии "Узбекфильм" ей обещали роль в новом фильме. Подготовка к нему затянулась, а тут грянула война. Ей только исполнился 21 год, мастера кино прочили ей замечательную карьеру, но Ирина не считала для себя

возможным оставаться на студии. Она пошла в райком партии и прямо с порога: "Отправьте меня на фронт, иначе я поеду туда сама".

Просьбу (или требование?) удовлетворили, направили в подразделение военной цензуры. Вместе с войсками прошла Украину, Польшу, Чехословакию, встретила Победу в Вене. Затем - демобилизация, возвращение домой, в Ашхабад. Но вскоре последовал неожиданный вызов в Москву. Это было в начале 1947 г.

Она ехала в метро на площадь Дзержинского и гадала: зачем потребовалась она в этом серьезном учреждении? В Ашхабаде предупредили: "О том, куда едешь, никому ни слова".

Хозяин просторного кабинета предложил ей мягкое кресло и быстро перевел разговор на главную тему: - Мы хотим предложить Вам работу во внешней разведке, а точнее, вести разведку за рубежом. Это дело опасное, трудное и сугубо добровольное. Вы можете отказаться, и это будет вполне естественно, все-таки разведка - не женское дело. И предложение это мы делаем в силу крайней необходимости. . .

Неожиданное предложение. В таких ситуациях люди обычно просят дать время подумать. Но Ирина Каримовна несколько секунд помолчала и вдруг тихо спросила: Я слышала, что, когда наши разведчики возвращаются домой, их уничтожают. Правда ли это? Хозяин кабинета и один из сотрудников, который сидел сбоку от Алимовой и все время наблюдал за ней, переглянулись.

- Что Вы, ерунда какая! Надо же вообразить...

Потом, обращаясь к сотруднику, ее собеседник заметил: - Смотри, какая смелая...

Эта смелость могла дорого обойтись Алимовой. Отнюдь не "ерунду" говорила она. Страшная машина уничтожения перемалывала в те годы и чекистов - сегодня это хорошо известно.

Среди расстрелянных были и многие разведчики, так много сделавшие для нашей страны, с честью прошедшие через невероятные трудности, опасности и ловушки зарубежных контрразведок и вернувшиеся домой, чтобы вместо благодарности погибнуть здесь оклеветанными. Чувовищно, непостижимо... Вся их "вина" была

в том, что они слишком хорошо знали, сколько ошибочных, порой трагических для страны решений было принято сталинским руководством вопреки информации, поступавшей от разведки. Они были очень опасными свидетелями, поэтому и стремились от них избавиться. Кровью невинных написан страшный "афоризм" тех тягостных лет: "Нет человека - нет проблем. . .".

Алимова не просто слышала, она знала это. И нужна была поразительная по тем временам смелость, чтобы вот так прямо задать столь "острый" вопрос в высоком кабинете. По законам того времени она по существу подписала себе смертный приговор. Не за границу, а совсем в другие места должна была она отправиться после такого разговора. Но везло ей на людей. И в этот раз судьба подарила ей встречу с настоящими чекистами.

Хозяин кабинета сам предложил ей: - Вам, наверное, нужно время, чтобы подумать? - Нет, я согласна, - твердо ответила Алмова. .. Сорок три года спустя мы пьем чай в небольшой, скромно обставленной квартирке. Старенький телеви-

зор "Темп", простенькая поцарапанная тумбочка, стол впритык к стене.

- Ирина Каримовна, а если бы он Вам тогда сказал, что после возвращения Вас расстреляют, - согласились бы? - Да, - сразу же (видно, об этом думала не раз) сказала она. - Выполнила бы свой долг перед Родиной и вернулась. Все-таки принесла бы пользу. . .

Признаюсь: этот ответ потряс меня.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. На вокзале никто не встретил

^ТТ:

Алимова выехала для нелегальной работы за границей лишь спустя несколько лет после того памятного разговора. А до этого была учеба, о которой по понятным причинам рассказывать не буду. Перечислю лишь иностранные языки, которыми она владеет в разной степени совершенства: турецкий, уйгурский, английский, азербай-

джанский, узбекский. Несколько хуже немецким и персидским. Ну, туркменский и русский, разумеется, не в счет.

О смерти Сталина Алимова узнала, находясь в одной из европейских стран. До отъезда на самостоятельную работу ей осталось всего восемь месяцев.

Осенью того же года, уже в Москве, неожиданно объявили: "Через неделю намечен Ваш отъезд". Она взмолилась: "Дайте хоть повидаться с родными, слетать в Туркмению". Успела побывать в Ашхабаде, сказала своим, что предстоит очень длительная командировка в Закарпатье, в горах почты нет, так что письма будет присылать с оказией, с тем же человеком и ей можно отправить весточку.

Через несколько дней Ирина Каримовна Алимова отправилась в длительную командировку, не зная, когда вновь увидит Москву, Ашхабад, маму, родных. . . В кармане у нее были документы с другим именем и фамилией. Отныне ее настоящая фамилия как бы исчезла, растворилась. Даже в доме на площади Дзержинского в Москве

фигурировал только ее псевдоним - "Бир".

Путь ее был не прост и лежал через третью страну, где предстояло прожить не один месяц. Легенда, то есть биография ее новой жизни, была такой. Она - дочь богатого уйгура. Родители - эмигранты из России, точнее из Средней Азии, уехали еще до революции. В документе, написанном муллой по-арабски, справа налево (что-то вроде нашей метрики) указывалось, что Гюзель родилась в таком-то году, в таком-то селении. В ее новой биографии был у нее и жених, сын эмигрантов из России. Их родители дружили, держались вместе и в России, и за рубежом. Жених занимался мелким бизнесом в другом городе. И вот она ехала к нему...

На самолете благополучно прибыла в зарубежный город и, пересев на поезд, отправилась к жениху. Гюзель видела его только на фотографии. Встреча должна была состояться на вокзале.

Но что-то не сложилось, и на вокзале его не было. (До этого он пять дней "светил" на перроне, в этот же раз объявили, что поезда не

будет, а он просто опаздывал). Черная южная ночь, чужой город, пустой вокзал. . . Гюзель вышла на площадь, почувствовала чей-то пристальный взгляд. У фонаря стоял полицейский, чуть дальше - рикша. Она небрежно махнула рукой, подзывая рикшу. Стал приближаться и полицейский.

- Почему здесь так темно? - спокойно сказала она ему по-уйгурски. - Надо бы усилить освещение.

Рикша укрепил чемодан, помог подняться в коляску. Она небрежно сказала ему: "В центральную гостиницу. . . ". Было два часа ночи.

В отеле она получила комнату. Двери в номерах здесь не закрывались. Она села, не раздеваясь, на кровать и стала ждать рассвета. В гостинице было шумно, в каких-то комнатах пели, где-то слышались крики. . . В пять утра дверь ее комнаты отворилась и вошел человек в кальсонах. Он не спеша подошел к печке-буржуйке в углу, умело растопил ее и, ни слова не говоря, вышел. Как потом она узнала, это было обычным делом, и показалось бы очень странным, если бы

она реагировала неадекватно.

А днем Гюзель встретила с женихом по запасному варианту в городе, возле универмага. Через четыре месяца они зарегистрировали брак. Это, к счастью, оказался не фиктивный брак, не только по "легенде", но настоящее, счастливое супружество двух любящих друг друга людей, объединенных общей опасностью, общим делом, общей судьбой. Думаю, когда-нибудь мы расскажем и о муже Ирины Каримовны - замечательном советском разведчике, но пока время не пришло. . .

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. Выгодная сделка: покупка земли

^ТТ: Предстоял наиболее трудный этап - Гюзель и ее муж должны были отправиться в ту страну, в которой им предстояла основная работа. Но получить иностранцу разрешение на постоянное жительство там было чрезвычайно

сложно. У них уже были рекомендательные письма от ряда общественных деятелей, с которыми они познакомились, от религиозных организаций, но всего этого было недостаточно. И тут Гюзель узнала, что один из местных деловых людей имеет в той стране, куда они стремятся, на правах частной собственности три сотки земли. Это была удача. Если предложить хорошую цену... Какой бизнесмен откажется от выгодной сделки! Землю они купили и отправились в путь. В Гонконге - еще одном промежуточном пункте - предъявили в представительстве рекомендательные письма и права на участок. Менее чем через месяц получили разрешение на въезд, а уже на месте временный вид на жительство, который надо было продлевать каждый год.

У них был двухэтажный домик, в котором открыли магазин. Между прочим, продавали в нем и вышитые воротнички, которые искусно изготавливала Гюзель. С деньгами было трудно, и эти красивые, пользующиеся спросом изделия весьма выручали.

Они посещали американский клуб, где заве-

ли широкий круг знакомств, играли в бинго. Гюзель вступила еще в женский клуб. Через полтора года, используя свои связи, получили как уйгуры гражданство третьей страны и желанный паспорт, с которым можно было разъезжать по всему миру. Казалось бы, все налаживалось хорошо, но тут вдруг начали сгущаться тучи.

К ним зачастили местные контрразведчики, неожиданно появляясь и днем, и поздним вечером, и ранним утром. В доме ничего такого не было (рацией за тринадцать лет они не пользовались ни разу и вообще не имели ее), но пристальное внимание местной службы безопасности вызывало тревогу. Обычная подозрительность или что-то другое? Прислуга - симпатичная девушка из бедной семьи, с которой они очень подружились, - рассказывала, что непрошенные визитеры приходят и в то время, когда хозяев нет дома, и спрашивают ее об их образе жизни, привычках, знакомых и т.д.

Вскоре разгадка была найдена. Один из эмигрантов, человек с темным прошлым, невзлюбил их, стал в чем-то подозревать. Он открыто начал

говорить в клубе, что Гюзель и ее муж - не те, за кого себя выдают, что они русские, и это, мол, видно невооруженным глазом.

Гюзель пошла в посольство страны, гражданами которой ни с мужем теперь являлись.

- Кроме посольства, нас некому защитить от оскорблений этого гяура, заявила она. - Разве нельзя призвать его к ответственности за клевету? В этом посольстве у них было много друзей. Гюзель успокаивали, просили не волноваться, обещали принять меры. И действительно, назойливое внимание контрразведки вскоре заметно ослабло. Работать стало чуть полегче.

В условленный час они включали приемник. (Один в это время выходил "подышать воздухом"). Задания, как правило, получали по радио. Вряд ли стоит говорить, что азбуку Морзе каждый знал не хуже, чем родной язык.

"Бир. Центр крайне интересуется любая информация о милитаризации страны. Георг". "Георгу. Под видом создания новых полицейских отрядов началось интенсивное увеличение армии. Планы милитаризации держат в глубокой тайне, ибо это

является серьезным нарушением взятых страной обязательств. В ближайшие годы предполагается увеличить таким образом численность армии вдвое. Заключены секретные контракты на развитие военной промышленности. В прессе по этим вопросам не появляется никакой информации.

Бир".

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. Прыжок из машины

^ТТ:

Так получилось: им надо было возвращаться ночью в сильный ливень по сельской дороге, которая крутилась над глубокими оврагами. Разумно было бы подождать до утра, но утром им надо было быть в другом месте. Муж аккуратно вел "Шевроле" (модель "Импала"), "дворники" едва успевали очищать стекло. Неожиданно за поворотом они увидели в свете фар, что доро-

га частично размыта. Он применил ступенчатое торможение, энергично и быстро ударял по педали, врубил низшую передачу, но машина уже не слушалась и начала скользить вниз.

- Прыгай,- приказал он жене.

- Сперва ты, ты нужнее, - ответила она, ни на секунду не теряя присутствия духа.

- Прыгай! - заорал он, из последних сил выворачивая руль.

Гюзель открыла дверцу и, поставив обе ноги на край, оттолкнулась от машины. Вслед за ней успел выпрыгнуть и муж.

Они отделались легкими ушибами, а машину задержало растущее чуть ниже дерево. В ближайшем поселке переночевали, а утром тягач вытаскил машину, которую пришлось оставить в автомастерской. Взяв напрокат другую, отправились дальше.

В тот раз обошлось без полиции. Встречи с ней не сулили ничего хорошего. Даже при незначительном нарушении правил дотошные полицейские заполняли подробнейшие протоколы, содержавшие вопросы чуть ли не о всей родослов-

ной. Это всегда большой риск.

Поэтому ездил муж очень акууратно.

Но дорога есть дорога. Однажды, вернувшись домой, Гюзель увидела, что муж лежит с перевязанной ногой на диване. "Тоета" сильно стукнула его автомобиль, а поздним вечером предстояло заложить контейнер с материалами в тайник.

- Я поеду, - спокойно сказала Гюзель.

- Ночью, городским транспортом, в тот район? - глухо спросил он.

- Другого выхода нет, не волнуйся, все будет нормально. . .

Она возвращалась около полуночи. Возле остановки спали бездомные, забравшись в картонные ящики. Снаружи торчали только ноги. Она перешагивала через них, готовая к подножке, к любой неожиданности. Кто-то стонал во сне, где-то негромко переругивались.

Прохожих в такое время здесь не бывало. . .

Ей и сейчас иногда снится тревожный сон, как она идет ночью, переступает через вытянутые ноги и никак не может выбраться. Были у Гюзели куда более острые ситуации, но почему-то снится

это. И еще: как эмигранты наговаривают на них полиции. . .

"Георгу. Стало известно, что в обстановке секретности спущена на воду подводная лодка нового типа, оснащенная новейшим оборудованием. Бир".

"Георгу. Хорошо информированный источник сообщает о планах создания новой замкнутой военно-политической группировки, в которую могут войти Южная Корея, Южный Вьетнам, Тайвань, Япония, Тайланд, Филиппины, Новая Зеландия, Австралия, Малайзия.

Переговоры, возможно, состоятся в Сеуле или Бангкоке. Это явится серьезным дестабилизирующим фактором в Юго-Восточной Азии. Бир". (Последующие события подтвердили точность этой информации. 14-16 июля 1966 года в Сеуле проходила конференция министров иностранных дел для девяти государств, на которой был создан Азиатско-тихоокеанский совет - АЗПАК).

Каждый из двоих знал: бывают дни, когда тоска по родной земле вдруг приблизится вплотную, возьмет в свои крепкие объятия, и тогда

покажется, что усталость, накопившаяся за многие годы, достигла критической точки, что силы на исходе.

Сколько же, в самом деле, может продолжаться такая жизнь, - полная тревог, риска, требующая постоянного напряжения? Ведь существует предел человеческих возможностей...

Нет, разведчик не имеет права на такие мысли. Не может поддаваться эмоциям, плохому настроению. Он должен уметь преодолевать это, быть постоянно "в форме", не играть чей-то образ, а именно жить иной жизнью. ("Однажды, - вспоминал Полковник, - кто-то из наших туристов в западноевропейском городе окликнул своего товарища, моего полного тезку. Я шел мимо и в первое мгновение подумал: "Какое знакомое имя". И лишь в следующий момент сообразил, что и меня так звали на Родине. За рубежом как бы забываешь свое настоящее имя. И думаешь на чужом языке, и привычки приобретаешь иные...").

Как преодолевать трудные дни? Это целая наука. И у каждого разведчика есть свои приемы.

Гюзель вместе с мужем шла обычно к хорошим знакомым, с которыми можно легко и приятно поговорить, провести время, "отдохнуть, как она говорит, душой". Потом, поздним вечером, она мысленно писала письмо маме.

Думаю, не нужно объяснять, почему разведчик не может послать письмо родителям или детям обычной почтой. Приходится использовать иные каналы. И каждое письмо связано с повышенным риском в течение всего времени - и пока его пишешь, переснимаешь на микроплёнку, помещаешь в малюсенький контейнер, несешь по улице, закладываешь в тайник, и пока письмо невидимыми дорогами путешествует через границы, минуя почтовые ведомства и таможни... И все же в год Гюзель получала два, а то, когда повезет, и три письма от мамы и столько же отправляла ей.

"Дорогая мама, простите, что долго не писала вам, так уж получилось. Очень скучаю, хотела бы увидеть вас, брата, но так складывается работа, что приехать к вам скоро не смогу. В прошлом письме вы очень мало написали о себе и о нем.

Здоровы ли, все ли у вас хорошо? Что-то сердце мое не спокойно. Я иногда вечерами мысленно разговариваю с вами, и мне кажется, что вы меня слышите... Обо мне не беспокойтесь, у меня все хорошо. Выходные дни мы провели на пляже купались, загорали, ели фрукты. Веду жизнь спокойную и размеренную. Нежно вас обнимаю, будьте здоровы, бодры и веселы.

Любящая вас И."

Мама не спрашивала, почему человек, заносивший письмо от дочери, просил потом вернуть его обратно. Догадывалась ли она о том, какая командировка у дочери? Без сомнения. Сердце матери не обманешь, даже если в каждом письме будет говориться про спокойную жизнь.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. Дома

^ТТ:

За те тринадцать лет, которые они провели на

Востоке, в отпуске были только один раз. Туристами поехали в Европу, колесили по Франции, Испании, Италии, Швейцарии... В Советский Союз прибыли тайно, особым путем, но из Москвы в Ашхабад летели вполне легально - имея билеты и советские документы.

Ей показалось, что отпуск пролетел мгновенно, и вот уже снова они в Европе, и нет Ирины Алимовой, а есть госпожа Гюзель, владеющая вместе с мужем небольшим магазином в далекой азиатской стране.

И снова каждый день словно идешь по лезвию ножа. Даже дома, наедине, они говорили по-уйгурски. Как-то в гостинице решили провести небольшой эксперимент: закрыли подушкой телефон. Вскоре в дверь вежливо постучали, и молодой человек, извинившись, сказал, что хочет проверить, как работает телефонный аппарат.

- Однажды мы пошли в кино на русский фильм, - вспоминает Ирина Каримовна. И я только в середине фильма заметила, что, прекрасно понимая русскую речь, все же добросовестно читаю титры и воспринимаю содержание

именно по этим титрам. И мысленно одобрила это.

Но вот Центр передал, что вскоре они смогут вернуться домой. Гюзель с мужем уезжали тихо, с одним чемоданом - обычная деловая поездка в Европу. Ярким летним днем они последними спускались по трапу самолета в московском аэропорту.

Человек в сером костюме, встречавший их, сказал дежурной, чтобы автобус с пассажирами не ждал. Поодаль, на летном поле, стояла "Волга".

- Вещи мы возьмем сами, - сказал встречавший.

- Неужели уже дома? - тихо спросила Ирина Каримовна, - Какой здесь прекрасный воздух...

А на летном поле стоял едкий запах керосина от только что заглушенных двигателей.

После их возвращения 22 толстые папки общим объемом более семи тысяч страниц - документы, связанные с работой Ирины Каримовны Алимовой и ее мужа на Востоке, - были от-

правлены в архив. Вот одна из них. Серо-голубой футляр из толстого картона с откидывающейся наверху крышкой. Она прошита шнурком с сургучной печатью. Сломал ее и открыв футляр, достаю папку. "Совершенно секретно. 1-е Главное управление КГБ СССР. ЛД (личное дело. - Прим.автора) N 23467. Начато - 1947_г. Закончено - 19... г.". И в центре крупными буквами "Бир".

Внутри - радиограммы Центра, донесения наших разведчиков, различные документы. Вот паспорта, выданные третьей страной, свидетельство о браке, заполненные замысловатой вязью, вид на жительство - увы, уже безнадежно просроченный...

Я спрашиваю, какое звание у Ирины Каримовны и какие у нее награды.

- Звание - майор. А награды... На фронте получила орден Отечественной войны, а у нас - медаль "За боевые заслуги".

Да мы, собственно, работаем не за награды...

Конечно же, подумал я, не за это. Но все-

таки разве не заслуживают высоких наград те, кто ежечасно рискует жизнью во имя своей страны? Я вспомнил скромную квартирку Ирины Каримовны и ее мужа, старенький телевизор, дешевые занавески... Только красивые восточные деревянные панно с инкрустациями на стенах да диковинные вазочки и статуэтки - память о Юго-Восточной Азии - украшают их жилище. Спросил, а как же быть с расхожим мнением об огромной зарплате тех, кто работает за рубежом? - Не знаю, как у других, а у нас богатеем не станешь. Да и не в деньгах счастье.

И то верно, не в деньгах. Но должна быть справедливость.

Начальники многих областных управлений КГБ носят генеральские погоны. Наверное, у них хлопотная работа, не знаю, не знаком с ней. Однако если сравнить с работой разведчика за рубежом...

Но закончить этот рассказ мне хотелось бы все-таки на оптимистической ноте. Бытовые условия не особенно волнуют Ирину Каримовну. Она довольна своей судьбой. "Если бы пришлось

жить заново, - говорит она, - и спросили: хочешь пройти снова весь путь, я бы твердо ответила: да".

Она полна энергии, деятельна, инициативна.

Встреча с такими людьми оставляет глубокий след. Как жаль, что мы мало знаем о них. . . " Через два месяца та же газета "Труд" поместила на своих страницах письмо одной читательницы: "Не так давно в "Труде" в нескольких номерах (8, 14, 15, 20 марта) были опубликованы документальные материалы об удивительной судьбе советской разведчицы, бывшей киноактрисы Ирины Каримовны Алимовой. За рубежом она работала (уже после войны) вместе с мужем, но ему посвящено в публикациях всего несколько строк. Даже имени не назвали. По-моему, это нехорошо и несправедливо. Наверняка всю жизнь он шел по лезвию ножа, подвергал себя смертельной опасности во имя высших интересов Родины, а мы его на старости лет благодарим вот так - забвением. . . Хотя доброе слово-то заслужили эти люди? Прошу переслать мое письмо председателю Комитета государственной безопасности СССР.

Н. Синельщикова медсестра филиала поликлиники N 2 Минздрава РСФСР. Москва".

Редакция "Труда" обратилась вновь в нелегальную разведку с просьбой предоставить дополнительные материалы для новой публикации. Положительный ответ на это обращение был получен неожиданно быстро.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: Глава 8. 20 ЛЕТ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

^ ТТ:

"... Когда мы ехали к Шамилю Абдуллазяновичу Хамзину в ту же скромно обставленную квартиру с пятиметровой кухней в блочном доме, где я беседовал месяц назад с Ириной Каримовной Алимовой (каждый из супругов оставил свою фамилию), руководитель одного из подразделений советской внешней разведки, статный 65-летний Полковник сказал мне: - Знаете, раз-

ведчики не очень разговорчивы, если речь заходит об их жизни. Не особенно нажимайте на него. . . Между прочим из последней зарубежной командировки он вернулся совсем недавно (по нашим меркам) - в начале восьмидесятых годов. В общей сложности около двадцати лет провел Шамиль за границей под чужим именем. После этого не так просто. . . (полковник на секунду задумался), как бы лучше сказать, "оттаять", что ли, изменить привычки. Ибо каждый год "там" стоит по крайней мере трех обычных. . .

Полковник знает об этом не понаслышке. Он тоже немалую часть жизни провел за рубежом под чужим именем. В разговоре как бы между прочим заметил: "Если ненароком встретите меня за рубежом, то совсем не обязательно обнаруживать наше знакомство. . .".

Подобная неожиданность однажды чуть не поставила под угрозу срыва важную операцию. Полковник шел тогда на встречу в небольшое кафе "Зеленый какаду" на окраине крупного европейского города. В уютном зале людей было немного. Слева за столиком у стены, недалеко от

входа человек в сером костюме, потягивая пиво, читал воскресное приложение к утренней газете. Полковник сразу же узнал его, хотя они не виделись семь лет, и направился к соседнему пустому столику. Неожиданно откуда-то сбоку услышал радостный детский крик: "Дядя Володя! Вот хоро...". Как же это, черт возьми, он сразу не увидел, что в глубине зала сидит знакомая семья работника советского посольства. Десятилетняя Машка узнала его и с детской непосредственностью рванулась навстречу. Отец успел перехватить ее и, прижав к себе, стал что-то быстро говорить ей на ухо.

Полковник, видя все это боковым зрением, и бровью не повел, будто это его не касалось. Он прошел к самому дальнему столику, выпил минеральной воды и вышел, не обронив ни слова.

"Перепроверяться" времени нет. Надо "раствориться". Хорошо, что машину оставил за два квартала от кафе...". Он доехал на такси до торгового центра, прошел по подземному переходу в подземный гараж, взял напрокат машину, оформив ее по запасным документам на другую

фамилию, сказал, что оставит автомобиль через сутки на пристани, расплатился и выехал через северные ворота. Практически, если слежка и велась за ним, он был уже вне досягаемости, ибо в гараже Полковник оказался в тот момент единственным клиентом, ни одна машина за ним не следовала. Отъехав квартал, он оставил машину у банка и сел в автобус... Через час позвонил в гараж и сообщил, что машину оставит не на пристани, а у банка.

На следующий день встреча с человеком в сером костюме состоялась на вокзале, по резервному варианту. Через несколько лет в этом же городе, с этим же человеком встречался и Шамиль Хамзин, по документам, скажем, Камиль Саид, коммерсант, подданный одного из государств Западной Азии...

- Оправданы ли все эти усилия, риск, затраты? - спросил я Полковника.

- Сошлюсь лишь на одну из задач внешней разведки: следить за военными приготовлениями за рубежом и не прозевать подготовку к первому удару. О военных планах многих государств мы

знаем заранее из первоисточников. Согласитесь, это важно всегда, но особенно сейчас, когда наша страна не просто сокращает вооружения, но и ведет активную, энергичную политику разоружения. . .

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. В тюрьме

^ТТ:

В первой половине шестидесятых годов Шамиль отправился в длительную зарубежную командировку. Он должен был не сразу ехать к месту назначения - в одно из государств Юго-Восточной Азии, а осесть на время в третьей стране, через какое-то время встретить радистку (по легенде его невесту), жениться и вместе с женой отправиться в дальнейший путь. По документам он был из семьи богатых уйгуров, давно покинувших Россию. Шамиль в совершенстве знал уйгурский, турецкий языки, хорошо разго-

варивал на английском и румынском, не считая, естественно, родного татарского и русского.

Вначале все шло хорошо. Документы у Шамиля были надежные. Он знал, что в этой чужой стране, в одном дальнем селе действительно родился в свое время Камиль Саид. У него был и соответствующий документ, выданный общиной.

Итак, Камиль Саид приехал в портовый город, устроился в гостиницу. Быстро завел деловые знакомства и через два дня перебрался в татарскую колонию. Еще через пару месяцев он был там уже своим человеком. Всегда готовый прийти на помощь, щедрый по натуре, внимательный и обходительный, Камиль пользовался расположением жителей колонии. Руководитель молельного дома, уезжая, хотел даже оставить Камиля вместо себя, но тот под благовидным предложением отказался.

Именно там, у руководителя молельного дома, Камиль случайно познакомился с выходцем из татарской семьи, офицером контрразведки, занимавшим высокий пост. Потом они нередко встречались, говорили о татарской поэзии, собы-

тиях в мире. Офицер, между прочим, звал Камилля к себе на работу, но тот отшучивался: какой, мол, из бизнесмена контрразведчик? - Знаешь, - сказал ему однажды офицер, - если у тебя как у бизнесмена появятся какие-нибудь сложности с полицией, назови им пароль, который я запишу за тобой: "Юха-55".

- И Что же будет? - поинтересовался Камиль.

- Юха (демонический пероснаж. - В.Г.) защитит тебя, - засмеялся офицер.

Знал ли он о готовящемся аресте? Трудно сказать. Скорее всего, нет. Просто дал пароль из дружеского расположения.

Через три месяца после этого разговора двое крепких мужчин пришли ночью к Камиллю и, предъявив ордер на арест, забрали с собой.

Камера была крошечная - три шага в длину и два в ширину. Камиль сразу мысленно окрестил ее "каменным ведром". У стены стояла узкая железная кровать, на ней - доски, покрытые циновкой. Ночь Камиль провел без сна. Он вновь и вновь "прокручивал" в голове различные ситуации, разговоры за последние полгода, пытаюсь

найти несоответствия в своем поведении, ошибки, анализировал каждый свой шаг. . . Но не находил ничего, что могло бы дать повод для ареста. "Ладно, посмотрим, что будет на первом допросе", - решил Камиль.

Утром, когда стало совсем светло, он сел на кровать и закурил. Тут же открылась дверь, и дюжий охранник с лицом гориллы ворвался в камеру. Он рывком поднял Камиля и мощным ударом в лицо обрушил его на цементный пол. Поднимаясь, Камиль ощутил кровь на губах и что-то твердое во рту. Держась за стену, выплюнул два зуба на пол. И тут же получил новый удар. "Если дело так пойдет дальше, мне нечем будет есть", - отрешенно, как о чем-то постороннем, подумал Камиль.

- Позови начальника, - прохрипел он, вновь медленно вставая с пола, - у меня для него есть важное сообщение.

Горилла свирепо посмотрел на Камиля, смачно плюнул ему под ноги и захлопнул дверь. Вскоре Камиля повели на допрос.

Следователь, заметив мимоходом, что курить

в камере не разрешается, поинтересовался, что же намерен сообщить ему арестованный.

- Хотел бы прежде всего узнать, в чем меня обвиняют, - спросил Камиль.

Следователь был готов к этому вопросу: - Есть основания подозревать, что вы являетесь английским шпионом. Признаете ли вы это? И какие важные сведения хотели сообщить нам? - Чушь какая-то, - пожал плечами Камиль. - В селе, где я родился и провел детство меня могут вспомнить многие. Все это легко проверить. А то важное, что я хотел сообщить, заключается в одной фразе: Юха пятьдесят пять.

Следователь озадаченно посмотрел на него: - Откуда вы знаете эту фразу? Камиль равнодушно смотрел в окно. Его отправили обратно в камеру. Больше на допросы не вызывали, кормить стали лучше. Горилла рукам волю не давал, но и в разговор не вступал.

Камиль внешне был совершенно спокоен, но в душе нарастала тревога. Через две недели должна была приехать радистка, которую он обязан встречать на вокзале. Если его не отпустят, что

она будет делать в чужом городе? Запасной связи у нее не было, это он знал точно. . .

Сколько времени продлится проверка? Повежут ли его в село или позвонят туда по телефону? Как прореагирует на арест знакомый офицер контрразведки? Конечно, будут наводить справки и в татарской колонии. Но там у него врагов вроде бы нет. . . То, что не вызывают на допрос, означает, что пароль возымел какое-то действие и проверку они, видимо, проводят. Но как долго все это продлится? Он понял, что появился луч надежды, когда горилла однажды швырнул ему пачку газет. "Я знал, что мы поладим", - миролюбиво сказал Камиль.

Через неделю его выпустили, объяснив арест ошибкой. До приезда "невесты" оставалось шесть дней. Все это время Камиль многократно и тщательно "проверялся", слезки за ним не было. . . О том, как произошла его встреча с Ириной, мы уже рассказывали. В их семейном альбоме и сейчас хранятся ее фотографии в свадебном наряде чужой страны. Этот брак оказался, к счастью, не фиктивным, а самым что ни на есть

настоящим. . .

- Западная пресса время от времени сообщает о провалах наших разведчиков. Часто ли это бывает? Какова судьба тех, кто попал в тюрьму?
- спросил я Полковника.

- Провалы? Бывают, конечно, но довольно редко. Все-таки не забывайте, контрразведка работает. А что касается судьбы наших разведчиков, оказавшихся в тюрьме, то мы делаем все, чтобы выволить их оттуда.

- Каким образом? - Путь один - обмен.

- Всех ли удавалось "обменивать" или кто-то остался. . .

- Всех до единого. Наши люди знают: мы не оставим их в беде.

- Сейчас никого из наших в их тюрьмах нет?
- Никого.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. Операция "Боулинг"

^TT:

После тринадцати лет работы в Юго-Восточной Азии в конце шестидесятых годов Шамиль Хамзин и Ирина Алимова вернулись на Родину. Она вышла на пенсию, а для него работа продолжалась. В течение еще многих лет он колесил по Западной Азии и Ближнему Востоку, жил на американском континенте, ездил в западноевропейские страны. . . Все это было бы весьма романтично и увлекательно, если бы Хамзин ездил туристом. Но он участвовал в сложнейшей операции с несколько странным кодовым названием "Боулинг". Цель операции - сбор информации о разработке новейшего наступательного оружия, которое могло быть использовано для нанесения первого удара, а также о тайных работах по созданию атомной бомбы в тех странах, которые ее не имели. . .Еще в Юго-Восточной Азии Камиль Саид (документы и легенда у Шамиля остались прежними) познакомился с руководителем отдела одной из мощных транснациональных корпораций, которая наряду с обычной продукцией традиционно получала важные воен-

ные заказы. Начальник отдела, назовем его Рашид Гарби, более трех лет жил в той же стране Юго-Восточной Азии, недалеко от коттеджа, где на первом этаже был магазин Камилля Саида. Нередко заходил к нему в гости.

Однажды Гарби понравилась шуба из дорогого меха. Он посетовал, что не располагает сейчас нужной суммой.

- Пустяки, - сказал Камиль, - я поверю и в долг. Дела у меня идут неплохо, так что можешь не торопиться отдавать деньги.

Рашид написал расписку и взял шубу. Потом были другие подобные "покупки". Рашид стал брать и деньги в долг, число расписок составило уже более полутора десятков.

Однажды Камиль сказал Гарби: "Слушай, у меня некоторые финансовые сложности, не мог бы ты частично вернуть долги?".

Тот беспомощно развел руками. И тогда Камиль, словно бы колеблясь, предложил: - Один бизнес-клуб интересуется вашими сделками. Думаю, этот клуб для вашей корпорации не конкурент. А за информацию, с которой они все равно

сделать ничего не смогут, они бы неплохо заплатили...

Рашид согласился быстро. Через какое-то время он спросил Камиля: "Скажи, на кого ты работаешь? Та секретная информация, которую ты запрашиваешь, обычному бизнесмену не нужна. На Иран? Турцию?.." Камиль помедлил: - Россию...

- Никогда бы не подумал, - сказал Рашид изумленно.

Сотрудничество их продолжалось.

Но через год после этого разговора Рашид уехал, связь с ним оборвалась. И только много позже стало известно, что Гарби, как говорится, пошел в гору, стал одним из руководителей корпорации, допущен к высшим военным секретам (поставки корпорация производила во многие страны).

На связь с ним решили отправить хорошо знакомого Рашиду Камиля Саида. К тому времени Хамзин уже вернулся в Москву.

Трудность состояла в том, что встреча с Гарби должна была произойти в стране, где в то

время не было ни одного советского человека. Камиль поехал туда кружным путем - через Западную Европу и Ближний Восток. ..В приемной Гарби он сказал хорошенькой секретарше: - Я - Камиль Саид, бизнесмен. Доложите патрону.

- Он Вас ждет? - Нет, я здесь проездом. Но он меня знает. . .

Рашид Гарби сделал вид, что не узнал Саида.

- Хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз, - вежливо сказал Камиль.

- У меня от моего заместителя нет секретов, - сухо сказал Гарби.

- Зато у меня есть, - парировал Камиль.

- Ничем не могу помочь, - процедил Рашид.

Почему Гарби не пошел на контакт? Уверен в своей неуязвимости? Или что-то другое? - 16 марта Гарби прилетает в Лондон, - сказал Хамзину Полковник. Придется лететь туда и начинать все сначала. . .

Камиль остановился в Лондоне (использовав другие документы) в уютной гостинице Кингсли, недалеко от многолюдной торговой Оксфорд-стрит. Через три дня в одиннадцать вечера по-

звонил из автомата в другую гостиницу, в номер-люкс, забронированный для Гарби. Камиль знал, что он прилетел три часа назад.

- Привет, дружище, - как ни в чем не бывало сказал Камиль. - Это Кэм (так его звали на Юго-Востоке американцы). В прошлый раз я забыл отдать тебе кое-что. Не хотелось бы пересылать это в твою штаб-квартиру. Жду тебя через сорок минут на углу Риджент-стрит и Оксфорд-стрит, на левой стороне. До встречи! И положил трубку. Это был рискованный шаг, но Камиль считал, что Гарби все-таки придет.

Он сел в светло-серый "Форд", взятый на прокат, и не спеша поехал мимо непрерывного ряда сверкающих витрин к Риджент-стрит. В это время людей здесь было уже немного, и он сразу увидел знакомую фигуру Гарби в светлом плаще. Завернул налево, притормозил, открыл дверцу.

- Хэлло, Гарби! Тот оглянулся и быстро направился к машине.

- Садись слева, со мной рядом, - сказал Камиль, - так нам будет удобнее. . .

Несколько минут они ехали молча.

- А я уж думал, ты совсем забыл старых друзей, - сказал Камиль. - Там, на юге, ты был не очень любезен.

- Вначале мне показалось, что это не ты, а двойник, - задумчиво протянул Гарби. - Там же нет ни одного человека из вашей страны. Первая мысль: кто-то проверяет меня. Да и ты сильно изменился. . . А потом уже поздно было менять игру.

- Знаешь, Рашид, я скажу тебе вещи, которые могут показаться наивными или обычными прописями. Но ты все же послушай. В нынешних условиях "холодной войны" мир может быть сохранен только на условиях паритета вооружений. Согласен? Я понимаю, гонка вооружений для вашей фирмы дает немалую прибыль, но настоящая война имела бы непредсказуемые последствия. Поэтому нам и нужно знать, какие разрабатываются новые наступательные вооружения, какие новые страны хотят создать свою атомную бомбу. . .

Они выехали на Пикадилли-серкус. Гарби молчал. И лишь на другой стороне Темзы Гарби

произнес: - Я согласен. Кое-что я мог бы сказать тебе сразу. Например о планах создания атомной бомбы в Израиле и ЮАР. Это один из высших секретов этих стран. Но для более подробной информации об этом, а также о ряде работ по наступательным вооружениям стран НАТО нужно время. . .

- О'кей. Теперь давай договоримся о связи и о всем прочем. Я знаю, в деньгах ты теперь не стеснен. Но все же я хотел бы сделать тебе небольшой презент. . .

Информация Гарби о новых видах оружия имела очень важное значение для нашей страны, повышения ее обороноспособности. А что касается создания атомной бомбы в ряде стран, то только сейчас начинают просачиваться в печать сведения, которые мы имели много лет назад. . .

- А если бы она сказала, что не узнала вас? - спросил я Полковника.

- Я бы внешне очень удивился. Как это мать - и не узнает собственного сына? Я бы спросил у окружающих - здорова ли мама? А потом поехал

бы в гостиницу, чтобы привезти нашу семейную фотографию, сделанную лет двадцать назад. . . В двадцати минутах езды от селения, на развилке шоссе меня ждала другая машина. У сидящего в ней человека были припасены резервные документы для меня, как раз на этот случай. Дневным рейсом мы улетели бы в Париж с посадкой в Риме. . .

Полковник говорил просто, буднично, хотя это была одна из тех дерзких операций, риск которой доходил до максимально допустимой грани. Руководители комитета и внешней разведки долго колебались, прежде чем дать согласие на ее проведение.

Не очень далеко от столицы одной из южных стран, в селении, где все друг друга знают, жила обычная небогатая семья. Двадцать лет назад старший сын устроился в европейскую фирму, первое время посылал денежные переводы, подарки, несколько раз приезжал домой. Но последние 16 лет о нем не было ни слуху, ни духу. Где он? Никто в селении этого не знал. В действительности же он умер, и об этом случайно

стало известно нашим разведчикам. Тогда возникла идея: Полковник внешне очень похож на погибшего, язык знает в совершенстве - почему бы не попробовать? Идея принадлежала Полковнику, но энтузиазма она не вызвала. "Мать всегда узнает сына", - возражали ему.

- Разумеется, узнает, - соглашался Полковник.
- Но скажет ли она вслух, что это не ее сын? Вот представьте: небольшое селение, бедная семья, отсталые люди. Неожиданно на красивой машине приезжает богатый, преуспевающий человек с подарками. Окружающие признают в нем ее сына (а я похож на него), молва летит вперед (я сначала заеду, конечно, к старосте). Селяне расписывают мнимой матери мой дорогой костюм, коробки на заднем сиденье машины... И вот она видит, что приехал не ее сын, но этот богатый господин почему-то считает ее своей матерью. И все согласны с ним. Будет ли она протестовать? Отсталая, темная женщина перед всем обществом и перед богатым человеком с подарками? Полковник настоял на своем. В действительности все совпало до мельчайших деталей.

Но был и один острый момент.

Когда его вели к матери, на скамейке сидели несколько женщин с чадрой на лице. "Кто же из них моя новая матушка?" - мучительно думал Полковник. Неожиданно одна из женщин опустилась на колени и сказала: "Здравствуй, сынок, слава аллаху, что я увидела тебя. . .".

Полковник по-чинил крышу на домике-развалюхе, поставил новый забор, раздал подарки (все за счет западноевропейской фирмы, одним из руководителей которой был коллега Полковника). Через три дня Полковник уехал в Европу. Он провел там много лет, стал руководителем крупной фирмы. Переданная им информация и сейчас является секретной. Скажу только, что он первым сообщил о проекте "звездных войн", или, как теперь говорят, "стратегической оборонной инициативе", задолго до появления официальных сообщений.

А подарки к праздникам новая "мать" Полковника получала до самой своей кончины (она умерла несколько лет назад).

Отпуск (второй за восемнадцать лет) кончился у Хамзина досрочно.

- Извини, Шамиль, - сказал Полковник, - но здесь такое стечение обстоятельств... Тебе предстоит лететь сначала в США, потом в Европу, если, конечно, не возражаешь. Задание особой важности...

Речь шла о том, чтобы получить сведения о создании новых иностранных военных баз в сопредельных с Советским Союзом государствах, а также о новых военных доктринах ведущих капиталистических стран (особое внимание уделялось вопросу: предусматривается ли возможность нанесения первого удара?).

- Тут и говорить много не надо, - заметил Шамиль. - Когда выезжать? ... В Солт-Лейк-Сити, административный центр штата Юта на западе США, он приехал вечером, ровно через три недели после разговора с Полковником. Остановился в отеле. Около одиннадцати раздался неожиданный телефонный звонок.

- Мистер Воронков? - спросил густой мужской голос.

Именно так: не Воронкоф, а почти по-русски, с русским "в" на конце.

- Вы ошиблись, - спокойно ответил Шамиль по-английски и положил трубку.

Странный звонок озадачил его. Слишком много непонятого было во всем этом. Действительно ли ошибка? Но необычная для американцев русская фамилия, позднее время, русский акцент... Шамиль знал, что здесь, в штате Юта, он будет один, без своих коллег. И решение он должен был принимать сам.

Откладывать операцию? Продолжать? Сменить гостиницу? Он вспоминал свой маршрут. Ни в Гонконге, ни в Мадриде, ни в Нью-Йорке, ни в Вашингтоне у него ни с кем из наших разведчиков не было контактов. Слежки тоже он не заметил.

Второй вопрос - документы. Они подлинные, безупречные, тут тоже все хорошо. В Вашингтоне, кстати, Шамиль заходил в посольство третьей страны, гражданином которой являлся по документам, долго беседовал с советником - давним своим знакомцем еще по Юго-

Восточной Азии. Ничего тревожного не почувствовал... Нет, операцию прекращать не было оснований, по крайней мере на этом этапе. А вот гостиницу на всякий случай сменить нужно.

Шамиль расплатился, предупредив, что утром уезжает, у него времени будет мало. Вернулся в номер, взял чемодан и по запасному выходу пошел вниз. На улице завернул за угол и взял третье такси. Машина ехала по пустынным улицам, слежки не было... И до сих пор он не знает, что это был за таинственный телефонный звонок. Ошибка? Удивительное стечение обстоятельств? Штат Юта известен как один из центров ракетостроения. Камилю Саиду, бизнесмену из Юго-Восточной Азии, предстояло "случайно" познакомиться со специалистом из Европы (назовем его Мишель Дегран), который собирался вскоре улететь домой.

В Москве имелись сведения о том, что этот специалист располагает важной информацией по многим интересующим разведку вопросам. Он, кстати, не одобрял вновь разгоравшуюся в конце семидесятых годов "холодную войну", считая,

что рано или поздно она может перейти в "горячую", которая уничтожит жизнь на Земле.

Перед Шамилем стояла на первый взгляд не очень сложная задача: познакомиться с Мишелем и завоевать его доверие. Но это просто лишь на взгляд дилетанта. Любой профессионал знает, насколько сложным, опасным и трудным является подобное задание.

Шамилю было известно, что Дегран - заядлый теннисист. Это он и решил использовать для знакомства.

Возле теннисного корта, где играл Мишель Дегран, стоял десяток болельщиков. После второго гейма Шамиль объявил, что он устанавливает для победителя премию сто долларов. Это вызвало общее оживление. Мишель летал с ракеткой по полю и играл, как бог. Он выиграл пять геймов, один проиграл. И, разгоряченный, еще весь в азарте поединка, счастливый и радостный, пригласил всех в ближайший бар, чтобы "обмыть" там полученные сто долларов.

В баре Камиль Саид и Мишель Дегран не только познакомились, но и быстро нашли общий

язык. Саид пояснил, что ему, бизнесмену, хотелось бы вложить капитал в перспективное дело, возможно, в военно-промышленной сфере, здесь или в другом месте, и в этой связи для него важны советы знающего специалиста.

- Фирма не будет скупиться для оплаты услуг консультанта, - подчеркнул Саид. - Не взялись бы за это дело? Мишель сразу же согласился. Подробнее условия решили обсудить на следующий день. Назавтра за обедом все было улажено.

- Послушайте, Мишель, - за десертом сказал Камиль, - эти деньги фирма оформляет через один исследовательский центр, вернее, через его закрытый сектор, который занимается вопросами перспективы и конъюнктуры. Там работают и наши люди. О деталях особенно говорить не хочу, но главное в том, что выплачиваемые вам деньги нигде не будут зафиксированы. Поэтому не уверен, стоит ли вам указывать их в налоговой декларации.

- Над этим стоит подумать, - пробормотал Дегран.

Первые вопросы были не очень сложными -

куда выгоднее вложить капитал: в горнорудную промышленность, цветную или ракетостроение? Каждое предложение вызывало новые вопросы, но Деграна это устраивало: за свои консультации он регулярно получал приличные гонорары. Вскоре Мишель улетел в Европу, туда же по делам фирмы направился и Камиль Саид.

Они решили отдохнуть недельку вместе в роскошном отеле на берегу Средиземного моря. Именно там Шамиль узнал о планах создания мощной военной авиационно-ракетной базы в одном из южных государств, граничащих с Советским Союзом.

- Вот это действительно перспективное дело, - говорил Мишель, приводя подробные данные о будущей базе.

В личном деле полковника разведки Шамиля Абдуллазяновича Хамзина (множество папок с надписью "Халеф" - псевдоним Хамзина - в прямоугольных картонных футлярах) хранятся любопытнейшие документы. Здесь разработки генеральных штабов о перспективах военного противостояния с СССР, тактико-технические дан-

ные разрабатываемых за рубежом стратегических и иных ракет, планы оперативных военных операций в ходе региональных военных конфликтов, цели и объекты промышленного шпионажа в СССР и ряде восточноевропейских стран и многое другое. . .

В этом году Ш.А.Хамзину исполнится 75 лет. Около сорока из них он отдал разведке. Родился в Архангельске, в татарской семье. В 1923 году семья переехала в Казань (жили на Правобулачной улице, дом 43). Окончив школу, Шамиль поступил в Ленинградский электротехнический институт имени В.И.Ульянова (Ленина) на факультет "Приборостроение". Тема дипломной работы: "Управление с самолета торпедными катерами по радио". Получил диплом инженера-электрика перед самым началом войны. Работал на военном заводе в Москве, где и был принят в партию. Позднее Хамзину предложили перейти на работу в НКГБ, в Управление внешней разведки. Он снова пошел учиться, на этот раз в специальную школу без вывески. . .

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: Глава 8. Где предел человеческих сил?

^ТТ:

... Полковник не сразу ответил на вопрос. Он посмотрел в окно на высокое синее апрельское небо, затем на меня, словно сомневаясь, оценивая, пойму ли я его, может ли вообще человек, не связанный с этой работой, почувствовать, ощутить, догадаться, что переживает разведчик "там", вдали от Родины, от друзей, ежесекундно контролируя каждый свой шаг, без права на ошибку, гнев, уныние...

- Неужели никогда и ни у кого не было срывов? В это трудно поверить, сказал я Полковнику.

Он опять помолчал, вздохнул, лицо его потемнело. Таким я видел его впервые.

- Были, конечно. Да и как определишь предел человеческих сил...

- Часто были срывы? - За многие десятилетия - два случая.

- Об этом и сегодня нельзя рассказывать? - Да здесь и рассказывать особенно нечего. Тут сердцем понять надо. . . Знаете, говорят: "тоска заела. . ." Так вот "там" она порой превращается просто в тигра. . . Получаем однажды сообщение: в таком-то доме, где живет наш человек, иногда слышны русские песни. У нас и в мыслях не было, что это он ставит пластинки. Но все же решили проверить. Оказалось, именно он и ставит. "Когда мочи больше нет", - признался он позже, уже в Москве. Отозвали, конечно, работал в аппарате, недавно вышел на пенсию.

- А второй случай? - Это сложнее. Заболел человек, не выдержала психика.

- И что же? - Домой сам вернуться он уже не мог. Пришлось ехать туда. Меня он знал лично и очень давно. Увидев, улыбнулся и сказал: "Ну, слава богу, Володя, с тобой у меня все будет хорошо". А я думал: "Лететь отсюда самолетом опасно. Он плохо контролирует себя". И мы "пилили" через всю Европу на машине.

- Где он сейчас? - На пенсии. Вылечился. Иногда встречаемся. . .

- Бывает ли, что кто-то разочаруется в профессии разведчика и уходит от вас? - К нам, как правило, приходят люди одержимые, беззаветно любящие свое дело. Здесь нельзя "отбивать" работу, толку все равно не будет. Разведчик - это призвание. И, разумеется, понимание важности, необходимости твоей работы для страны. Отсюда - самоотверженность, отвага, готовность идти на риск. . . Конечно, не из каждого может получиться разведчик, и какой-то отсеивается на стадии обучения идет. Но добровольно только один человек ушел от нас. Это было недавно. Ушел в кооператив. У нас никто не возражал. . .

Настоящие разведчики неохотно рассказывают о себе и своей работе. Больше предпочитают оставаться в тени, жить незаметно. Этого требует профессия. Может быть, поэтому до недавнего времени не так уж баловала наградами страна своих разведчиков.

Многие из наших замечательных разведчиков, проработав долгое время за рубежом, отдав здоровье и силы этой опаснейшей и труднейшей

работе, возвращаются на Родину с одним чемоданчиком и здесь на старости лет должны начинать многое практически с нуля.

Они нередко сталкиваются с бытовой неустроенностью, материальными трудностями - это после всего того, что они сделали для страны. . .

Ш.А.Хамзин за свой нелегкий труд награжден лишь знаком "Почетный сотрудник госбезопасности СССР" и одним орденом Трудового Красного Знамени. . . Мне кажется, что сейчас, в канун 70-летия советской разведки, можно было бы более достойно отметить заслуги Ш.А.Хамзина, И.К.Алимовой и многих других наших разведчиков, подлинных наших героев, заслуживших высокое общественное признание." После публикации в "Труде" было принято решение о награждении советских разведчиков.

Два ордена

"На долю этих двух скромных, лишенных всякой аффектации людей выпало столько испытаний, что их, думаю, с лихвой хватило бы на несколько жизней. Весной нынешнего года наша

газета рассказала о них - двух советских разведчиках, долгое время работавших нелегально, под чужими именами за рубежом (см.: "Труд" за 8, 14, 15, 20 марта, 17, 19 и 20 мая с.г.). Причем, работавших не в какие-то далекие времена, а сравнительно недавно - в 60-е годы и позже. . . Может быть, впервые в нашей стране подлинные имена разведчиков, которые выполнили труднейшее задание и не были раскрыты контрразведкой, стали известны при их жизни, когда они возвратились домой. Обычно все это хранится в глубочайшей тайне, и доступ к ней имеют всего несколько человек. . .

В последние годы Ш.А.Хамзин и И.К.Алимова живут в Москве, в небольшой, очень скромно обставленной квартире в блочном доме на окраине столицы. "У нас все хорошо", - говорят они. Да, дома всегда хорошо. Но мне все-таки было непонятно, почему многие наши разведчики, отдав здоровье и силы опаснейшей работе за рубежом, должны, вернувшись домой, начинать практически с нуля. Они не имеют ни накоплений, ни ценностей, нередко

сталкиваются с бытовой неустроенностью, материальными трудностями. . .

Справедливо ли? Удивительно было и то, что даже на награды разведчикам страна оказалась не очень щедрой. Ш.А.Хамзин имел один орден - Трудового Красного Знамени, тринадцатилетняя работа за рубежом И.К.Алимовой была отмечена медалью "За боевые заслуги". И эта горькая, критическая нота тоже в полной мере прозвучала в опубликованных материалах.

Публикации не остались незамеченными. В эти дни, в канун 70-летнего юбилея советской разведки, пришло известие, которого, откровенно скажу, я втайне ждал. Президент СССР М.С.Горбачев подписал Указ о награждении двух советских разведчиков "за успешное, - как говорится в Указе, - выполнение специальных заданий". Майор в отставке Ирина Каримовна Алимова награждена орденом Красной Звезды, полковник в отставке Шамиль Абдуллазянович Хамзин - орденом Красного Знамени.

Вручал ордена генерал, один из руководителей советской внешней разведки (фамилию его,

как мне пояснили, называть пока преждевременно). Генерал не понаслышке знает об этой опасной работе.

- Не боитесь, что по мере ослабления международной напряженности вы и ваши сотрудники останутся без работы? __ - спросил я генерала.

- Это было бы прекрасно, - совершенно серьезно ответил он. - Хотя без работы наши работники, конечно, не остались бы, дело для квалифицированных людей всегда найдется. Но, думаю, пока до этого еще очень далеко. Ведь разведка - это как бы контрольный орган, например, помогает проверить выполнение договоренностей между государствами и, как это ни покажется странным, даже способствует (при нормальном развитии событий) укреплению доверия. Кстати отмечу, что даже страны-союзники по НАТО направляют друг к другу своих разведчиков. Хотя разведки этих стран между собой сотрудничают... А я уж не говорю о том, что много в мире есть еще опасных очагов, откуда может исходить угроза миру. Последние события в районе Персидского залива наглядно подтвер-

ждают это. Так что без внешней разведки пока не обойтись. . .

- Кто пришел на смену Ш.Хамзину и И.Алимовой и их товарищам? - И молодые, и в зрелом возрасте. О биографиях и месте их пребывания, увы, сказать вам не могу. Но вот что их всех характеризует: это действительно талантливые, незаурядные люди. К сожалению, далеко не о всех можно будет рассказывать даже после возвращения их домой. Да и о ряде операций, проведенных в послевоенные годы, думаю, не будет рассказано никогда. Такова специфика нашей работы. Ниточки из прошлого через десятилетия тянутся в настоящее, и под удар может быть поставлено многое. . . Когда церемония награждения завершилась, И.К.Алимова и Ш.А.Хамзин рассказывали мне о том, как круто изменилась из затворнической жизнь в столице после публикаций в "Труде".

На два месяца они поехали в Туркмению, на родину Алимовой, где им устроили торжественную встречу. При выходе из самолета всех пассажиров попросили немного задержаться, и они

двое, смущенные и оглушенные небывалым вниманием, спускались по трапу, а операторы кинохроники и телевидения непрерывно снимали их, у трапа ждали встречающие. . . Из аэропорта они ехали по городу в черной открытой "Чайке". Потом долгие беседы с родными, знакомыми, встречи с журналистами, а также на студии "Туркменфильм" (где Ирина Каримовна снималась перед войной в известном фильме "Умбар"), выступления в актовом зале университета, в кинотеатре "Бахар" (перед демонстрацией специально доставленной ленты "Умбар"), поездка в Мары (они сразу же направились к тому месту, где был ее родной дом, но от него сейчас остались одни развалины), выступление в педагогическом училище. . . Публикации в местных газетах, передача по телевидению. . . Как дорого было этим двум пожилым людям такое внимание. Они своей нелегкой жизнью заслужили это - и общественное признание, и ордена Родины.

- Я не из породы нытиков, - вдруг очень тихо сказала мне Ирина Каримовна, но в последнее время стала замечать, что настроение бывает

неважнецкое. Конечно, держала себя в руках, вида не показывала. И вот сейчас будто солнечный луч осветил... Спасибо всем... " Эти публикации в "Труде" получили отклик читателей. Их читали и в наших подразделениях, давали молодым нелегалам, чтобы каждый еще раз проверил себя - готов ли он к трудной работе. Мы были признательны и благодарны В.Головачеву за эти статьи. И сейчас я еще раз говорю ему спасибо.

После выхода в свет первого издания "Нужной работы" один из наших литераторов, ранее связанных с нелегальной разведкой, прочитав книгу, подарил мне небольшое стихотворение:

"Соратникам Абея и Молодого

Осень. Утро.

За окном какой уж год чужое небо

Черными дождями льет и льет.

Я лет двадцать дома не был,

А вернусь ли? Этого не скажет мне никто...

Каждый день я слышу речь чужую,

- Говорить по-русски скоро разучусь.

Буднично, обычно, повседневно

На работу этим утром снова соберусь.
Буду делать дело незаметно:
Слушать. Видеть. Помнить. И молчать.
И свою жизнь неприметной
Родины покой оберегать.
1991 г." .

Вот так скромно, неприметно, без претензий
работают разведчики-нелегалы.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ
РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: Глава 8. "Д-104"

^ ТТ:

В конце декабря 1990 г. на приеме в связи с
очередной годовщиной советской разведки быв-
ший мэр Москвы Г.Х.Попов по понятной мне при-
чине задал за столом В.А.Крючкову вопрос о ра-
боте нелегальной разведки. В.А.Крючков поло-
жительно отозвался о ней и обратил внимание
Г.Х.Попова на меня, сказав, что мне пришлось
"побыть даже графом". "Графом" я не был, но

в одной из наших долголетних операций сыграл роль барона Хоэнштайна, бывшего офицера вермахта, одного из руководителей неонацистской организации.

После приема я разыскал в своих бумагах записи той поры об этой операции, которую назвал "Скорпион". Как же все было?..

В 1961 г. в БНД был арестован наш известный разведчик Хайнц Фельфе, который в течение 10 лет обеспечивал нас ценнейшей информацией о деятельности западных разведок против нашей страны и стран Восточной Европы. По признанию Запада, в тот период русские знали о них все, или почти все. Это была большая потеря. Хайнц Фельфе написал о своей работе интереснейшую книгу "Мемуары разведчика", опубликованную в 1985 г. Прочтите ее. Мы 8 лет добивались его освобождения и все годы стремились восполнить эту утрату.

Операция "Скорпион" требовала тщательной подготовки. Исходя из взглядов прошлого, необходимо было осветить многое из того, что имело отношение к разведке, и особенно в Германии.

Польза и необходимость разведки сознавались мыслителями разных эпох.

В XVI столетии Макиавели писал по этому поводу следующее: "Чтобы разведать намерения противника и узнать его распоряжения, некоторые полководцы отправляли к нему послов, которых сопровождали ловкие офицеры, переодетые лакеями; пользуясь случаем, эти последние осматривали неприятельские войска, замечали их слабые и сильные стороны и таким путем изыскивали средства для одержания победы. Другие полководцы подвергали мнимому изгнанию доверенных лиц, которые искали убежища у неприятеля, раскрывали его намерения и передавали их своим военачальникам". В другом месте Макиавели выражается еще определеннее: "Отечество надо защищать честным или хотя бы бесчестным образом. Все средства хороши, лишь сохранена была бы целость его. Когда приходится обсуждать вопрос, от решения которого единственно зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человек-

ности или жестокости, славы или позора, но, отбросив всякие соображения, решиться на то, что спасает и поддерживает". (Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия).

Король прусский Фридрих Великий также придавал большое значение заблаговременному сбору сведений о противнике через шпионов. В его труде "О военных учреждениях" говорится: "На войне приходится действовать то с отвагой льва, то с лукавством лисицы, где не берет сила, там возьмет хитрость. Поэтому безусловно необходимо пользоваться и той, и другой; это составляет один лишний шанс на успех. Часто сила не уступает силе, но часто также хитрость берет верх над силой".

Итак, Фридрих Великий понимал значение разведки и принял участие в этой "науке нечистой игры", положив конец шпионажу как развлечению или дворянской авантюре. Особенности Фридриха как военачальника проявились с наибольшей яркостью именно в умелом и систематическом использовании шпионов. Его даже прозвали отцом организованного военного шпио-

нажа. Если он был отцом, то необходимость была матерью созданной им организации.

Известны слова Фридриха II о том, что на ратном поле важно иметь при себе одного повара и сотню шпионов. Своих агентов делил на четыре категории: а) обыкновенные агенты, вербуемые среди бедного населения, довольствующиеся небольшим вознаграждением; б) агенты-двойники, доносчики и ненадежные ренегаты, пригодные главным образом для дезинформации противника; в) высокопоставленные агенты-царедворцы, знать, штабные офицеры и тому подобные конспираторы, неизменно требующие крупного вознаграждения; г) лица, вынужденные заняться шпионажем против своей воли.

Фридрих занимался не только классификацией агентов, но и ввел правила вербовки и кодекс их использования с учетом особенностей, присутствующих каждой категории.

Классификация, установленная Фридрихом, не предусмотрела одного: появления современного шпиона-патриота. Этот пруссак был реалист, циник и монархсамодержец. Монархи его эпохи

редко сталкивались с подлинным патриотизмом. Только Великой французской революции суждено было воспламенить Европу национальным энтузиазмом. Угрозы и подкупы, обещания повышений и крупных кушей лишь на этих побуждениях и умели играть вербовщики шпионов из школы Фридриха.

Нам же предстояло столкнуться с западногерманской спецслужбой второй половины XX века, созданной и подготовленной генералом Рейнхардом Геленом, имевшим богатый опыт использования агентуры против советских войск в годы Великой Отечественной войны и проникновения на советские объекты на территории ГДР после ее окончания. В Федеральной разведывательной службе (БНД) работало в разные годы от 4000 до 20000 сотрудников и агентов, около 300 из которых были в прошлом членами НСДАП, а примерно 250 - офицерами вермахта и других военизированных организаций. Сотрудники БНД и его агентура, по нашим наблюдениям, активно действовали в Восточной Европе, ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки. На счету БНД

и успешная операция по перехвату канала связи командования группы советских войск в Германии, наделавшая много шума в 30-х годах. ЦРУ располагало данными, согласно которым разведка Гелена имела возможность безошибочно предсказать ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году и дату арабо-израильского конфликта в 1967 году. Рейнхард Гелен был первым, кто высказал предположение о том, что Мартин Борман был советским агентом.

Чтобы успешно провести операцию по проникновению в БНД, изучив обстановку в ФРГ, Латинской Америке, деятельность неонацистских группировок, мы решили создать фиктивную заморскую неонацистскую организацию и, используя настроения среди сотрудников западногерманской разведки, внедриться в нее. Эта идея принадлежала ушедшему недавно из жизни Николаю Степановичу Носкову, который предложил применить такие активные методы воздействия на противника. Сначала "организация" появилась в Европе и ФРГ в лице одного из представителей "Überlebenstager" (лиц - носителей преж-

них идей, переживших трагедию поражения) и их сторонников. Затем было дано знать о небольшой группе, передовом отряде, прибывшем из Латинской Америки. Когда мне пришлось включиться в эту операцию, "организация" уже "жила", ей верили в ФРГ и даже оказывали поддержку. Но для достоверности требовалось, чтобы появился ее руководитель. Эту роль поручили сыграть мне. Прежде всего пришлось восстановить язык, "подсевший" за годы работы в Центре и в Китае, и поехать на "место". Помню, я еще очень долго спорил: подходит ли для Германии мое сшитое в Китае пальто (ведь дело было зимой). Решили, что подходит. . . Взвесили также и целый ряд других обстоятельств, учли разнообразные атрибуты прошлой нацистской действительности.

На заключительном этапе активно действовавшая группа фиктивной организации состояла из "барона фон Хоэнштейна", начальника службы охраны и безопасности нелегала "В" (Ивана Дмитриевича, он же "старина Ганс"); и нелегала Вальтера, поддерживавшего постоянный кон-

такт с объектом вербовки.

Из Вены в Инсбрук, где была назначена встреча, меня "добросил" сотрудник нашей легальной резидентуры Вадим. У вокзала мы с ним расстались, на одной из улиц я встретил Вальтера, и вот мы у цели. В беседе с новым агентом из числа сотрудников БНД (назовем его "Д-104") мне не пришлось прибегать к нажиму, шантажу или давлению. Это была беседа "единомышленников" - немецкого барона, бывшего офицера, живущего в изгнании и руководящего теми, кто остался верен идеалам Великой Германии, и молодого сотрудника БНД, придерживающегося тех же взглядов. Я поинтересовался, помнит ли он текст присяги, которую все "мы" давали фюреру. Он ответил утвердительно. Тогда я просто предложил повторить ее. "Перед лицом всемогущего Господа Бога! Я клянусь! Быть верным и смелым солдатом фюреру немецкого народа - Адольфу Гитлеру!" ... Затем я задал последний вопрос: "А отец Ваш помнит об этом?" - "Отец готов сам принять участие в деятельности организации". Этого было достаточно.

"Д-104" работал в самом чувствительном для нас подразделении БНД. Мы отработали систему безопасности и связи друг с другом.

Встреча закончилась. Втроем мы уселись в "Вольво", которая легко взяла укатанный колесами машин снег горной дороги в направлении Инсбрука. Внизу, сквозь дымку зимнего австрийского тумана, еще оставались видны в долине огоньки гостеприимной виллы, где мы закрепили свой союз. Ехали сначала молча, потом заговорили оживленно, обсуждая суровость жизни, заставившей после поражения 1945 г. одних скрываться на чужбине, а других пойти на службу к победителям, и искать с обеих сторон путь навстречу друг другу.

Возле городского вокзала Вальтер и "Д-104" простились со мной. Я пожелал "Д-104" удачи в трудной работе в интересах организации, членом которой он стал, попросил передать привет отцу, свято хранящему верность присяге... фюреру и идеалам Великой Германии. "Вольво" скрылась в ночной темноте...

Недалеко от вокзала меня дожидался в ма-

шине Вадим. Мне хотелось скорее оказаться с ним рядом, услышать ровное урчание мотора его машины и посапывание в ответ на вопросы.

- Господин барон доволен? - шутя спросил он.

- Да, - несколько растянуто ответил я, - поехали. - Вадим засопел, развернул машину, и мы устремились по горной дороге к Вене.

Тепло машины слегка разморило меня. Я закрыл глаза и еще раз заставил свой мозг подвести итог встречи: операция "Скорпион", начатая несколько лет назад, удовлетворительно завершилась, в самом чувствительном подразделении Центрального аппарата БНД есть еще один агент, отработана надежная связь с ним, получен доступ к деликатной информации взаимодействующих спецслужб стран НАТО, параллельно завершены мероприятия по созданию защитной, отвлекающей от "Д-104", агентурной сети. Начинаясь новый этап противоборства с противником.

Машину слегка потряхивало. Мысли перескакивали с одного на другое. Я с огромной теплотой подумал о Николае Степановиче Носкове, о Вальтере, руководившем нелегальной группой,

за идею создания этой "неонацистской организации". Реалии Латинской Америки легли в основу операции и были осуществлены. Мне выпало на долю сыграть роль одного из руководителей этой организации и включить в ее состав нового члена. Завтра с "Д-104" будет работать Иван Дмитриевич. "Старина Ганс" проверит, как в БНД вообще обстоит дело с безопасностью. . . . Машина резко остановилась. Сквозь заснеженное лобовое стекло виднелась фигура полицейского. За ним - оседающее снежное облако.

- Если господа не спешат вниз с обрыва, прошу в объезд. Только что сошла лавина, под снегом несколько машин с людьми.

Мы поблагодарили полицейского и двинулись в объезд по дороге, прорытой снегоочистителями в глубоком снегу. . .

Утром мы были в Вене. Был февраль 1972 года. "Барон фон Хоэнштайн" улетел в Центр по своим настоящим документам.

"Д-104" подтвердил своими материалами, что цели спецслужб ФРГ и дружественных им стран, США, Англии и Франции, против СССР

не изменились: Усиленная активная разведка военно-экономического потенциала СССР и группировки его войск в интересах НАТО и Бундесвера.

- Сбор данных о ведущей роли СССР в проведении социалистической экономической интеграции, в СЭВе и его органах.

- Советско-китайские экономические отношения.

"Д-104" прикрывала небольшая защитная (отвлекающая) агентурная сеть. От этой агентуры мы получили интересную информацию о сотрудничестве спецслужб стран НАТО и трениях между ними. Мы снова знали почти все.

"Организация" работала с "Д-104" около 5 лет. В 1976 г. после провала одного агента-женщины из защитной группы мы по соображениям безопасности, скрепя сердце, свернули деятельность этой организации.

Председатель КГБ Ю.В. Андропов внимательно следил за ходом этой операции, за каждой встречей с "Д-104". Как-то, заслушав наш отчет об очередной встрече, задумался, размыш-

ляя над полученной политической и оперативной информацией. "Каждый раз на острие ножа", - сказал он. - Каждый раз все может лопнуть, а ведь живет". На следующий раз он сказал, что эту операцию следует держать в строжайшем секрете, и пошутил, что после ухода на пенсию мы вдвоем напишем занимательный сценарий для приключенческого фильма.

21 августа 1995 года германский журнал "Фокус" (N 34, 21.08.1995) взбудоражил всю Германию ссылкой на главу о "Д-104" из "Нужной работы". Известные корреспонденты И.Хуфельшульте и К.Лудвиг поместили статью под громким заголовком "Руководство Пуллаха в смятении", с которой будет небезынтересно познакомиться читателю. Привожу ее текст в переводе с немецкого без сокращений: .

"Бывший генерал КГБ Юрий ДРОЗДОВ признает: "Наш ценный агент в Федеральной разведывательной службе до сих не разоблачен." Крепкие рукопожатия, похлопывания по плечу, старая гвардия в узком кругу.

Мужчины, в преобладающем большинстве в

возрасте за 70 лет, одеты строго по протоколу. В этот жаркий летний день на них строгие пиджаки и рубашки с галстуками. Гостей принимает Юрий Дроздов, генерал бывшей советской секретной службы КГБ, только некоторое время спустя за стопкой водки он позволит себе несколько ослабить узел галстука.

В служебном здании на улице Большая Полянка, в нескольких минутах езды на автомобиле от Кремля, собралось заговорщическое сообщество. Дроздов, возраст 69 лет, пригласил к себе ветеранов службы внешней разведки КГБ. Некоторые перелистывают страницы книги, которую написал Юрий Иванович и которая посвящена его соратникам по борьбе и нынешнему поколению российских разведчиков.

Опубликованная в Москве брошюра для внутреннего пользования с безобидным названием "Нужная работа" по содержанию очень бризантна.

Воспроизводя воспоминания Дроздова о его разведывательной деятельности в Австрии, Китае, Афганистане и США, книга описывает неко-

торые детали хорошо продуманной разведывательной операции, которая вызовет тревогу немецких спецслужб, занимающихся вопросами безопасности.

Детальные расследования журнала "Фокус" дали следующие результаты: КГБ, по всей вероятности, имел в составе Федеральной разведывательной службы (БНД) своего ценного высокопоставленного агента, который не разоблачен до сих пор. На прошлой неделе соответствующий запрос журнала "Фокус" вызвал смятение у руководства разведывательной службы в Пуллахе под Мюнхеном, которое уже начало поиски предполагаемого шпиона Москвы.

И такое возбуждение вполне понятно: возглавляемое Дроздовым подразделение, в соответствии с проведенным "Фокусом" собственным расследованием, по всей видимости, уже в 1972 году завербовало человека, который мог выдавать Москве рискованные операции БНД, которые она проводила в странах Восточного блока. И не только это: агент КГБ под псевдонимом "Д-104", по-видимому, действовал в самом сердце

БНД, имел тесные контакты с представителями дружеских западных разведок и, возможно, также информировал Кремль об операциях американских, английских и французских агентов против Варшавского пакта.

Один из экспертов немецкой контрразведки так прокомментировал журналу "Фокус" это дело: "Это было бы абсолютным фиаско, небывало тяжелым случаем предательства для Германии и для всего НАТО. По сравнению с ним дело Гийома мелочь".

Дроздов, у которого "Фокус" еще в прошлом году взял интервью относительно его деятельности на посту руководителя нелегальной разведки ("Фокус", N_27/1994), вел себя при новой встрече более сдержанно. Ознакомленный с анализом его книги и результатами расследования по материалам книги, проведенного "Фокусом", генерал КГБ сказал: "Да, "Д-104" был нашим ценным источником в БНД. Его сообщения докладывались даже Андропову" (шеф КГБ с 1967 до 1982 года примечание редакции).

На вопрос, не выявлен ли этот ценный агент,

находившийся в центральном органе БНД, Дроздов с неохотой ответил: "Д-104" до сего времени не разоблачен". И затем с определенной долей озабоченности: "Ну, зачем же теперь писать об этом? Оставьте же его в покое".

Что это? - угрызения совести руководителя разведки, который в своего рода воспоминаниях, предназначенных для внутреннего использования в КГБ, невзначай подверг опасности ценного источника разведки? Или же Дроздов, в прошлом опытный агентурист, которого опасались западные разведки, хочет сознательно ввести их в заблуждение публикацией своей книги? Один из бывших восточных экспертов американской разведывательной службы ЦРУ, который знает Дроздова по временам "холодной войны" как жесткого противника, делает такое предположение: "Это может быть акт возмездия старой гвардии КГБ по отношению к БНД - попытка насыпать соль на старые раны. Или же они хотят намеренно ликвидировать какое-то определенное лицо в БНД. В любом случае, это очень сильный ход. И действительно, сам факт вербовки пред-

полагаемого ценного источника уже мог бы служить основой для крутого шпионского боевика".

Первый шаг в этой шахматной партии был сделан в конце 60-х годов. В это время КГБ срочно ищет замену своему разоблаченному ценному агенту Хайнцу Фельфе, который на протяжении ряда лет снабжал Москву важной информацией из Пуллаха. Оперативный расчет Дроздова строился на прочности старых корпоративных связей.

КГБ были известны, и не в последнюю очередь от Фельфе, старые сотрудники гитлеровских спецслужб - гестапо, службы безопасности и главного управления имперской безопасности, которые нашли приют в БНД. В Пуллахе в то время многие верили в Великую Германию.

В 1970 году Хайдрун Хофер, любвеобильная секретарша из БНД, познакомилась с очень привлекательным мужчиной. Он представился как Ханс Пушке, родившийся в Кенигсберге. Пушке, в действительности доверенный человек Дроздова, вербует молодую женщину на чужой флаг: по словам Пушке, он примкнул в Южной Америке к группе бывших офицеров вермахта, кото-

рые намерены создать в Германии организацию правоконсервативного толка. А для этого, как заявил новоявленный Ромео 30-летней секретарше из БНД, была бы очень полезна информация из центра БНД в Пуллахе.

Дочка капитана вермахта Хайдрун Хофер поставляет очень секретные данные из БНД относительно планов ФРГ в кризисный период и ракетных позиций, рассказывает о совершенно секретных планах НАТО. В 1967 году, незадолго до рождественских праздников, ее арестовывают. Во время допроса в Мюнхенском земельном ведомстве криминальной полиции она выпрыгивает с шестого этажа. В связи с тяжелыми травмами уголовное преследование ее так и не было начато, и в 1987 году дело было прекращено по истечении срока давности. Дело с материалами по ее разработке до сего времени является секретным.

В Пуллахе рады, что этот случай тяжкого предательства до сего времени не получил широкой огласки в Германии. Предполагали, что оперативное руководство Хофер осуществлялось

службой государственной безопасности Восточного Берлина.

Однако в настоящее время эта версия не имеет под собой оснований. Секретарша из БНД - как свидетельствуют теперь мемуары Дроздова - была только жертвой пешки. "Сеть вокруг Хофер имела только одну цель - она служила для обеспечения безопасности нашего настоящего источника", - заявил генерал КГБ журналу "Фокус".

В 1972 году, около двух лет спустя после первой встречи с Хофер агента КГБ Пушке, команда Дроздова вытаскивает на берег настоящую рыбу. Операция, которая протекала в период разрядки между Западом и Востоком, получила кодовое название "Скорпион".

Разведка Москвы к этому времени уже давно знает от Хайдрун Хофер, кого можно было вовлечь в правоконсервативную ячейку. В разговоре с "Фокусом" Дроздов так сказал о лице, которое было предметом оперативных устремлений разведки Москвы: "Это был молодой человек из хорошего дома, получивший строгое воспитание.

Его отец был старшим офицером вермахта".

Юрий Иванович Дроздов, который для подготовки своей разведывательной деятельности даже учился на актерских курсах Макса Райнхардта и бегло говорил по-немецки, сыграл одну из своих любимых ролей: из умного сотрудника КГБ превращается в офицера вермахта барона фон Хоенштайна, который только что вернулся в Германию из своей южноамериканской ссылки.

Сотрудник БНД, которому тогда было около 35 лет, дал завлечь себя в феврале 1972 года в Инсбрук. Его сопровождает один из мнимых членов правоконсервативного офицерского клуба. Он называет себя Вальтером - а в действительности речь идет об агенте КГБ Николае Степановиче Н., который также в совершенстве говорит по-немецки.

Секретная операция "Скорпион", как ее оценивает Дроздов сегодня, протекала по плану.

На городском вокзале Инсбрука барон фон Хоенштайн, жилистый мужчина, излучающий силу и авторитет, встречает разведчика из Пуллаха. Кандидат на вербовку, как вспоминает се-

годня Дроздов, очевидно, гордился тем, что ныне он принадлежит к кружку заговорщиков. На конспиративной квартире КГБ барон фон Хонштайн и сотрудник БНД, который с этого момента должен иметь псевдоним "Д104", обсуждают конспиративную систему связи для передачи Москве секретных материалов из Пуллаха. На прощание барон передает сердечный привет отцу нового агента. Пускай старик остается и дальше верным своей присяге фюреру и отечеству.

Неразоблаченный до сего времени источник КГБ "Д-104" с течением времени завоевал себе хорошее положение в Пуллахе. Дроздов говорит по этому поводу: "Мы совершенно точно знали, какой информацией БНД располагала о нашем военном и экономическом положении и какие операции они проводили против нас".

В каком отделе БНД тогда работал "Д-104", Дроздов сегодня никак не хочет говорить. В беседе с "Фокусом" он только цитирует один пассаж из своей книги: "'Д-104' работал в интересном для нас и важном для БНД подотделе".

На вопрос, был ли это реферат (подразделе-

ние), который занимался контршпионажем и перевербовкой агентуры, Дроздов отвечает молчанием и качает головой: "По этому поводу я ничего не скажу".

В декабре 1976 года подразделение КГБ, которым руководит Дроздов, терпит фиаско: по наводке одного перебежчика разоблачается Хофер. Но здесь вступает в действие стратегическая линия КГБ. Тогдашний президент БНД Герхард Вессель в циркуляре по поводу этой успешно проведенной контрразведывательной операции выразил свое удовлетворение, но никто в БНД не имеет никакого понятия о "Д-104". Вскоре после ареста Хофер КГБ по соображениям безопасности распускает конспиративный офицерский клуб. Но к тому времени "Д-104" уже давно знал, в какой союз он попал.

Дроздов рассказывает: "Тогда мы ему сказали, что он должен вести себя тихо, и тогда с ним ничего не случится". Очень смелый прогноз.

Мемуары генерала КГБ, которые первоначально предназначались для узкого круга читателей, возможно, в первый раз могут причинить

"Д-104" действительные неприятности. В Пуллахе теперь начинается поиск "крота".

Вслед за немцами, подготовившими деловую и взвешенную публикацию, включились в беспокойный хор и российские журналисты. Если немцы стали искать "Д-104" у себя в БНД, то российские журналисты, присоединившиеся в нем, к сожалению, не воспользовались возможностью поговорить с автором книги.

Их статьи, кроме одной, из Бонна, Парижа, Гамбурга больше содержали собственных предположений, броских заголовков. Это побудило руководителя прессбюро СВР РФ Ю.Кобаладзе дать по радио "Эхо Москвы" сообщение следующего содержания: .

"07.09.95

РОССИЯ-ГЕРМАНИЯ-РАЗВЕДКА

"Юрий Дроздов человек опытный, и я не сомневаюсь, что он никогда не рассказал бы корреспондентам о том, что противоречило бы правилам игры или могло нанести ущерб разведке", - заявил в интервью радиостанции "Эхо Москвы" руководитель пресс-бюро службы внешней раз-

ведки России Юрий Кобаладзе.

Напомним, более года назад в своей книге "Нужная работа" бывший генерал КГБ Юрий Дроздов, долгое время руководивший управлением нелегальных операций, писал об агенте "Д-104", который действовал в самом центре германской разведки БНД. Позже Дроздов в интервью немецкому журналу "Фокус" сообщил, что работа с агентом была прекращена в 1977 году и "Д-104" был законсервирован. По мнению немецких спецслужб, это означает, что за 20 лет агент наверняка занял весьма высокие посты. Один из экспертов немецкой разведки в интервью "Фокусу" отметил, что эта информация, если она правдива, - грандиозное фиаско не только для Германии, но и для всего НАТО.

По его словам, когда те или иные ветераны разведки пишут книги, они "согласовывают их с ними и хотя бывают случаи нарушения, но Дроздов все сделал правильно и никаких претензий к нему нет".

Читателю уже известно, что впервые "барон фон Хоэнштейн" возник в начале 1993 года в

опубликованной газетой We/Мы статье Б.Иванова "Барон фон Хоэнштейн" дает урок маркетинга". Там вкратце рассказывалось об этой операции. Ни у нас, ни в США, ни в ФРГ тогда, если это и заметили, каких-либо комментариев не последовало.

В жизни всегда так: чем больше правды, тем меньше веры.

К осени 1993 года книга "Нужная работа" была написана. Первыми, естественно, ее прочитали у нас в разведке. Читали долго, взвешивали все в целом и каждое слово в отдельности. Один из руководителей назвал ее серьезной и весьма нужной. С октября 1993 года по апрель 1994 года предпринимались попытки к ее изданию через издательства "ДЭМ" и "Международные отношения", однако из-за "некоторых материальных затруднений у них" это не удалось. В апреле 1994 года небольшое частное издательство Влад-Дар взялось за издание книги, которая, несмотря на определенные трения, все же смогла увидеть свет в канун нового 1995 года.

В январе 1995 года книга, изданная тира-

жом в 5000 экземпляров, практически не появившись в открытой продаже, быстро разошлась среди сотрудников внешней разведки, журналистов, членов политических движений, партий, депутатов Государственной Думы и Совета Федерации. О выходе книги были широко информированы страны СНГ, иностранные журналисты и представительства. По мотивам книги был снят документальный фильм, на презентации которого в начале августа, наряду с представителями российской и иностранной прессы, присутствовали и бывшие советские разведчики.

Присутствовали и корреспонденты журнала "Фокус", которые и сообщили после об озабоченности в БНД. Автор попросил их оставить "Д-104" в покое. Холодная война закончилась, все ушло в прошлое или осталось в памяти участников событий более чем двадцатилетней давности. Не надо будоражить всю страну и БНД.

"Д-104" до этой публикации в "Фокусе" вряд ли предполагал, что работал на нашу разведку. Об этом он мог узнать только сейчас, если согласится принять на свой счет псевдоним, данный

ему в воспоминаниях. В моей памяти он останется одним из хорошо подготовленных, высоко дисциплинированных разведчиков - членов организации "Überlebenstrager", раскрыть которых, как показывают наши наблюдения, не под силу соответствующим спецслужбам.

Недавно мне удалось узнать, что "Д-104" продолжает держать БНД в напряжении.

В течение 1995-1998 годов в БНД не прекращается поиск законсервированного "Д-104". В федеральной разведывательной службе Германии произошла смена руководства. Ее возглавил Ханс-Йорг Гайгер. Он пришел к управлению в трудное время - БНД в опале, даже не получил поздравления в день своего сорокалетия, служба на пороге реорганизации, чистки и перестановок кадров.

Германская и российская пресса периодически окрашивалась громкими заголовками ("Немецкий журнал обнаружил очередную порцию русских шпионов" "Фокус", События преступления не было" - "Фокус", "Где зарылся "крот"? "Московский железнодорожник", "Гер-

мания идет по следу русского супершпиона "Коммерсант", "Скандал убойной силы" - "Новые известия", "Охота на "крота" "Московские новости"). Все корреспонденты, российские и германские, пытались убедить своих читателей, что "Д-104" якобы выявлен.

Знакомые корреспонденты из "Фокуса" позвонили мне в Москву и с удовлетворением сообщили об этом, назвав фамилию разведчика БНД, подчеркнув, что это - "прямое попадание" (Folltreffer). Мне ничего не оставалось, как заметить, что они ошиблись, "мимо" (Fehlschuss).

Так что же было? 30 марта с.г. журнал "Шпигель" поместил статью "Человек Москвы в Пуллахе", в которой идет речь о подозрении в шпионаже руководителя 5 отдела БНД Фолькера Ферча.

"Федеральная разведывательная служба (БНД) ищет "крупного" шпиона в собственных рядах. Под подозрением находится руководитель отдела безопасности Фолькер Ферч. Генеральный прокурор проводит разбирательство: идет ли речь о шпионаже, дез-

информации или интриге.

63-летний Фолькер Ферч посвятил более 30 лет службы борьбе с коммунизмом. В БНД считается ведущим специалистом Пуллаха по восточным спецслужбам, в особенности по бывшему советскому КГБ и его преемникам.

Вскоре после распада Советского Союза в 1991 году Ферч оставил пост руководителя оперативного отдела разведки. Бонн назначил отмеченного наградами специалиста руководителем 5 отдела (безопасность/контрразведка). Ферч должен был выявлять и обезвреживать агентуру противника в БНД.

Теперь он сам стал объектом охоты. Генеральный прокурор ведет разбирательство в отношении руководящего работника Пуллаха по подозрению его в агентурной деятельности в пользу иностранных спецслужб. Подозрение шаткое, а потому ответственные лица в Бонне и Пуллахе демонстрируют уверенность, что оно вскоре будет снято с Ферча. До пятницы прошедшей недели БНД даже не отстранила его от службы.

Генеральная прокуратура также видит толь-

ко "незначительное подозрение в начальной фазе". После первых допросов и изучения секретного досье следователями прекращение дела кажется возможным уже на этой неделе. Координатор спецслужб в ведомстве Федерального канцлера, государственный министр Бернд Шмидбауэр (ХДС), напротив, считает, что изучение материалов может занять несколько недель. Ферч резко отрицает обвинения. Он отказался от комментариев "Шпигелю" по этому делу: "Сейчас я ничего не скажу, это бессмысленно".

В политическом Бонне царит тревожное настроение. Утром прошедшей пятницы на чрезвычайное заседание была срочно созвана парламентская контрольная комиссия (ПКК), контролирующая деятельность разведслужб. Генеральный прокурор НЕМ, президент БНД Гайгер и координатор спецслужб Шмидбауэр доложили депутатам о состоянии дела. Тем не менее, оно представляется неясным.

Очевидно в руки российской Службы внешней разведки попала серьезнейшая служебная информация (возможно, даже фамилии и дан-

ные агентов Пуллаха), отмечает "Шпигель". БНД и ВФК отреагировали на это с ужасом. Есть подозрение, что Москва имеет в Пуллахе крупного шпиона. Но, как принято говорить у "ясновидящих", его зовут, конечно, не Ферч, это может быть кто-то другой.

Генеральный прокурор уже ведет расследование в отношении неизвестного лица.

В Ведомстве Федерального канцлера не исключают, что все дело - всего лишь искусно сфабрикованная дезинформация коллег с Востока или интрига в самой БНД с целью отстранить Ферча от дел. "Мы еще не знаем, что происходит на самом деле", - признает один советник канцлера. - Возможно, мы введены в заблуждение".

Однажды тень подозрения уже коснулась Ферча. В 1995 году Юрий Дроздов, бывший шеф нелегальной разведки КГБ, распространил слух, что агенту КГБ, кодовый номер Д-104, удалось проникнуть в высшее руководство в Пуллахе. Сын высокопоставленного офицера Вермахта якобы работал в контрразведке. Под эти данные подходил Ферч. Назначенное после этого служебное

расследование постепенно сошло на "нет", генеральный прокурор не взял дело в производство, так как все было слишком хрупко.

Почему Ферч теперь оказался в поле зрения следователей в Карлсруэ, остается загадкой. Ясно одно: если человека Москвы в БНД действительно зовут Ферч, то у службы, и без того потрясаемой скандалами, будет "супер-провал". На прошлой неделе американцы уже предусмотрительно наводили справки, что в этом деле соответствует действительности.

Бывший сотрудник ЦРУ, который долгие годы работал с Ферчем, считает: "если бы выдвинутое подозрение оправдалось, это было бы гигантским уроном для БНД, настоящей катастрофой". Данное утверждение соответствует реалиям, поскольку Ферч все еще является "серым кардиналом" немецкой внешней разведки, человеком, имеющим большую власть, чья карьера началась еще при первом президенте службы Гелене. Бывший шеф отдела "Иностранные армии Востока" в гитлеровском Генштабе принял еще молодого Ферча в свой штаб в шестидесятых го-

дах. При этом помогли семейные связи Ферча. Его дядя, Фридрих Ферч, был генеральным инспектором бундесвера.

Операции московского КГБ с самого начала увлекли Ферча, который работал под служебным псевдонимом "Флемминг". Протееже Гелена стал самым молодым руководителем, когда принял руководство рефератом "Иностранные службы", 1-А2 контрразведка. после некоторого периода работы в качестве руководителя подотдела он занял пост руководителя разведподразделения по советскому блоку (UAL-12) и в конце концов стал начальником всего оперативного отдела. До сегодняшнего дня с его именем связана "заботливо" держащаяся в тайне удача. В 1970 году БНД завербовала в Австрии молодого русского офицера КГБ. Источник "Виктор" 15 лет поставлял Пуллаху секретные материалы, среди прочего - имена депутатов бундестага, которые якобы работали на Восток. Чтобы защитить источника, многие секреты БНД сохраняла для себя. В середине 80-х годов шпион, к тому времени полковник, был тайно вывезен из Москвы.

С тех пор в Пуллахе завистниками снова и снова распространялось подозрение, что успех человеку-легенде БНД создала Москва.

У Ферча в Пуллахе есть не только друзья, - и в этом отчасти виноват он сам. Считается, что у него, в соответствии с профессией, "характер хамелеона". Человек с "собачьим" взглядом, который на совещаниях ведет себя рассудительно и разумно, может, если он недоволен, быть беспощадным. Без предупреждения и с унижительной бесцеремонностью он в один день меняет подчиненных ему руководителей подразделений.

В вопросе своих политических позиций Ферч никогда не допускал неясности: для него враг - на Востоке.

После распада Советского Союза Ферч оказался в Москве лицом к лицу с возлюбленным противником. Вместе с координатором спецслужб Шмидбауэром он вел в Москве переговоры по соглашению о сотрудничестве между БНД и СВР.

В то время как на официальном уровне демонстрировалась гармония, Ферч толкал своих

людей на отчаянную операцию. Агенты БНД выкрали высокие технологии и секретные документы из контингента Советской армии в бывшей ГДР ("Шпигель" N 40/1997).

При этом "мошенничестве" многое провалилось. Тогдашний президент БНД Конрад Порцнер потребовал от Шмидбауэра отставки Ферча. Основание: недостаточная организация служебного контроля. Ведомство Федерального канцлера отклонило требование, и Порцнер в знак протеста ушел со своего поста.

Повезет ли Ферчу на этот раз, никто в Бонне и Пуллахе не решается предсказать. Только его жена кажется уверенной. Когда в прошедшую пятницу одна знакомая семьи сообщила ей, что она не может в это поверить, жена Ферча ответила: "Мы тоже не можем".

Мои коллеги в Мюнхене моим ответом корреспондентам "Фокуса" были разочарованы. На этот раз "точку" в очередном раунде шпиономании в ФРГ опять поставил руководитель пресс-службы СВР Юрий Каболадзе, заявивший, что "... материалы, связанные с фигурой Ферча -

это внутреннее дело немецкой разведки, которое нам комментировать неуместно и нетактично. Что касается попытки связать дело Ферча с заявлениями Юрия Дроздова, то я знаю последнего как опытного разведчика и ответственного человека, который никогда бы не стал спекулировать информацией, оказавшейся в его распоряжении, тем более если она способна скомпрометировать наши источники".

Но российские газеты продолжали комментировать скандал в ФРГ. Успокоение наступило лишь после передачи сообщения агентства "Интерфакс", озаглавленного "ОТСТАВНОЙ ГЕНЕРАЛ КГБ ПРИЗЫВАЕТ НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИСТОРИЮ С "ЗАКОНСЕРВИРОВАННЫМ" В БНД СОВЕТСКИМ АГЕНТОМ ДЛЯ ОСЛОЖНЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ФРГ".

В сообщении говорилось: "Служба внешней разведки (СВР) РФ отказалась комментировать появившиеся в СМИ ФРГ утверждения о том, что высокопоставленный сотрудник германской разведки BND Фертш якобы является русским шпи-

оном.

"Разведка никогда не комментирует сообщения о причастности того или иного лица к своей деятельности",- заявила в интервью "Интерфаксу" в среду пресссекретарь директора СВР Татьяна Самолис.

Между тем, эксперты, близкие к СВР, напомнили, что в германской печати уже не первый раз нагнетаются шпионские страсти вокруг фигуры Фертша - крупного специалиста по разведкам Восточной Европы, занимающего ныне пост начальника отдела безопасности BND, который призван выявлять среди сотрудников разведки агентов иностранных спецслужб.

Причем, как правило, в немецкой печати Фертша напрямую связывают с агентом КГБ под кодовым именем Д-104, действовавшим в штаб-квартире BND в Пуллахе. Об этом агенте подробно рассказал в своей книге "Нужная работа" отставной генерал КГБ Юрий Дроздов, долгое время руководивший управлением нелегальных операций. Эксперты напомнили, что после выхода в свет книги в 1995 году возникли подозрения, что

этим агентом как раз и может быть Фертш. Однако после проведенного прокуратурой ФРГ расследования все подозрения с него были сняты.

Сам Ю.Дроздов в интервью "Интерфаксу" в среду высказал мнение, что история вокруг Фертша и агента Д-104 раскручивается в ФРГ "в целях внутривнутриполитической борьбы, а также для того, чтобы осложнить российско-германские отношения в интересах третьей стороны".

Отставной генерал сообщил, что работа с агентом была прекращена в 1977 году.

"Этот человек законсервирован надежно, и никто, кроме меня, на связь с ним выйти не может. такой был у нас уговор - и с ним, и с нашим руководством, в то время, когда мы прекращали эти отношения", - подчеркнул Ю.Дроздов.

По его словам, "на Западе, в Германии, в США должны, наконец, понять, что на нашей стороне были такие успехи, о которых мы еще молчим и которым они могут позавидовать".

"Поэтому пускай перестанут терзать самих себя и не дают возможности третьим силам использовать в своих интересах некоторые про-

блемы из деятельности разведки", - подчеркнул Ю.Дроздов."

Волнения в ФРГ, США, Англии и Франции по поводу "Д-104" вполне понятны. В период "холодной войны" в противоборстве разведок бывали моменты и посложнее.

Еще несколько слов - о боевых делах одного из разведчиков-нелегалов. Его судьба сложилась весьма необычно: пять лет подготовки и всего столько же боевой работы. Мало, но это прозвучало в современной летописи нелегальной разведки как первая дерзкая весенняя песня соловья.

Я не могу назвать его имени, псевдонима, страны, где он работал. Пусть для читателя он будет просто "БС".

Уже с начала 70-х годов Комитет Госбезопасности беспокоило положение наших ядерных энергетических объектов - все ли там в порядке, правильно ли мы идем в развитии ядерных установок, как обеспечивается их безопасность, не отстаем ли от других стран, совершенствующих ядерную энергетику. Решение ряда таких за-

дач выпало и на долю нелегальной разведки.

Справиться с ними предстояло в короткие сроки. "БС" должен был проникнуть на соответствующие объекты в ряде зарубежных стран, добыть необходимую информацию по обширному комплексу вопросов.

Мы думали, что самым трудным будет непосредственно период выполнения задания. Мы ошиблись. Самым трудным оказался период подготовки, документирования и легализации. Как бы то ни было, но в совершенстве было изучено два иностранных языка с таким редким профессиональным уклоном, обеспечена "железная" документация, выдерживающая любую проверку, найдены настоящие родственники и... требуемое место работы.

Попробуйте представить, какого это стоило труда, тем более в стране со сложной обстановкой и на объекте повышенной секретности с усиленным контролем за работающим персоналом.

В Центре каждый раз с напряжением ожидали выхода "БС" на связь. Каждая операция обеспечивалась с особой тщательностью. Про-

валиться мы не имели права. И так все пять лет, и за каждой операцией заботливо следил Ю.В.Андропов. Но беда все же пришла со стороны предателя, который имел косвенное отношение к делу "БС". Нам пришлось свернуть работу.

"БС" не понимал, что заставляет Центр отзывать его, выражал свое недовольство, сопротивлялся, ведь непосредственно вокруг него пока еще все было спокойно, хотя его уже искали по косвенным признакам, названным предателем.

Он прибыл в Центр и впервые за все годы нашей совместной службы с возмущением говорил о трусости работников Центра, перестраховщиках и многое другое. Он требовал, чтобы его вернули в страну, где он оставил полезную для Родины работу и ставшего близким ему человека, прикрывавшего его и не знавшего, что он разведчик.

Мы рассказали, что его выдал предатель и что его ожидал скорый арест. "БС" долго не мог успокоиться, допустить самую возможность предательства со стороны другого разведчика. В конце концов он согласился с Центром. Я предложил "БС" вместе с его куратором написать и от-

править знакомым в стране письмо о его якобы гибели во время ракетного удара американской авиации по Триполи в 1986 году.

По улицам Москвы и сегодня ходит скромный, иногда застенчивый, в меру обидчивый, требовательный к себе и другим человек среднего роста, совершенно не привлекающий внимания посторонних. Он никому не скажет, кроме "своих", кем он был и за что на его груди несколько боевых орденов и знак "Почетного сотрудника органов государственной безопасности".

Все, что добывал "БС" за рубежом, сразу же направлялось в соответствующее ведомство. Если бы результаты его труда были правильно там использованы, учтены, то может быть, Чернобыльской катастрофы бы не было...

Как-то в Кабуле в конце 80-х годов жаркой ночью, сидя в плетеном кресле возле бассейна, глядя в небо и считая пролетающие звездочки спутников, Председатель КГБ СССР В.А.Крючков, возвращаясь в разговоре к результатам работы одного из нелегалов, спросил: "А сколько вооб-

ще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?" "Не так уж много, - ответил я, назвав несколько имен, - пять-шесть человек, а вся остальная агентурная сеть должна обеспечивать их, отвлекать от них внимание".

Свое Отечество нелегалы любят каждый по-своему.

Один из них - видный, осанистый, весьма представительной внешности, периодически приезжая домой в отпуск, отдыхал в глуши, в нашей нечерноземной полосе. Он усаживался с семьей в свою автомашину и забирался в забытую всеми глубинку Псковщины, куда и добраться можно было только по сухопутью, а выбраться во время осенних дождей только с помощью трактора. Он ловил рыбу, собирал грибы, скорбел у заброшенных солдатских могил, скрипел зубами от злости посреди брошенных русских деревень, стонал от бессилия и душевной боли. Как-то он высказал все и эту боль в беседе с одним секретарем парткома КГБ. Тот его не понял. А этот нелегал там, в этом захолустье и разореньи, черпал силы и вдохновение для своей нужной работы за рубе-

жом.

Мне знакомо это чувство. На берегу Оки, близ полузаброшенной деревушки Ташинка, что лежит в гору по проселку после паромной переправы через Оку у г. _Касимова, мы с женой провели как-то дней десять, поставив палатку под развесистым кустом. Хозяин находившегося рядом дома - солдат-инвалид, попавший в плен к немцам в 1941 году и вернувшийся только в 1956 домой, _ - настрадавшись, вспоминая свою и вообще "заграницу", сказал: "Судьба... Вот пересяди червяка из горькой редьки в сладкую свеклу - не выдержит, подохнет... Нда, мы такие, нам без России нельзя!".

Молодые разведчики-нелегалы внимательно изучали опыт ветеранов и относились к нему с огромным уважением. Вернувшись на отдых на Родину, они спешили встретиться с нелегалом-тренером, чтобы поблагодарить его за "напутствия на боевую работу, за полезный товарищеский совет".

Некоторые даже свою признательность выражали в стихах:

Ветеранам службы

По шумному проспекту лишь пять минут
ходьбы

К воротам Александровского сада.

Здесь в строгой тишине так много от судьбы
Команды Зорге, Абеля и Радо.

И вот ты здесь стоишь, к ним голову склонив.
Ведь это их сердец огонь остался.

И ныне, и вовек, пока последний жив,
Не разорвать цепи, как ни пытайся.

Как много подарили тепла они тебе,
Усталые, уверенные люди,

Но права не имели мы их узнать в толпе,
Пусть даже в праздники, не говоря про будни.

Ты больше не пойдешь по этим адресам,
Тепло знакомых рук тебя не встретит.

И только, если ты им не изменишь сам,
Огонь сердец их путь тебе осветит.

Ты снова здесь стоишь, к ним голову склонив,
Ведь это их сердец огонь остался.

И ныне, и вовек, пока последний жив,
Не разорвать цепи, как ни пытайся.

Это стихотворение в нарушение всех законов

разведки пришло в тайнописи. Молодые нелегалы, ушедшие недавно на работу за кордоном, в своем письме просили не журить их за это. В этом стихотворении, написанном молодыми разведчиками, _ все: любовь к Родине, клятва в верности и отрешение от сомнений в правильности выбранного пути в наше трудное время.

ГЛАВА 9. СПЕЦНАЗ

В 1992 г. во время моих встреч с российскими, французскими и американскими журналистами, мне задавали один и тот же вопрос: разведка и терроризм.

Российские журналисты требовали, по крайней мере, осудить те действия бывшей моей службы, которые были связаны с насилием. "Ведь раньше считалось, что последним случаем, когда КГБ прибег к акту террора за рубежом, было при Хрущеве убийство советским агентом украинского националиста С.Бандеры. Кто поручится за то, что нашему агенту за рубежом снова не будет дан приказ устранить, скажем, перебежчика?"

Иностранные же корреспонденты ставили

вопросы профессиональнее, считая, что спецподразделения в спецслужбах есть и должны быть. Их интересовало, имело ли наше Управление какое-либо отношение к борьбе с терроризмом. Есть ли у нас информация о западно-европейских террористических группах типа немецкой "Красной Армии" или ближневосточных группах Абу Нидаля, Карлоса? Не пытались ли мы проникнуть в одну из них? Какова моя точка зрения по поводу деятельности этих групп? Были ли какие-либо официальные директивы о том, как относиться к ним в случаях соприкосновения?

Я не смог удовлетворить их любопытства в полном объеме, ибо наше Управление не решало каких-либо вопросов, связанных с террористической деятельностью. Все, что опубликовано в последние годы за рубежом о причастности Восьмого отдела Управления "С" к терроризму, - не более, чем свободный полет фантазии авторов.

После окончания Великой Отечественной войны в течение ряда лет подразделения спецназначения бывшего IV Управления МГБ СССР,

действовавшие в тылу противника и против оставшихся в живых бандитов и пособников нацистов, были свернуты.

Восьмой отдел Управления "С", который сформировался в середине 70-х годов из некоторых бывших сотрудников этих подразделений, был ничем иным, как информационной и научно-исследовательской разведывательной структурой, отслеживавшей оперативными средствами все, что касалось сил специального назначения стран НАТО. Отдел, естественно, проводил подготовку спецрезервистов на случай возможных военных действий, как это делается в любом государстве.

События в Афганистане заставили нас создать в 1978-1980 гг. и послать туда укомплектованные спецрезервистами внеструктурные подразделения типа "Зенита" и "Каскада". Встретившиеся там трудности доказали ошибочность принятого в 50-е годы решения о прекращении деятельности частей специального назначения.

31 декабря 1979 года я и Вадим Алексеевич Кирпиченко в присутствии Владимира Алексан-

дровича Крючкова докладывали Юрию Владимировичу Андропову о нашем участии в афганских событиях. После окончания беседы я сказал о том, что нужно уже сейчас, оценивая этот опыт, подумать о формировании специального кадрового подразделения в системе КГБ. Юрий Владимирович посмотрел на меня, не ответив ни слова. В середине января произошла очередная встреча. Я уже пришел с бумагой, в которой была изложена идея создания "Вымпела". В течение 1980 года, после неоднократных обсуждений, согласований в правительстве и Политбюро, руководство КГБ согласилось с необходимостью образования такого спецподразделения.

На состоявшемся 19 августа 1981 года закрытом совместном заседании Совета Министров СССР и Политбюро ЦК КПСС высшее руководство страны приняло решение о создании в Комитете Государственной Безопасности СССР совершенно секретного отряда специального назначения для проведения операций за пределами СССР в "особый период".

Его первым командиром стал участник штур-

ма дворца Амина, Герой Советского Союза Эвальд Козлов, боевой капитан 1 ранга из морских погранчастей КГБ. А потому назвали отряд "Вымпел", по ассоциации с адмиральским брейд-вымпелом на мачте. Официальное же наименование было скучное - Отдельный учебный центр КГБ СССР.

Таким образом, "Вымпел" создавался на основании решений Совета обороны страны для выполнения заданий за рубежом. Государство, используя хотя бы одного человека из этого подразделения, должно было возлагать на себя и возлагало очень высокую ответственность. Приказы о проведении операций мог отдать только председатель КГБ, и только письменно.

Каждый раз, когда дело касалось "Вымпела", я даже не спрашивал Владимира Александровича Крючкова, есть ли по этому поводу решение Совета обороны. Ибо каждый раз, когда это было необходимо, вопрос выносился на самый высокий уровень. И каждый раз Совет Министров СССР, Центральный Комитет партии, Политбюро, руководство Комитета Государственной Безопасности

тщательно взвешивали все последствия, которые могли возникнуть, если придется задействовать подразделение.

Однако случаев рассмотрения вопроса о задействовании "Вымпела" где-то за рубежом на моей памяти не было. Потому что проводился скрупулезнейший анализ ситуации, детально оценивалась обстановка, возможности разрешения проблемы обычными средствами.

После того, как решение о формировании "Вымпела" было принято окончательно, передавая мне бумаги, Юрий Владимирович Андропов сказал: "Ну вот, на! Работай, создавай! И чтоб равных им не было!"

Равных им действительно не было. И по степени готовности пойти на риск, и по степени оперативной выдумки, разведывательной находчивости. Они доказали свое право на существование и доказали право гордиться своей профессией и своими навыками. Главная особенность "Вымпела" состояла в том, что это была сила думающая, умеющая самостоятельно осмыслить любую задачу, принять правильное решение и во-

плотить его в жизнь.

Они по сей день с большим уважением относятся к своим потенциальным противникам, ибо не понаслышке знают об их опыте, их методиках, тактике, способностях, умениях: некоторые сотрудники "Вымпела" прошли (естественно, нелегально) "стажировку" в подразделениях специального назначения НАТО.

На территории ряда стран были оборудованы тайники с хранящимся там специальным снаряжением для разведывательно-диверсионной деятельности в "особый период". Есть ли они сейчас? Скажу так: пусть от этого вопроса поболит голова еще кое у кого.

Мы прекрасно знали, что наша боевая подготовка в некоторых случаях превосходит американскую по своей напряженности, остроте и, можно даже сказать, по результативности. Хотя возможностей для этого у американцев было гораздо больше.

Ведь "Вымпел" рожден более чем на два десятка лет позже спецподразделений других государств. Догнать ушедших вперед противников

теоретически было нетрудно, поскольку мы располагали всеми их наставлениями, касающимися работы частей специального назначения и психологической борьбы. Важно было обеспечить их практическое освоение, осуществить широкий диапазон мероприятий, которые были необходимы для того, чтобы не отстать от тех, кто противостоит нам за рубежом, по глубине и качеству знаний, по навыкам профессиональной работы.

Мы выбрали термин "разведчик специального назначения", потому что он, в первую очередь, вбирает в себя различия между функциями обычного разведчика, действующего под дипломатическим прикрытием, в мирных условиях, спокойных условиях разведывательной работы и никогда не привлекавшегося к выполнению острых разведывательных задач, и разведчика-диверсанта, призванного выполнять именно такие задачи и работающего в особых условиях. Кроме того, разведчик-диверсант должен обладать более широким диапазоном знаний, навыков, позволяющих справиться с выполнением таких острых задач.

Сразу же после создания отряда начала формироваться и учебная база по нескольким направлениям. Необходимо было полностью проанализировать и обобщить богатейший опыт диверсионной разведывательной деятельности на территории нашей страны во время Великой Отечественной войны и предшествовавших войн, опыт боевой подготовки в наших военных, армейских подразделениях специального назначения, опыт наших противников - американцев, израильтян, западных немцев. Создаваемые на этой основе учебные материалы подкреплялись данными, которые поступали от агентуры, осуществлявшей своеобразное наблюдение за специальными объектами противников на их территории. Это позволяло учитывать требования уставов, цели и задачи, методы проведения операций, наставления наших противников, действующих за рубежом, в том числе и против нас.

Выбиралось и отрабатывалось все ценное. На полигонах и учебных базах отшлифовывались наши программы.

Мы разработали серьезный перспективный

план комплектования личного состава, специальных мероприятий по созданию условий материально-технического обеспечения для проведения специальных акций. Однако, пожалуй, основное внимание уделяли воспитанию работоспособного коллектива, так как считали, что любая техника, любое оружие может играть нужную роль только в руках квалифицированного специалиста. Мы стремились объединить людей, прежде всего преданных делу, людей, за которых можно поручиться, готовых выполнить любые задачи. И мы были уверены в каждом из них на сто с лишним процентов.

Напряженная боевая подготовка сотрудников "Вымпела" также началась сразу же после комплектования подразделения. Учебно-тренировочную базу оно получило в Балашихе, в "старом городке", где готовились еще кадры для войны в Испании, диверсанты из группы П.Судоплатова и И.Г.Старинова, в том числе и легендарный Николай Кузнецов.

Вначале в подразделениях боевого обеспечения служили солдаты и сержанты срочной служ-

бы. Но поскольку срок их службы был весьма короток для того, чтобы успеть подготовить высококлассного разведчика-диверсанта, и, кроме того, создавалась реальная угроза утечки вместе с "дембелями" секретов профессионального мастерства, в "Вымпел" стали приглашать служить только специально отобранных добровольцев из числа разведчиков, контрразведчиков КГБ, офицеров Советской Армии.

Чтобы попасть в подразделение, нужно было быть почти богом. Из 1000 человек всегда оставалось не более 12 кандидатов на испытательный срок, который выдерживали лишь трое-четверо. Наиболее жесткие требования предъявлялись к состоянию здоровья, психологическим качествам и знанию иностранных языков. Кстати, 90% сотрудников "Вымпела" знали иностранные языки, многие имели по 2-3 высших образования, некоторые даже окончили Сорбонну.

Психологические испытания включали в себя прохождение целого комплекса интеллектуальных и личностных тестов: миннесотский опросник, опросник Кеттелла, кляксы Роршаха, ТАТ,

методики Леонгарда, Равена, Векслера и другие - сотни, тысячи вопросов, задач, головоломок, а также проверку на полиграфе (детекторе лжи) японского производства.

А вот, что говорит об испытании физической выносливости один из тех, кто его выдержал: "Мы прибыли в учебный центр в начале января. Морозы по ночам доходили до 30 градусов. В первый день нам выдали утепленные комбинезоны и меховые куртки, в которых было тепло в любую погоду. На следующий день ранним утром подняли на физзарядку. Облачившись в свое меховое убранство и слегка поеживаясь спросонья, мы вышли на улицы. Там нас встретил удивленный инструктор: "При любой погоде форма одежды для зарядки только одна - обнаженным до пояса". Естественно, что с голым торсом на таком морозе пришлось двигаться очень интенсивно. А чтобы совсем стало тепло, под конец мы отправились на легкую пробежку - 10 километров. Хочешь - не хочешь, но добежать до цели - уютного теплого общежития - пришлось всем, усилием воли преодолевая свинцовую тя-

жесть в ногах и одышку. Замерзнуть в темном лесу никому не хотелось. Впрочем, спустя всего две недели ежедневный бег по утрам уже не вызывал сколько-нибудь серьезных отрицательных эмоций.

На первых же учениях нам пришлось пройти по глубокому снегу 65 километров за одну ночь. Причем не с пустыми руками. Оружие, радиостанции, рюкзаки со снаряжением, все это "тянуло" на 40 килограммов. Нельзя сказать, что поход оказался приятной прогулкой, однако до финиша добрались все, уложившись при этом в контрольный норматив времени. Вспоминается эпизод еще одних учений: на середине маршрута руководитель "сжалился" и разрешил "захватить" попутную машину, чтобы добраться до места назначения на колесах. Мы единодушно отклонили это предложение: "Зачем нам лишняя возня с машиной, когда тут бежать осталось всего каких-то 20 километров?"

Не удивительно, что при подобных нагрузках многим пришлось за полтора месяца по два-три раза менять обмундирование, последовательно

уменьшая его размер, скажем, с 54-го до 48-го. Животы исчезали прямо на глазах, хотя питались мы в очень хорошей столовой и каждый ел столько, сколько хотел. Да и возраст у большинства членов группы был далеко не студенческий, некоторым перевалило за тридцать. Мне запомнилась в этой связи телеграмма, полученная руководством учебного центра от жены одного из наших офицеров: "Вы забрали у меня мужа, а вернули жениха. Спасибо!"

За время предварительной подготовки никто ни разу не чихнул, не начал кашлять, не слег с температурой, хотя приходилось ночевать в сугробах, переходить довольно широкую Клязьму по грудь в ледяной воде и не переодеваясь двигаться дальше - на плечах у нас "висел противник". Кстати, время выполнения контрольных нормативов всегда засекалось по последнему из участников. Если он не укладывался в срок или сходил с дистанции, задание считалось невыполненным. Это заставляло брать на себя нагрузку более слабого или травмированного члена группы, а то и просто нести его на руках. Так рож-

далась настоящая мужская дружба, уверенность в товарищах. Впоследствии, когда мы уходили в боевые рейды, в голове не было никаких сомнений в тех, кто шел рядом. Мы знали, что каждый пожертвует собой для спасения остальных. Ну, а те, кто не был способен выкладываться до конца, любой ценой выручать друзей - те уходили сами, тихо и незаметно. Никто их не удерживал."

Новичок успевал приобрести хорошую физическую форму, проверить на прочность тело и психику. При дальнейшем прохождении службы физическая и психическая форма поддерживались в процессе плановых и самостоятельных занятий, многочисленных учений и боевых операций.

Учили в "Вымпеле" крепко. Процесс обучения (по индивидуальной программе) пришедшего с "гражданки" занимал пять лет. На "доводку" выпускника Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища уходило два года.

Общefизический тренинг, ежедневные десятикилометровые кроссы, марш-броски по пересе-

ченной местности, в том числе с полной выкладкой, силовые упражнения (подтягивание, лазание по канату, занятия в тренажерном зале), прыжки с возвышений от полуметра до двух с половиной метров, общеразвивающие упражнения. Тренировки по рукопашному бою не на мягком ковре, а на асфальте.

Стрельба из всего, что стреляет: овладение любыми видами оружия, всеми системами пистолетов, гранатометов, пулеметов отечественного и зарубежного образца, а также обучение использованию специальных патронов, позволяющих превращать в мощное средство поражения обычные предметы (авторучки, зонты, трости и т.п.). Вождение всего, что движется. Обучение минно-взрывному делу, в том числе способам изготовления взрывчатки из средств бытовой химии. Обучение радиodelу: свободной работе на радиостанции любого типа как открытым текстом, так и с помощью азбуки Морзе, изучение основ радиолубительства, чтобы уметь самостоятельно изготовить приемно-передающее устройство, радиопеленгатор, прибор подслушивания и

т.д. Государство и руководство Комитета госбезопасности уделяли подразделению значительное внимание. Несмотря на финансовые трудности, был достигнут очень высокий уровень подготовки и оснащения, постепенно улучшалось качество экипировки, снаряжения, обеспечения. Кроме того, сотрудники "Вымпела", как пользователи, сами участвовали в разработке оружия, снаряжения, давали тактические задания исполнителям, которые делали по их заказам специальные изделия на уровне мировых стандартов. И в Туле, и в некоторых других местах создавали прекрасные образцы вооружения, специального снаряжения для штурмовых мероприятий (одежду, обувь, спальники и т.д.).

Тактика боевых действий малых групп. Воздушно-десантная, медицинская подготовка, скалолазание. Тактико-техническая подготовка. Основы разведывательной деятельности.

Изучение иностранных языков и страноведения. В "своей" стране сотрудник спецподразделения ни в коем случае не должен был "засветиться". И не только изза неправильного про-

изношения, что, надо отметить, вообще исключалось при интенсивной системе обучения иностранным языкам. Необходимо было свободно ориентироваться в житейских вопросах, не чувствовать себя "белой вороной" среди местного населения, знать историю региона, национальные обычаи, национальную психологию, все, что может пригодиться для сбора и анализа информации, вербовки агентуры среди местных жителей и т.п. Каждая операция продумывалась тщательнейшим образом. Предусматривались даже такие "мелочи", как пломбы в зубах, покроя одежды. ("Вымпел" располагал специально подготовленными по каналам внешней разведки стоматологами, собственной швейной мастерской.)

Методика выживания в экстремальных условиях: регулярно проходили тренировки на выживание в условиях пустыни, льдов и т.п. Новичок, к примеру, должен был изучить, каких пауков можно есть, а каких нельзя, с какой травой нужно сварить ту же крысу, чтобы она стала пригодной к употреблению в пищу.

Иначе говоря, из обыкновенного человека в

"Вымпеле" делали профессионала высочайшего класса.

Вспоминает один из них: "На всех этапах обучения присутствовал своеобразный психологический тренинг. Заключался он главным образом в том, что нас не стремились запихать теорией и заранее подготовить к возможным трудностям на тренажерах, а подводили, скажем, к 70-метровому отвесному скальному обрыву (хотя большинство из нас горы видело раньше только по телевизору) и командовали: "Вперед!" И вот так, выполняя одно задание за другим, преодолевая собственные слабости, мы не со слов инструкторов, а на собственном опыте убеждались, что нам все по плечу. Конечно, потом нам объясняли, что то же самое можно было сделать проще, быстрее, легче, но такая теория, накладываясь на личные ощущения от пережитого, усваивалась намного эффективнее, чем обычные рассказы лекторов. Преподавателям оставалось только следить, чтобы уверенность в собственных возможностях не перерастала в самоуверенность и время от времени щелкать зарвавшихся "кори-

феев" по носу.

Мы верили не только в себя и своих товарищей, но и в свое оружие и снаряжение. То и другое не уступало западным образцам, более того, во многих случаях превосходило их. Смею это утверждать, так как на практике сравнивал их качество. Со всей этой техникой, в том числе очень сложной, необходимо было обращаться на "ты". Ведь от степени совершенства владения ею зависела и своя жизнь, и жизнь друзей, и успех любой операции. Инструкции по обращению с техникой приходилось хранить в голове. Во-первых, в боевых ситуациях некогда листать справочник. Во-вторых, почти все инструкции были секретными. Таким образом, память хранила сведения об устройстве и правилах эксплуатации двух десятков взрывных устройств, пяти радиостанций, разнообразных пеленгаторов и много другого. Все это я говорю к тому, что из нас не делали "накачанных" монстров, а в первую очередь развивали голову. В результате, отъявленные "гуманитарии" поневоле становились "технарями" и наоборот."

Если другие подразделения спецназа, существовавшие в тот период в СССР и за рубежом, предназначались прежде всего для выполнения задания на стадии реализации, то вымпеловцы проходили и стадию выработки решения, могли самостоятельно собрать информацию, оценить ее, разработать план мероприятия и выполнить задание достойным образом. Во время выработки решения огромную роль играл творческий элемент: внести что-то особое, неожиданное, нестандартное отличительное качество вымпеловцев.

Эти ребята не знали слова "невозможно". Потому что не начинали действовать до тех пор, пока все вместе и каждый в отдельности не обретет полной уверенности, до тех пор, пока не были проработаны все детали взаимодействия с силами, обеспечивающими исходной информацией, пока не была достигнута нужная степень подготовленности по тому или иному конкретному объекту, пока не были взвешены все "за" и "против", учтены и приняты во внимание все подробности. Была усвоена четкая схема: десять дней

- на подготовку, и еще пять дней (коэффициент расхлябанности) - на ликвидацию всех недочетов, допущенных в процессе первичной подготовки.

В коллективе знали мою непреклонную позицию, подчинялись закону, который может показаться в какой-то мере жестоким: то, что поручено, ты обязательно должен выполнить, должен подумать и сделать, для того у тебя и голова на плечах, для того тебе дается право на размышления, на сомнения. Наверное, это и способствовало выполнению целого ряда сложных задач.

По всей видимости, офицеры "Вымпела" со мной согласны: "У нас была такая уверенность: если задача поставлена, мы ее выполним. Понимаете, просто неприемлемо говорить по отношению к такой группе спецназначения, как "Вымпел", что какую-то задачу выполнить можно, а какую-то нет. Мы для того и служили, чтобы всегда уметь выполнить любую задачу, в любом месте, где она поставлена."

"Сотрудник "Вымпела" - это ведь не только большой лоб, бугристые мышцы. Сотрудник

"Вымпела" должен работать не только по реализации информации: захват, какое-то острое действие и т.п., но и собрать информацию. Самое главное- умение оценить обстановку и действовать для того, чтобы выполнить задачу."

Поскольку личный состав "Вымпела" должен был быть готовым к действиям в любых климатических условиях, в любых регионах мира, выполнялись совершенно разнообразные по профилю и содержанию задачи. В процессе боевой подготовки спецназовцы одновременно обучались и специальности (профессионалами в подлинном смысле слова были все, но некоторые специализировались по отдельным направлениям более углубленно), и способности сколачивать группы. Количество и подбор специалистов в группах, а также виды вооружений, техники, экипировки варьировались в зависимости от конкретной боевой задачи.

Подготовка проводилась не только на учебно-тренировочных базах, но и "на местности", "в деле".

Пребывание в Афганистане офицеров тогда-

я подчеркиваю- формирующегося "Вымпела" дало возможность сразу же включиться в освоение серьезного боевого района, получить серьезную практику действий в острых боевых условиях; дало интересный материал для оттачивания программ боевой подготовки, для изучения региона, для понимания особенностей работы противника, с которым можно здесь встретиться. Вымпеловцы работали в Афганистане в течение многих лет. Группками по десять, пятнадцать, двадцать человек, при скромной поддержке вооруженных сил, они решали весьма сложную и почетную задачу амортизации боевых действий между двумя противоборствующими силами. Благодаря оперативности, знанию обстановки, хорошей разведке, умению установить контакты с противниками, с душманами, с авторитетами, с аксакалами, с главарями банд, умению построить отношения с руководителями советских войсковых подразделений, представителями милиции и т.д., они сумели добиться важнейшей цели - уменьшения числа возможных жертв.

Афганистан не был единственным участком

постижения и оттачивания мастерства. Сотрудникам "Вымпела" приходилось выполнять задачи наблюдателей, советнические функции в целом ряде стран, уже не однажды упомянутых в российской печати. Они работали в Анголе, Мозамбике, Никарагуа, на Кубе. Изучали особенности такого региона, как Юго-Восточная Азия, были с небольшим ознакомительным визитом в Лаосе. Общение с лаосскими разведчиками научило многому. В частности, раскрыли офицерам и руководителям "Вымпела" ситуацию, которую переживали органы молодой Лаосской республики, особенно после того, как американцы оставили там значительные части своих спецподразделений. Некоторые американские диверсанты-авантюристы уже в середине 1980-ых годов возвращались в Лаос и проводили там очень серьезные акции, влиявшие на положение, становление нового режима в республике.

Вымпеловцы также знакомились и перенимали опыт вьетнамских коллег из группы специального назначения "Доконг", недалеко от Ханоя. Учились работать в джунглях, преодолевать раз-

личные заграждения, изучали мины, в том числе американские мины-ловушки, методы невидимого для противника передвижения на море, на реках. Со своей стороны, - обучали вьетнамцев владению нашей спецтехникой, вооружением, нашим способам ведения огня, отрабатывали определенные коррективы при проведении городских операций.

Так что практика, полученная вымпеловцами в ряде регионов мира, стала очень существенным материалом, позволявшим организовывать и осуществлять насыщенную боевую подготовку.

Из анализа и характера действий противника для "Вымпела" вытекала задача подготовки к проведению разведывательных действий в глубоком тылу противника. Агентурная работа, диверсии на стратегически важных объектах, захват судов и подводных лодок, охрана советских учреждений за рубежом, борьба с терроризмом за рубежом, освобождение в случае захвата объектов повышенной опасности (ядерных, химических, топливно-энергетических и т.д.).

За годы своего существования подразделе-

ние превратилось в одно из мощнейших в мире. Оно находилось в постоянной боевой готовности, непрерывно действуя своими группами то в Афганистане, то на театрах оперативно-тактических учений внутри страны и за рубежом. Разведчики-диверсанты могли вести бой с воздуха, используя свои спецсредства, десантироваться группами на значительной по площади территории и брать под свой контроль хозяйственно-экономическую и военную деятельность противника, оставаясь, как показывала практика, необнаруженными. Они могли незаметно выйти из подводной лодки в нейтральных водах, добраться до берега, проникнуть с моря на сушу, пройти через всю страну и выйти в заданный район для разведки и захвата важного объекта, выполнить задачу и уйти обратно в море. Подразделение постепенно становилось на ноги и подтвердило свою надобность.

И еще очень важным, может быть, самым главным, было чувство патриотизма и уверенности в своих боевых товарищах. В "Вымпел" шли с пониманием своего долга и готовностью -

в необходимых случаях - к самопожертвованию. В "Вымпел" шли, чтобы служить не политикам, а Родине. Вымпеловцы были уверены в том, что их работа способствовала обеспечению спокойствия наших границ, что она нужна Родине.

Служба в острейших условиях, взаимодействие при выполнении сложнейших задач породили дух сплоченности, который невозможно уничтожить. Боевая дружба объединяет крепче всего.

Когда зарождался "Вымпел", а происходило это в огне афганских событий, я был вместе с ними. Я регулярно встречался с ними, ставил перед ними задачи. В каждом я видел раньше и вижу теперь просто товарища. Своего боевого товарища. С которым пришлось делить все. Меня так же могли убить, как и их. Я был рядом с ними. А это рождает отношения особого рода.

В "Вымпеле" служили представители почти всех наций и национальностей Советского Союза. Наличие в подразделении лиц разных национальностей - одно из неперемennых условий успешности работы. Наши противники из стран НАТО

подказали нам необходимость учета этой особенности. Думаю, это правильно. Сегодня большинство населения земного шара составляют люди монголоидного типа. Только в одном Китае их количество скоро достигнет полутора миллиардов человек. Более двух третей населения мира считает себя приверженцами ислама. Среди выпеловцев были и представители монголоидного и тюркского типов.

Однако проблем межнациональных отношений никогда не возникало. Мы не делили друг друга по национальному признаку. Основными критериями был профессионализм, патриотизм, надежность.

И каждый знал, что не имеет права бросить товарищей ни в какой ситуации. Так должно быть. Так было в годы войны, так, по-моему, должно быть во время любой операции. Если ты ушел с группой своих боевых товарищей, то вместе с ними должен и вернуться назад, с живыми или мертвыми. Вынести положено было всех, включая погибших.

Это не может быть обузой. Наоборот, со-

гласно святому закону разведки, все прорабатывалось таким образом, чтобы было как можно меньше жертв и чтобы все вернулись обратно. Так мы учили "Вымпел" воевать. (За все время существования "Вымпела" погибло несколько человек: в основном в Афганистане, потом - в операции внутри СССР, в октябре 1993 года снайпером был убит Геннадий Сергеев.)

Первые учения прошли в 1984-1985 гг. под названием "Неман". В Белоруссию была "заброшена" большая группа разведчиков-диверсантов, которая (разумеется, условно) "вывела из строя" крупный железнодорожный узел Калинковичи, "ликвидировала" нефтеперегонный комбинат, заложив более 20 мин и умудрившись "прилепить" мину даже на двери караульного помещения военизированной охраны.

Затем успешно были проведены "диверсии" на Ярославском заводе синтетического каучука, на Армянской АЭС. В 1985 г.- учения, в которых проверялось, как сработают властные системы КГБ, МВД Магаданской области, Чукотского автономного округа в условиях проникновения ди-

версионной группы с Аляски. "Вымпел" работал на Читинской ТЭЦ, Ленинградской АЭС, помогая ряду руководителей в укреплении режима секретности и трудовой дисциплины на ядерных и других уязвимых объектах. Например, после учебной операции на одной из атомных электростанций ученые-эксперты, которых мы попросили дать заключение о возможных размерах последствий, пришли к выводу, что масштабы катастрофы, если бы подобное произошло, многократно превысили бы Чернобыльские. Мы знали перечень целей, определенных противником на нашей территории, и учились противодействовать ему. Мы учили сотрудников "Вымпела" тому, что требуется на войне.

Спецназовцы блестяще проявили себя и при участии в боевых операциях. Например, в одной из стран Ближнего Востока были захвачены в заложники граждане СССР. Переговоры с террористами не давали никаких результатов. И вдруг при невыясненных обстоятельствах погибают один за другим лидеры бандитов. Оставшиеся получают ультиматум: если они не выпустят заложников,

то придется выбирать самим, кто будет следующим. . .

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляли собой учебные операции ответного или встречного характера по отношению к противнику, которые помогли предсказать многие процессы политического развития в нашей стране. Например, несколько лет назад командование НАТО проводило на своем южном фланге на территории Греции и Турции маневры "Арч Бей Экспресс", нацеленные на республики Закавказья и Болгарию, якобы в связи с благоприятной там для воздействия обстановкой. Это были последние учения, которыми мне пришлось руководить незадолго до выхода в отставку. Я обратил тогда на них внимание еще и потому, что командование войсками южного фланга НАТО по сценарию вероятных боевых действий предусматривало и нанесение ядерных ударов на этих направлениях, если того потребует сопротивление противника. Маневрам НАТО мы противопоставили свои оперативно-тактические учения "Чесма", проходившие на нашей и сопредельных тер-

риториях. Результаты агентурных и оперативно-тактических наблюдений превзошли все ожидания: "Арч Бей Экспресс" оставил после себя следы, которые позволили создать об учениях "Чесма" закрытый кинофильм "По поступившим данным".

В апреле 1991 года председатель КГБ СССР В.А.Крючков согласился с моим предложением показать этот фильм членам комитета ВС СССР по вопросам обороны и безопасности страны, во главе с Шариным. Фильм произвел на них сильное впечатление. Мы, со своей стороны, только попросили законодателей принять меры для того, чтобы не допустить возникновения очагов гражданской войны на юге и ее распространения на север страны. Наше предупреждение тогда не услышали. А сегодня мы открыто говорим о причинах войны в Чечне, о кавказско-каспийской нефти, терроризме в Москве, почти привыкли к тому, что ежедневно убивают ни за что российских солдат в Чечне.

Страну постепенно стала захлестывать волна терроризма.

Какой-либо агентурной информации по проблемам терроризма, кроме открытых публикаций о деятельности западноевропейских, ближневосточных и других групп, мы не имели. Это входило в функции внешней контрразведки, которая должна была тщательно отслеживать эту проблему. Мы не стремились к проникновению ни в одну из подобных групп по соображениям как оперативного, так и морального характера. Со всей ответственностью заявляю, что в период с 1970 по 1991 год ни одно из подразделений нелегальной разведки не поддерживало контакта с какой-либо террористической группировкой, более того, руководство запрещало это. Руководство берегло нелегальную разведку.

Что можно сказать вообще относительно деятельности террористических групп? Как я отношусь к этой проблеме? Этот вопрос предполагает два вида ответов: краткий и подробный.

К деятельности любых террористических групп в мирное время отношусь крайне отрицательно.

Как разведчик, служивший своему Отечеству,

понимаю причины, заставляющие государство прибегать к этому виду политической активности.

Определенной части общественности хорошо известна теория "малой войны". "Малая война" происходит не только в военное, но и в мирное время (чтобы оказаться в нее втянутым, не надо представлять интересы разных общественных формаций). Ее основными формами являются терроризм, диверсии и партизанство. Хотя "малая война" имеет подчиненное значение, ее роль в современных условиях, как показывают события в мире, возрастает. Задачи, формы и методы "малой войны" обуславливаются ходом и условиями политической борьбы. Действия "малой войны" организуются и ведутся как силами армии (по указанию соответствующих правительств), так и силами гражданских властей, политических партий и групп населения, и даже отдельными гражданами. Используются все возможные средства борьбы - от "мирных", экономических, психологических, социально-культурных до военных. Наши исследователи в конце 20-х - начале 30-х

годов глубоко изучали проблемы "малой войны". Например, М.А.Дробов проанализировал более 370 русских и иностранных работ, посвященных теории и практике "малых войн" XIX-XX веков. Его исследование "Малая война. Партизанство и диверсии" (М.: Госвоениздат, 1931), давно ставшее раритетом, на мой взгляд, не потеряло своего значения и сегодня.

Дробов пришел к заключению, что содержание и формы современной "малой войны" - это выражение вооруженной борьбы, по отношению к которой малая война есть лишь часть, отдельный момент, особая ступень в развитии. Точнее, малая война- переходная форма вооруженной борьбы, развивающейся во всеобщее вооруженное восстание для захвата власти восходящим классом, поэтому она естественна и закономерна как в "мирное", так и в военное время.

"Малая война" может возникать самостоятельно, постепенно перерастать или в большую войну, или во всеобщее (крупное) восстание и может сопутствовать большой войне, развиваясь лишь в каких-либо своих формах; а может со-

вершенно замереть, превратившись в пассивные диверсии и скрытые формы воздействия словом или делом: малая война не венчает борьбу сама по себе и не является единственной и решающей формой борьбы.

По мнению Дробова, малая война ведется методами борющихся сторон в меру их умения и достижений, с использованием тех средств, которыми они располагают к моменту ее ведения или которые смогут изыскать и организовать в самом процессе борьбы. Чем сильнее и могущественнее одна из сторон, чем она организованнее, тем разнообразнее и удачнее методы ее борьбы, тем богаче средства, тем полнее и быстрее она осуществляет свои задачи, а значит тем шире размах малой войны, тем глубже проникает она в массы, в которых черпает свои силы.

Исходя из опыта прошлого, Дробов сделал вывод, что диверсии (террор) индивидуалистичны (одиночки, небольшие группы), партизанство массово (отряды), но вместе они составляют единый процесс вооруженной борьбы на определенном отрезке времени и территории для дан-

ной общественной формации. Чрезвычайная законспирированность диверсионных операций, их внешняя разобщенность, организационная специфичность не могут служить причиной для выделения их из общей суммы операций малой войны, так как социальная природа и цели диверсий (против кого, когда и кем они совершаются, почему и как реализуются, куда направлены в своей массе и каким темпом, чем связываются между собой и чем разнятся друг с другом на общем фоне политической и экономической конъюнктуры и др.) тождественны с малой войной.

Партизанство и диверсии - звенья одной цепи, это наши учеты узловых моментов в развитии форм малой войны, поэтому диверсии переходят в повстанчество, и наоборот, партизанство войскового типа взаимосвязано с диверсиями и повстанчеством: из отдельных актов повстанчество перерастает в массовое вооруженное восстание и затем в организацию войсковых операций или же оно переходит в собственное отрицание.

"Малая война" чрезвычайно самобытна и динамична в своих формах и методах, она растет

творчеством масс в процессе борьбы, рецепты и схемы гибельны для нее, регулярное начало чуждо ей. Организация наличных средств и сил, определение объектов удара и способов действий строго соответствуют каждому моменту, каждому району (территории), каждой боевой задаче, каждому оперативному случаю, поэтому творческая и целесообразная импровизация в малой войне (во всех ее формах) необходимейшее условие для ее ведения.

Таким образом, "малая война" есть совокупность вспомогательных, импровизированных (в противоположность однообразию и постоянству регулярных типов войн), активных действий борющихся за свои интересы групп (классов) населения (нации) для нанесения своему противнику непосредственного материального или иного ущерба всюду, где это возможно, и всеми доступными средствами в целях эффективной подготовки решающих результатов на главных фронтах борьбы.

Здесь я бы еще раз вернулся к маневрам Южного фланга союзнических войск НАТО "Арч Бей

Экспресс" и нашим учениям "Чесма". Уже находясь на пенсии, я еще раз проанализировал обстановку, в которой разворачивались натовские маневры, особенно принимая во внимание участие в них частей быстрого развертывания, подразделений специального назначения и спецслужб США.

Известно, что администрация США, исходя из своих геополитических и экономических интересов, и поныне открыто проводит курс на укрепление сотрудничества с Турцией. По оценке большинства американских аналитиков-политологов, расширение двусторонних отношений с этой страной - одна из важнейших задач США в регионе. Это объясняется выгодным географическим положением Турции, ее близостью к Ближнему и Среднему Востоку, основной топливно-энергетической базе для экономики США, Западной Европы и Японии. Значение турецко-американских отношений в стратегических планах США возрастает в связи с наличием больших запасов энергоносителей в странах Центральной Азии и Азербайджане. Одной из целей маневров

"Арч Бей Экспресс" была отработка возможных действий по блокированию попыток Ирана установить контроль над республиками Закавказья, где развитие обстановки могло привести к образованию новых мусульманских государств. В связи с этим Турция рассматривается как одно из важных звеньев НАТО в исламском мире, причем не только на Востоке, но и на Западе (имелась в виду Болгария и Югославия). Проведение учений в Турции объяснялось заинтересованностью стран НАТО в укреплении южного фланга этого блока.

Основными документами, регламентирующими вопросы военно-политического сотрудничества Турции и США являются соглашения "Об обеспечении вооруженных сил США в военное время" и "Об использовании ВВС США передовых оперативных баз Турции" (подписаны в 1952-1954 гг. и постоянно продлеваются), "О сотрудничестве в области обороны и экономики" (подписано в 1969 г. и постоянно продлевается).

В соответствии с этими соглашениями, США сохраняют права на использование на террито-

рии Турции свыше 30 военных баз и объектов, а также на переброску туда в период угроз или во время учений значительных контингентов войск и техники. Согласно тем же правовым документам, в качестве компенсации за аренду турецкой территории предоставляют Турции военную и экономическую помощь. Ее размеры определяются законом "О помощи иностранным государствам на очередной финансовый год". С 1989 по 1992 гг. Конгресс США официально выделил Турции более 2 млрд долл. безвозмездной военной и 388 млн долл. экономической помощи.

Ярким примером американо-турецкого сотрудничества являются совместные действия государств в связи с кризисом в Персидском заливе. Эти события способствовали дальнейшему сближению Турции и США, так как с самого начала ирако-кувейтского конфликта турецкое руководство полностью и достаточно активно поддерживало своих американских союзников.

Западные военные эксперты отмечают, что США стремятся усилить свое влияние в Турции путем координации действий обеих стран во

внешней и внутренней политике для определения и достижения общих целей в области обороны, политики и экономики.

Естественно, что в свете событий, происходящих после развала СССР в бывшем советском Закавказье, а также в странах Центральной Азии, роль Турции для США возросла.

Для того, чтобы достичь своих стратегических целей в Закавказье и Центральной Азии (установление прямого или косвенного контроля над странами, имеющими богатые запасы энергоносителей, что означает вытеснение России из региона), США, в основном через Турцию, стараются использовать в своих интересах прежде всего межэтнические конфликты на территории бывшего советского Закавказья. Именно с этой целью появился в свое время "План Пола Гобла", который до сих пор под тем или иным "соусом" не снимается с повестки дня. Цель плана: пробить "брешь" на линии намечаемого сотрудничества Россия-Армения-Иран-Сирия, что впоследствии может привести к различным вариантам распада Ирана и даже России.

Однако стремление Армении к союзу с Россией и дружбе с Ираном затрудняет осуществление этого стратегического плана. Большие проблемы возникли у его авторов и из-за военных поражений Азербайджана в Нагорном Карабахе, которые привели к серьезной внутренней нестабильности в Баку.

Достаточно нестабильная внутренняя ситуация продолжает сохраняться и в Грузии. На ее внутривнутриполитической арене уже имеются около десятка конфликтных пунктов, в которых действуют влиятельные группы, готовые к противостоянию, достаточно хорошо вооруженные и боеготовые, либо имеющие возможность быстро вооружиться и получить помощь извне.

Наличие такого большого количества факторов риска представляет опасность еще и потому, что они, сочетаясь или просто совпадая, могут создавать "факторный резонанс", приводя к кризисам, что, собственно, в Грузии и происходит в последние годы. Все это может быть использовано для ослабления влияния России в этом регионе в целом.

Иногда мне даже казалось, что маневры войск южного фланга НАТО уже давно закончились и на территории Закавказья практически проигрывается конкретная операция "малой войны". Вот уже для достижения контроля над ситуацией в регионе через Турцию и Азербайджан достаточно умело применяется метод коммуникационного давления по линиям: Батуми-Кутаиси-Баку, Батуми-Кутаиси-Тбилиси-Гюмри-Ереван-Нахичевань-Баку, а также Тбилиси-Гюмри-Ереван-Нахичевань-Тебриз. Последовательно осуществляется не только железнодорожная, но и "газовая" блокада.

Все происходит в соответствии с директивами по проведению тайных операций: дестабилизация обстановки, создание партизанско-повстанческого движения, овладение ситуацией, восстановление положения с передачей власти дружественным силам. Какой сценарий, какое пространство, какие действующие лица и сколько их! Удивительно интересное поле для исследований!

Но несмотря даже на пассивные действия

России в этом регионе по сохранению своих позиций и некоторую утрату ею своего влияния, ее перспективы все же выглядят более предпочтительными, так как возможности коммуникационной блокады практически исчерпаны, а тенденция к стабилизации обстановки стала укрепляться.

Особо необходимо отметить, что лидеры ЕС, мощный франко-германский тандем, хотя и входят в состав НАТО, не заинтересованы в изменении соотношения сил в Закавказье и Малой и Средней Азии, это может привести к возникновению монополярного мира.

Таким образом, несмотря на полную координацию усилий заинтересованных сторон, их попытка установить контроль над бывшим советским Закавказьем не имеет шансов на успех. Россия, совместно со своими союзниками и партнерами, при негласной поддержке лидеров западноевропейских стран, прежде всего Германии и Франции, сумела создать в регионе ситуацию, которая, судя по всему, в ближайшем будущем все чаще будет разрешаться в ее пользу, хотя не

обойдется и без серьезных потерь. Сегодня же, к сожалению, грандиозная по своим масштабам тайная операция малой войны продолжается.

Я вспоминаю содержание наставлений и уставов армии США, регламентирующих назначение, цели и характер боевой деятельности американских подразделений специального назначения, и нахожу много общего в них со всем изложенным выше.

Как видно из опыта, приобретенного рядом стран в течение XIX и XX веков, особенно после Второй Мировой войны, к отражению нападения, проводимого по методам "малой войны", необходимо готовиться заблаговременно. Возникновение в наши дни "горячих точек" в разных регионах мира, в том числе в России и СНГ это следствие упущений и просчетов в оценке внешних и внутренних факторов политического и оперативного характера. Тема "Теория и практика малой войны во второй половине XX века" - весьма интересный предмет исследования для политиков, разведчиков и военных.

..После известных событий 1991 года "Вым-

пел" передали в Межреспубликанскую службу безопасности (некоторое время существовала и такая структура), затем в Агентство федеральной безопасности РФ, а после Указа Президента о создании Министерства безопасности с 24 января 1992 г. "Вымпел" вошел в его состав на правах самостоятельного управления. Изменились задачи и характер тренировок. Теперь главной задачей стала защита стратегически важных и экологически опасных объектов от террористических и диверсионных действий, борьба с терроризмом, наркобизнесом, вооруженными преступниками из мафиозных группировок. В Балашихе были сооружены макеты энергоблоков всех российских АЭС в натуральную величину. Проходили учения на Курской, Белоярской, Калининской и других атомных электростанциях.

Во время учений на Калининской АЭС летом 1992 г. вымпеловцы прыгали с мотодельтапланов на крышу машинного зала реактора. Уникальность этой операции заключалась в том, что надо было пролететь на парашюте мимо проводов под напряжением до полутора мегавольт (в слу-

чае попадания на них даже пепла не остается). Вымпеловцы прошли сквозь все заслоны и через семь секунд после высадки освободили пульт управления от "террористов". За американской "Дельтой" подобных достижений не числится.

Тем же летом в Мурманске "брали" атомный ледокол "Сибирь". Подхода аквалангистов к кораблю не заметили даже руководители группы захвата. Среди бела дня водолазы внезапно поднялись на борт из воды с помощью специальных приспособлений и мгновенно сняли наружную охрану. Вслед за этим на палубу прыгнули десантники, хотя скорость ветра достигала 15 м/с. "Террористов" нейтрализовали за пять секунд.

На других учениях сотрудники "Вымпела" преодолели за двое суток 120 километров пустыни на Аграханском полуострове среди скорпионов, змей и прочей живности, выполнив при этом задачу - вышли к кораблю, где томились "заложники", и освободили их.

Можно вспомнить и многократно воспетый в прессе молниеносный захват с поличным ита-

льянских валютчиков, которые поставляли в нашу страну из Италии фальшивые доллары (они намеревались запустить на наш рынок порядка 11 миллионов долларов), и их московских пособников. Операция у гостиницы "Ленинградская", проведенная 6 декабря 1992 года, разрабатывалась совместно со спецслужбами зарубежных стран и представляла собой конечный этап мероприятий по выявлению и нейтрализации фальшивомонетчиков. Группа захвата до последнего момента не имела точной информации о количестве преступников, об их вооружении и т.д. Поэтому была спланирована базовая ситуация, от которой впоследствии и отталкивались спецназовцы: за каждой молниеносной операцией стоит скрупулезная, долгая, нудная подготовка, учебная и боевая, когда просчитывается каждый шаг. Была создана группа захвата из 10 человек, работавшая с автобуса в целях маскировки и достижения эффекта внезапности, и две группы прикрытия: одна окружила и полностью блокировала район, другая работала с другого автотранспорта во взаимодействии с группой захва-

та. Между группами постоянно поддерживалась связь. Было принято решение не дать задерживаемым войти в гостиницу. Их "взяли" прямо при выходе из автомобиля: через 5-6 секунд они уже лежали на земле или были в наручниках, доллары были у них в руках. Произошел только один выстрел, когда при обыске случайно сработал спусковой механизм пистолета, и офицер "Вымпела" получил пулевое ранение. Арестованный итальянский мафиози через следователя передал раненому в госпиталь письмо: "Уважаемый господин, надеюсь, когда Вы узнаете, кто написал эти строки, Вы не разорвете это послание. Вчера я узнал, что Вы были ранены во время нашего ареста. Я не знаю, кто мог оценить жизнь дешевле денег. Но я думаю, что это ненормальный человек. Этими строками я не хочу оправдывать то, что было сделано по отношению к Вам, мне хотелось бы просить у Вас покорнейше прощения и выразить Вам свое уважение и почтение. В надежде встретиться Вас и пожелать Вам здоровья и всего самого лучшего. 17.12.92 г. Москва. Джованни М."

В 1993 г. сотрудники "Вымпела" сумели предотвратить попытку вывоза радиоактивных материалов из-под Екатеринбурга. Блестяще провели операцию по фальшивым авизо, не дав преступникам получить более миллиарда рублей. Неоднократно участвовали в операциях по освобождению заложников, выполняли задания в "горячих точках" СНГ.

Освоить новый участок работы профессионалам такого класса не составляло труда. Однако слишком серьезным оказался психологический аспект. "Вымпел" спецподразделение, предназначавшееся для действий за рубежом, но не на территории своей Родины. И потому офицеры тяжело переживали необходимость участия в событиях в Баку, Вильнюсе, Тбилиси и других "горячих точках". Будучи людьми военными, они прекрасно знали, что приказы не обсуждаются. Но будучи вымпеловцами, они прекрасно знали, что главный критерий при выполнении задачи наименьшие потери, забота о жизни мирных граждан, их безопасности, уважение их прав и свободы.

В октябре 1993 года "Вымпел" получил приказ о взятии Белого Дома. Точно такой же приказ был получен и в августе 1991-го, но тогда Леонид Шебаршин, возглавлявший ПГУ, дал возможность тянуть время и не включаться в сомнительную операцию. "Вымпел" тогда на штурм не пошел. Не пошли на штурм и сейчас... На БТР отправились в разведку. Тогда и потеряли от пули снайпера одного товарища. После этой разведки решили выдвинуться к Белому Дому без применения оружия. "Вымпел" не мог превратить задачу освобождения Белого Дома в бойню. "Вымпел" выполнил приказ: вымпеловцы просто вывели людей из Белого Дома.

Им не простили такого поведения. Потянулись недели томительной неясности. Руководство спецподразделения, чтобы как-то упредить ситуацию, попыталось внести свои предложения о создании на его базе федерального учебного центра для обкатки оперативных работников внешней разведки, спецназа, которые и до этого стажировались на объектах отряда. Но 23 декабря 1993 года был подписан Указ Президента

о расформировании Министерства безопасности России. "Вымпел" же был переподчинен Министерству внутренних дел.

Сто двенадцать офицеров подали рапорты об отставке. Только около 50 человек согласились остаться в МВД.

Узнав о распаде "Вымпела", в Москву приехали представители крупнейшего в США агентства безопасности и предложили работу. Однако вымпеловцы отказались, решив, что смогут найти себе применение и здесь. Никто из них также не запятнал звания вымпеловца службой криминальным авторитетам, которые за колоссальную плату предлагали советническую работу.

Около 150 человек перешли на службу в Главное управление охраны, в Службу внешней разведки, в контрразведку, в Министерство по чрезвычайным ситуациям. 135 офицеров, далеких от пенсионного возраста, подали рапорты об отставке и оформили пенсионные документы. Некоторые ушли в коммерческие структуры, устроились в службы безопасности частных компаний.

Я их понимаю. Они готовились защищать

интересы Родины, своего народа от внешнего противника и за пределами своей страны. Чувство преданности своему народу, долг и честь офицера-разведчика не позволили им поступить иначе. И худшее, что могло случиться, произошло. Прекратило существование подразделение специального назначения, офицеры которого не знали слова "невозможно".

Однако запись, которую командиру "Вымпела" пришлось внести в исторический формуляр спецназа, все-таки не последняя.

Спустя несколько месяцев после того, как формальности развала были завершены, в высших эшелонах власти, судя по всему, осознали ошибочность решения, и в составе ФСК было создано Управление специальных операций, возглавить которое поручили бывшему командиру "Вымпела" генералу Герасимову. Практически с нуля началось воссоздание спецподразделения.

А 14 декабря 1994 года департамент правительства Москвы зарегистрировал Ассоциацию делового сотрудничества ветеранов подразделений специального на-

значения и специальных служб "Вымпел-Союз" (Association for Business Cooperation of Special Forces and Secret Services Veterans "VYMPPEL-SOYUZ") неформальное корпоративное объединение организаций и предприятий, созданное по инициативе ветеранов "Вымпела". Учредителями Ассоциации стали: Фонд "Вымпел", Комитет по делам воинов-интернационалистов, Школа безопасности предпринимательской деятельности, несколько охранных структур - "Грант", "Гектор", Агентство безопасности "Луком-А", "Вымпел- морской транспорт" и еще ряд организаций, где бывшие вымпеловцы занимают руководящие должности. В общем, стали собирать своих старых товарищей, которых разбросало наше беспокойное время. Сегодня уже около двух десятков охранных структур вошли в "Вымпел-Союз" ассоциированными членами. На подходе и другие.

Наши ветераны, получившие уникальный опыт в специальных операциях в Афганистане, Анголе, Вьетнаме, Мозамбике, Никарагуа, на Кубе, в других "горячих точках" мира, пришли к

выводу, что найти свое место в новых жизненных условиях можно, только опираясь на возможности друг друга и в тесном союзе здоровых сил общества.

Вице-президент Ассоциации Игорь Волошин: "Чтобы прийти на помощь нашим товарищам в трудную минуту, чтобы можно было подставить плечо и держаться вместе, мы решили создать свою Ассоциацию. Мы все в "Вымпеле" были одной большой семьей. Это не слова. Дух товарищества, взаимовыручки, корпоративности чрезвычайно силен у всех, кто был в нашем подразделении. Каждому из нас не безразлична судьба других. А ведь в жизни может быть всякое. Вспомните, с каким трудом американские ветераны войны во Вьетнаме адаптировались к мирной жизни спивались, становились наркоманами, террористами, убийцами... Мы этого не должны допустить. Мы будем создавать новые рабочие места для наших товарищей, помогать кому-то материально, поддерживать морально, противодействовать попыткам криминальных структур привлечь на свою сторону спецназовцев. Бу-

дем создавать различные фирмы: консультационные, туристические, охранные, информационные, юридические. . .

Мы были вместе и вместе должны идти дальше".

"Вымпел-Союз" открыт для сотрудничества со всеми, кому дороги такие понятия, как ЧЕСТЬ, ПОРЯДОЧНОСТЬ, РОССИЯ.

Так нужен ли нам сегодня спецназ для защиты интересов страны? На этот вопрос должны ответить нынешние активные политические деятели. Со своей стороны лишь отмечу, что с недоверием глядящие на нас "новые партнеры", если судить по их официальным документам, высоко оценивают "уникальные возможности войск специального назначения". В США, например, войска спецназа, отданные, по признанию французского еженедельника "Валюр актюэль", в ведение ЦРУ, сведены в 16 групп, в каждой из которых до полутора тысяч человек, предназначенных для действий в строго определенном районе земного шара. В Управлении специальных методов войны создана дополнительная Группа спе-

циального назначения с задачей проведения психологических операций и решения гражданских проблем по оказанию помощи дружественным странам. При этом Россия, как сказано в Докладе Объединенного военного командования США за 1992 год, продолжает оставаться объектом, угрожающим физическому выживанию Соединенных Штатов (См. Приложение: Доклад Объединенного военного командования США, 1992).

Научит ли история нас? Россия сегодня имеет ослабленные в результате раздела силовые структуры и спецслужбы, ее военная доктрина нуждается в доработке, перспектива развития частей специального назначения неизвестна.

Наш наставник, девяностошестилетний разведчик-диверсант полковник Илья Григорьевич Старинов - живая легенда Гражданской войны в Испании, Великой Отечественной войны и гордость спецназа России убежден, "что сейчас "Вымпел" нужнее, чем когда-либо. Это асы-диверсанты, диверсанты высокой касты. Денис Давыдов говорил: "Основная задача партизан состоит не в мелких действиях, а в том, что-

бы отсечь противника от источников снабжения. " В современных условиях это могут сделать только организации, подобные "Вымпелу", наносившие наиболее ощутимые удары, сами оставаясь неуязвимыми.

Новая большая война фактически может превратиться в конец мира, уничтожить весь земной шар. Применять оружие, которое истребляет все человечество, нельзя. Нужно думать о том, чтобы сделать войну более гуманной и более безопасной для своего народа. И это можно сделать только с помощью таких спецподразделений, которые могли бы выводить из строя важный объект, не вступая с ним в бой, сохраняя и приумножая свои силы, уничтожать противника, делать его неспособным наносить удары.

Я считаю их героями. Они действительно несут вымпел наших побед. О таком органе, как "Вымпел" наши предки 150 лет мечтали. Князь Голицын, генерал-майор Генерального штаба, думал о создании специальных частей, которые защищали бы свой тыл и разрушали бы тыл противника. Тогда, когда это нужно."

Вторая годовщина объединения группы ветеранов специального назначения госбезопасности "Вымпел" совпала в конце 1996 года с общественным просмотром документального фильма "Равных им не было". Встреча ветеранов проходила 19 декабря в роскошном "Президент-Отеле". Недели за две до торжественного дня я поделился с моим близким знакомым - писателем Вячеславом Морозовым - задумками по составу приглашенных:

- Мне кажется, можно было бы пригласить всех киноактеров, когда-либо сыгравших роль разведчика в кино, и писателей, писавших о разведке. Кадочникова, увы, уже не приглашишь. Вячеслава Тихонова - обязательно. Георгия Жженова, Бориса Галкина - он нашего брата-десантника хорошо сыграл, Николая Бурляева надо бы, только у меня нет его телефона... Из писателей - кого ты думаешь?

- Думаю, Александра Проханова, Владимира Карпова - Героя Советского Союза, Святослава Рыбаса - он про генерала Кутепова писал. Юли-

ана Семенова уже нет. Много "шпионских" писателей поменяли родину на "историческую", так что затрудняюсь продолжить...

Предновогодний "Президент-Отель" блистал гирляндами мишуры, огнями и внутренним убранством. Для гостей в холле были расставлены столы с шампанским, коньяком и легкой закуской, каждому приходящему вручали подарочный набор книг о разведке. Подходили седовласые мужи с тяжелыми орденскими колодками, со звездами Героев, обнимались крепко, вступали в разговор; подходили бывшие офицеры "Вымпела" - крепкие, с умными глубокими глазами, сдержанные, немногословные, красивые. На груди у многих - экзотические медали иностранных государств.

Тихонова и Бурляева не было. Важно прошествовал под руку с супругой "генерал" Булдаков, Борис Галкин с женой Еленой стояли в окружении "вымпеловцев". Георгий Жженов беседовал о чем-то с митрополитом Питиримом, сдержанный Святослав Рыбас выслушивал отставного генерала-разведчика. В пиджаке нараспашку

и, как всегда, без галстука пришел Александр Казинцев из "Нашего современника".

Вот прошел шаркающим приставным шагом Владимир Солоухин. Солоухин как будто никогда и ничего о разведке не писал. Впрочем, все ли я о нем знаю? Он медленно продвигался от парадной лестницы по направлению к конференц-залу, ссутулившись, немного растерянно кидая взгляды по сторонам. Остановился, огляделся и, видимо, не заметил ни одного знакомого лица: в холле уже толпилось изрядное число приглашенных. Вячеслав Морозов поспешил к нему, поздоровался.

Они подошли к фуршетному столу. Два-три голоса поприветствовали писателя:

- Здравствуйте, Владимир Алексеевич!

Солоухин, слегка приподнимая глаза и, не особо замечая, кто с ним здоровается, полупоклоном отвечал на приветствия. Затем он попросил Морозова передать ему бутерброд с икоркой и предложил выпить за этих ребят коньяку. Позднее В.Морозов об этой встрече с В.А.Солоухиным у "вымпеловцев" напишет:

"Мы выпили за здоровье генерала Дроздова и за советскую разведку, доставившую немало хлопот нашим противникам. Солоухин, прожевывая бутерброд, спросил:

- Ты книжку-то Дроздова читал?

- Читал, даже писал о ней.

- А я так думаю: хорошо, что они, разведчики, наконец заговорили. Сразу сколько досужих сплетен про КГБ полетело в тартарары. И сколько мы узнали про тайные пружины, которые двигали и нашу и зарубежную политику! М-да, это, пожалуй, важнее. . .

Протрещал звонок, приглашая всех в конференц-зал. Мы сели в проходе, где-то в середине зала.

После короткого вступительного слова генерала Дроздова показали фильм "Равных им не было" - о группе специального назначения "Вымпел", которую создал и выпестовал Юрий Иванович, которой действительно не было равных в ряду спецподразделений иных стран - по универсальности подготовки, отваге и мужеству, по способности решать невыполнимые, казалось бы,

задачи. Запомнились, например, такие кадры.

Камера неподвижна, на экране - ничем не примечательный пейзаж: слегка взбугренная местность, дерево, зеленые кустики. Кроме этого - ничего! Вдруг, как по команде, земля дыбится и встают 50-70 вооруженных парней и тут же ложатся, и снова исчезают. Проходит секунда - другая (камера неподвижна) - и опять, как по команде, встают еще человек 50-70, но уже других воинов. Ложатся - и снова пропадают, сколь ни вглядывайся в эти кустики и бугорки. "Бойцы "Вымпела" проходили стажировку и в странах Юго-Восточной Азии, - звучит голос диктора за кадром, - где наши парни делились опытом и где многому научились сами". В это время на экране крупным планом возникает участок дороги - безо всякого изъяна, после чего квадратный "лоскут" земной поверхности приподнимается и отъезжает в сторону, а из замаскированной ямы, как черт из табакерки, выскакивает перемазанный в глине улыбающийся "вымпеловец".

Солоухин смотрел на экран молча, а затем, когда генерал Дроздов по окончании фильма по-

просил желающих высказаться, Владимир Алексеевич, выждав небольшое время, поднялся с кресла и, обронив, "сумку мою поторожи", мелким шагом, той же шаркающей походкой, пошел к сцене. Зал молча ждал.

Опершись на трибуну, Владимир Алексеевич коротко поведал свою военную биографию, отметив, что "хотя в войсках НКВД я никогда не служил и про вас, разведчиков, не писал, но во время войны был старшим сержантом в спецназе". Говорил он тихо, потом голос стал крепнуть - почти точь-в-точь, как это было во МХАТе, на 40-летию журнала "Наш современник", когда он читал свое стихотворение, закончив его на высокой ораторской ноте. Он продолжил:

- Когда я посмотрел этот фильм, я вспомнил случай из нашей давней русской истории. Произошло это в период крещения Руси. Сами понимаете, что когда Владимир Святой приказал сбросить Перуна в Днепр и велел всем креститься, это был единичный, хотя и государственного, исторического значения случай принятия христианства языческой Русью. После этого христиан-

ские проповедники пошли в разные города и веси, в разные племена, жившие тогда на территории Руси, крестя язычников и обращая их в христиан. И вот, когда один из монахов-подвижников пришел к языческому племени, обитавшему где-то на Севере, и убедил это племя принять христианство, произошло следующее. Вождь племени, который должен был первым пройти обряд крещения и показать, таким образом, пример своему племени, вошел в реку, выхватил из ножен меч и, высоко подняв его над головой, трижды окунулся в воду. И когда он вышел на берег, монах-миссионер упрекнул его: что ж ты, мол, сам окунулся, а меч свой не окунул? И вождь ему ответил. . .

Тут голос писателя возвысился до митингового накала:

- Я, говорит, прошел обряд крещения. Я теперь христианин. Я буду соблюдать Христовы заповеди, буду жить так, как велит мне Христова вера. Я даже буду прощать врагов своих. Но! - голос Солоухина обрел металл: - Но меч мой! . . .

Он сглотнул комок в горле, и микрофон передал это всем сидящим в зале. Произошло мгновенное слабое движение десятков людей, которые, я уверен в этом, разом угадали - что сейчас будет сказано.

- Но меч мой никогда не должен быть добрым к моим врагам! Он никогда не будет добрым к врагам моего племени - он не для этого предназначен. Меч в моей руке для того, чтобы защитить меня и мое племя, и ему нельзя быть добрым, как мне! Вот что сказал монаху этот вождь племени.

С середины зала я увидел, что по щекам старого писателя текут слезы. Это заметили и другие, и по залу снова короткой судорогой прошло движение.

- И я вас прошу, я вас заклинаю: держите свой меч сухим всегда. Дорогие мои герои, я - старый человек, я много повидал. И вы много повидали, вы много знаете, чего не знают другие. И вы не должны спокойно смотреть на то, что происходит. Вы видите, как наша Россия окружена со всех сторон алчущими "собратьями", которые

готовы рвать ее на части, стремясь ухватить кусок пожирнее. Вы видите, как потворствует им потерявшая совесть и страх "пятая колонна". Не мне это вам рассказывать, это вы сами знаете, как не знает никто. Так... не дайте же!.. не дайте погибнуть своей Родине!.. (Он уже не стеснялся открытых слез и рыданий). Она вас вскормила, но сегодня она слаба и унижена, и вы - ее последний оплот! Я старый человек, русский писатель, я обращаюсь к вам: держите ваш меч сухим! Нам нельзя быть добрыми к нашим врагам - их слишком много, они сплочены и сильны, и не хотят быть добрыми с нами. И поэтому пусть ваш меч, изображенный на вашей эмблеме, навсегда останется разящим, острым и сухим, как у того мудрого вождя племени!..

Он отошел от трибуны и, шаркая подошвами ботинок, пересек сцену. Зал возбужденно аплодировал. Какая-то женщина помогла ему сойти со сцены и, идя рядом вдоль прохода, что-то горячо говорила. Владимир Алексеевич растерянно оглядывал зал, и я догадался, что он забыл, в котором ряду сидел до выступления. Я поднялся

ему навстречу:

- Владимир Алексеевич, идите сюда. Вот ваша сумка.

- А, ну все. Спасибо, голубушка, я посижу теперь. . .

Он медленно и тяжело сел в кресло, после чего аплодисменты стихли. Солоухин достал платок, вытер щеки, промокнул глаза, принял позу поудобнее. Вздохнул. Потом спросил неопределенно:

- Ну что?

- Как "что". Вы же сами видите, что с залом сделали. Задние ряды стоя вас приветствовали. . .

Да-а-а. . . А ты этих ребят знаешь? - он кивнул головой на зал.

- Маленько знаю.

- Ну и как думаешь, дошло до них?

- Думаю, дошло.

- Хорошо бы, если б дошло. . . Я от сердца говорил. Что ж они, не понимают, что ли? У них в руках та-акая сила!.. Да будь я помоложе. . . - он махнул рукой как-то обреченно, словно отсекая

тему разговора, и стал медленно вставать.

- Что там у нас по плану дальше?

- Вроде бы продолжение фуршета...

- Ладно, это уже не по мне. Ты меня проводи до выхода.

Я проводил. Больше мы не виделись." ("Наш современник", N 7, 1997 г.).

Этот "Наказ" Владимира Алексеевича Солоухина задолго до его появления в журнале был размножен и передан почти во все подразделения спецназа России.

Без сомнения, новая Россия, являющаяся преемницей более чем тысячелетнего государства, должна учесть опыт предков и их последователей, для которых защита Отечества была главным делом их жизни.

"Корми солдата тысячу дней, - советовал древний и мудрый Сунь Цзы, - чтобы использовать один час в нужное время и в нужном месте." Вот бы и нам так!

ГЛАВА 11. АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВАЛА СССР

"Пусть люди совершают любые ошибки

себе во вред, лишь бы им избежать худшей напасти- подчинения чужой воле"

Люк де Клапье де Вовенарг

"Во Франции не трогают поджигателей, но преследуют тех, кто, завидев пожар, бьет в набат".

Никола-Себлотьен де Шамфор

В 1992 г. в газете "Правда" была опубликована статья В.А.Крючкова "Посол беды", послужившая причиной вызова меня к следователю по особым делам В.А.Лысейко в Прокуратуру РФ по делу А.Н.Яковлева, относительно которого автор статьи высказал подозрение в принадлежности к "агентуре влияния" США. . .

Естественно, вызов к следователю, да еще по такому поводу, пробудил в памяти целый ряд ассоциаций.

Мысленно я вернулся к древнему Сунь-цзы. Он писал: "Знание наперед нельзя получить и путем умозаключений по сходству, нельзя получить его и путем всяких вычислений. Знание о положении противника можно получить только от людей". Эти знания дают только шпионы: местные,

внутренние, обратные, смерти и жизни. Каждый из них важен, ибо победить противника, облегчить победу может только полное знание противника. Так кто же он, "агент влияния"? Сунь-цзы считает, что скорее он "шпион смерти", ибо за выполнение такого поручения неминуемо должен быть убит. Нет, скорее, это "шпион внутренний" или "местный"... а может быть, "шпион жизни". Наверное, это тот тип агента, которого породил наш тревожный двадцатый век. Нет, нет. Такие бывали и в прошлые века. Об этом интересно прочитать у Сунь-цзы и его современника Сорая, японского комментатора XVII в.

О вербовке местных шпионов Сорай пишет так: "Когда местные жители не получают от правительства чинов и жалованья, чувство долга у них очень слабое. Если обласкать их своими милостями, они, привлеченные этими милостями, расскажут о слабых и сильных местах противника. Низменных из них можно прельстить деньгами и драгоценностями; другим можно внушить, что они и есть те самые правители, которые в случае, если они будут у власти, будут полезны

для народа; третьих можно заставить говорить, припугнув их своей силой. Это значит пользоваться жадностью и отсутствием чувства долга... Среди местных жителей могут найтись и благородные, которые потерпели неудачи и скрываются. Такие люди стремятся проявить свои таланты, получать чины и жалованье. У таких людей можно пользоваться их честолюбием". Таким образом, жадность, отсутствие гражданского долга, эгоизм и честолюбие - вот почва, на которой вербуются шпионы из населения противника.

Из кого вербуются "внутренние шпионы"? На это исчерпывающий ответ дает Ду Му: "Среди чиновников противника есть люди умные, но потерявшие должность; есть люди провинившиеся в чем-либо и подвергшиеся за это наказаниям; есть любимцы, жадные до богатства; есть люди, поставленные на низшие должности; есть люди, не выполнившие возложенных на них поручений; есть люди, стремящиеся приобрести более широкое поле для приложения своих способностей, пользуясь несчастьем других; есть люди, склон-

ные к хитрости и обману, двоедушные. С такими людьми надлежит тайно вступить в шпионские сношения, щедро одарить их, привязать к себе. . . " Последнюю категорию шпионов Суньцзы назвал "шпионами жизни". По его определению, - это те, кто "возвращается с донесением". Короче говоря, это шпионы, засланные в чужую страну для собирания нужных сведений. Поскольку весь смысл их работы заключается в том, чтобы эти сведения доставить, они обязаны всячески стараться сохранить свою деятельность в тайне и вернуться к себе живыми. Отсюда и их название. Естественно, для такой работы необходим особый подбор людей. . .

Ду Му говорит: "В шпионы жизни надлежит выбирать людей внутренне просвещенных и умных, но по внешности глупых; по наружности - низменных, сердцем же - отважных; надлежит выбирать людей, умеющих хорошо ходить, здоровых, выносливых, храбрых, сведущих в простых искусствах, умеющих переносить и голод и холод, оскорбления и позор". Ду Ю указывает на другие качества этих агентов: "Выбирают та-

ких, кто обладает мудростью, талантами, умом и способностями, кто в состоянии сам проникнуть в самое важное и существенное у противника, кто может понять его поведение, уразуметь, к чему ведут его поступки и расчеты, уяснить себе его сильные стороны и, вернувшись, донести об этом мне". Мэй Яо-чэнь говорит, что нужно посылать умных и красноречивых. Сорай добавляет еще один разряд: людей, состоящих в дружеских отношениях с влиятельными имогущественными лицами у противника, теми, кто находится "на высоких постах и в высших рангах".

Сорай говорит то, о чем не упоминают его китайские коллеги более ранних времен: он учит, как нужно засылать таких агентов. Их следует засылать под видом "шаманов, бродячих отшельников, монахов, горожан (т.е. торговцев и ремесленников), врачей, гейш".

Можно посылать их и под видом послов". (Н.Конрад "Трактат о военном искусстве").

Ну, а что об этом говорят американцы? Бывший директор ЦРУ США адмирал С.Тернер в своих мемуарах признает важность и необходи-

мость акций влияния, тайных операций. "Это термин, объясняющий наши усилия повлиять на ход событий в иностранных государствах без демонстрации нашей роли (причастности)". Он пишет, что, хотя это и не имело прямого отношения к разведывательной деятельности сбору и обработке информации об обстановке в других странах, - однако осуществление тайных операций путем пропаганды через независимые и зарубежные источники информации, проведение политических акций и даже поддержки боевыми действиями полувоенных организаций всегда возлагались на ЦРУ. Как отмечает Тернер, если в сентябре 1947 г. при создании Центрального Разведывательного управления эта задача не обсуждалась в Конгрессе, то уже в декабре того же года Совет национальной безопасности (СНБ) США специально поручил ЦРУ проведение тайных "психологических операций". Об этом упоминал американский разведчик Гарри Розитцки в январе 1975 г. в статье "Американские секретные операции: перспектива" (Форен Аффэрс). В конце 1947 г. СНБ США возложил на ЦРУ ответ-

ственность за проведение "политических, психологических, экономических и проводимых специфическими средствами борьбы операций".

"Простой рационализм "холодной войны, - писал Розитцки, - требовал помочь остановить русских, и в этом наступательной миссии Белый Дом отдал ЦРУ свою собственную новую "секретную руку" политической борьбы".

К 1953 г. тайные операции пропагандистского, политического и военного характера проводились в 48 странах, т.е. более чем в половине стран-членов ООН в то время. Это пишет не прокоммунистический или советский журналист, а бывший директор ЦРУ, подтверждая, что в целях борьбы с СССР администрация США широко использовала в своей подрывной деятельности американские профсоюзы, студенческие ассоциации, частные фонды, которые привлекали к участию в акциях влияния своих партнеров за рубежом.

Правда, признает Тернер в своей книге "ЦРУ на перепутье", при огласке такие акции доставляют массу неудобств. Он приводит огромный

перечень акций влияния, осуществленных американской администрацией с помощью ЦРУ за последние 40 лет. Известно, что в этих акциях участвовали и дипломаты, и спецслужбы, и войска специального назначения.

А вслед за Тернером в книге "Секретные войны ЦРУ в 1981-1987 гг." американский журналист Боб Вудворд, получивший доступ к секретной информации, также подчеркивает важность акций влияния на изменение соотношения сил в мире. Вот бы ее перевели для российского читателя! Интересно, чего только не было наворочено за эти годы. Прочтите, если будет такая возможность.

Работая над своей книгой, я еще раз перечитал мемуары Тернера, других американских разведчиков и с большим сожалением отметил, что они недоступны для широкого круга наших молодых политиков-демократов. Если бы они познакомились с этими откровениями, то избежали, возможно, многих просчетов и ошибок в деле реформирования нашей страны. При внимательном прочтении они не упустили бы из виду,

что прочность любого государства обеспечивается совокупным использованием всего арсенала доступных средств политического и дипломатического искусства. В США и других странах об этом не забывают.

Специфическими орудием борьбы и их, и наши стеснительные политики называют агентуру. "Агентура влияния", как правило, не вербуется, она приобретает, завоевывается, воспитывается терпеливо, ненавязчиво, заботливо, услужливо. По американским взглядам, акции влияния и подбор агентуры для них должны осуществляться строго конспиративно. Конечная цель должна быть скрыта. Еще более конспиративную форму должно иметь финансирование подобных акций: различные международные конференции, общества дружбы с Америкой, - но ни в коем разе не допускать грубого прямого подкупа политика иностранной державы для действий в интересах США. Только в результате длительного и кропотливого труда появлялась возможность считать такого политика или государственного деятеля "агентом влияния", а последний и не догады-

вался, что считается "оберегаемым" или "особо оберегаемым источником". На языке нашей разведки это называется использованием объекта "втемную".

Вели ли американские ведомства такую работу в отношении СССР, ведут ли ее в отношении России? Думаю, что да, ибо нынешний государственный секретарь США У.Кристофер убежден, что "необходимость в американском лидерстве на мировой арене сегодня сильнее, чем когда бы то ни было".

Вряд ли такое лидерство придет само собой. Должны быть задействованы большие силы, которые и обеспечат успех выполнения поставленных целей. Вот именно здесь роль "агентуры влияния", как никогда, высока. За словами Кристофера, к сожалению, проглядываются конкретные шаги, направленные на "укрепление и развертывание подразделений, занятых психологическими операциями и гражданскими делами по оказанию помощи дружественным странам, а также поддержки иностранным государствам." (См.

Приложение: Доклад объединенного военно-

го командования США, 1992). Идеи и взгляды, изложенные в 1983 г. Кеннетом А.Ойе, Робертом Дж.Либером и Дональдом Ротшильдом в "Наглом орле" (внешняя политика США в 80-е годы)" (книга вышла в издательстве "Прогресс" в 1984 г.), продолжают жить в измененном виде.

Я перебираю в памяти все, что знаю по этому вопросу, что видел сам, что читал в документах, что слышал от других.

За всем стоят живые люди. Российские и иностранные граждане, которые не всегда виноваты в том, что их вовлекли в круговорот политических событий хитросплетения правительств, дипломатов и спецслужб. Все это не для печати, не для тебя, дорогой читатель. Прости.

... Я ушел от В.А.Лысейко часа через полтора. Мы хорошо поняли друг друга. А по пути домой я вспомнил мудрого стоика Сенеку. "Есть в беседе некая сладость, вкрадчивая и соблазнительная, и она-то не иначе, чем любовь или опьянение, заставляет выдавать тайны. А кто услышит, тот не промолчит, кто не промолчит, тот скажет больше, чем слышал, да и о говорившем

не умолчит. У всякого есть человек, которому доверяют столько, сколько ему самому доверено. Пусть первый даже не даст воли своей болтливости, пусть довольствуется одним слушателем, - их получится целый город, и то, что недавно было тайной, делается общим толком" (Письмо к Луцилию 105).

Могут сказать, что человек имеет право придерживаться другого образа мыслей, взглядов. Отвечу: имеет такое право, даже должен излагать их открыто, если смел и решителен. . . Но если он, честный и интеллигентный человек, видит, что им воспользовались для нанесения ущерба его государству и народу, то он оставит государственную службу и политическую деятельность и принесет покаяние.

Как-то в один из приездов в Москву бывшие американские разведчики в пылу откровенности за ужином в подвальном ресторанчике на Остоженке бросили неосторожную фразу: - Вы хорошие парни, ребята. Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы имеете право гордиться.

Даже ваши поражения демонстрировали мощь вашей разведки. Но пройдет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и Госдепартамент у вас наверху.

Шум приятельской беседы скрыл нашу настороженность, но в памяти она, эта фраза, осталась. Память после встречи выстреливала различные события, документы и разные имена.

Может быть, именно в этой фразе американцев и кроется разгадка, почему М.С.Горбачев, обладая максимумом достоверной информации о намерениях Вашингтона, пренебрег заветами Ю.В.Андропова, поддался чужому влиянию, потерял управление страной, свой первоначальный авторитет и не смог противостоять разрушению страны.

Я никак не могу найти ответа на вопрос, что повлияло на наше российское руководство и заставило его согласиться с рекомендациями "Акта о свободе для России и возникающих евразийских демократий и поддержке открытых рынков", утвержденного Сенатом и Палатой представителей США на 2-ой сессии 102 Конгресса 2

июля 1992 года, S 2532. Я перелистываю этот документ. Мне не приходилось сталкиваться раньше с таким циничным по названию и таким ультимативным по содержанию документом.

Анализируя сложившуюся обстановку после распада Советского Союза, американская администрация однозначно оценивает ее как весьма подходящую для практического воплощения своих долговременных замыслов и стратегии, предусматривающей прежде всего приоритетное решение экономических проблем США и укрепление американского мирового лидерства.

Вот лишь некоторые направления, на которых, считают американцы, необходимо сосредоточить свои усилия: - сокращение ядерного потенциала республик бывшего СССР; - усиление со стороны США давления на Международный валютный фонд с целью особого подхода к рассмотрению вопросов о помощи России; - создание выгодных условий для проникновения американского бизнеса на рынки новых независимых государств; - приоритетное техническое содействие России по демонтажу ядерных установок

и ликвидации ядерных отходов.

Такой подход к экономической помощи республикам бывшего СССР и России рассматривается новой администрацией Белого Дома как имеющий важнейшее значение прежде всего для собственной национальной безопасности в ближайшее десятилетие. Поэтому Соединенные Штаты продолжают уделять внимание анализу происходящих на территории бывшего Союза политических и экономических изменений, а также анализу состояния экологии, отдельных отраслей промышленности, сельского хозяйства, топливно-энергетического комплекса, разоружения и ядерной безопасности, развития предпринимательства, науки, образования с целью своевременного выявления наиболее благоприятных для американских инвестиций отраслей и проникновения на наш рынок американского бизнеса.

Масштабы и скоротечность происходящих в странах СНГ и самой России изменений вряд ли могут быть объектом пристального изучения только открытыми средствами, ибо это не даст

полной картины. Поэтому американцы и не отказывают нам во внимании со стороны своих спецслужб, но делают это в несколько завуалированной форме, смещая акценты и приоритеты. Большое беспокойство у них вызывает то обстоятельство, что бывший Советский Союз и сейчас продолжает представлять из себя зону повышенной опасности в связи с экономической, этнической нестабильностью и националистическими настроениями.

Кроме того, предполагается, что ядерные арсеналы нескольких государств, входящих в Содружество, будут оставаться единственным военным потенциалом, способным поставить под угрозу физическое существование Соединенных Штатов и Европейского Сообщества. В то же время представляется малореальным, чтобы бывший Советский Союз напрямую угрожал агрессией членам Североатлантического Альянса.

Американцы полагают, что при всех иных условиях дезинтеграция Советского Союза практически сводит на нет или в значительной степе-

ни уменьшает опасность возникновения военного конфликта со странами НАТО. В связи с этим Соединенные Штаты пересмотрели свои планы и приняли стратегию региональной обороны и концепцию передового присутствия, что влечет за собой сокращение как численности всех их вооруженных сил (на 25 процентов), так и количества воинских формирований, дислоцированных в Европе (на 50 процентов).

Американская администрация учитывает то, что Россия и бывшие республики СССР до сих пор располагают большим запасом современных обычных вооружений, потенциал которых будет продолжать играть важную роль при оценке обстановки в Евразии. Приходится также обращать внимание на неопределенность, которая сопровождает проблему окончательного уничтожения ядерного оружия, технологий и судьбы обученного технического персонала бывшего Советского Союза. Россия, конечно, останется ядерной державой, обладающей современными, разного рода назначения и живучими войсками. Какой-то ядерный потенциал сохранится и в других рес-

публиках СНГ. Кроме того, по мнению американцев, в настоящее время сложно предусмотреть, какими окажутся будущие экономические, политические и военные структуры бывших советских республик. Вероятность длительного пребывания в состоянии внутренней нестабильности, явившейся результатом экономических и политических реформ, и/или этнических, и/или религиозных противоречий, лишь усугубится, а также перспектива возврата консервативных, националистически, антизападно настроенных лидеров вызывают серьезнейшую озабоченность. В этом смысле последствия нестабильности и неопределенности могут быть драматическими.

Имеется широкий спектр условий, способных привести к конфронтации с Западом, - это прежде всего локальные конфликты между бывшими советскими республиками и/или их соседями, - к восстановлению централизованной власти советского типа. Невозможно пока дать точных оценок вероятных размеров и организованного строения вооруженных сил центра или отдельных республик. Также невозможно предвидеть,

какие основные политические интересы эти вооруженные силы должны будут защищать. Тем не менее, потенциальные кризисы и конфликты на территории бывшего СССР могут представить значительную опасность для Соединенных Штатов и НАТО; они продолжают учитываться при планировании строительства армии США и их союзников.

"Будучи государством, которое не ищет новых территорий, гегемонии, не стремится построить империю, Соединенные Штаты находятся в уникальном положении, когда им доверяют как мировому лидеру, - говорится в Объединенном Докладе Вооруженных сил США за 1992 год. - Старые друзья рассматривают нас в качестве стабилизирующей силы в жизненно важных регионах, новые друзья видят в нас источник вдохновения и безопасности. Соединенные Штаты имеют продолжительные культурные, политические и экономические связи по всему миру. Несмотря на то, что география предоставила Соединенным Штатам оборонительный щит, которого нет у других государств, наша национальная

безопасность крепко увязана с событиями за рубежом." Из этого положения следует, что существуют определенные условия построения внешней политики США, организации "гуманитарной помощи", а также определения политической роли в будущем принимающих эту "гуманитарную помощь" государств.

Эти условия и оговаривает "Акт 1992 года о свободе для России и возникающих евразийских демократий и поддержке открытых рынков".

Правительство США вправе проводить и защищать свои национальные интересы на территории любой страны. Вопрос сейчас в том, как мы заботимся о своих производителях, как стимулируем развитие собственного производства и какие меры принимаем, чтобы сотрудничество с иностранными партнерами стало взаимовыгодным? Между США, Европой и Азией усиливается борьба за российский рынок. Эта борьба ведется по нескольким направлениям: кредитное финансирование, внедрение своих технологий (в том числе сельскохозяйственных), создание обучающих бизнесцентров, создание обуча-

ющего телевидения и структуры общеобразовательной школы и вузов, создание системы медицинского страхования по своему образу, выпуск печатной продукции и программ TV.

Анализ "Акта о свободе для России и возникающих евразийских демократий и поддержке открытых рынков"- это не призыв к ограничению взаимовыгодных международных контактов, а попытка еще раз понять, где имеют место партнерские отношения и оказание действительно необходимой помощи переживающей тяжелый период стране, а где - хорошо продуманная политика подчинения американским интересам экономик новых независимых государств и России, работающих на мировое лидерство Соединенных Штатов Америки.

Хотелось бы также обратить особое внимание на то, что свободная инициатива граждан Соединенных Штатов и других стран Запада по выходу частного бизнеса на рынок России и бывших советских республик разворачивается строго в рамках государственной концепции, подкрепленной соответствующим законодательством и ак-

тивным участием государственных и правительственных структур.

С учетом этой бурно развивающейся тенденции, очевидно, было бы неплохо знать, а как обстоят дела в странах Содружества с умением и квалифицированным подходом к принятию такой помощи Запада. Существуют ли скоординированные программы на этом направлении, что думают по этому вопросу специалисты и ученые?

"Акт о свободе для России и возникающих евразийских демократий и поддержке открытых рынков" на самом деле можно обозначить как акт помощи национальным интересам США. Разделение внутри бывшего Союза, ошибки в экономике, отсутствие научно разработанной концепции национальных российских интересов, "гуманитарная помощь" делают новые независимые государства в действительности очень зависимыми от кредиторов. "Акт о свободе" на самом деле этой свободы не оставляет.

Наша страна уже далеко не та, которой она была 5 лет тому назад. Могучие силы исторического процесса нанесли ей такие удары, какие не

выпадали на долю какого-либо государства в течение многих веков. Кто-то этому радуется, кто-то испытывает чувство горечи и боли.

Перемена правления вызвала распад Советского Союза. Вместо прежней мировой сверхдержавы остались 15 республик, каждая из которых неизмеримо меньше и слабее прежнего СССР. От России отошли 22,3% территории бывшего Союза и половина его населения, значительные природные богатства.

Эти потери территории и населения оказались далеко не пропорциональны тем утратам, которые Россия за короткое время потерпела в экономике, обороноспособности, международном положении. Качественные изменения многократно превышают количественные.

Исчезли союзные, дружественные государства на наших западных границах. Только Белоруссия остается лояльной по отношению к России. Три страны Балтии и Украина демонстрируют враждебность, не скрывая при этом, что в любых спорах с нашей страной они опираются на поддержку влиятельных мировых сил. Различие

между ними состоит лишь в том, что когда нынешние лидеры Литвы, Латвии и Эстонии заявляют нам о своих глубоких антипатиях, им можно верить, а когда руководители Украины заверяют нас в своих добрососедских чувствах, верить им нельзя.

Резко возросла опасность, которая проистекает от исламского фундаментализма. Чеченский мятеж - лишь часть этой угрозы, которая имеет тенденцию к консолидации на южных границах России. Она неизбежно будет возрастать по мере углубления наших внутренних неурядиц, продолжения экономической разрухи, ослабления российской государственности.

Состояние экономики и перспективы хозяйственного развития страны предстают в самом мрачном виде. Невозможно равнодушно пройти мимо следующих цифр, официально обнародованных, а значит и официально признанных.

За 1991-1995 годы падение производства достигло ужасающих масштабов и привело к резкому падению жизненного уровня большинства населения, реальные доходы которого сократились

в 3-4 раза. За чертой бедности оказались 34,9 миллионов, или 23% российских граждан. Но в действительности дело обстоит еще трагичнее. Если сравнить с международными стандартами, то наша средняя зарплата фактически представляет порог бедности, ниже которого сейчас находится около 70% ее "получателей".

Большинство наших граждан стали хуже питаться. На общем фоне ухудшения питания населения и продолжающегося развала здравоохранения произошло сокращение средней продолжительности жизни россиян. В стране сложилась крайне серьезная демографическая ситуация: в 1995 году естественная убыль (преобладание смертности над рождаемостью) составила 600 тысяч человек, а всего за годы реформ - 3 млн. человек. Средняя продолжительность жизни мужчин в России сейчас упала до 59 лет.

Это означает, что многие наши мужчины умирают до выхода на пенсию.

В целом можно сказать, что произошло обнищание низко- и среднеоплачиваемых слоев населения, уменьшились доходы и части высоко-

оплачиваемых граждан. К немногочисленной категории счастливых, которые за последние пять лет повысили свое благосостояние, относятся средние и крупные предприниматели, банковские и биржевые деятели, отдельные высококвалифицированные творческие работники и коррумпированные чиновники. По самым различным источникам, размер взяток и масштабы взяточничества росли настолько быстро, что криминализация управленческих структур стала достигать приобретать черты национальной катастрофы. Для "новых русских" действительно наступили благодатные времена. Но для других перемены в социальной обстановке несут одни невзгоды. Как же все это отразилось на положении России в мировом сообществе? По уровню жизни Россия к началу перестройки занимала в мировой иерархии вполне приличное место в конце второго- начале третьего десятка. В 1995 году она опустилась на 119-ю ступень. Таким образом, налицо не только количественное сокращение, но и качественное ухудшение человеческого потенциала России. Вот это представляет, пожа-

луй, наибольшую угрозу национальной безопасности.

По данным Центра комплексных социальных исследований и маркетинга "Круглого стола бизнеса России", в стране сейчас насчитывается около 3% богатых, или "новых русских". К ним относятся те, кто "довольствуется" более чем 60 миллионами рублей на члена семьи в месяц. Тринадцать процентов "новых русских" ежемесячно обеспечивают каждого домочадца 276 млн. рублей. Достоверно известно, что никто из них не нажил состояния в сфере производства.

Разрыв доходов между доходами бедных и богатых в большинстве развитых стран колеблется от 1:6 до 1:9. Если он превышает соотношение 1:10, то, по мировым стандартам, общество вступает в зону социальной нестабильности. В 1990 году этот разрыв в России составил 1:5, в 1995 году - 1:14,6.

Развитие внутривнутриполитической обстановки в стране, на котором сказались и хозяйственный упадок, и падение жизненного уровня, и социальная дифференциация и рост преступности, при-

вело к значительным переменам в общественном сознании. Большинство населения критически оценивает происходящие в стране события и считает, что Россия превратилась в одну из самых дорогих (по стоимости потребительских товаров) стран мира, а Москва - в самую дорогую (после Токио) столицу. Соотношение между прибылью и заработной платой, что в ученых трудах называется нормой эксплуатации, для нашей экономики в целом подскочило с 53% в 1994 году до 74% в 1995 году, а применительно к промышленности соответствующие показатели составили 72% и 103%.

После введения "президентской" республики граждане Российской Федерации не столько опасаются гражданской войны (56%) и безработицы (29%), сколько шквала преступности (83%).

Это говорит о размывании социальной базы новой власти, ослаблении гражданских основ вводимых сверху "демократических" порядков и порождаемых этими процессами глубоких трещинах в механизме национальной безопасности.

Минэкономики, Минфин, Центробанк недав-

но составили прогноз, в соответствии с которым общий уровень производства в стране к 2001 году достигнет 103% от уровня 1995 года, что составит примерно половину объема продукции, выпущенной в 1990 году. По их оценкам, последние годы нынешнего тысячелетия станут для России периодом депрессии, характеризующейся прекращением спада, началом медленного оживления промышленности и продолжающейся стагнации сельского хозяйства, постепенно затухающей, но все же высокой инфляцией, болезненной безработицей, низким уровнем жизни и высокой дифференциацией доходов.

Если суждено сбыться этому прогнозу, то Россия в своем развитии окажется отброшенной на 30 лет назад, а от всех других стран, которые не постигли бедствия гайдаровских реформ, отстанет еще больше.

Дело заключается не только в том, что территория и население России уменьшилось по сравнению с СССР. А в том, что ее преобразования осуществлялось пагубными средствами, которые подорвали ее экономический потенциал в значи-

тельно большей степени, чем сократилось суммарное производство выпускаемой в стране продукции. Произошли качественные изменения, поистине разрушившие саму основу экономического развития. Речь идет о прекращении нормального научно-технического прогресса.

Уничтожены многие наукоемкие и технологически передовые производства. Прекращены исследования на многих перспективных направлениях. Брошены на произвол судьбы крупные научные школы и рабочие коллективы, занимавшиеся разработкой техники и технологий будущего. Россия попала в зависимость от импорта, несущего гибель тысячам фабрик и заводов, десяткам тысяч сельских хозяйств. От напастей нет спасения без радикального изменения государственной экономической политики.

Если общий объем промышленного производства за "пятилетку" сократился несколько более, чем в два раза, то его падение в машиностроении и химии шло с опережением среднего "графика".

Экономическая разруха, финансовая дестабилизация и серьезные социальные трудности обу-

словили крайне опасный спад сельскохозяйственного производства и вообще расстройство всей деревенской жизни. По заключению специалистов, в большинстве случаев производство сельхозпродукции в России нерентабельно и поэтому почти нет желающих покупать землю и вкладывать деньги в эту отрасль. Если в 1992 году было создано 134 тыс. фермерских хозяйств, то в 1993 году появилось лишь 87 тыс. новых ферм, в 1994 году - 9 тыс., а в 1995 году - одна тысяча. Пятьдесят пять процентов всех фермерских земель уже заброшены. Расчеты на значительное увеличение количества и процветание фермерских хозяйств не состоялись. В результате в сельском хозяйстве сложилось катастрофическое положение и Россия оказалась на пороге утраты продовольственной безопасности.

Помимо процесса экономической деградации, постсоветская Россия испытывает на себе пагубное влияние и других разрушительных факторов, серьезно подрывающих ее внутренние порядки и внешние позиции.

В 1993 году директора Гарвардского универ-

ситета США, Международного центра японских исследований и российского Института востоковедения (Грэм Аллисон, Хироси Химура и Константин Саркисов) опубликовали совместное исследование, в котором констатировалось, что одним из приоритетов для новой власти в Москве является "сохранение российской государственности, вопреки могущественным дезинтеграционным силам". Подобное утверждение имеет под собой реальную почву.

По представлению ряда видных отечественных и зарубежных ученых, в ближайшие 10-15 лет перед Россией может реально встать угроза расчленения на шесть самостоятельных государственных образований: Западную Россию, Урал, Западную Сибирь, Восточную Сибирь, Дальний Восток, Северные территории. Высказываются и более пессимистические прогнозы, согласно которым, вполне возможна постановка вопроса о полном отделении от России (в государственном отношении) Татарии, Башкирии, Осетии, Чечни, Калининградской области, Тувы, Бурятии, Калмыкии и других.

Глубокий экономический кризис и возрастающие жизненные трудности стимулируют сепаратистские настроения. Региональные и этнические лидеры, многие рядовые жители все чаще задумываются над тем, что если центральная власть не может навести в стране порядок, то надо самим браться за это дело.

Заявления местной политической и хозяйственной элиты, пропитанные духом "обособленчества", стали чуть ли не повседневными. Буквально выпирают амбиции многих республиканских, краевых и областных руководителей, провозглашающих от имени своих избирателей "Хочу быть Швейцарией!" Ссылаясь на известное заявление Президента Ельцина: "Берите суверенитета столько, сколько сможете переварить", лидеры регионов настойчиво ставят перед Москвой вопросы о разграничении полномочий. При этом некоторые из них пытаются очень своеобразно трактовать понятия политической и экономической свободы, доводя их до признания полной автономии.

Откуда пошла такая тенденция? Ситуация

развала, сумятицы, анархии выгодна криминальным группам и всякого рода авантюристам. Она создает благоприятные условия для головокружительных карьер и молниеносных обогащений.

Возникновение новых государственных образований, как свидетельствует опыт, способствует реализации весьма заманчивых проектов мафиозных структур. Введение новых денежных знаков позволяет организовывать выгодные для деятелей финансовобанковской сферы игры по обмену валют. Вывод войск из получивших независимость территорий дает возможность предпринять распродажу военной техники, боеприпасов и недвижимости. Получение новыми государственными образованиями целевых и иных кредитов из-за рубежа "для поддержки демократии" фактически облегчает расхищение этих кредитов отдельными представителями новой власти. Таможенное обустройство новых границ открывает перспективу существенного пополнения своего достатка за счет контактов с деятелями контрабанды. Провозглашение национального языка государственным вызывает сопутствующие этому

процессу кадровые перемещения и установление контроля со стороны новых групп над ключевыми постами, каналами коммуникаций, товаропотоками, финансовыми средствами.

За прошедшее после развала СССР время на российском политическом поприще четко проявили себя некоторые весьма колоритные личности, выступающие с апологией сепаратизма, иными словами, - ведущие дело к развалу России. Эти люди широко известны.

Можно сколько угодно убаюкивать общественность, настойчиво доказывая, что нет ничего страшного в преобразовании краев и областей в республики, а республик - в фактически полностью автономные государственно-территориальные образования. Но истинное значение сепаратизма уже давно вскрыто и убедительно продемонстрировано в трудах ученых и весьма известных государственных деятелей. Как утверждают отцы-основатели США Мэдисон и Джей (их книга "Федералист" была издана в конце XVIII столетия), если каждый штат введет свои налоги, законы и таможенные пошлины,

страна распадется на части.

Вслед за тяжелыми материальными условиями жизни и угрозой территориальной целостности РФ наибольшую опасность для внутреннего положения России представляет разгул преступности и коррупции. Неспособность исполнительной власти и в первую очередь силовых структур обеспечить защиту населения от террористов и грабителей, жуликов и мошенников, взяточников и казнокрадов становится еще одним фактором деградации страны.

Когда речь идет о головокружительно быстром сколачивании крупных состояний, то следует напомнить, что механизмы этого обогащения находятся под тотальным контролем организованной преступности.

Специалисты утверждают: в России практически за всеми видами бизнеса, дающего сверхдоходы (до 85% коммерческих и банковских структур), "надзирают" преступные сообщества.

Сегодня организованная преступность напрямую угрожает безопасности самого общества и государства. Проникнув во все представи-

тельные, исполнительные и правоохранительные структуры, она напрямую заявляет о своих претензиях на государственную власть.

По официальным данным, ежегодно в России совершается около трех миллионов правонарушений. Но, по мнению председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Виктора Илюхина, реальное число преступлений намного больше - 10-12 миллионов. Далекое не все пострадавшие обращаются в милицию и суд, боясь расправы со стороны преступников. Страх заставляет людей молчать.

Если раньше "авторитеты" мира старались не "светиться", то теперь они вышли из "подполья", заняли "теплые" места и при случае без стеснения демонстрируют свое богатство, силу и влияние. Более того, стараются протолкнуть своих людей в федеральные и местные органы власти, чтобы иметь надежную защиту и гарантии для обогащения.

Начиная с 1992 года организованная преступность стала устанавливать зоны своего влияния во всех сферах, сулящих материальную выгоду.

Во многих регионах России сложились и активно действуют устойчивые преступные группировки, которые фактически паразитируют на структурах, занимающихся бизнесом (поборы с коммерческих фирм, получение доли прибыли от крупных сделок, "возврат" долгов по найму за проценты, участие в сделках в качестве "гарантов" и т.п.). Имеют место попытки поборов уже и с государственных структур под видом их охраны от рэкета. Широкое распространение получили заказные убийства бизнесменов и руководителей банков.

Не меньшую, если не большую, общественную опасность представляет коррупция. Как указывалось в докладе на сессии Государственной Думы по борьбе с коррупцией, "коррупция, как ржа, поразила государственные структуры, кредитно-финансовую систему, бизнес.

Она стала опасным тормозом демократических преобразований, сводит на нет результативность любых государственных программ, ставит под угрозу национальные интересы страны, ее безопасность, создает реальную угрозу конститу-

ционным правам и свободам граждан".

В последние годы одним из распространенных и опасных видов организованной преступности и коррупции является контрабанда, наносящая существенный экономический и политический ущерб Российской Федерации.

Процветает незаконный вывоз за рубеж сырья, энергоносителей, металлов, других стратегически важных ресурсов. Значительного размаха достигла практика несанкционированной реализации рыбы и морепродуктов российскими промысловыми судами в иностранных портах, где они продаются ином фирмам по демпинговым ценам. Происходит широкомасштабное расхищение рыбных запасов России.

Обострилась проблема контрабанды оружия. Получили распространение контрабандные операции, связанные с хищением оружия на заводах-изготовителях, в воинских частях. Правоохранительные органы регулярно срывают отдельные попытки незаконного вывоза из страны новейших образцов вооружения и военной техники, передовых технологий, а также сырья и мате-

риалов, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения; ввоза в Россию преступными группировками автоматического оружия зарубежного производства. Однако их усилия далеко неадекватны сложившемуся положению.

По мнению специалистов, организованная преступность в России накопила огромные капиталы и заявляет о своих претензиях на государственную власть, представляя таким образом серьезную угрозу национальной безопасности.

В начале 1996 года Российский независимый институт социальных и национальных проблем подготовил аналитический доклад "Массовое сознание россиян в период общественной трансформации". Этот исследовательский материал, построенный на основе проведенных опросов представителей различных социальных групп, содержит интересные сведения об умонастроениях и психоэмоциональном состоянии населения России.

Из полученных результатов наиболее пока-

зательными являются следующие: Самым распространенным в 1995 году негативным чувством, которое испытывали россияне, было чувство стыда за нынешнее состояние своей страны; - Еще одно доминирующее чувство - ощущение несправедливости всего того, что их окружает, дополняемое настроением, что дальше так жить нельзя; - В числе доминирующих негативных чувств - чувство страха перед беспределом и разгулом преступности, которое в несколько раз по своей распространенности перекрывает практически все позитивные умонастроения.

Внутренние слабости России во многом определяют шаткость ее международного положения. Имевшие место в последние годы изменения внешнеполитических позиций свидетельствуют о падении статуса нашей страны в мировом сообществе, ее сползании на уровень второразрядной державы.

Девальвация рубля и постоянный рост внутренних цен психологически изматывают большинство населения страны, которое начинает все

более безразлично относиться и к очередным экономическим, и политическим экспериментам, и к выборам своей собственной власти. При этом, однако, накапливается и внутренний протест, который может реализоваться в самых острых и разрушительных формах.

Дело в том, что даже самый неискушенный в экономических и финансовых вопросах российский обыватель, прекрасно видит, как разрушается отечественная производственная база под влиянием наплыва иностранных товаров. Если доля импортных изделий в товарных ресурсах России в 1990 году была менее 10%, то в 1995 году она составила уже более 50%.

Открыв широкий доступ к отечественным рынкам иностранному импорту, нынешняя правящая элита разоряет российскую промышленность и одновременно увеличивает производственные мощности наших конкурентов.

Последствием утраты Россией прежнего положения в мировой экономике и военной стратегии стали глобальные изменения в международной торговле оружием. Произошло почти дву-

кратное сокращение всемирного рынка вооружений, и все страны с высокоразвитым ВПК испытывают в связи с этим определенные трудности. Пока лишь США удастся решать свои проблемы за счет наступления на позиции основных конкурентов.

Военный сектор мировой торговли превратился из двухполюсного в однополюсный. Если в середине 80-х годов на долю СССР и его союзников приходилось 45% рынка вооружений, а на долю стран НАТО - 38%, то сейчас это соотношение составляет соответственно 12 и 73%. Помимо военно-стратегических изменений не в пользу России, наша страна теперь ежегодно недополучает примерно 10 млрд. долларов от внешнеэкономической деятельности.

Экономический и общественно-политический кризис на территории СССР, последовавший за этим развал государства вызвали к жизни изменения мировой геополитической обстановки. Рухнул единый блок восточноевропейских стран, получил новый стимул общеевропейский интер-

национальный процесс, более отчетливо стал складываться единый Азиатско-Тихоокеанский регион. На смену биполярной цивилизации пришла мультиполярная структура с противоречивыми интересами и целями. Монополизм единственной оставшейся супердержавы, североамериканской (с США как безусловным лидером и Мексикой и Канадой на южном и северном флангах), порождает борьбу сразу нескольких новых центров за право заполнить образовавшиеся "геополитические дыры".

Самые многообещающие перспективы приходятся на долю Азиатско-Тихоокеанского региона. По оценкам специалистов, через 20-25 лет Китай превратится в первого мирового экономического гиганта. При определенных условиях Тайвань, Гонконг и Сингапур могут составить вместе с Китаем и Вьетнамом новый вид содружества наций, аккумулирующего финансовые возможности Тайваня (первое место в мире по размерам золотовалютных резервов), управленческие возможности и разветвленные связи Гонконга, сбытовую сеть и сферу финансовых, по-

среднических, информационных и транспортных услуг Сингапура с огромным потенциалом континентального Китая и Вьетнама (рабочая сила, сырье, рынок сбыта и арена приложения капиталов). "Укрупненный" таким образом Китай станет не только одним из ведущих импортеров, но и грозным конкурентом на экспортных рынках мира.

На повестке дня стоит создание под главенством Китая геополитической Восточной Азии, которая в экономическом отношении будет явно превосходить США. С момента своего создания эта система вступит в сырьевой кризис и обратит свое внимание на российский Дальний Восток.

США, заключившие в 1989 году с Канадой и через год с Мексикой соглашение о зоне свободной торговли, положили начало реализации "инициативы для Америки", предусматривающей создание зоны свободной торговли на территории от Аляски до Огненной Земли, т.е. пан-американского экономического пространства.

Такая нацеленность на установление североамериканского доминирования по всему континенту

ненту говорит о том, что США уже начали учитывать вероятность снижения доли своего политического и экономического влияния в мировом масштабе.

С другой стороны, страны азиатско-тихоокеанского региона (АТР), в первую очередь Япония и Китай, рассчитывают через 10-15 лет создать в Азии интеграционное экономическое пространство, по масштабам сравнимое с североамериканским или западноевропейским.

Европейское экономическое сообщество во главе со стремительно набирающей силу Германией укрепляет свои позиции чистых кредиторов на международном рынке ссудных капиталов. Развивается Европейская валютная система, что вызывает возрастающие опасения США, которые не желают, чтобы Европейский валютный фонд стал серьезным конкурентом МВФ, где пока наиболее сильным является влияние американцев.

Объединение Германии завершило важный этап создания европейского сообщества. К нача-

лу XXI века поднимется новый мировой гигант - европейская экономическая зона, которая усилит конкуренцию с США. России также угрожает столкновение ее интересов с интегрирующейся Западной, Центральной и Восточной Европой.

Исламский мир во главе с Ираном и некоторыми арабскими странами доставляет США значительные заботы. Они прилагают большие усилия, чтобы создать систему сдерживания "экспансионистских замыслов исламских фундаменталистов". Это связано, между прочим, с положением Ближнего Востока как одного из ключевых звеньев американской глобальной системы (в районе Персидского залива расположено 66% разведанных мировых запасов нефти).

Наличие зон вооруженных конфликтов на территории СНГ - азербайджаноармянской, грузино-абхазской, грузино-осетинской, молдавско-приднестровской, таджикской, ингушско-осетинской, чеченской привели к обращениям за иностранной военной помощью: Молдовы к Румынии; Грузии к США; Азербайджана к Турции; Армении к Ирану. Вме-

шательство третьих стран в локальные этнические и межгосударственные конфликты, а также в очаги гражданской войны на территории бывшего Союза грозит России чрезвычайной опасностью - быть втянутой в длительные и изнуряющие страну военные действия.

Распад СССР и провал проекта ССГ вовлекли нынешнее постсоветское пространство в ситуацию опасной нестабильности, охватывающую 26 стран, где вооруженные столкновения стали повседневным явлением. Первоочередная задача России заключается в том, чтобы выйти из такого положения. Поэтому, как считают специалисты, интеграция стран в постсоветском пространстве представляется ныне, пожалуй, одним из немногих реальных путей выживания и, в перспективе, эффективной модернизации их экономики и общественного устройства.

Экспертные прогнозы говорят о том, что если России не удастся пойти по этому пути, то вполне возможны следующие два варианта ее будущей судьбы. Вопервых, она может стать сателлитом (сателлит - государство, формально неза-

висимое, но по существу подчиненное другому, более сильному государству) США, ЕС, Японии или Китая со всеми вытекающими из этого последствиями, как то: а) бременем невыплаченных долгов, которые, как показывает мировой опыт, и не удастся выплатить; б) высокой смертностью и социальной незащищенностью населения; в) варварским уничтожением экологических ресурсов, которые и без того требуют срочных охранных мероприятий; г) уничтожением национального достоинства, что для России может, пожалуй, стать самым болезненным.

Но тот факт, что уже сегодня Россия рассматривается на Западе в качестве третьестепенного государства, делает наиболее вероятным второй вариант, при котором соперничество за ее сырьевые ресурсы приведет к компромиссу между имеющимися претендентами.

Тогда неизбежно деление России на зоны влияния с соответствующими национальными государствами или группами государств и поддержание в дезинтеграционном состоянии всего постсоветского пространства. При этом Европа будет

стараться не пускать американцев в западные регионы России, Япония - на Дальний Восток, а Китай - в Сибирь и Приамурье.

В принципе допустим еще один вариант, но только если состоятся радикальные изменения политического курса верховной власти. Таких изменений, которые исключали бы казусные ситуации, когда, например, накануне встречи "большой семерки" в Токио президент категорически поддерживал продажу ракетной технологии Индии, а после общения с американским президентом возможность контракта с Дели была пересмотрена с отказным результатом. Вспомним также, что на встречу "семерки" в Неаполь Б.Н.Ельцин летел, имея намерения не выводить российские войска из Прибалтики до решения проблем русскоязычного населения. Получив некоторые устные обещания от господина Клинтона о денежном вспомоществовании (впоследствии не полностью исполненные) Президент России переменял свою позицию.

Итак, третий, достойный для России вариант, может быть реализован только в новых условиях

ее внутреннего устройства, которые сделают возможным проведение серьезно скорректированного внешнеполитического курса.

По мнению независимых международных экспертов, обновленная внешняя политика России должна исходить из идеи укрепления СНГ, равноправного партнерстве с Западом, усиления связей с Востоком, создания благоприятной для экономических реформ внешней обстановки, активной защиты интересов России.

Интеграционные процессы, которые происходят и будут происходить в СНГ, косвенно влияют на связи России с другими государствами, в частности, с США. Специфика такой интеграции заключается в разных уровнях интеграционного процесса. Отдельные его участники могут образовать "передовую группу" и пойти гораздо глубже по пути объединения своих экономик, создания наднациональных структур, которым будет делегирована часть суверенитета, как это делается в Западной Европе, при сохранении независимости государств. Есть шанс, считает министр иностранных дел Примаков, что больше всего

Россия продвинется в достижении таких договоренностей с Белоруссией, а далее, возможно, с Казахстаном и Киргизией. И это может стать одним из раздражителей в отношениях России с США и некоторыми западноевропейскими странами. Но отказываться от интеграции нельзя.

Отношения России со своими бывшими противниками в "холодной войне" составляют одну из главных ее внешнеполитических проблем. С западными странами нужно говорить о "цивилизованном партнерстве, с некоторыми - о привилегированном партнерстве". Но во всяком случае это партнерство должно быть равноправное, а не партнерство ведущего и ведомого.

Диалектика внешней политики заключается сейчас для России в том, чтобы более активно, более эффективно отстаивать свои интересы, но в то же время не давать сползать событиям к конфронтации, к "холодной войне".

А приоритные направления внешней политики - борьба против дестабилизирующих факторов, попытка погасить те "горячие точки", которые есть в мире, активное участие в ликвида-

ции конфликтных ситуаций, выступления против международного терроризма, создание наиболее благоприятных условий для экономического развития и сохранения целостности РФ. Поэтому надо проводить многовариантную, активную политику по всем азимутам, где затрагиваются интересы России. Причем при переходе от двухполюсного мира к многополюсному Россия должна сыграть роль контрбаланса тех негативных тенденций, которые проявляются в международных делах.

Подведем некоторые итоги. Резкое сокращение совокупной мощи нынешней Российской Федерации по сравнению с СССР, изоляция страны с Запада и Юга "ближним зарубежьем", возникновение "очагов нестабильности", утрата союзников повлекли за собой серьезные негативные последствия для ее национальной безопасности. Россия оказалась задвинутой вглубь евразийского континента, возвратившись в геополитическом отношении к допетровским временам.

В этих условиях усилия США направлены на

то, чтобы вытеснить Россию из мировой политики и расширить свое влияние до ее новых границ. Провозгласив себя единственной сверхдержавой и лидером, призванным осуществлять руководство миром, они намерены настойчиво заполнять военно-политический вакуум в Центральной Европе, образовавшийся после распада Варшавского Договора, усиливать свое воздействие на бывшие советские республики, особенно на Прибалтику, Украину и Казахстан, не допустить какого-либо сближения стран СНГ.

В конечном счете цель США заключается в том, чтобы воспрепятствовать выработке и осуществлению Россией политического курса по защите своих интересов, вытекающих из принципиально новой для нее геополитической реальности, превратить эту державу во второстепенную региональную "единицу" и, навязав ей "равноправный альянс", заставлять подчиняться американским требованиям.

России сегодня трудно противиться давлению извне, которое возрастает еще и благодаря поддержке внутренних компрадорских элемен-

тов, широко использующих ее слабости, порожденные порочной стратегией саморазрушения. Но принципиальная возможность возрождения нашего Отечества пока сохраняется.

Господи! Если ты есть и все видишь, вразуми правителей России конца XX века вспомнить и заставь их выполнить пять заветов Великой Екатерины II о правилах управления государством, начертанных ею 200 лет тому назад: 1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.

2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.

3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.

4_6. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.

5_6. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

6. Нужно часто себя спрашивать: справедливо ли это начинание, полезно ли".

ГЛАВА 10. АФГАНИСТАН

Тайны мира, как их записал я в тетрадь,
Головы не сносить, коль другим рассказать.
Средь ученых мужей благородных не вижу,
Наложил на уста я молчанья печать.

Омар Хайам

Поздней осенью 1991 г., где-то разыскав мой телефон, мне позвонил корреспондент "Красной Звезды" Михаил Болтунов, автор повести "Альфа" сверхсекретный отряд КГБ". Он рассказал, что работает над книгой об участии чекистов в войне в Афганистане и спросил, не смог бы я помочь ему в этом как непосредственный участник событий. Я отказался, так как говорить о руководстве подразделениями специального назначения было запрещено. Тем не менее данные об участии спецназа КГБ разными путями просочились в прессу, их стали широко использовать не только перебежчики (например, Гордиевский и Кузичкин), но и некоторые зарубежные и российские политические деятели и журналисты для нападок на нашу разведку и армию и в целях внутренней политической борьбы. Ведь ничем другим нельзя объяснить произошедший

в конце декабря 1993 г. всплеск негативности в радиопередачах "Молодежного канала" и публикациях в прессе о войне в Афганистане.

Бывшие помощники М.С.Горбачева в своих статьях в российских газетах в 1992-1993 гг., затрагивая афганскую тему, приоткрыли даже "особую папку". Многие секреты стали известны, но многое все-таки останется тайным еще надолго. Поэтому пусть читатель не ругает меня за недосказанность. Интересы Родины превыше всего.

Впервые с афганской проблемой мне пришлось столкнуться в Нью-Йорке. Внимательный анализ ситуации еще в 1978-79 гг. подтверждал обоснованность тревоги руководства СССР за состояние самых южных границ страны. Изменения в политической жизни Афганистана в 1978 г. серьезно обеспокоили противников Советского Союза, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено активно с помощью специально подготовленной агентуры противодействовать укреплению режима Тараки.

Американские разведчики, готовившие аген-

туру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут, что создадут международную вооруженную коалицию сопротивления новому демократическому режиму и всеми силами будут добиваться ослабления советского влияния в стране, вплоть до развертывания басмаческого движения в советской Средней Азии.

Как бы я хотел, чтобы дело ограничивалось только подобными неосторожными высказываниями американских разведчиков в беседах с агентами. Но все свершившееся потом было практическим осуществлением этих замыслов.

С какой целью? Закрепление в Афганистане приблизило бы США к уникальной кладовой мира - Таджикистану, где уместились все элементы таблицы Менделеева и притом высокого качества.

В период "атомного бума" Советский Союз провел тщательную разведку на Памире. Результаты этой разведки, ставшие известными на Западе, особенно касающиеся перспективных залежей урановой руды, давно не дают покоя моно-

полистам многих стран. А в нынешней России - всего одно единственное месторождение урана и других альтернативных нет. Поэтому сегодня всеми силами Россию пытаются вытеснить из Таджикистана, спешат построить из Исламабада в Памир автомагистраль, проложить новый Шелковый путь через Горный Бадахшан. С 1895 г. Россия имеет хорошие отношения с Горным Бадахшаном, когда население Памира добровольно присоединилось к ней.

И сейчас, когда Россия несет основную нагрузку, оказывая экономическую и военную помощь Таджикистану, за ее спиной ряд западных и израильских фирм пытаются перехватить эти источники и добычу полезных ископаемых.

Недавно в Душанбе побывал гражданин Израиля Аркадий Фукс, который вел с местными руководителями переговоры о том, как не пускать в Таджикистан русские компании, а через подставные (американские, английские, китайские) фирмы произвести захват горнодобывающей промышленности Таджикистана.

При чем тут Таджикистан, если речь идет об

Афганистане?

Да при том, что все это начиналось еще тогда, в 70-е годы. И речь тогда, в 1978-1979 гг., шла о необходимости защиты южных рубежей нашей страны, о сохранении в руках советского народа перспективных источников энергии и других богатств Памира. Разведка предупреждала о возможном развитии событий. А сегодня? Практически только 201-я мотострелковая дивизия и наши пограничники своими силами и кровью гарантируют безопасность закулисных сделок западных фирм по вытеснению России из экономики Таджикистана, в создании и развитии которой она принимала и принимает непосредственное участие. Парадокс!

Инертность России в этом регионе может обойтись ей дороже, чем ошибочное решение советского руководства о вводе войск в Афганистан в 1979 году.

Бывший директор ЦРУ С.Тернер в своих мемуарах даже утверждает, что они о предстоящем вводе нашего ограниченного контингента узнали заблаговременно, а следовательно, администра-

ция Соединенных Штатов имела возможность, если бы хотела, воспрепятствовать этому. Располагая практическим опытом ведения длительной войны на чужой территории (Вьетнам), военно-политические круги США внимательно следили за развитием обстановки в зоне разраставшегося конфликта в Афганистане.

Несмотря на то, что от технических средств американской разведки не ускользнули произведенные перемещения некоторых соединений и командующих военными округами, среди американских политических деятелей и аналитиков разведки в то время все же не было единого мнения о готовности и возможности осуществления Советским Союзом военного вторжения в Афганистан. Эксперты при этом исходили из того, что более глубокое втягивание нашей армии в афганский конфликт ляжет тяжелым бременем на экономику нашей страны, не говоря уже о потерях в человеческих ресурсах, чего, безусловно, не избежать. Но можно однозначно сказать, что среди немногих, кто страстно желал всего этого, был известный своим иезуитским отношени-

ем к СССР Збигнев Бжезинский, рассматривавший обескровливание Советского Союза в афганской войне как своего рода компенсацию тех потерь, которые США понесли во время вьетнамской кампании.

Наряду с традиционными методами ведения разведки американцы определенное значение придавали проведению в Афганистане тайных операций военного характера, на что в дополнение к уже утвержденному бюджету Центральное Разведывательное управление получило от Конгресса США 40 млн долларов. ЦРУ в Афганистане понастоящему воевало с СССР. Об этом довольно обстоятельно пишет в газете "Вашингтон пост" американский журналист Стив Колл.

Он сообщает, что в октябре 1984 г. военнотранспортный самолет С-141 "Старлифтер", на борту которого находился директор ЦРУ Уильям Кейси, приземлился на базе ВВС южнее Исламабада. Директор ЦРУ совершил эту секретную поездку для планирования стратегии войны против советских войск в Афганистане. Вертолеты доставили Кейси в три секретных учебных лагеря

близ афганской границы, где он наблюдал, как повстанцы-моджахеды вели огонь из тяжелого оружия и учились делать бомбы из пластиковой взрывчатки и детонаторов, поставляемых ЦРУ. Во время визита Кейси поразили пакистанских лидеров, предложив им перенести афганскую войну на вражескую территорию - в Советский Союз. Кейси хотел переправлять подрывные пропагандистские материалы через Афганистан в южные республики СССР, где проживает преимущественно мусульманское население. Пакистанцы, по словам пакистанских и западных официальных лиц, согласились, и вскоре ЦРУ поставило тысячи экземпляров Корана, а также книги о советских зверствах в Узбекистане и брошюры об исторических героях узбекского национализма.

Как рассказал пакистанский генерал Мохаммед Юсаф, Кейси заявил: "Мы можем причинить много вреда Советскому Союзу".

Визит Кейси был прелюдией к секретному решению администрации Рейгана в марте 1985 г., нашедшему отражение в директиве по национальной безопасности N 166, о резком усиле-

нии секретных операций США в Афганистане. Оставив политику простого противодействия советским войскам, команда Рейгана тайно решила применить на поле боя в Афганистане американские высокие технологии в сочетании с военным искусством и попытаться поразить и деморализовать советских командиров и солдат. Эта новая тайная помощь США началась с драматического увеличения поставок оружия, а также с "непрерывного потока" специалистов из ЦРУ и Пентагона, которые приезжали в секретную штабквартиру управления (УМР) Пакистана, находящуюся близ Равалпинди. Там специалисты ЦРУ встречались с офицерами пакистанской разведки и помогали им в планировании операций афганских повстанцев. В сезон боевых действий в Афганистане порой до 11 групп из пакистанского УМР, обученных и снабженных ЦРУ, сопровождали моджахедов через границу для наблюдения за их действиями. (Нам было известно, что нередко в состав таких групп входили и один-два американских разведчика. - Ю.Д.).

По словам Юсафа и западных источников,

эти группы нападали на аэродромы, склады горючего, мачты электропередачи, мосты и дороги. Специалисты из ЦРУ и Пентагона снабжали моджахедов подробными фотоснимками со спутников и планами советских целей вокруг Афганистана, передавали американские радиоперехваты переговоров советского командования на поле боя.

ЦРУ поставляло надежные средства связи и обучало пакистанских инструкторов, пользоваться ими. Эксперты психологической войны привозили пропагандистские материалы и книги. Эскалация тайных операций малой войны со стороны США против СССР, начатая в соответствии с директивой Рейгана по национальной безопасности в 1985 г., содействовала изменению характера афганской войны, придавала ей еще более обостренный характер.

Летом 1994 г. в США в издательстве "Атлантик мансли пресс" вышла книга Питера Швейцера под громким названием "Победа", раскрывающая тайную стратегию администрации Рейгана, которая ускорила распад Советского Союза.

Швейцер, опираясь на до сих пор засекреченные американские документы, к которым он сумел получить доступ, утверждает, что США оказывали широкую финансовую помощь афганским моджахедам, способствуя наращиванию поставок современных вооружений и разведывательных данных. При этом они рекомендовали использовать эти поставки как для борьбы в самом Афганистане, так и для организации "операций непосредственно в Советском Союзе".

Примеры проведения американской разведкой таких тайных операций в разных странах, в том числе Народной Демократической Республике Йемен, Чаде, ряде стран Латинской Америки и особенно скандал Иран-Контрас, уже широко освещались средствами массовой информации, и поэтому останавливаться на них более подробно вряд ли имеет смысл.

Согласен, что решать афганскую проблему тогда надо было более резкими политическими демаршами по дипломатическим каналам. Почему этого сделано не было, мне неизвестно. Не дает ответа на этот вопрос и статья

А.АлександроваАгентова (в газете "24" от 27 апреля 1993 г.).

Когда 27 декабря 1979 г. я разговаривал из Кабула по "ВЧ" с Ю.В.Андроповым, то он, заметив, "это не я тебя посылаю", - перечислил мне всех членов Политбюро, находившихся в переговорной комнате, что означало принятие продуманного коллективного (ответственного) решения.

В феврале 1992 г. навестившие меня в Москве новые партнеры по бизнесу, бывшие сотрудники ЦРУ США, и американские журналисты очень интересовались участием спецназа КГБ в войне в Афганистане. Они были так настойчивы, что мне пришлось остановить эту атаку, сказав одному из них:

- Не будем трогать Афганистан. Из присутствующих мы двое здесь знаем правду каждый со своей стороны. Если мы поднимем на страницах прессы эту тему, вряд ли это будет способствовать укреплению наших новых партнерских отношений. Не надо.

Американец смутился, немного подумал и от-

ветил:

- А ведь правда, тогда очень многое проходило через мои руки. Лучше не будем трогать эту тему.

- Уже в этих двух фразах - сенсация, - подытожил корреспондент толстого американского журнала.

Американцы сдержали свое слово и в афганскую тематику в дальнейших беседах не углублялись.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: ГЛАВА 10. АФГАНИСТАН. Так как же все-таки все было тогда?

^ТТ:

Примерно так, как описано у М.Болтунова. В воспоминаниях участников есть личное восприятие происходившего вокруг, свое понимание картины боя. Я, как и они, храню в своей памяти события тех дней и испытываю теплое чувство

признательности к тем, кто был рядом, чувство вины и боль за тех, кого не уберег. Только один раз я подробно рассказывал обо всем отцу погибшего при штурме Дар-Ульамана старшего лейтенанта А.Якушева, ветерану-чекисту, разведчику-диверсанту Великой Отечественной войны.

... Я не думал в своих записках подробно касаться динамики того боя. Но в январе 1996 года неутомимая Женя Архипова из организации ветеранов-афганцев прислала мне книгу генерала А.А.Ляховского "Трагедия и доблесть Афгана", которая возвратила меня в уже далекий 1979 год, и сегодня, в марте 1996-го, я вновь переживаю все, что происходило тогда. Надеюсь, читатель не будет на меня в претензии за то, что я процитирую вместе со своими дополнениями (уточнениями) несколько страниц этой книги, где упоминается мое имя или документы, так или иначе связанные с этим событием.

ДОКУМЕНТ Совершенно секретно ОСОБАЯ
ПАПКА

Т.т. Брежневу, Андропову, Громыко, Суслову,
Устинову Выписка из протокола N 176 заседа-

ния Политбюро ЦК КПСС от 6 декабря 1979 года

О направлении спецотряда в Афганистан Согласиться с предложениями по этому вопросу, изложенными в записке КГБ СССР и Минобороны от 4 декабря 1979 г. N12/2/0073 (прилагается).
СЕКРЕТАРЬ ЦК Л.БРЕЖНЕВ

ДОКУМЕНТ Совершенно секретно ОСОБАЯ
ПАПКА ЦК КПСС

Председатель Революционного совета, Генеральный секретарь ЦК НДПА и премьерминистр ДРА Х.Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции. С учетом сложившейся обстановки и просьбы Х.Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 чел. в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооруженным Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29.6.1979 г. N П

156/IX. В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолетами военно-транспортной авиации в первой половине декабря с.г.

Тов.Устинов Д.Ф. согласен. Ю.Андропов, Н.Огарков N 312/2/0073 4 декабря 1979 г."

"8 декабря в кабинете Л.И.Брежнева состоялось совещание, в котором принял участие узкий круг членов Политбюро ЦК КПСС: Ю.Андропов, А.Громыко, М.Суслов и Д.Устинов. Они долго обсуждали положение, сложившееся в Афганистане и вокруг него, взвешивали все "за" и "против" ввода туда советских войск. В качестве доводов в необходимости такого шага со стороны Ю.Андропова и Д.Устинова приводились: предпринимаемые ЦРУ США (резидент в Анкаре Пол Хенци) усилия по созданию "Новой Великой османской империи" с включением в нее южных республик из состава СССР; отсутствие на юге надежной системы ПВО, что в случае размещения в Афганистане американских ракет типа "першинг" ставит под угрозу многие жизненно

важные объекты, в том числе космодром Байконур; возможность использования афганских урановых месторождений Пакистаном и Ираком для создания ядерного оружия; установление в северных районах Афганистана власти оппозиции и присоединение этого региона к Пакистану и т.п."

В конечном итоге решили в предварительном плане проработать два варианта: руками спецслужб КГБ устранить Х.Амина и поставить на его место Бабрака Кармаля; послать какое-то количество войск на территорию Афганистана для этих же целей.

"Примерно с середины декабря началась форсированная переброска мелких спецподразделений в Афганистан. 14 декабря, например, в Кабул прибыли две специальные группы КГБ СССР по 30 человек каждая (в Афганистане они назывались "Гром", в которую входили классные спортсмены, и "Зенит" - в ней были спецназовцы из балашихинской школы. В Центре названия у них были другие). Административно эти группы относились к внешней разведке и готовились для осуществления террористических актов в случае

необходимости за пределами Советского Союза".

"С утра 17 декабря располагавшийся в Баграме "мусульманский" батальон тоже начал выдвижение в афганскую столицу. К исходу этого же дня он сосредоточился в районе Дар-уль-Аман."

"Вечером того же дня в Москве полковник В.В.Колесник получил приказ от начальника ГРУ ГШ вылететь в гражданской форме одежды в Афганистан для выполнения специального правительственного задания. Вместе с ним должен был лететь еще один офицер, но по просьбе В.Колесника направили подполковника Олега Швеца. Быстро оформив все необходимые в таких случаях документы (заграничные паспорта им привезли прямо к самолету), они в 6.30 18 декабря отправились с аэродрома Чкаловский через Баку и Термез в Баграм. До Термеза летели с экспедитором, сопровождавшим военторговый груз, а до места назначения еще с двумя попутчиками, как впоследствии выяснилось, сотрудниками Комитета государственной безопасности полковником Ю.И.Дроздовым и подполковником Э.Г.Козловым. В Термезе обнаружи-

лись неполадки в самолете, пришлось искать новый. Хорошо еще, что встречали сослуживцы из ТуркВО. Они организовали обед и помогли поменять самолет."

"В Баграм прилетели только поздно ночью. Комитетчики уехали с какими-то людьми в гражданском, а В.Колесник со О.Швецом, переночевав в первом попавшемся капонире, утром 19 декабря направились в Кабул, где представились главному военному советнику генерал-полковнику С.К.Магометову и резиденту ГРУ в Кабуле, которые были предупреждены об их прибытии. В.В.Колесник, хорошо знавший майора Х.Халбаева, взял его под защиту, сказав, что комбат толковый, хотя и немногословный. На него можно надеяться, в трудную минуту не подведет. Переговорив по телефону со своим начальством в Москве и переночевав в посольстве, они 20 декабря поехали в расположение батальона, который разместился примерно в километре от дворца Тадж-Бек, в недостроенном здании, с окнами без стекол. Вместо них натянули плащ-палатки, поставили печки-"буржуйки", кровати в

два яруса. Афганцы выдали им шерстяные одеяла из верблюжьей шерсти. В тот год зима в Кабуле была суровая, ночью температура воздуха опускалась до 30 градусов мороза. Продукты питания покупали на базаре. В общем, кое-как устроились.

Система охраны дворца Тадж-Бек была организована тщательно и продуманно. (Систему охраны и обороны дворца Тадж-Бек создавали два офицера-советника 9 Управления КГБ СССР с учетом всех инженерных особенностей объекта и характера окружающей местности, что делало его трудноуязвимым для противника. Ю.Дроздов). Внутри дворца несла службу личная охрана Х.Амина, состоявшая из его родственников и особо доверенных людей. Они и форму носили специальную, отличную от других афганских военнослужащих: на фуражках белые околыши, белые ремни и кобуры, белые манжеты на рукавах. Жили они в непосредственной близости от дворца в глинобитном строении, рядом с домом, где находился штаб бригады охраны (позже, в 1987-1989 гг., в нем будет размещать-

ся Оперативная группа МО СССР). Вторую линию составляли семь постов, на каждом из которых располагалось по четыре часовых, вооруженных пулеметом, гранатометом и автоматами. Смена их производилась через два часа. Внешнее кольцо охраны образовывали пункты дислокации батальонов бригады охраны (трех мотопехотных и танкового). Они располагались вокруг Тадж-Бека на небольшом удалении. На одной из господствующих высот были закопаны два танка Т-54, которые могли беспрепятственно прямой наводкой простреливать из пушек и пулеметов местность, прилегающую ко дворцу. Всего в бригаде охраны насчитывалось около 2,5 тыс.чел. Кроме того, неподалеку располагался зенитный полк, на вооружении которого находилось двенадцать 100-мм зенитных пушек и шестнадцать зенитных пулеметных установок (ЗПУ-2), а также строительный полк (около 1 тыс.чел., вооруженных стрелковым оружием). В Кабуле были и другие армейские части - две дивизии и танковая бригада.

21 декабря полковника В.В.Колесника и май-

ора Т.Х.Халбаева вызвали к главному военному советнику в Афганистане, от которого они получили приказ - усилить охрану дворца подразделениями "мусульманского" батальона. Им предписывалось занять оборону в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов.

Сразу же приступили к выполнению боевой задачи. Быстро установили контакт с командиром бригады охраны майором Джандадом (он же порученец Амина), согласовали с ним расположение оборонительных позиций подразделений батальона и все вопросы взаимодействия. Для связи лично с ним Джандад предоставил им небольшую японскую радиостанцию. Сам командир бригады владел русским языком (хотя и скрывал это), так как учился в Советском Союзе, сначала в Рязани в воздушно-десантном училище, а затем окончил Военную академию им.М.В.Фрунзе. По легенде, полковник В.Колесник действовал в роли "майора Колесова" - заместителя командира батальона по боевой подготовке, а подполковник О.Швец - "майора Швецова" офицера

особого отдела. Один из их попутчиков (полковник Ю.Дроздов) стал "капитаном Лебедевым" - заместителем Х.Халбаева по технической части. Вечером же 22 декабря пригласили командование бригады на товарищеский ужин.

После согласования всех вопросов с афганцами приступили к проведению практических мероприятий. Приняли решение, спланировали боевые действия, поставили задачи ротам. Отрекогносцировали маршруты выхода и позиции подразделений и т.д. В частности, на одном из маршрутом имелось естественное препятствие - арык. Совместно с солдатами бригады построили мостик через него уложили бетонные фермы, а на них положили плиты. Этой работой занимались в течение двух суток."

20 декабря 1979 года за мной и Козловым Э.Г. в Баграм приехал офицер безопасности посольства, который перебросил нас в Кабул. Руководитель группы КГБ СССР генерал-лейтенант Иванов Б.С. (он же Б.И. - по книге В.В.Ляховского) встретил нас вопросом: "Зачем вы прилетели?" Объяснил ему, что об этом у него должна быть

шифровка от В.А.Крючкова. Он ничего не ответил и предложил детально ознакомиться с обстановкой и местами расположения офицеров группы "Зенит". На это ушли 21 и 22 декабря, и после стало ясно, что проблем у нашего представителя более, чем достаточно.

... При посещении одной из групп "Зенита" я обратил внимание на вопрошающие взгляды офицеров-диверсантов, томившихся от безделья и ожидания. Мол, еще один генерал приехал, а толку... Чтобы приободрить их, бросил: "Ну, что, похулиганим, засиделись!" Лица оживились. Наконец-то! Это выражение "каскадеры" припоминают мне иногда, признаваясь, что оно избавило их от уныния и неопределенности. Примерно такую же картину можно было наблюдать и в других местах. Теперь офицеры были ориентированы на дополнительную непрерывную разведку своих объектов и общей ситуации в Кабуле.

"Во второй половине 23 декабря В.Колесника и Х.Халбаева вызвали в советское посольство. Там они сначала доложили генерал-полковнику Султану Кекезовичу Магометову результаты про-

деланной работы, а затем прошли в кабинет на второй этаж, где размещалось представительство КГБ СССР. Здесь находился человек в штатском, которого все называли Борисом Ивановичем или между собой просто БИ (руководитель аппарата КГБ СССР в Афганистане), а также другие сотрудники. В начале беседы Борис Иванович поинтересовался планом охраны дворца. (Как станет ясно из бесед с командирами штурмовых групп, плана дворца на этот момент . . . не было. То ли об этом забыли, то ли офицеры 9 управления, отвечавшие за охрану Амина по соображениям конспирации в суть операции посвящены не были. План объекта пришлось добывать самим. - Ю.Дроздов). После доклада полковником В.Колесником решения, предложил ему подумать над вариантом действий на случай, если вдруг придется не охранять, а захватывать дворец. При этом он добавил, что часть сил батальона может выполнять другую задачу, а им придадут роту десантников и две специальные группы КГБ. В общем, сказали, идите думайте, а завтра утром приезжайте и докладывайте свои со-

ображения. Советник командира бригады охраны полковник Попышев тоже получил задачу разработать свой вариант плана действий батальона как человек, хорошо знающий систему охраны дворца."

"Решения по новой задаче принимали всю ночь. Считали долго и скрупулезно. Понимали, что это и есть реальная задача, ради которой они здесь. И пришли к выводу, что если в батальоне заберут две роты и одну роту (без взвода), о чем предупреждал руководитель представительства КГБ, то захватить дворец батальон не сможет, даже с учетом усиления и фактора внезапности. Соотношение сил и средств на всех направлениях складывалось примерно 1:15 в пользу афганцев. Необходимо было задействовать все силы батальона и средства усиления. Исходя из этого и разработали план.

Утром 24 декабря первым докладывал полковник Попышев. Сразу стало понятно, что к своей миссии он подошел чисто формально, по принципу "чего изволите" ведь задачу выполнять нужно было не ему. Он доказывал, что вы-

деленных сил и средств батальону достаточно, но подтвердить свои утверждения расчетами не смог. Затем решение на захват дворца Тадж-Бек доложил полковник В. Колесник. Обосновал необходимость участия в штурме всего батальона с приданными силами и средствами, детально изложил план действий. После долгих обсуждений командованию батальона сказали: "Ждите". Ждать пришлось долго. Только во второй половине дня сообщили, что решение утверждается и батальон задачу будет выполнять в полном составе. Но подписывать этот план не стали. Сказали: "Действуйте!"

"На проведение всех мероприятий, связанных с вводом войск в ДРА, отводилось очень мало времени - менее суток. Такая поспешность не могла не сказаться негативно в дальнейшем. Многие оказались неподготовленными и непродуманными. В 12.00 25 декабря поступило распоряжение на переход Государственной границы. ДОКУМЕНТ (Секретно) Главнокомандующему Военно-воздушными силами Командующему войсками Туркестанского военного округа

Командующему Воздушно-десантными войсками Копия: Главнокомандующему Сухопутными войсками Главнокомандующему войсками ПВО страны Начальнику Оперативной группы Генерального штаба (г.Термез) Переход и перелет государственной границы Демократической Республики Афганистан войсками 40 армии и авиации ВВС начать в 15.00 25 декабря с.г. (время московское). Д.Устинов N 312/1/030 25.12.79 г.

С.К.Магомедов и В.В.Колесник приехали на полевой переговорный пункт, который был развернут на стадионе недалеко от американского посольства, вечером 24 декабря. Зашли в переговорную кабину правительственной связи и стали звонить генералу армии С.Ф.Ахромееву, он в то время находился в Термезе в составе Оперативной группы Министерства обороны СССР, которая осуществляла руководство вводом советских войск в Афганистан. Телефонистка долго отказывалась соединить полковника В.Колесника, говорила, что его нет в специальных списках, но затем, видимо, спросив у С.Ахромеева, все же соединила. Первый заместитель начальника Ге-

нерального штаба приказал доложить решение. Выслушав, стал задавать вопросы по его обоснованию и расчетам. Его интересовали мельчайшие детали. По ходу разговора делал замечания и давал указания. Затем с С.Ф.Ахромеевым переговорил С.Магометов. Ему была поставлена задача к утру 25 декабря шифром доложить решение за двумя подписями (своей и В.Колесника). Когда выходили из переговорной кабины, С.Магометов сказал В.Колеснику: "Ну, полковник, у тебя теперь или грудь в крестах, или голова в кустах".

Тут же на узле связи написали доклад, и к двум часам ночи шифровка была отправлена. Доехали вместе до посольства, а затем В.Колесник поспешил в батальон. Надо было готовиться к выполнению боевой задачи. . . Он был назначен руководителем операции, которая получила кодовое название "Шторм-333".

24 декабря 1979 года с одним из генералов советнического аппарата я побывал на объекте, в овладении которым должен был принять непосредственное участие. Это был один из наиболее сложных объектов предстоящей операции, что

требовало личной и детальной рекогносцировки.

В тот же день я впервые оказался в комнате на первом этаже посольства, где работала группа генерала С.К.Магометова. Мы вошли туда вместе с В.А. На нас не обратили внимания. В.А. здесь знали. В комнате стоял шум, галдеж. Все говорили о сложности овладения объектом, о невозможности сделать все незаметно, внезапно. Через плечо одного из генералов я посмотрел на поднятую карту с обстановкой. Рельеф местности представлял из себя форму бутылки, горловину которой закрывала высота с дворцом Тадж-Бек.

"Почему невозможно? - сказал я. - Надо войти в бутылку и все начать оттуда".

На меня внимательно посмотрели.

"Генерал Лебедев", - представил меня В.А.

К исходу дня мне объявили, что в Центре принято решение перебросить меня на объект Тадж-Бек.

Видимо, после моего ухода из этого кабинета еще раз все обсудили, доложили в Москву, а так как любая инициатива наказуема, то исполнение

поручили мне. Так я стал одним из руководителей операции "Шторм-333".

В разговоре по "ВЧ" по этому поводу и Ю.В.Андропов, и В.А.Крючков подчеркнули необходимость продумать все до мелочей. Все, что следует, - доразведать и максимально обеспечить безопасность участников операции и свою.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ГЛАВА 10. АФГАНИСТАН. "Шторм - 333"

^ ТТ:

"Об этой операции высказывается много различных суждений, причем самых невероятных. Даже участники тех событий по-разному воспринимают их. Много не досказывается или опускается вообще. Суммируя рассказы очевидцев и имеющийся документальный материал, можно восстановить примерно такую картину.

Х.Амин, несмотря на то что сам в сентяб-

ре обманул Л.Брежнева и Ю.Андропова (обещал сохранить Н.М.Тараки жизнь, когда последний был уже задушен. В итоге советское руководство два-три дня "торговалось" с Х.Амином из-за уже мертвого к тому моменту лидера Апрельской революции), как ни странно, доверял русским. Почему? Если не отбрасывать версию, что он был связан с ЦРУ, то скорее всего он получал такие инструкции или, возможно, считал, что победителей не судят, с ними . . . дружат. А может быть, не сомневался, что и "русские признают только силу". Так или иначе, но он не только "окружил себя" советскими военными советниками, консультировался с высокопоставленными представителями КГБ и МО СССР при соответствующих органах ДРА, но и полностью доверял . . . лишь врачам из России и надеялся в конечном итоге на наши войска. Не доверял же парчамистам, ждал нападения или от них, или от моджахедов. Однако стал он жертвой политической интриги совсем не с той стороны, откуда ждал.

В первой половине декабря на Генсека НДПА было совершено покушение "недовольными пар-

тийцами из оппозиционных фракций". Он был легко ранен, пострадал и его племянник Абдулла - шеф службы безопасности. Х.Амин, расправившись с террористами, отправил племянника на лечение в Советский Союз, а сам сменил свою резиденцию в Ареге и 20 декабря перебрался во дворец Тадж-Бек.

Возвратившись примерно в три часа ночи 25 декабря из посольства в распоряжение батальона, полковник В.В.Колесник возглавил подготовку к боевым действиям по захвату дворца. Активную помощь в этом ему оказывал подполковник О.Л.Швец."

Вечером 25 декабря 1979 г. я провел совещание с командирами своих разведывательно-диверсионных групп о результатах разведки объектов и мерах по овладению ими. В основном все были готовы. Не доставало плана дворца. Ослабить оборону дворца сотрудники 9-го управления отказались по соображениям конспирации, но смогли 26 декабря провести во дворец разведчиков-диверсантов, которые все внимательно осмотрели и составили поэтажный план

дворца. Офицеры "Грома" и "Зенита" провели разведку огневых точек, расположенных на ближайших высотах. Все эти дни велось круглосуточное визуальное наблюдение за дворцом Тадж-Бек. Разведчики ночью приближались как можно ближе к объекту, оставались там на весь день. За двое суток изорвали меховой костюм в клочья, ползая по камням. Он нам потом целый год не давал покоя - не могли списать.

Все было готово. За объектом внутри и снаружи продолжалось непрерывное агентурное наблюдение. Поздно вечером 26 декабря В.В.Колесник и я вместе с Э.Г.Козловым и О.Л.Швецом еще раз отработали план операции по объекту Тадж-Бек. Основным замыслом этого плана было решение главной задачи силами двух смешанных штурмовых групп "Гром" и "Зенит", действия которых обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений "мусульманского" батальона и средств огневой поддержки. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия.

"Планом операции предусматривалось в на-

значенное время (первоначально начало операции намечалось на 25 декабря. В последующем штурм дворца перенесли на 27 декабря) тремя ротами занять участки обороны и не допустить выдвижение к дворцу Тадж-Бек афганских батальонов (трех мотопехотных и танкового). Таким образом, против каждого батальона должна была действовать рота спецназа или десантников (танковый батальон располагался с одним из мотопехотных). Командиром приданной парашютно-десантной роты был В.А.Вострин, в будущем Герой Советского Союза. Против танкового батальона выставляли также взвод ПТУРС "Фагот" (противотанковых управляемых снарядов). Еще одна рота предназначалась для непосредственного штурма дворца. Вместе с ней должны были действовать две специальные группы КГБ СССР. Частью сил предполагалось захватить и разоружить зенитный и строительный полки. Предусматривали также охрану и резерв.

Одной из важнейших задач был захват двух закопанных танков, которые держали под прицелом все подходы ко дворцу. Для этого выде-

лили пятнадцать человек (в их число входили специалисты-танкисты) во главе с заместителем командира батальона капитаном Сатаровым, а также двух снайперов из КГБ. От действий этой группы во многом зависел успех всей операции. Они начинали первыми.

Руководство батальона хорошо понимало, что задача может быть выполнена только при условии внезапности и военной хитрости. В противном случае им никому живыми не уйти. Поэтому, чтобы приучить афганцев и раньше времени не вызвать подозрения, разработали соответствующий сценарий и начали проводить демонстрационные действия: стрельба, выход по тревоге и занятие установленных участков обороны, развертывание и т.д. В ночное время пускали осветительные ракеты. Так как ночью были сильные морозы, по графику прогревали моторы бронетранспортеров и боевых машин пехоты, чтобы можно было их по сигналу сразу завести.

Сначала это вызвало беспокойство командования бригады охраны дворца. Например, когда первый раз запустили ракеты, то расположение

батальона мгновенно осветили прожекторы зенитного полка и приехал майор Джандад. Ему разъяснили, что идет обычная боевая учеба и проводятся тренировки для выполнения задачи по охране дворца, а местность освещают, чтобы исключить возможность внезапного нападения на дворец со стороны моджахедов. В последующем афганцы все время просили, чтобы не очень "шумели" моторы боевой техники ночью, так как мешают спать Амину. Командир батальона и "майор Колесов" сами ездили к командиру бригады охраны и успокаивали его. Постепенно афганцы привыкли и перестали настороженно реагировать на подобные "маневры" батальона. А они продолжались в течение 25, 26 и первой половины 27 декабря. Новую задачу в батальоне знали только В.Колесник, О.Швец и Х.Халбаев."

"Главная роль в начальный период советского военного присутствия в ДРА отводилась силам "специального назначения". Действительно, фактически первой боевой акцией в операции "Шторм-333", которую осуществили 27 декабря советские подразделения и группы спецназа,

стал захват дворца Тадж-Бек, где размещалась резиденция главы ДРА, и отстранение от власти Хафизуллы Амина.

Для широкой общественности долго оставалось тайной, что же произошло тогда в Кабуле. Мне довелось встречаться и беседовать со многими участниками тех событий. Суммируя различные версии и факты, на основе свидетельств очевидцев и документального материала, можно восстановить определенную картину. Хотя, думаю, она не полностью отражает истинный ход действий советских войск в афганской столице.

... 26 декабря для установления более тесных отношений в "мусульманском" батальоне устроили прием для командования афганской бригады. Приготовили плов, на базаре купили всевозможной зелени и т.п. Правда, со спиртным были трудности. Выручили сотрудники КГБ. Они привезли с собой ящик "Посольской" водки, коньяк, различные деликатесы (икру, рыбу), другие закуски - стол получился на славу.

Из бригады охраны пришло пятнадцать человек во главе с ее командиром и замполи-

том. Во время приема старались разговорить афганцев. Провозглашали тосты за советско-афганскую дружбу, за боевое содружество и т.д. Сами пили гораздо меньше (иногда солдаты, которые обслуживали на приеме, вместо водки наливали в рюмки советских офицеров воду). Особенно разговорчивым оказался замполит бригады, который в пылу откровенности рассказал "капитану Лебедеву", что Н.Тараки был задушен по приказу Х.Амина.

Это была тогда новая и очень важная информация. Джандад быстро распорядился, и замполита тут же куда-то увезли. Командир сказал, что заместитель немного выпил лишнего и сам не знает, что говорит. В конце приема расставались если не друзьями, то по крайней мере хорошими знакомыми.

Находящийся на окраине Кабула в Дар-уль-Амане дворец Тадж-Бек располагался на высоком, поросшем деревьями и кустарником крутом холме, который был к тому же еще оборудован террасами и заминирован. К нему вела одна-единственная дорога, круглосуточно усиленно

охраняемая. Сам дворец тоже был довольно-таки труднодоступным сооружением."

27 декабря В.В.Колесник и Ю.И.Дроздов доложили новый план боя. Утвердили. Вернули без подписи со словами: "Действуйте".

Я пригласил В.В.Колесника к себе в номер посольской гостиницы, в баню. По старому обычаю помылись, сменили белье, молча выпили бытылку коньяку. Впереди нас ждал бой.

"С утра 27 декабря началась непосредственная подготовка к штурму дворца Х.Амина. У сотрудников КГБ был детальный план дворца (расположение комнат, коммуникаций, электросети и т.д.). Поэтому к началу операции "Шторм-333" спецназовцы из "мусульманского" батальона и группы КГБ "Гром" (командир майор Семенов) и "Зенит" (командир майор Романов) детально знали объект захвата № 1: _0наиболее удобные пути подхода; режим несения караульной службы; общую численность охраны и телохранителей Амина; расположение пулеметных "гнезд", бронемашин и танков; внутреннюю структуру комнат и лабиринтов дворца Тадж-Бек; размещение

аппаратуры радиотелефонной связи и т.д. Более того, как рассказал весьма осведомленный человек, перед штурмом дворца в Кабуле спецгруппой КГБ был взорван так называемый "колодец" - фактически центральный узел секретной связи с важнейшими военными и гражданскими объектами ДРА. Готовились штурмовые лестницы. Проводились и другие подготовительные мероприятия. Главное - секретность и скрытность.

Наши военные советники командиров частей Кабульского гарнизона получили разные задачи: некоторые 27 декабря должны были остаться в частях на ночь, организовать ужин с подсоветными (для этого им выдано спиртное и кое-что из съестного) и ни при каких обстоятельствах не допустить выступления афганских частей против советских войск. Другим, наоборот, было приказано долго в подразделениях не задерживаться, и они раньше, чем обычно, уехали домой. Остались только специально назначенные люди, которые были соответственно проинструктированы.

... Личному составу "мусульманского" батальона и спецподразделений КГБ разъяснили, что

Х.Амин повинен в массовых репрессиях, по его приказу убивают тысячи ни в чем не повинных людей, он предал дело Апрельской революции, вступил в сговор с ЦРУ США и т.д. Правда, эту версию мало кто из солдат и офицеров воспринимал. "Тогда зачем Амин пригласил наши войска, а не американцев?" резонно спрашивали они. Но приказ есть приказ, его надо выполнять. И спецназовцы готовились к бою."

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: ГЛАВА 10. АФГАНИСТАН. Штурм дворца Тадж-Бек

^ТТ:

"В это время сам Амин, ничего не подозревая, находился в эйфории от того, что удалось добиться своей цели - советские войска вошли в Афганистан. Днем 27 декабря он устроил обед, принимая в своем роскошном дворце членов Политбюро, министров с семьями.

Формальным поводом, чтобы собрать всех, стало, с одной стороны, желание показать соратникам свою новую резиденцию, а с другой - возвращение из Москвы секретаря ЦК НДПА Панджшири. Тот заверил его: советское руководство удовлетворено изложенной им версией смерти Тараки и сменой лидера страны, визит еще больше укрепил отношения с СССР. Там подтвердили, что Советский Союз окажет Афганистану широкую военную помощь.

Х.Амин торжественно говорил присутствующим: "Советские дивизии уже на пути сюда. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи". Порассуждали о том, как начальнику Генерального штаба Мохаммеду Якубу лучше наладить взаимодействие с командованием советских войск. Кстати, сам Якуб, тоже ни о чем не догадывающийся, пригласил к себе в генштаб для "налаживания более тесного взаимодействия" советских военных представителей.

Ждать он их будет вечером, после 19.30, в своем рабочем кабинете.

Днем ожидалось выступление Х.Амина по афганскому телевидению. На съемки его выступления во дворец Тадж-Бек были приглашены высшие военные чины и начальники политорганов. Однако этому помешала акция, проводимая по плану КГБ СССР. Неожиданно во время обеда Генсек НДПА и многие его гости почувствовали себя плохо. Некоторые потеряли сознание. Полностью "отключился" и Х.Амин. Его супруга немедленно вызвала командира президентской гвардии Джандада, который начал звонить в Центральный военный госпиталь (Чарсад Бистар) и в поликлинику советского посольства, чтобы вызвать помощь. Продукты и гранатовый сок были немедленно направлены на экспертизу. Повара-узбеки задержаны."

После бани 27 декабря 1979 года я и В.В.Колесник в полдень еще раз зашли каждый к своему руководству. Б.С.Иванов связался с Центром, доложил, что все готово. Потом он протянул трубку радиотелефона мне. Говорил

Ю.В.Андропов.

- Ты сам пойдешь? - спросил он. Я ответил утвердительно. - Зря не рискуй, думай о своей безопасности и береги людей.

В район расположения "мусульманского" батальона ехали молча, каждый думал о своем.

"В середине дня полковник В.В.Колесник и командир батальона проинформировали офицеров о плане операции в части, их касающейся, и поставили боевые задачи. Затем объявили порядок действий. Когда проводили рекогносцировку, увидели в бинокли на одной из высоток Джандада и группу офицеров с ним. Подполковник О.Швец поехал к ним, чтобы пригласить на обед, якобы на день рождения одного из офицеров батальона, но командир бригады сказал, что они проводят учение и приедут вечером. Тогда О.Швец попросил отпустить советских военных советников, которые находились в бригаде, и увез их с собой. Возможно, этим он спас многим из них жизни."

Пообедали, и в середине дня В.В.Колесник, О.Л.Швец и я еще раз обошли исходные пози-

ции батальона. В.В.Колесник отдавал указания подходившим командирам рот, приказал с наступлением сумерок переместить одну из "Шилок" на удобную позицию для подавления возможного огня зенитной батареи. Все делал спокойно, уверенно. На одной из высоток заметили группу афганских офицеров, изучавших район обороны "мусульманского" батальона. К афганцам для выяснения причин поехал О.Л.Швец. После штурма дворца ко мне приведут Джандада, который расскажет, что они получили сообщение о наших намерениях, не поверили, но на всякий случай решили провести рекогносцировку. Об этой рекогносцировке и результатах беседы доложили руководству операцией. Видимо, об этом было сообщено в Центр. Нам же передали, что штурм назначен на 15.00.

Получив это сообщение, вместе с В.В.Колесником решили срочно собрать всех командиров рот, штурмовых групп и подразделений огневой поддержки в моей комнате на втором этаже казармы.

Как старшему по званию, В.В.Колесник пред-

ложил мне открыть совещание. В своем кратком выступлении я дал политическую оценку обстановки, раскрыл общую поставленную задачу, дал оценку сил и средств противника и основного объекта, нашего положения, соотношения сил и средств, общее распределение сил и средств "мусульманского" батальона и штурмовых групп. После этого В.В.Колесник отдал боевой приказ подразделениям, перечислив для каждого конкретные задачи.

Когда говорил В.В.Колесник, я внимательно смотрел на лица офицеров. Все разные, собранные, немного напряженные. В каждом чувствовалась дисциплина и воля. Два спецназа - Советской Армии и Комитета госбезопасности - в тесном взаимодействии при выполнении сложной боевой задачи за пределами своей страны.

"В 15.00 из посольства передали, что время начала штурма (время "Ч") установлено - 22.00, потом перенесено на 21.00. Позже оно периодически уточнялось и в конечном итоге стало - 19.30. Видимо, руководители операции рассчитывали, что сработает план устранения Х.Амина

путем его отравления и тогда, возможно, отпадет необходимость штурмовать дворец Тадж-Бек. Но ввиду строгой секретности этого плана советские врачи не были к нему допущены и по незнанию сорвали его выполнение.

Во дворец по просьбе начальника Главного политического управления М.Экбаля Вазир и настоянию начальника политического отдела аппарата главного военного советника в ДРА генерал-майора С.П.Тутушкина прибыла группа советских врачей, находившихся тогда в Кабуле. В нее входили начальник медицинской службы, терапевт советников, командир группы хирургического усиления, врач-инфекционист из Центрального военного госпиталя афганской армии, врач из поликлиники советского посольства, две женщины - врач и медсестра - диетологи, работавшие в медпункте, расположенном на первом этаже дворца Тадж-Бек. Вместе с ними прибыл и афганский доктор подполковник Велоят.

Когда советские врачи терапевт полковник Виктор Петрович Кузнеченков, командир группы хирургического усиления госпиталя полков-

ник Анатолий Владимирович Алексеев, другие медики примерно в два часа дня подъехали к внешнему посту охраны и, как обычно, стали сдавать оружие, их дополнительно еще и обыскали, чего раньше никогда не было. Причем обращались в достаточно резкой форме. При входе во дворец тщательней, чем обычно, проверили документы и еще раз обыскали. Что-то случилось? Поняли, что именно, когда увидели в вестибюле, на ступеньках лестницы, в комнатах лежащих и сидевших в неестественных позах людей. Те, кто "пришел в себя", корчились от боли. Наши врачи определили сразу: массовое отравление. Решили оказывать пострадавшим помощь, но тут к ним подбежал афганский медик подполковник Велоят и увлек их за собой - к Х.Амину. По его словам, Генсек был в тяжелейшем состоянии. Поднялись по лестнице. Х.Амин лежал в одной из комнат, раздетый до трусов, с отвисшей челюстью и закатившимися глазами. Он был без признаков сознания, в тяжелейшей коме. Умер? Прощупали пульс - еле уловимое биение. Умирает?

Полковники В.Кузнеченков и А.Алексеев, не

задумываясь, что нарушают чьи-то планы, приступили к спасению главы "дружественной СССР страны". Сначала вставили на место челюсть, затем восстановили дыхание. Отнесли его в ванную комнату, вымыли и стали делать промывание желудка, форсированный дюрез. После этого перенесли Х.Амина опять в спальню. Стали вводить лекарство. Уколы, снова уколы, капельницы, в вены обеих рук введены иглы. . .

Эта работа продолжалась примерно до шести часов вечера. Когда челюсть перестала отпадать и пошла моча, врачи поняли, что их усилия увенчались успехом и жизнь Х.Амину им удалось спасти. Но, почувствовав, что назревают какие-то тревожные события, А.Алексеев заблаговременно отправил женщин из дворца, сославшись на необходимость срочно сделать в лаборатории анализы промывных вод.

Пройдет довольно значительное время, прежде чем дрогнут веки Х.Амина и он придет в себя, затем удивленно спросит: "Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал? Случайность или диверсия?"

Это происшествие очень встревожило офицеров, ответственных за организацию охраны председателя Ревсовета ДРА (Джандад, Экбаль). Они выставили дополнительные (даже внешние) посты из афганских военнослужащих и позвонили в танковую бригаду, чтобы там были готовы оказать помощь. Однако помощи им ждать было неоткуда, так как наши десантники уже полностью блокировали располагавшиеся в Кабуле части афганских войск. Вот что, например, рассказал много лет спустя ныне полковник В.Г.Салкин, находившийся в Кабуле в декабре 1979 г.: "Вечером, приблизительно в 18.30, командиру бригады капитану Ахмад Джану поступила команда ввести один батальон в город. Я и советник командира бригады полковник Пясецкий в это время постоянно находились рядом с командиром. Тот отдал приказ командиру первого танкового батальона привести батальон в состояние полной боевой готовности, заявив, что приказ о выходе батальона будет отдан позже. Личный состав, получив приказ, буквально ринулся к танкам. Моментально взревели танковые двигатели. Первый

батальон был готов к действиям. Пясецкий время от времени смотрел на часы, ожидая новых команд бригаде. В 19.10 Виктор Николаевич сам попросил Ахмад Джана связаться со своим командованием и уточнить указания по выходу батальона в город. Однако командир не смог позвонить из-за отсутствия связи (спецгруппой КГБ уже был взорван узел связи. - Примеч. авт.)"

В 19.10 группа разведчиков-диверсантов Алексея П. на автомашине приблизилась к люку Центрального распределительного узла подземных коммуникаций связи, проехала над ним и "заглохла". Пока часовой-афганец приближался к ним, из кузова крытой машины вывалились две фигуры, подняли крышку люка, что-то опустили, заботливо прикрыли ее. Мотор взревел, за- велся-таки, водитель махнул рукой афганцу- часовому, и машина скрылась за поворотом. На все, как и предполагали, ушло 35-40 секунд. Через 5 минут прогремел взрыв, оставивший Кабул без телефонной связи.

"Убедившись в отсутствии связи, В.Н.Пясецкий посоветовал коман-

диру проконтролировать состояние телефонного провода на территории бригады. Срочно был вызван взвод связи, и солдаты начали тщательно проверять состояние кабеля. На это ушло примерно около 30 минут.

... Неожиданно четыре БМД на полном ходу сбили ворота военного городка и, не снижая скорости, окружили здание штаба бригады. Из первой машины вышел советский капитан. Он вошел в здание, представился, отозвав в сторону Пясецкого, переговорил с ним, затем достал фляжку со спиртом и предложил выпить. Капитан, обращаясь к командиру бригады, заявил, что в городе беспокойно и выход бригады в город нежелателен. Командир, посоветовавшись, дал команду "отбой" первому батальону. . . "

"По свидетельству В. Колесника, около шести вечера его вызвал на связь главный военный советник генерал-полковник С. К. Магомедов и сказал, что время штурма перенесено и начинать надо как можно скорее. Буквально спустя пятнадцать-двадцать минут группа захвата во главе с капитаном Сатаровым выехала на машине

ГАЗ-66 в направлении высоты, где были закопаны танки. Офицеры батальона внимательно следили за ним. Танки охранялись часовыми, а их экипажи находились в казарме, расположенной в 150-200 метрах от них. Одна из рот "мусульманского" батальона залегла в указанном ей районе в готовности поддержать огнем действия группы Сатарова. Офицеры увидели, что, когда машина подъехала к расположению третьего батальона, там вдруг послышалась стрельба из стрелкового оружия, которая неожиданно усилилась. Полковник В. Колесник немедленно дал команду: "Огонь" и "Вперед". Одновременно кабульское небо рассекли две красные ракеты сигнал для солдат и офицеров "мусульманского" батальона и спецгрупп КГБ. На дворец обрушился шквал огня. Это произошло примерно в четверть восьмого вечера.

Первыми по дворцу прямой наводкой по команде капитала Паутова открыли огонь зенитные самоходные установки ЗСУ-23-4 "Шилки", обрушив на него море снарядов. Автоматические гранатометы АГС-17 стали вести огонь по распо-

ложению танкового батальона, не давая экипажам подойти к танкам. Подразделения "мусульманского" батальона начали выдвижение в районы предназначения. По дороге к дворцу двинулась рота боевых машин пехоты (БМП) старшего лейтенанта Шарипова. На десяти ВМП в качестве десанта находились две спецгруппы КГБ. Общее руководство ими осуществлял полковник Г.И.Бояринов. Боевые машины сбили внешние посты охраны и устремились к Тадж-Беку. Единственная дорога круто серпантинном взбиралась в гору с выездом на площадку перед дворцом. Дорога усиленно охранялась, а другие подступы были заминированы. Едва первая боевая машина миновала поворот, из здания ударили крупнокалиберные пулеметы. БМП была подбита. Члены экипажа и десант покинули ее и при помощи штурмовых лестниц стали взбираться вверх в гору. Шедшая второй БМП столкнулась с подбитой машиной с дороги и освободила путь остальным. Они быстро выскочили на площадку перед Тадж-Беком. Сначала на штурм пошли спецгруппы КГБ, за ними последовали некото-

рые солдаты из спецназа. Для устрашения оборонявшихся, а может быть, и со страху атакующие дворец громко кричали, в основном матом."

Одна из БМП на площадке резко развернулась и встала кормой вплотную к входу во дворец. Распахнулись люки, и штурмовая группа Романова, Бояринова и Козлова ворвалась внутрь дворца. В триплекс каски капитана Карпухина В.Ф. впились автоматная пуля. Козлов Э.Г. осколком гранаты был ранен в ногу. О впечатлениях участников боя подробно поведал М.Е.Болтунов в книге "Альфа не хотела убивать".

"Бой в самом здании сразу же принял ожесточенный и бескомпромиссный характер. Если из помещений не выходили с поднятыми руками, то выламывались двери, в комнату бросались гранаты. Затем без разбору стреляли из автоматов. "Шилки" на это время перенесли огонь на другие объекты. БМП покинули площадку перед дворцом и заблокировали единственную дорогу.

Все шло как будто по плану, но случилось непредвиденное. При выдвигении подразделе-

ний батальона в район боевых действий с построенного через арык мостика свалился один бронетранспортер и перевернулся. Люки оказались закрытыми, и экипаж не мог из него выйти. Командир отделения стал вызывать по радиостанции подмогу. Он включился на передачу, безостановочно вызывал своего старшего командира. Этим в самый ответственный момент радиосвязь была парализована. Пришлось командованию батальона использовать другие средства и сигналы. Хорошо еще, что они были предусмотрены заранее.

Другая рота и два взвода АГС-17 вели огонь по танковому батальону и не дали его личному составу добраться до танков. Затем они захватили танки и одновременно разоружили личный состав строительного полка. Спецгруппа захватила вооружение зенитного полка, а личный состав взяла в плен. На этом участке руководство боевыми действиями осуществлял подполковник О.Швец. Во дворце офицеры и солдаты личной охраны Х.Амина, его телохранители (около 100-150 чел.) сопротивлялись отчаянно, не сдаваясь в плен. "Шилки" снова перенесли огонь и стали

бить по Тадж-Беку и по площадке перед ним (заранее была установка - никому из спецгрупп КГБ и спецназа на площадку из дворца не выходить, потому что живым оттуда выпускать не будут). Но не все эту установку выполнили и поплатились за это жизнью. В здании на втором этаже начался пожар. Это оказало сильное моральное воздействие на оборонявшихся.

Однако по мере продвижения спецназа ко второму этажу Тадж-Бека стрельба и взрывы усиливались. Солдаты из охраны Амина, принявшие спецназовцев сперва за собственную мятежную часть, услышав русскую речь и мат, сдались им как высшей и справедливой силе. Как потом выяснилось, многие из них прошли обучение в десантной школе в Рязани, где, видимо, и запомнили русский мат на всю жизнь.

Позже мне не раз приходилось слышать мнение, что дворец Тадж-Бек брали спецгруппы КГБ, а армейцы только присутствовали при этом. На мой взгляд, это не совсем так. Одни чекисты ничего бы сделать не смогли. Конечно, по уровню личной подготовки спецназовцам труд-

но было тягаться с профессионалами из КГБ, но именно они обеспечивали успех этой операции."

Я разделяю эту точку зрения В.В.Ляховского. Когда штурмовые группы разведчиков-диверсантов ворвались во дворец и устремились к своим объектам внутри здания, встречая сильный огонь охраны, участвовавшие в штурме спецназовцы "мусульманского" батальона создали жесткое непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта, уничтожая все, что оказывало сопротивление. Без этой помощи потерь было бы много больше. Ночной бой, бой в здании требует теснейшего взаимодействия и не признает выделения каких-либо ведомств.

"Советские врачи попрытались кто куда мог. Сначала думали, что напали моджахеды, затем - сторонники Н.М.Тараки. Только позднее, услышав русский мат, они поняли, что действуют советские военнослужащие. А.Алексеев и В.Кузнеченков, которые должны были идти оказывать помощь дочери Х.Амина (у нее был грудной ребенок), после начала штурма нашли "убежище" у стойки бара. Спустя некоторое время

они увидели Х.Амина, который шел по коридору, весь в отблесках огня. Был он в белых трусах и в майке, держа в высоко поднятых, обвитых трубками руках, словно гранаты, флаконы с физраствором. Можно было только представить, каких это усилий ему стоило и как кололи вдетые в кубитальные вены иглы. А.Алексеев, выбежав из укрытия, первым делом вытащил иглы, прижал пальцами вены, чтобы не сочилась кровь, а затем довел его до бара. Х.Амин прислонился к стене, но тут послышался детский плач откуда-то из боковой комнаты шел, размазывая кулачками слезы, пятилетний сынишка Х.Амина. Увидев отца, бросился к нему, обхватил за ноги, Х.Амин прижал его голову к себе, и они вдвоем присели у стены.

Спустя много лет после тех событий А.Алексеев рассказывал мне, что они не смогли больше находиться возле бара и поспешили уйти оттуда, но когда шли по коридору, то раздался взрыв и их взрывной волной отбросило к двери конференцзала, где они и укрылись. В зале было темно и пусто. Из раз-

битого окна сифонило холодным воздухом и доносились звуки выстрелов. В.Кузнеченков стал в простенке слева от окна, А.Алексеев справа. Так судьба их разделила в этой жизни.

Х.Амин приказал своему адъютанту позвонить и предупредить советских военных советников о нападении на дворец. При этом он сказал: "Советские помогут". Но адъютант доложил Х.Амину, что стреляют советские. Эти слова вывели Генсека из себя, он схватил пепельницу и бросил ее в адъютанта, закричав раздраженно: "Врешь, не может быть!" Затем сам попытался позвонить начальнику Генерального штаба, командиру 41-й танковой бригады (тбр), но связи с ними уже не было. После чего Х.Амин тихо проговорил: "Я об этом догадывался, все верно".

Тем временем спецгруппа КГБ прорвалась к помещению, где находился Хафизулла Амин, и в ходе перестрелки он был убит офицером этой группы. Труп главы правительства ДРА и лидера НДПА завернули в ковер... Основная задача была выполнена."

"Валентин Братерский (сотрудник бывшего

Управления внешней разведки КГБ СССР), вспоминая о тех днях, поделился некоторыми своими впечатлениями о штурме дворца Тадж-Бек:

"Нас было пятеро из ПГУ и две группы по 30 человек, которые и осуществляли операцию. Уникальная группа "Гром", в которую входили классные спортсмены, должна была непосредственно действовать во дворце. Группа "Зенит" - обеспечить подступы ко дворцу. В ней были ребята из балашихинской школы, где готовят спецназовцев. Из 60 ребят в строю остались 14.

С другой стороны были большие потери. В охране Амина было 300 человек. 150 сдались в плен. Убитых не считали. Амин еще пригнал двухтысячный полк, и они окопались вокруг дворца. Полк мы прорезали, как кинжалом. Во время штурма он как-то рассеялся. Кармаль обещал, что нас поддержат 500 верных ему боевиков. Завезли для них оружие, гранаты - ждали. Из 500 человек пришел только один.

Была еще одна группа под началом майора КГБ. В их задачу входило доставить некоторых представителей афганского руководства для

подтверждения версии о внутреннем перевороте. Версия же, которая внушалась нам, - Амин связан с американцами, мы получим еще одного опасного соседа с юга. Никаких документов, подтверждающих эту версию, никогда представлено не было.

Мне все стало окончательно ясно, когда человек, застреливший Амина, сказал мне, что приказ был: живым Амина не брать. Кстати, тогда же в перестрелке был ранен в грудь и скончался сын Амина лет восьми. Я собственными руками перевязывал рану его дочери - ее ранило в ногу. Мы оставили дворец, в котором ковры были пропитаны кровью и хлюпали под ногами. Это трудно себе представить. . .

Перед отлетом нам всем обещали звезды Героев. Двое, насколько я знаю, получили, один - посмертно, всего в КГБ было награждено за это дело 400 человек, вплоть до машинисток и секретарш."

Я глубоко сомневаюсь в правдивости отдельных утверждений В.Братерского. В составе штурмовых групп его не было. За его хлесткими вы-

сказываниями я не вижу ничего, кроме незнания фактов, небрежности и некомпетентности. Звезд Героев нам не обещали, нам просто поручали выполнение оперативного задания. Так пишут те, кто сам там не был, но все и больше всех знает.

"... Уцелевшие после той ночи ребята договорились, что будут встречаться каждый год 27 декабря в семь часов вечера у могилы неизвестного солдата. Крючков запретил - мол, нечего сопли распускать... "

Да, действительно, добрых пять лет афганцы встречались в этот день вопреки запрету, но в другом месте. Они не разделяли этой точки зрения своего руководства. Председатель КГБ СССР Крючков В.А. в беседах со мной соглашался с нами, но не все было в его силах.

"На двух захваченных у афганцев танках к зданию дворца прибыла группа капитана Сатарова. Он доложил Колеснику, что когда они проезжали мимо третьего батальона бригады охраны, то увидели - в батальоне объявлена тревога. Афганские солдаты получали боеприпасы. Рядом с дорогой, по которой проезжали спецназовцы,

стоял командир батальона и еще два офицера.

Решение пришло быстро. Выскочив из машины, они захватили командира афганского батальона и обоих офицеров, бросили в машину и поехали дальше. Некоторые солдаты, успевшие получить патроны, открыли по ним огонь, а затем и весь батальон устремился в погоню за машиной - освободить своего командира. Тогда спецназовцы спешили и начали стрелять из пулеметов по бегущей пехоте. Открыли огонь и бойцы роты, обеспечивающей действия группы Сатарова. "Положили" очень много порядка 250 человек, остальные разбежались. В это же время из снайперских винтовок "сняли" часовых возле танков и чуть позже захватили их. Бой во дворце продолжался недолго. Вскоре все там было кончено. Командир роты старший лейтенант Шарипов доложил, что дворец захвачен. Полковник Колесник дал команду на прекращение огня и перенес свой командный пункт непосредственно в Тадж-Бек."

С командного пункта, вырытого на гребне горы рядом с одной из "Шилок", В.В.Колесник и

я руководили боем. По кратким радиосообщениям чувствуя его ритм, нарастание и затухание. В какой-то момент резкое усиление огня - и наступила тишина. Даже отдельных выстрелов не было.

- Все, - сказал В.В.Колесник и добавил. - Это мой первый и настоящий в жизни бой. А у Вас?

- Очередной, - ответил я после недолгого молчания.

Бой продолжался 43 минуты.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ГЛАВА 10. АФГАНИСТАН. После штурма

^ ТТ:

В.В.Колесник дал команду прекратить огонь, и мы перенесли командный пункт непосредственно во дворец. На площадке перед дворцом и внутри него к нам обоим подходили командиры групп и подразделений с докладом и за распоряжени-

ями. Уже шла эвакуация на бронетранспортерах и БМП раненых и погибших.

Вошли во дворец. Внизу, в холле, продолжали перевязывать раненых. Разгоряченные только что закончившимся боем, проверяя, нет ли затавившихся аминовцев, ходили спецназовцы и штурмовики. В.Ф.Карпухин подошел с каской в руках, показал застрывшую в триплексе пулю.

- Смотри, генерал, как повезло. Я теперь маму увижу.

М.М.Романов, Э.Г.Козлов, Я.Ф.Семенов тяжело переживали потери. Четверо убитых и 17 раненых.

"В тот вечер в перестрелке был убит общий руководитель спецгрупп КГБ СССР полковник Г.И.Бояринов, его заменил подполковник Э.Г.Козлов. По свидетельству участников штурма, в конференц-зале осколком гранаты был сражен полковник В.П.Кузнеченков. Однако все время находившийся рядом с ним А.В.Алексеев утверждает, что когда они вдвоем прятались в конференц-зале, то какой-то автоматчик, заскочив туда, дал на всякий случай очередь в тем-

ноту. Одна из пуль попала в В.Кузнеченкова. Он вскрикнул и сразу же умер. Мертвого товарища А.Алексеев взвалил на себя и вынес во двор, где положил его на бронетранспортер, который вывозил раненых. "Мертвых не берем", - кричал какой-то автоматчик А.Алексееву. "Да он еще живой, я врач", - возразил полковник. В последующем труп В.Кузнеченкова отвезли в госпиталь, а А.Алексеев встал к операционному столу.

В "мусульманском" батальоне погибло 5 человек, ранено 35. Причем 23 человека, получившие ранения, остались в строю. Остальных раненых медик батальона капитан Ибрагимов вывез на БМП в кабульский госпиталь.

В течение ночи спецназовцы несли охрану дворца, так как опасались, что на его штурм пойдут дислоцировавшиеся в Кабуле дивизии и танковая бригада. Но этого не случилось. Советские военные советники, работавшие в частях афганской армии, и переброшенные в афганскую столицу части воздушно-десантных войск не позволили им этого сделать. К тому же спецслужбам заблаговременно было парализовано управление

афганскими силами.

Не обошлось и без курьезов. Ночью нервы у всех были напряжены до предела. Ждали нападения верных Х.Амину войск. Предполагали, что во дворец ведет подземный ход. Вдруг из шахты лифта послышался какой-то шорох. Спецназовцы вскочили, стали стрелять из автоматов, бросили гранаты, но оттуда выскочил обезумевший от страха кот.

Вполне вероятно, что кое-кто из наших соотечественников пострадал и от своих же: в темноте личный состав "мусульманского" батальона и спецгруппы КГБ узнавали друг друга по белым повязкам на рукавах и ... мату. Но ведь все были одеты в афганскую военную форму, а вести стрельбу и бросать гранаты приходилось часто с приличного расстояния. Попробуй уследить ночью, в темноте, в такой неразберихе у кого на рукаве повязка, а у кого ее нет?!"

"Примерно в такой же обстановке происходил и захват здания Министерства обороны ДРА. Комитетчики и спецназ довольно быстро покончили с охраной, но начальник Генерального штаба

Якуб сумел забаррикадироваться в одной из комнат и начал по рации вызывать подмогу, прежде всего рассчитывая на 444-ю бригаду "командос". Однако никто не поспешил ему на выручку, и к полуночи, поняв всю бесперспективность дальнейшего сопротивления, он сдался на милость победителей. Милость проявлена не была. В группе захвата присутствовал афганец - один из функционеров "Парчам", по некоторым данным, Абдул Вакиль, который зачитал "предателю" Якубу приговор "от имени партии и народа" и затем собственноручно застрелил уже бывшего начальника Генштаба из пистолета."

"Утром 28 декабря, - вспоминал впоследствии офицер "мусульманского" батальона, - прозвучали последние выстрелы операции по ликвидации аминовского режима, в ходе которой спецназ, впервые появившийся в Афганистане, сказал свое веское и решительное слово. Никто из батальона не подозревал, что отгремевший ночной бой был лишь дебютом, после которого предстоит участие в сотнях операций, еще более кровопролитных, чем эта, и что последний сол-

дат спецназа покинет афганскую землю лишь в феврале восемьдесят девятого года."

"В ту ночь произошел не просто очередной государственный переворот в Кабуле, при котором власть из рук "халькистов" перешла к "парчамистам", поддержанным советской стороной, а было положено начало резкой активизации гражданской войны в Афганистане, была открыта трагическая страница как в афганской истории, так и в истории Советского Союза. Солдаты и офицеры - участники декабрьских событий искренне верили в справедливость своей миссии, в то, что они помогают избавиться афганскому народу от тирании Х.Амина и, выполнив свой интернациональный долг, вернутся к себе домой. Они не были политологами и историками, учеными и социологами, которые должны были бы предсказать дальнейший ход событий и дать ему оценку. Они были солдатами, выполнившими приказ."

Поэт-зенитовец полковник В.Е.Ревский, переживший лично все напряжение этой и последующих схваток, в своей книге "Афганский синдром"

об этом бое напишет:

"У ног - из липкой крови лужа.

Он в тело государственного мужа

Всадил обойму пуль из пистолета.

Кому-то было очень нужно это."

"Спецназовцы утром разоружили остатки бригады охраны. Более 1700 человек афганцев было взято в плен. Однако и здесь не обошлось без потерь. В частности, когда на здании штаба бригады охраны появился белый флаг, то из подъехавшего к нему БМП выскочили замполит роты и двое солдат (хотя было указание из машин не выходить). С крыши глинобитного строения, где размещалась личная охрана Х.Амина, раздалась пулеметная очередь, и все трое погибли.

Убитых афганцев, в том числе и двух малолетних сыновей Х.Амина, закопали в братской могиле неподалеку от дворца Тадж-Бек (в последующем, с июля 1980 г., в нем будет располагаться штаб 40-й армии). Труп Х.Амина, завернутый в ковер, еще ночью под руководством замполита батальона капитана Анвара Сахатова был погреб-

бен там же, но отдельно от остальных. Никакого надгробия ему поставлено не было. Оставшиеся в живых члены его семьи были посажены в тюрьму Пули-Чархи, сменив там семью Н.М.Тараки.

Даже дочь Х.Амина, которой во время боя перебило ноги, оказалась в камере с холодным бетонным полом. Но милосердие было чуждо людям, у которых по приказу Х.Амина были замордованы их близкие и родственники. Они жаждали мести.

В середине дня 28 декабря командование "мусульманского" батальона прибыло в здание советского посольства в Кабуле. Сперва доложили генерал-полковнику С.К.Магометову и резиденту ГРУ о выполненной задаче. Затем полковник В.В.Колесник связался с Москвой из кабинета посла и доложил генералу армии П.И.Ивашутину о результатах операции, одновременно предложив ему вывести батальон из Афганистана в Чирчик. Начальник ГРУ ГШ ВС СССР распорядился решать этот вопрос с командованием ТуркВО.

Сотрудники КГБ тоже доложили своему

начальству в Кабуле, затем по телефону Ю.В.Андропову. Ему же они потом подарили взятую в качестве трофея винтовку Х.Амина "Ремингтон" с комплектом снайперских прицелов."

Я доложил Б.С.Иванову о выполнении задания. Он сказал, что уже информировал в общих чертах Центр и там ждут подробное сообщение. В рабочей комнате резидентуры я принял доклады от командиров групп, занимавшихся нейтрализацией других городских объектов.

Как и ожидалось, другим наиболее трудным объектом оказался Генеральный штаб афганской армии, охрана которого была значительно усилена, а сама обстановка внутри объекта весьма напряжена. Разведывательно-диверсионной группе в прожолжительной жестокой схватке удалось отсечь и изолировать руководство Генштаба, сковать огнем подразделения внутренней охраны, уничтожить узел связи, не допустить проникновения внешней охраны внутрь здания. Бой завершился с подходом подразделения десантников. В результате, - докладывал командир группы, - уничтожены лица, оказавшие сопротивле-

ние, взяты пленные. Группа из 16 разведчиков-диверсантов, выполнила основную задачу, понеся минимальные потери 3 раненых.

Примерно 40 минут продолжался бой 9 разведчиков-диверсантов и роты десантников по овладению радио- и телецентром. Разведчики овладели объектом, имея одного легко раненного из роты поддержки. 9 разведчиков-диверсантов и взвод поддержки ВДВ из 17 человек за два часа овладели телеграфом. Потерь с обеих сторон не было.

В 21.30 27 декабря 6 разведчиков-диверсантов вместе со взводом поддержки ВДВ овладели Министерством внутренних дел, преодолев незначительное сопротивление охраны. Потерь не имели.

Не менее сложным для овладения чем Генштаб, был штаб Центрального армейского корпуса, управление и охранные подразделения которого располагались в комплексе зданий "Дома народов" - всего более 1000 человек с артиллерией, БТР и стрелковым вооружением. Этим объектом предстояло овладеть 6 разведчикам-

диверсантам, 6 военным советникам и роте поддержки ВДВ.

Группа тщательно разведала объект, разработала план действий по нейтрализации, сковыванию и, в случае необходимости, ликвидации противника. Благодаря слаженным действиям разведчиков, группы советников и роты поддержки, после 15-минутной перестрелки сопротивление противника было прекращено, овладение объектом шло по "мирному" варианту, что позволило нейтрализовать и удержать от оказания сопротивления новому режиму все части Центрального армейского корпуса. К утру 28 декабря 1978 года штаб ЦАК уже охранялся спаренными советско-афганскими постами. Сводная группа по овладению объектом потерь не имела.

Вполне понятную тревогу у нас вызывало овладение комплексом зданий афганской разведки и контрразведки - КАМ. Шесть разведчиков-диверсантов, 12 советников и два взвода десантников после тщательной разведки объекта огнем пулеметов блокировали действия подразделений охраны, ворвались на территорию объек-

та и внутрь главного здания, где соединились с находившимся там советником Чучукиным В.А., который склонил руководство КАМа не оказывать сопротивления. Потери легко раненный.

Помню, что во всех докладах командиров штурмовых групп в адрес солдат и офицеров подразделений поддержки ВДВ подчеркивалось: "Претензий к десантникам нет. Молодцы". Лица командиров групп разведчиков-диверсантов изменились. Посуровели. Их опалил огонь войны, ведь даже скоротечный бой оставляет в душе отпечаток на всю дальнейшую жизнь.

Я сел писать подробную шифровку в Москву. Она заняла несколько страниц. В ней были перечислены наиболее отличившиеся при штурме дворца Тадж-Бек сотрудники групп "Гром" и "Зенит", а также 10 офицеров и солдат "мусульманского" батальона. Это было мое предложение. Наградные же стали писать в Москве во второй половине января 1980 года.

"Вечером же произошел случай, чуть было не стоивший жизни всем руководителям операции "Шторм-333", когда они возвращались в распо-

ложение батальона на правительственном "мерседесе" и, хотя заранее согласовали сигналы с генераллейтенантом Н.Н.Гуськовым, возле здания Генштаба ВС ДРА были обстреляны своими же десантниками. Машина вдруг резко остановилась и заглохла. Олег Швец выскочил из машины и бросился за придорожные кусты. Понеслась возня и звук оплеух. "Ты что, балда, не видишь, что по своим стреляешь?" - кричал он какому-то десантнику, держа его за шиворот. "Мы здесь кровь проливаем, а вы на шикарных машинах раскатываете", отвечал лейтенант-десантник обиженно.

Вышли из машины. Подполковник Э.Г.Козлов прихрамывал. Он был ранен в ногу во время штурма. Подняли капот. Там было пять пробоин от пулеметных пуль. "Чуть выше - и все бы погибли. Так бездарно", - сказал "капитан Лебедев" (он прошел всю Великую Отечественную войну, побывал во многих передрягах, в частности, находился вместе с С.Альенде во время переворота в Чили и т.д. - Примеч.авт.). Пересели на бронетранспортер, на котором сзади ехал майор

Халбаев."

Я просил Э.Г.Козлова, В.В.Колесника и О.Л.Швеца не вспоминать об этом случае. О нем до сих пор не знала и моя жена. Я нигде не писал о нем в отчетах, но все помню, как будто это произошло только вчера.

Мы подъезжали в темноте к зданию Генштаба ВС ДРА. Можно было разглядеть, как из-за ствола дерева вышла фигура нашего солдата-десантника и открыла огонь из ручного пулемета. Первые пули впились в землю перед машиной, затем трасса пуль стала подниматься, машина заглохла. Я вслух сказал: "Чуть выше и все погибнем, так бездарно". После громкой тирады мата, выплеснутой О.Л.Швецом в сторону стрелявшего, огонь прекратился. Я вышел из машины навстречу подошедшему офицеру и спросил: "Твой солдат?" Лейтенант-десантник молчал. "Спасибо, лейтенант, что не научил его стрелять", - добавил я.

Вместе с С.Альенде в Чили я не находился. Я был там в командировке за месяц до переворота. И меня узнал один из военных разведчиков, с

которым когда-то вместе учились в ВИИЯ СА.

"Приехали в расположение батальона. Решили "отметить" успешное выполнение боевой задачи. Спустя годы генерал-майор Василий Васильевич Колесник вспоминал: "Впятером мы выпили шесть бутылок водки, а было такое впечатление, что как будто мы и не пили вовсе. И нервное напряжение было настолько велико, что, хотя мы не спали, наверное, более двух суток, заснуть никто из нас никак не мог. Некоторые аналитики оценили действия спецназа как вероломные. Но что было делать в такой обстановке? Вопрос стоял - или они нас, или мы их". И сколько бы лет ни прошло, но у каждого спецназовца штурм дворца Х.Амина останется в памяти навсегда. Это был кульминационный момент всей их жизни. Они с честью выполнили задание своего правительства."

Второго августа 1995 г., через 18 лет, посол РФ в Королевстве Швеция Олег Гриневский опубликовал в "Литературной газете" отрывок из своих мемуаров "Как мы "брали" Афганистан", в которых дает свою версию событий во дворце

Тадж-Бек:

"Роковое решение было принято Политбюро 12 декабря 1979 года в строгой тайне - никаких протоколов не велось. . .

Пятнадцать дней спустя спецотряд КГБ численностью примерно в тысячу человек штурмом взял дворец президента Амина, а советские войска вошли в Афганистан. Накануне штурма личный врач Амина, майор медслужбы Советской Армии, дал своему пациенту лошадиную дозу снотворного. Но тот почувал неладное - к тому времени он уже не доверял своему советскому окружению. Воду, к примеру, пил только из разных сосудов небольшими порциями: боялся, что отравят. Ночью спал в разных местах, порой даже в танке. Поэтому снотворное как следует не подействовало. Но все же Амин чувствовал какую-то слабость и недомогание.

. . . Амина уложили в кровать, сделали промывание и поставили капельницу. Он задремал, но автомат положил с собой рядом. В это время раздались первые выстрелы - это десантники начали штурм дворца и рвались вверх. С вер-

толета на крышу была выброшена вторая группа, которая пробивалась вниз. Охраняли Амина советские солдаты-узбеки, одетые в афганскую форму, которые не знали, кто штурмует дворец, и потому стойко защищали афганского президента.

Стрельба приближалась. Но Амин лежал спокойно и спал. Врач-майор спрятался в шкафу здесь же, в комнате, а посольский врач с медсестрой выбежали в коридор и укрылись в какой-то нише. Мимо них с топотом пробежали солдаты в камуфляже и ворвались в кабинет Амина. С ходу дали очередь из автоматов крест-накрест по шкафам, и оттуда вывалилось прошитое пулями окровавленное тело военврача.

Неожиданно Амин, который до того, казалось, спокойно спал, схватил автомат и стал стрелять. Хотя приказ был брать живым, десантники дали очередь по постели, и президент затих навсегда.

Эту грустную историю поведал нам в МИДе Василий Степанович Сафрончук советник афганского президента по внешнеполитическим вопро-

сам, тоже находившийся в день штурма во дворе. О героическом штурме пелось в балладе "Как брали Амина", сложенной тогда десантниками. Сохранилась ли она? Насколько точны детали штурма, описанные Сафрончуком?"

Василия Степановича Сафрончука я хорошо знаю. Он встречал меня в 1975 году в Нью-Йорке, когда я прилетел туда на работу. Встретились мы с ним и в посольстве в Кабуле. Он увидел меня в вестибюле первого этажа и удивленно поднял глаза. Потом столкнулись еще раз 28 декабря у лестницы на второй этаж посольства. Я был в афганской форме. Он не удивился. В день штурма во дворце В.С.Сафрончука не было и вертолета над крышей тоже.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: ГЛАВА 10. Афганцы

^ТТ:

В апреле 1980 года "закрытым Указом Пре-

зидиума Верховного Совета СССР большая группа сотрудников КГБ СССР (около 400 чел.) была награждена орденами и медалями. Полковнику Г.И.Бояринову за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи братскому афганскому народу, было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Такого же звания были удостоены полковник В.В.Колесник и подполковник Э.Г.Козлов. Подполковника О.Л.Швеца наградили орденом Красного Знамени. Получили правительственные награды также около 300 офицеров и солдат "мусульманского" батальона, из них 7 человек наградили орденами Ленина (в том числе Халбаева, Сатарова и Шарипова) и порядка 30 - орденами Красного Знамени. Они все, выполняя приказ, рисковали жизнью (некоторые погибли или были ранены). Другое дело - ради чего? Ведь солдаты всегда являются пешками в чьей-то большой игре и сами войн никогда не начинают, но часто расплачиваются своими жизнями именно они.

"За штурм дворца Амина" полковника В.П.Кузнеценкова, как воинаинтернационалиста,

удостоили ордена Красного Знамени (посмертно). Лишь немногим будет известно, что во время штурма они с полковником А.В.Алексеевым, выполняя свой врачебный долг, "воскресли" Хафизулла Амина. А.Алексееву же дали почетную грамоту при его отъезде из Кабула на Родину в апреле 1980 г.

29 декабря охрану дворца от спецназовцев приняли десантники и части 40-й армии."

По возвращении из Кабула в Москву 31 декабря 1979 г. нас принял Ю.В.Андропов.

- Трудно было? - спросил он.

- Да, через 35 лет вспоминать молодость трудно...

- Понимаю. Пробовали разрубить узел иначе, а пришлось вот так...

В середине того же дня я с одним из офицеров ГРУ, также принимавшем участие в операции, был на приеме у начальника Генштаба маршала Н.В.Огаркова. Николай Васильевич внимательно выслушал наш доклад и принял от нас единственный документ, характеризующий все особенности этого боя: лист карты с нанесен-

ной обстановкой, задачами подразделений спецназа и таблицей взаимодействия. Маршал бросил быстрый взгляд на карту и спросил: "Почему не утверждена?" Мы промолчали. Обычно сдержанный, он выругался в адрес неутвердивших боевой документ, встал и положил лист карты в свой приоткрытый сейф.

Я не осуждаю двух генералов, которым не хватило мужества поставить свои подписи, утвердить документ, воспользоваться правом, предоставленным им руководством страны. Мы уходили выполнять задание правительства, сознавая, что можем не вернуться, оставляя, как принято в таких случаях, все на сохранение другим. Их же поступок оставил щемящее чувство досады: мы рисковали жизнью, онивозможной оглаской личной причастности к этому событию. Может быть, этот их шаг характеризовал их личное отношение к решению руководства страны? Не знаю, но разделяю возмущение маршала Н.В. Огаркова.

В тот же день, в канун Нового, 1980 года, я попросил жену поехать со мной на Манежную

площадь к Вечному Огню. Падал редкий снежок. Кругом гудела предновогодняя Москва, узнавшая об афганских событиях из скупого сообщения по радио. Ее, как и всей страны, будни еще не были омрачены похоронками, порой опережавшими "черные тюльпаны". Мы положили к Вечному Огню несколько ярких гвоздик, помолчали и также молча пошли домой. По дороге я рассказал ей, что вчера ночью наш самолет сделал промежуточную посадку в Самарканде. Мы решили зайти в ресторан перекусить и стали подниматься по лестнице. Дверь ресторана распахнулась, и нам навстречу в ослепительно белом подвенечном платье вышли счастливая невеста и жених. Мы остановились, потом вернулись вниз и вышли из здания аэропорта к нашему самолету: у каждого перед глазами стояла, сверкала трассами пуль, грохотом разрывов картина недавнего боя. Мы не могли быть там, в этом зале. Это не совмещалось.

Жена рассказала, что она все поняла еще в день моего отлета 19 декабря 1979 года. "Ты так просто внезапно никогда и никуда не уезжал. А

28 числа после сообщений по радио все стало ясно: что, где, когда. Трудно было ждать прилета. Ведь никто ничего не скажет".

Она была права. Страна уже втянулась в конфликт, а у нас еще долгие месяцы скрывали, что происходят события, которые уносят жизни где-то в Афганистане. Один из находившихся там советников Игорь Васильевич Остапкин, поэт и автор ряда песен "афганцев", посвятил этим дням трогательное до слез стихотворение.

"Письмо дочери":

"Папа, папочка, миленький папа!

Я пишу из больницы тебе.

Помнишь, ты уезжал, дождик капал,

А сейчас уже снег во дворе.

Почему ты так часто в отъезде?

У других папы дома всегда.

Погулять бы по парку, как прежде,

Посмеяться с тобой, как тогда.

Ты не бойся, у нас все в порядке,

Ленка с бабушкой ходят гулять,

У меня две пятерки в тетрадке,

В танцкружок записалась опять.

Письма ждем от тебя с нетерпением,
Даже почту ругаем за то,
Что она нам по воскресеньям
Не приносит от папы письмо.
Только бабушка, если случится,
Разговор завести о тебе,
Начинает украдкой молиться,
Не пуская нас с Ленкой к себе.
Как-то раз я ее поругала:
- Ты про бога, бабуля, забудь!
- Ладно, внучка, - она мне сказала,
Только вдруг он поможет чуть-чуть.
А на днях заезжал дядя Леша,
С днем рожденья поздравил меня.
Твой подарок - кукленок курносый
Самый лучший привет от тебя.
Он рассказывал маме и деду,
Как живете, как ваши дела.
Было весело всем за обедом,
А потом я им торт подала.
Дядя Леша шутил и смеялся,
Рассказал, как красиво у вас,
Как он в горы с тобой поднимался,

Как похожа страна на Кавказ.
Только мама почти не смеялась,
Все платком вытирала глаза.
И когда с дядей Лешей прощалась,
На меня вдруг упала слеза.
Дед его провожал в коридоре.
Дверь чуть-чуть приоткрыта была,
Я услышала в их разговоре
Про военные ваши дела.
Что стреляют у вас днем и ночью,
Что немало погибло солдат,
Что известно ему стало точно,
Будто скоро ты будешь комбат.
Что в горах очень трудно сражаться,
Получает оружие враг,
Что придется еще задержаться,
Не один до победы, мол, шаг.
Дед сказал: "Тяжело ваше бремя",
И еще (я никак не пойму),
Что не легче тебе в это время,
Чем в Испании было ему.
Не ругай меня, папочка, милый,
Что подслушала их разговор.

Я тебя с еще большею силой
Жду домой, дни считая с тех пор.
Маме я ничего не сказала
И стараюсь ее я отвлечь,
Но на фото твое она стала
Все смотреть перед тем, как ей лечь.
Я тебя очень жду и тоскую.
Приезжай поскорей, мой родной.
Может быть, оттого и болею,
Что тебя нет здесь рядом со мной.
Ты в письме, помнишь, спрашивал: "Дети!
Привезти вам подарок какой?"
Ничего нам не надо на свете,
Только ты возвращайся живой!!!
И.В.А. Кабул, 20.XII.1980 г."

Лучше всего о действиях отряда "Каскад" в Афганистане написал в "Красной Звезде" А.Бражников в серии статей "Вспомни, "Каскадер", опубликованных в январе 1991 г. Поэтому ему слово.

"Настоящая история отряда специального назначения "Каскад" будет написана нескоро. Пройдет много времени, прежде чем неумоли-

мые грифы на документах станут не такими категоричными. Когда-то молодые, полные сил и энергии разведчики уйдут на заслуженный отдых, страна, наконец, в полной мере осознает масштабы подвига и меру испытания всех тех, на чью долю выпало сражаться и погибать в ущельях и долинах Афганистана.

Но печальная необходимость заставляет браться за перо и рассказывать о героическом и трагическом, несмотря на очевидную непопулярность темы афганской войны в сегодняшней прессе. Необходимость эта вызвана тем, что слишком много небылиц и просто грязи льется на участников тех событий людьми, и близко никогда не видевшими войну, не смотревшими в лицо смерти, не терявшими боевых друзей. О деятельности чекистов в период афганской войны небрежно может высказаться и бывший генерал Калугин, и "анонимный полковник", поведавший "Собеседнику" сплетни о причастности чекистов к спекуляции афганскими товарами.

Спецслужбы стран, стоящих за спинами непримиримой афганской оппозиции, и по сей

день активно проталкивают на международный информационный рынок свою "продукцию" с целью опошлить характер советской помощи Вооруженным силам и органам безопасности и общественного порядка Афганистана. Их планы по созданию в Республике Афганистан исламского режима и развертывания оттуда массивированного пропагандистского наступления на среднеазиатские республики, цель которого формирование мусульманского конгломерата, не списаны в архив. В нынешней обстановке оголтелого национализма и сепаратизма эти планы куда более обнажены, чем в период афганской войны.

В этом хоре особенно выделяется крикливый голос псевдорадикальной прессы, которая ради скандального ажиотажа не утруждает себя проверкой печатаемой информации. Журнал "Столица", например, опубликовал "воспоминания" "Как я штурмовал дворец Амина", из которых, по единодушному мнению чекистов, видно, что автор не был ни очевидцем, ни тем более участником описываемых событий, а взял за основу расхожие сплетни. Сотрудники УКГБ по Примор-

скому краю, прошедшие через огненный шквал Афганистана, требуют рассказать как можно подробнее о боевых делах и героизме советских воинов и чекистов, чтобы не допустить беззастенчивого переписывания истории на глазах поколения, которое эту историю делало своими руками. Поднимает этот вопрос и газета "Дагестанская правда" (19 сентября 1990 г.) В статье бывших воинов-интернационалистов Н.Нигматуллаева и Р.Шангереева говорится немало добрых слов о чекистах, отдавших жизни на афганской земле.

К сожалению, стало одной из плохих примет нашего времени кричать: "Я не служил, но знаю! Я не видел, но слышал!". Но когда слушаешь невыдуманные рассказы о тех годах реальных людей с ранней сединой, видишь, насколько они далеки от саморекламы и рисовки, какой спокойной уверенностью и скромностью пронизаны их слова, понимаешь, что надо писать о них хотя бы ту малую часть большой правды, которую позволяет рассказывать сегодня их суровая, не терпящая бахвальства служба. Заранее извиняюсь перед читателями, что в рассказах сотруд-

ников КГБ - бывших разведчиков отряда "Каскад" о своих боевых товарищах почти не прозвучат имена - люди эти еще находятся на разведывательной работе, и требования конспирации не позволяют сделать это.

Рассказывает полковник Г.С. "Отряд "Каскад" прибыл в Афганистан в 1980 году. Ребята были хорошо подготовлены в боевом и физическом отношении, прошли курс специальной тренировки. Конечно, знали, какова обстановка, но не предполагали, насколько она проще и одновременно сложнее в реальности. Далеко не все говорили на пушту или дари, многим приходилось объясняться через переводчиков. Отряд был интернациональным по составу - в числе разведчиков были чекисты четырнадцати национальностей. Но это не мешало им слаженно работать в ходе разведывательных и войсковых операций. Условия для работы были непростые - как раз в это время многочисленные бандформирования активно разворачивали диверсионную и террористическую деятельность. Для тех, кто предпочитает говорить о душманах лишь как о вооружен-

ной оппозиции, можно сослаться на выдержки из оперативного дневника за один только короткий промежуток времени - май-июль 1980 года. В сухих строчках донесений оппозиционеры выглядят далеко не такими "борцами за свободу", по-джентльменски воевавшими лишь против регулярной афганской армии и частей 40-й армии советских Вооруженных Сил. Факты свидетельствуют о другом: в разных провинциях почти ежедневно душманы убивали мирных жителей - врачей, партактивистов, крестьян, получивших землю. Они взрывали и жгли школы, электростанции, отравляли источники с питьевой водой, как это было в кишлаке Мири. Список злодеяний можно продолжать долго...

В такой обстановке, в числе прочих задач, "Каскаду" была поставлена цель обеспечить советское командование точными сведениями о готовящихся диверсиях и терактах, вскрывать замаскированные базы и склады оружия и взрывчатых веществ.

Одним из первых информацию о крупном подпольном складе взрывчатки добыл развед-

чик отряда старший лейтенант Анатолий Зотов. Склад находился в одном из домов кишлака, контролируемого душманами. На подступах к селению ими были оборудованы посты ПВО, оснащенные крупнокалиберными пулеметами. На основе полученных сведений военное командование приняло решение - уничтожить склад с воздуха и с непременным условием: чтобы не пострадал ни один соседний дом, где жили мирные крестьяне.

Обеспечить максимальную точность нанесения бомбового удара мог только разведчик, непосредственно отвечавший за достоверность полученной информации, поэтому Анатолий без колебаний взялся вести звено вертолетов на объект атаки. В день операции он уже с утра был на аэродроме, как всегда собранный и неунывающий. Истребительная авиация нанесла удар по выявленным точкам противовоздушной обороны "духов", и затем два вертолета вышли на цель, точно указанную Анатолием. Он сидел рядом с командиром ведущей машины и отчетливо увидел, что первый заход оказался неудачным - сильный боковой ветер снес вертолеты с курса,

и выпущенные ракеты взбили каменистую почву в стороне от склада. Командиры вертолетов, посоветовавшись по радиации, решили, что следующий заход нужно будет выполнить на минимальной высоте, чтобы обеспечить поражение цели. Поскольку боеприпасы были израсходованы, вернулись на аэродром. Боевые товарищи Зотова слышали, как пилоты твердили Анатолию: "Оставайся, ты свое сделал. Мы теперь справимся без твоей помощи". Но он настоял на своем: "Я должен лететь, завершим операцию вместе".

Повторная атака на низкой высоте, казалось, уже завершилась успехом. Ракеты пошли в цель, и в это мгновение по вертолету ударила очередь из крупнокалиберного пулемета ДШК. Перебиты рулевые тяги, и лишившийся управления вертолет, беспорядочно вращаясь, стал падать. Может быть, пилоту и удалось бы посадить машину, но от попадания ракет сдетонировали тонны взрывчатки, которыми был набит атакованный склад. Огненный смерч охватил искалеченный вертолет, машина вспыхнула, как факел, и рухнула в пламя. Из экипажа не спасся никто. Они погибли вместе:

два офицера-вертолетчика и чекист-разведчик.

Что заставило этого парня родом из подмосковных Мытищ, классного специалиста, свободно владевшего испанским языком, отца двух маленьких сыновей, добровольно написать рапорт с просьбой командировать его в Афганистан? Ведь у него были перспективы работы совсем на другом континенте, в куда более комфортных условиях. Что руководило им в упорном стремлении довести до конца начатое дело, рискованность которого он не мог не понимать?

Об этом говорил я с друзьями Анатолия Зотова, беседовал с его женой Светланой. Осмысливая услышанное, приходил к пониманию того, что яростно раскритикованный нынешними проповедниками индивидуализма советский характер - не выдумка идеологов и не плод фантазии романистов. И многие из лучших черт такого характера были воплощены в живом человеке, так рано ушедшем из этого мира.

Рассказывает жена Анатолия - Светлана Зотова. "Анатолий был удивительно цельной натурой. Честность в отношениях с людьми была его

нравственным стержнем. Все, что он ни делал, вплоть до домашних мелочей, стремился всегда сделать сам и не успокаивался, пока ему это не удавалось. При этом он был романтиком, считал, что в жизни осталось немного дел, достойных настоящего мужчины. Наверное, поэтому выбрал географический факультет МГУ - его тянуло к новизне, открытиям, новым дорогам и впечатлениям.

Побывал в нескольких экспедициях, азартно тянул нелегкую лямку походной жизни. Красоту тех мест, где удалось побывать, бережно хранил в душе, собрал большую коллекцию фотослайдов.

С огромным желанием пошел на службу в разведку, очень гордился, считал, что нашел свое призвание, работу для настоящего мужчины. Он был уверен, что жить надо по принципу "Если не я, то кто же?". И в Афганистан попросился с полным соответствием с этим принципом, с ним же полетел вторично и в тот роковой для него и его боевых товарищей вылет".

Я пишу не икону. Конечно, Анатолий был человеком со своими проблемами, недостатка-

ми и слабостями. Я подчеркиваю это, хотя сейчас обывателю приятно опустить до своего уровня миропонимания тех, чья жизнь принадлежит иным ценностям, выходящим за рамки шкурно-собственнических рефлексов. Но тем ярче моменты истинно человеческих проявлений оттеняют разрастающуюся сегодня плесень бездуховности и пошлой суеты.

Поэтому так обрадовала меня весть о том, что в мытищинской школе № 23 пионерской дружине присвоено имя Анатолия Зотова. Ребята установили тесный контакт с семьей Анатолия: помогают его престарелым родителям, приглашают на свои сборы и праздники воинов-интернационалистов. Судя по тому, с какой серьезностью относятся к своим делам ребята, с какой благодарностью рассказывает о них Светлана Зотова, можно с уверенностью сказать, что маленькие мытищинцы увидели в жизни и подвиге своего земляка четкий ориентир, помогающий их детским сердцам найти нужную дорогу в нешуточной политической игре сегодняшнего времени. Политиканы от педагогики могут сколь-

ко угодно твердить об "идеологической зашоренности" и "психологическом порабощении" пионерского движения, о том, что оно себя изжило и не оправдало. Но совершенно очевидно, что сила положительного примера в воспитательном воздействии жива и сегодня, а "идеологический вакуум" в образовании, к которому пытаются призывать адепты деидеологизации, всего лишь образец путаницы, призванной освободить дорогу для другой идеологии религиозной, буржуазной, фашистской и так далее.

Участие в войсковых операциях, бои, засады были неотъемлемой частью будней "Каскада", но такой же важной для разведчиков оставалась и основная деятельность - добывание информации о противнике и его планах, угрожавших жизни и безопасности советских солдат и гражданских специалистов. Война и здесь не замедлила испытать характер и профессиональное умение разведчиков. Сделала она это, как всегда, внезапно и жестоко.

Из оперативной сводки: "2 января 1983 года в 15.30 по местному времени в г.Мазари-Шерифе

бандиты совершили нападение на советскую автоколонну и угнали в неизвестном направлении автобус с шестнадцатью советскими специалистами, работавшими на элеваторе. На розыск мобилизованы все наличные оперативные силы".

Дальнейшие события восстановлены по рассказам разведчиков "Каскада", принимавших непосредственное участие в розыске и освобождении заложников.

Операция была подготовлена душманами тщательно и профессионально. За две недели до нападения они похитили семью афганца Абдул-Гафура, постоянно водившего ПАЗ с советскими специалистами, и, угрожая расстрелять жену и детей, принудили его к участию в бандитской акции. В назначенный день советских рабочих пригласили на празднование Нового года и попросили не брать оружия, чтобы в символически мирной обстановке отметить праздник. В одном из кварталов МазариШерифа автобус был отсечен от колонны выехавшим сбоку трактором, тут же бандитская засада, переодетая в форму царандоя, открыла огонь из-за дувалов, отвлекая

внимание охраны. Водитель автобуса дал газ и на полной скорости погнал машину по переулкам на окраину. Там, как выяснилось впоследствии, уже ждал грузовик, на который пересаживали заложников. Несколько местных жителей, заранее проинструктированных душманами, заявили в царандой, что видели автобус по дороге к ущелью Мармуль, расположенному в 20 км от города. Так умелой дезинформацией розыск в первые часы был направлен по ложному следу.

На прочесывание местности были брошены шесть батальонов афганской армии и подразделения Советских Вооруженных Сил. Через несколько часов на дороге было обнаружено тело одного из советских специалистов - Игоря Шипулина, который, как показали потом его коллеги, в момент нападения вступил в схватку с бандитами и был убит. Становилось ясно, что бандиты настроены решительно и не склонны щадить жизнь пленников. Однако проводившаяся в течение 3 суток войсковая операция результатов не дала. Зато в ущелье Карамкуль, а не Мармуль, был обнаружен укрепрайон. Разгорелся бой, в хо-

де которого бандитов удалось выбить из ущелья. В одной из пещер были найдены кандалы, список пленников на пуштунском языке и пистолет, принадлежавший Шипулину.

Дальнейшие следы заложников терялись, и на долгие дни единственной надеждой осталась лишь разведка. Невероятно, но за несколько дней чекистам удалось наладить регулярное получение сведений о передвижениях банды, уводившей пятнадцать заложников все дальше в горы, к границе с Пакистаном. Выяснилось, что небольшая, но хорошо оснащенная банда под предводительством Моулави Усмана принадлежала к "непримиримым", а это не сулило советским специалистам ничего хорошего.

В середине января поступила информация, что бандиты в назидание всем "шурави" намерены казнить пленников по законам ислама. Обстановка требовала решительных действий. При активном содействии афганских партнеров (достаточно сказать, что проблемой освобождения заложников занимался лично президент Афганистана Наджибулла) разведчики организовали ка-

нал связи напрямую с главарем банды. Переговоры с ним развивались драматично, уже только об этом можно бы написать отдельную повесть. Мулави Усман, чувствуя себя хозяином положения, ставил все более жесткие условия: то пусть все именитые граждане Мазари-Шерифа поименно подпишутся под петицией в пользу освобождения пленных, то пусть власти освободят из тюрьмы группу бандитов.

Наконец стало ясно, что бандиты не намерены ни возвращать, ни обменивать заложников.

Последние донесения подтвердили информацию о том, что советские специалисты находятся под охраной в кишлаке Вахшак (в 98 км южнее Мазари-Шерифа), сильно измождены тяжелыми переходами, подвергаются постоянным оскорблениям и издевательствам. Решение военного командования и руководства КГБ было единодушным - проводить войсковую операцию, блокировать банду в кишлаке и постараться освободить заложников путем переговоров. И в крайнем случае - боевые действия.

2 февраля на окраину Вахшака с вертолета

высадился десант в составе мотострелковой роты СА и нескольких подразделений афганской службы безопасности. Командовал десантом сотрудник КГБ подполковник Н.Вахренев. Суровая военная действительность сразу же внесла свои коррективы. Переговоры не удалось начать: десант был встречен огнем. Затянувшийся бой окончился победой, банда была почти полностью уничтожена. Но какой ценой! Погибло 10 советских солдат, 15 получили ранения, 22 человека убитыми потеряла афганская армия и царандой, были уничтожены три вертолета и четыре бронетранспортера.

Если кто-нибудь из читающих окажется бывшим участником этого эпизода специалистом, десантником или чекистомвспомните об этой операции и бое. Нам хотелось спасти всех, матери и вдовы, мы погибали сами! Повернется ли у кого-то язык говорить о несоразмерности цены, уплаченной за освобождение соотечественников? "Сам погибай, а товарища выручай!". Этот лозунг, казавшийся мне в армии сакраментальным, нарочито молодецким, зазвучал теперь жи-

вой человеческой болью и надеждой.

Операция по освобождению советских специалистов стала первым пробным камнем, показавшим прочность боевого сотрудничества между КГБ и службой государственной информации Афганистана. В повседневной, "рутинной", как говорят бывшие "каскадеры", работе притирались человеческие контакты: зрели совместные операции, передавался профессиональный опыт. А что это была за "рутина" - ночные засады, поездки за много километров в зоны, контролируемые мятежниками, для встреч с "ходаками-информаторами", беседы с бандитскими главарями, многие из которых готовы были учинить кровавую расправу с нежеланными гостями, а затем переходили "на сторону" правительства. Возраставшая самостоятельность и окрепшее оперативное мастерство афганских партнеров позволили начать постепенно сокращение работы "Каскада". В апреле 1984 г. оперативные группы "Каскада" были отозваны из Афганистана. По просьбе афганцев в стране остались несколько разведчиков в качестве советников.

Газета "Известия" (9 сентября 1988 г.) сообщила о том, как умелыми действиями службы безопасности Республики Афганистан был пресечен преступный замысел боевиков Исламской партии, руководимой Гульбетдином Хекматиаром, намеревавшихся провести террористическую акцию вблизи советского военного госпиталя в Кабуле.

О том, как удалось предотвратить взрыв, рассказывает полковник Игорь Ахмедович Н. "Приблизительно за четыре месяца до этой операции резко возросла террористическая активность военного комитета Исламской партии Афганистана, которую возглавлял Г.Хекматиар. Боевики этого комитета тайно проникали в Кабул, доставляли туда оружие и боеприпасы, организовывали взрывы и обстрелы реактивными снарядами района советского посольства и густонаселенных жилых кварталов, захватывали в плен военнослужащих Советской Армии и афганских солдат. МГБ Афганистана, понимая реальную опасность этих акций, сосредоточило все силы на проникновении в военный комитет Исламской партии.

При помощи наших советников был найден человек, согласившийся взять на себя опасную миссию внедрения в ряды террористов. Им стал молодой афганец Акиль, в прошлом солдат, неоднократно участвовавший в боях. От пули душманов погиб его родной брат, и Акилю не нужно было объяснять, по какой тонкой жердочке ему придется пройти над пропастью. К тому времени он работал водителем грузовика, неоднократно бывал в Пакистане и хорошо знал обстановку в Пешаваре, куда ему предстояло совершить не один тревожный рейс. Тщательно отработанная легенда и природная сообразительность помогли Акилю быстро наладить связи с боевиками военного комитета, среди которых оказался его школьный товарищ Тарек.

Акиль сразу же привлек их внимание. Уже на второй встрече Тарек показал ему, как готовятся тайники под взрывчатку в кузовах грузовиков, и предложил за солидное вознаграждение совершить пробный рейс в качестве наблюдателя подстраховщика. Опасный груз должен был доставить другой водитель, а на долю Акиля выпадала

задача оказывать ему помощь во всех затруднениях. Акиль согласился, но поставил условие: он выполнит это задание в ходе своего следующего рейса в Пешавар. Объяснил он это тем, что необходимо внимательно изучить работу постов царандоя и обстановку на трассе. Осторожность Акиля показалась Тареку вполне обоснованной, и он не стал настаивать.

Информация, доставленная Акилем, дала возможность чекистам и их афганским коллегам разработать конкретный план захвата взрывчатки. Для этого была подготовлена специальная группа, которая по условному звонку Акиля с границы должна была выехать в пригород Кабула Поли-Чархи, где находилась таможня, и задержать грузовик. Но жизнь преподнесла сюрприз, напомнив о том, что и в службе безопасности, рядом с отвагой и дисциплиной, могут процветать под маской угодливости равнодушие и безответственность.

Телефонный звонок Акиля, возвестивший о том, что грузовик, начиненный взрывчаткой, миновал пограничный пункт Джелалабада и дви-

жется к Кабулу, раздался в управлении безопасности рано утром. Дежуривший сотрудник, хотя и был предупрежден о возможности условного сигнала, не придавал звонку значения и вспомнил о нем лишь после обеда. Смертоносный "Мерседес-бенц" к тому времени уже мог оказаться в Кабуле. Нельзя было медлить ни минуты. Начальник группы захвата, друг Акиля - Керим вместе с начальником отдела управления безопасностью прыгнули в машину и на сумасшедшей скорости понеслись по городу к Поли-Чархи. На душе у оперативников отлегло, когда они увидели описанный Акилем грузовик в длинной очереди на таможенный досмотр. Далее была сымитирована ситуация внезапной проверки, в ходе которой привлеченные к операции солдаты царандоя "случайно" обнаружили тайник с взрывчаткой в кузове автомобиля.

Данные, полученные Акилем, и результаты допроса арестованного водителя дали сотрудникам МГБ Афганистана богатую информацию о планах диверсионной деятельности пешаварских боевиков. Впервые была захвачена такая масса

взрывчатки- более тонны пластита вещества гораздо более мощного, чем тротил. Но главное - были спасены сотни жизней советских солдат и мирных горожан Кабула. На этом пока придется закончить рассказ о разведчиках "Каскада" в Афганистане. Со временем он будет, естественно, продолжен. . . ".

Начиная с 1979 г. весь последующий период до ухода в отставку мне пришлось курировать работу подразделений нелегальной разведки в Афганистане. Уже в январе 1980 г. в беседе с маршалом С.Ф.Ахромеевым мы поставили вопрос о постепенном выводе советских войск из Афганистана, понимая особенности страны и обстановки, однако это мало зависело от нас.

Среди афганских разведчиков и офицеров "Коммандос" у меня осталось много друзей. Четыре долгих и напряженных, полных тревог и опасностей года провел в доме на окраине Кабула мой сын с семьей. И внук Женька в 10 лет понял, что такое настоящий автомат, подствольный гранатомет, какую позицию надо занимать в случае возможного нападения душманов. Мы не

прятали своих сыновей от суровой действительности.

Наверное, я что-то смог сделать тогда (в 1979-1988 гг.), чтобы снизить до возможного минимума потери среди своих подчиненных и личного состава приданных подразделений обеспечения. Руководство Комитета госбезопасности понимало нас и поддерживало, хотя порой и возникали отдельные трения.

"Каскадеры", я уверен, сохранили теплую память друг о друге. Где-то в запасниках разведки хранится сверкающий никелем карабин, который они преподнесли мне с дарственной надписью "Командиру от декабристов", а мне об этих днях постоянно напоминает самодельная медаль "Каскадеров". На ее маленьком латунном диске изображена речка Кабулка, город на фоне гор, а на обратной стороне слова: "Ничто на земле не проходит бесследно. Помни Афганистан".

В те годы у "каскадеров" в Кабуле, куда они возвращались после боевых операций, бывало много гостей. Игорь Васильевич Остапкин посвятил разведчикам много замечательных стихов, в

которых увековечены "каскадеры". Одно из них посвящено Александру Пунтусу, одному из лучших разведчиков специального назначения, погибшему в Афганистане. Прочтите его.

"А.Пунтусу

Я сегодня человека встретил,
У подъезда издали заметил
И подумал - долго не встречался
Подошел, а вышло - обознался.
Тот же рост и также ладно скроен,
Иронически он был всегда настроен,
Улыбался в черные усы.

Броской был, мужской он красоты.
Помню, как знакомились мы в Чаке,
Где стоял с друзьями он для драки.

Спали средь развалин ресторана,
Ветер с гор будил их утром рано.

А окрест глядели пулеметы.

У ребят военные заботы:

Кто-то заступает в караул,
Чтобы спал спокойно тот аул.

Ну, а мы сидели у костра,
Водка, как всегда, была остра.

А закуска - суп, еще консервы.
Выпили, чуть-чуть ослабили нервы.
В сумерках блеснули анекдоты,
Кто-то невзначай поддел кого-то.
Ну и он ввернул здесь пару фраз,
Жизнью подтверждаемых не раз:
"Водки, братцы, много не бывает,
Просто нам закуски не хватает!"
Тут бродячий кот прервал беседу
В поисках остатков от обеда.
Чтоб нахал застолью не мешал,
Пистолетом он его пугал.
А потом мы в БэТэРе спали
И от холода всю ночь дрожали.
Утром чуть забрезжило светило,
Вертолеты сверху опустились,
Мы простились с новыми друзьями,
И в тепло, уют умчались сами.
Я сегодня человека встретил,
У подъезда издали заметил
И подумал - долго не встречался
Подошел, а вышло - обознался.
Тот же рост и также ладно скроен,

Иронически он был всегда настроен,
Улыбался в черные усы.
Броской был, мужской он красоты.
И еще однажды в воскресенье,
Земляка отметить день рожденья
Собрались в кругу однополчане.
Кружками заздравно застучали.
За столом сидел я рядом с ним
Сильным, смелым, умным, молодым.
Александром звать, а сам из Бреста.
Там живет и там нашел невесту,
Двое сыновей и мать-старушка. . .
Стукнулись заздравно наши кружки.
Пели песни и стихи читали,
Я узнал их радости, печали,
И хотя они всегда смеялись,
В песнях грустные слова встречались:
Как в бою ты ранен, враг уж близко,
Наклоняется к тебе наемник низко,
Вот уже и кольт к виску приставил,
Улыбаясь, щуря левый глаз:
"Много красных к черту я отправил,
Русского кончаю в первый раз. . . "

Их по свету много поносило,
Всякое в судьбе скитальцев было.
Краток о себе его рассказ:
"Выполнять готов любой приказ.
Лишь по праздникам погоны носим,
В пекло мы пойдем, зачем, не спросим".
Он этапы разные прошел,
Орденом за смелость награжден,
Был во многих дерзких заварушках.
Стукнулись в знак дружбы наши кружки.
Многое сумел бы я узнать,
Если бы разрешалось рассказать.
Он позвал к себе, я отказался,
Как всегда на день другой сослался.
Мы ценить общенье не умеем,
И об этом после сожалеем.
Я сегодня человека встретил,
У подъезда издали заметил
И подумал - долго не встречался,
Подошел, а вышло - обознался.
Сумерки спешат уже к окну.
Телефон прорезал тишину,
Голос в трубке земляка тревожен,

Говорит он тихо, осторожно.
Говорит, нелепый вышел случай,
С болью имя я его услышал.
До последнего патрона он стрелял,
А потом сознание потерял.
Он погиб как в песне, что мы пели,
Раненый - его добить успели,
И помочь ребята не смогли,
Сашку, что из Бреста, не спасли.
Он погиб реально, не в рассказе,
Двое сыновей остались сразу.
Рослые, с прямым открытым взглядом,
Да еще останутся награды...
Я сегодня человека встретил,
У подъезда издали заметил
И подумал - долго не встречался
Подошел, а вышло - обознался.
Тот же рост и также ладно скроен,
Иронически он был всегда настроен,
Улыбался в черные усы.
Броской был, мужской он красоты.
И до слез обидно мне признаться,
Больше не могу я обознаться,

Встретившись с похожим человеком,
Кто ушел от нас уже навеки!

20.X.1980 года"

Афганцы все помнят. И каждый год 27 декабря в 15.00 они встречаются на условленном еще после первого боя месте. Поят, посмотрят друг на друга, поговорят и помолчат. Стыдно за все должно быть другим.

Ввод войск в Афганистан, вне всякого сомнения, был ошибкой. Очаг опасности для нашей страны там был, данных на этот счет имелось достаточно. Разрешать же кризисную ситуацию следовало путем переговоров. Критикуя тогдашнюю власть за эту недальновидность, у нас заодно подвергли поруганию труд солдата, выполнявшего приказ военно-политического руководства с верой в его справедливость. Это ослабило боеспособность армии. Оскорбив и унизив солдата, лидеры государства и общество, лишили себя права на защиту с его стороны.

Труд солдата на Руси истари был в почете. Опасность, нависшая сегодня над страной, настоятельно требует исправить эту вторую ошибку.

ку. Пока не поздно, пока. . .

ГЛАВА 12. ПРЕДАТЕЛИ: КАЖДЫЙ РЕШАЕТ САМ - БЫТЬ ИМ ИЛИ НЕ БЫТЬ

"Предатели предают прежде всего себя самих"

Плутарх

Для измены Родине нужна чрезвычайная низость души

Циолковский

В последнее время зарубежные корреспонденты неоднократно задавали мне вопрос о перебежчиках и предателях в КГБ и разведке. Их интересовало, что происходило в КГБ, когда изменял старший офицер? Какими были контрмеры (мероприятия по локализации)? Был ли я лично связан с каким-либо делом перебежчика в эти последние десятилетия, что мог бы рассказать о них? Это одна из самых сложных проблем. Разведчик становился невозвращенцем или в результате перевербовки противником из-за допущенных промахов в работе, или по политическим, или личным мотивам. В любом случае - это измена Родине и долгу, это удача для противника,

которому удалось подчинить своему влиянию, завербовать или склонить на свою сторону русского разведчика. В войне разведок периода "холодной войны", да и сейчас, это одна из главных целей наших оппонентов.

Каждая измена разведчика в КГБ всегда воспринималась болезненно, весьма тревожно. Надеюсь, что мои оппоненты во Франции, Англии, США, Германии это испытали на собственном опыте: каждая измена, уход к противнику заставлял пересматривать все.

Касались ли меня, как одного из руководителей разведки, последствия предательств или дел перебежчиков? Конечно. Мне знакома, и весьма глубоко, горечь неудач и боль поражений. Я был свидетелем падения Аркадия Шевченко в Нью-Йорке, спасал преданных Гордиевским, Кузичкиным и другими. Все они забыли, что Родину любят и берегут, как мать, даже если она в нищенском одеянии, а не поносят на всех перекрестках мира.

Чаще всего интересуются изменой Шевченко. Что ж, еще несколько слов о нем.

Неуклюже попытался он представить себя жертвой в передаче "Совершенно секретно", давая интервью нью-йоркскому корреспонденту радио и телевидения В.Звягину (февраль 1992 г.).

Как бы ни изменилось время, но предатель - все-таки иуда. В газете "Советская культура" (8 декабря 1990 г.) была опубликована статья спецкора А.Макарова под заголовком "Не хочу выглядеть иудой. Я жертва. . ." В основу статьи было положено интервью корреспондента с предателем Родины Аркадием Шевченко. Характер публикации и высказывания Шевченко выглядят стремлением убедить читателя в том, что бывший советский дипломат оказался просто жертвой существовавшей в СССР системы, а не государственным преступником, который нарушил верность Родине.

В 1985 г. в США вышла книга Шевченко, названная им "Разрыв с Москвой". А несколькими годами раньше там же появились мемуары его любовницы Джуан Чавез ("Любовница перебежчика"). Материалы этих двух книг наглядно демонстрируют всю глубину падения Шевченко

как человека и гражданина, опровергают его заявления корреспонденту газеты "Советская культура", что он "не изменил Родине, России...".

В опусе "Разрыв с Москвой" приводится факт, который свидетельствует о том, что Шевченко находился под контролем ЦРУ задолго до своего ухода. На встрече с представителем ЦРУ Б.Джонсоном, в ходе которой Шевченко обратился к нему за помощью в решении вопроса о предоставлении политического убежища в США. Американец сказал прямо: "Мы знаем о Вас многое. Мы следили за Вашей карьерой в течение длительного периода времени. Для меня важно знать, уверены ли Вы в принятом решении. Если у Вас есть сомнения, Вы должны изложить их мне. Поскольку, если механизм будет запущен, никто из нас не сможет остановить его".

А.Макаров, автор статьи, в предисловии отмечает, что Шевченко "не скрывал своего сотрудничества с ЦРУ". В своей книге Шевченко действительно не скрывает своей связи с ЦРУ, но скрывает причины, из-за которых пошел на сотрудничество со спецслужбами. В первой гла-

ве, "Шпион по принуждению", его объяснения по этому поводу противоречивы и лишены логики.

В интервью корреспонденту Шевченко уверяет: "Мои взаимоотношения с ЦРУ были вынужденными. Я не имел возможности их избежать". В книге же он упоминает о возможности получения политического убежища в Соединенных Штатах путем непосредственного обращения к представителю США в ООН Д.Скали: "Может быть, мне следовало бы заявить о своих намерениях американскому представителю в ООН Джону Скали. Я знал его довольно хорошо, и я чувствовал уверенность, что он не предложил бы мне стать шпионом". Однако Шевченко не стал прибегать к этому варианту, а решил сотрудничать с ЦРУ.

На вопрос корреспондента: "А бывали ли у Вас после Вашего побега моменты страха?" - Шевченко ответил: "Даже сны одолевали, что я в руках КГБ. . . " Настоящий страх "одоле" его гораздо раньше, когда он понял, что оказался в ловушке у ЦРУ. Это и явилось подлинной причиной его сотрудничества со спецслужбами США.

Так, Шевченко признается в книге: "Затем мне в голову пришла страшная мысль, что в действительности у меня нет выбора. . . Неоднократно сотрудники КГБ предупреждали советских дипломатов, что в случае, если бы мы отклонились от предписываемых ими правил поведения, ЦРУ и ФБР не упустили бы возможности записать на пленку или сфотографировать нас. . . , американцы могли доказать Советам, что я был предателем. Они могли бы шантажировать меня. Я знал, что мир шпионажа имеет свои собственные правила, и подозревал, что КГБ не претендует на исключительное право быть жестоким. Я понял, что попал в ловушку".

В интервью Шевченко сетует: "Если бы я не был загнан в угол, если бы не крайние обстоятельства, если бы у меня был другой путь поменять судьбу, я никогда бы не пошел на контакты с ЦРУ". Из его путаных разъяснений по этому поводу в книге становится понятно, что возможными обстоятельствами, "загнавшими его в угол", была встреча с Джонсоном, на которой его могли записать на пленку и снять камерой. Однако

серьезным поводом для этой встречи в свою очередь должны послужить какие-то другие "крайние обстоятельства", которые заставили его пойти на сотрудничество с ЦРУ и о которых он предпочитает умалчивать как в своей книге, так и в беседе с А.Макаровым.

Последнему Шевченко сокрушенно говорит: "... в сознании многих честных людей я изменник, предатель...". А затем задает риторический вопрос: "Разве был я шпионом в подлинном смысле слова? Шпион - это профессионал-разведчик, находящийся на службе у того или иного государства, который выполняет определенные указания, подчиняется конкретному руководству. Не совсем так было со мной, а в некоторых отношениях и совсем не так". По мнению Джонсона, от Шевченко и не требовалось каких-либо особых профессиональных качеств разведчика. Согласно мемуарам Шевченко, на одной из встреч с ним Джонсон подчеркнул, "... что американцы не имеют намерения вовлекать меня в опасные операции, и что они не хотят, чтобы я следил везде за людьми или воровал и фотогра-

фирмовал документы!".

И еще уточнил: "Минуту назад Вы сказали, что хотели бы сделать что-либо стоящее. Вы думаете, что побег - это единственное, что Вы можете сделать?".

"... У нас были и другие мысли". "Не соглашусь ли я на определенное время остаться на посту заместителя генерального секретаря ООН. Ведь я располагаю большим объемом информации, которую я мог бы передавать, если мы будем работать вместе. Я могу оказать помощь в получении информации о советских планах и намерениях, о планах советского руководства".

"... Вы хотите, чтобы я стал шпионом?" "Я не назвал бы это шпионажем. Скажем так, время от времени Вы будете передавать нам информацию на встречах, подобных сегодняшней...".

"... автоматически я ответил Джонсону, что обдумаю его предложение".

Таким образом, для совершения предательства со стороны Шевченко ЦРУ достаточно было получать от него секретную информацию: "Что они жаждали получить от меня - это была ин-

формация, к которой я уже имел доступ". На встрече с Джонсоном Шевченко заявил: "Я здесь не по импульсивному решению. Это не решение последних дней. Мысль о побеге укреплялась во мне годами, и я готов сейчас к этому шагу и прошу вас помочь...". "...я пытался подчеркнуть, что по духу я не являюсь больше советским человеком. Мотивировка казалась мне слабой, и я снова пытался подойти к проблеме под другим углом...". "В моем офисе в ООН я принял решение порвать с советской системой".

Шевченко не является обычным перебежчиком, в чем он пытался убедить корреспондента "Советской культуры" на протяжении всей беседы с ним. Он стал на путь предательства и сотрудничества с ЦРУ, что со всей очевидностью следует из его "литературных" воспоминаний.

После вышеупомянутой встречи с представителем ЦРУ, как пишет Шевченко, он "начал обдумывать предложение Джонсона стать шпионом..." "...К своему удивлению, я стал склоняться к согласию с предложением Джонсона. Будь я на его месте, а он на моем, я знал, что

сделал бы все, что можно, чтобы использовать возможность проникнуть в Советы на самом высоком уровне. Чем больше я привыкал к этой мысли, тем больше находил позитивных аспектов в его предложении... Более того, думал я, работа на американцев в течение определенного времени будет наиболее эффективным способом развеять возможные их сомнения в моей честности и искренности.

Американцы предоставят мне политическое убежище, это хорошо, но я понимал, что у них не будет передо мной никаких обязательств сделать для меня что-либо большее, а мне потребуется защита на некоторое время и помощь в устройстве новой жизни... После допросов они могут выбросить меня как выжатый лимон. А я надеялся на большее".

"Я принял решение доказать свою готовность перебежать не словами, а делами. Во всяком случае, первым импульсом было помочь раскрыть секреты советского режима и выступить против него; я хотел помочь Западу".

Получаемые от Шевченко важные сведения

политического характера предназначались для информирования администрации США. Следовательно, Шевченко находился на службе у государства (США), хотя он и пытался это отрицать в беседе с А.Макаровым: "Джонсон заявил, что Вашингтон осведомлен относительно того, что я не связан с КГБ, что его правительство верит в мою искренность".

Что касается выполнения им определенных указаний, то разведывательное задание Джонсон поставил перед Шевченко очень определенное: "Они (американцы) хотели быть осведомленными по вопросам политики, политических решений, и как эти решения принимаются.

Они были рады информации, которая исходила от моих связей, контактов, моей работы".

"Вы работали близко с Громыко и многими другими. Вы знаете, о чем они думают и что происходит в политических кулуарах в Москве и здесь в представительстве (миссия СССР в ООН). Вы можете нам помочь понимать: какую они политику ведут, каким образом она формулируется, кто за этим стоит".

"Я ответил, что собирался это объяснить специалистам, и для этого необязательно оставаться на моем посту". "Есть в этом и другой аспект, - прервал меня Джонсон, - ... Ваша собственная мотивация. Вы убедили меня, что решение не было импульсивным. Если бы Вы хотели благосостояния и безопасности, Вы бы остались с Советами, но если Вы действительно хотите бороться с ними, мы можем помочь Вам сделать это самым эффективным путем".

В интервью Шевченко заявил следующее: "ЦРУ не ставило передо мной условия, что я обязан отвечать на все вопросы и делать то, что они мне укажут. Никогда, никогда этого не было... Сообщил американцам я только то, что сам считал нужным. Делал это дозированно... Мой шпионаж был очень близок к тому, что испокон веков делают все дипломаты мира. На что-то намекают, что-то раскрывают, что-то выведывают". В своей книге Шевченко пишет: "Я не осознавал в то время, что я обдумывал решающий момент. Я не установил ограничения на продолжительность моей секретной службы. Я вступил

в тайный мир без определенных границ".

Указания Джонсона относительно того, с чего Шевченко должен начать свою разведывательную работу, выглядело так. Джонсон "предложил, чтобы я начал с самых последних телеграмм, полученных в представительстве, дата, время, когда они были отправлены, текст, настолько полно, насколько я мог добыть его". Шевченко понимал, что "сделать копию шифр-телеграммы в советском представительстве почти несомненно способствовало бы расшифровке" всей телеграфной переписки американцами. Единственное, что Шевченко волновало при этом, - необходимость "рисковать своей шеей", а не забота о недопустимости передачи дозированной информации.

Согласно мемуарам Шевченко, он отказался от снятия копий с шифртелеграмм, однако на очередном свидании в устной форме подробно изложил Джонсону содержание шифротелеграммы из МИД СССР по советско-китайским отношениям (в МИД СССР телеграмму отправил из Пекина посол СССР В.Толстиков). Джонсона ин-

тересовали все детали, в том числе, "кто подписал ее и какая дата была на ней". В этой связи заслуживает внимания такая фраза Шевченко: "Хотя телеграмма не содержала информации большой важности, мы обсуждали ее довольно долго в тот вечер".

В дальнейшем Шевченко снабжал ЦРУ важной политической информацией, к которой имел доступ как в представительстве СССР в ООН, так и во время своего пребывания в Москве. Так, например, однажды Джонсон поинтересовался у Шевченко, как он планирует использовать свой отпуск в Москве. При этом Шевченко отмечает, что "он (Джонсон) и его руководство в Вашингтоне пришли к заключению, что я мог бы, не подвергая себя риску, добыть разведывательную информацию. В Москве, занимаясь своими обычными делами, я бы выяснил последние результаты советских замыслов на высшем уровне и собрал бы информацию о лидерах. Я увиделся бы с Громыко и другими высокопоставленными должностными лицами в Центральном Комитете и Министерстве иностранных дел".

"Я держал Джонсона в курсе всего известного мне о происходившем в Кремле, особенно по разногласиям Брежнева с Косыгиным по будущему курсу советскоамериканских отношений, об инструкциях, получаемых Добрыниным в Вашингтоне, деталях советской политики.

Я информировал его о советской позиции на переговорах по разоружению, включая возможные уступки, сообщал о планах СССР по продолжению в Анголе борьбы с движением, не признающим Москву.

Я передавал экономическую информацию по нефтерождениям в Волго-Уральском регионе и Оби, что добыча будет сокращаться и что в ближайшие годы СССР будет расширять добычу на более мелких месторождениях, менее доступных.

Вполне естественно, я рассказывал ему обо всем, что происходило в миссии".

Элленберга (сотрудник ЦРУ) интересовали комментарии посла СССР в США А.Добрынина "о политическом и экономическом положении в Соединенных Штатах, его оценки американских программ и положения в военной области, его

прогноз относительно советско-американских отношений". Шевченко "внимательно прочитал отчет Добрынина (ежегодный отчет посольства) и сделал пометки", а затем сообщил Элленбергу "самое важное и пообещал предоставить позже более полное сообщение".

В мае 1978 г. в Нью-Йорке состоялась специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Элленберг поставил перед Шевченко задачу получить подробную информацию о позиции СССР при подготовке к этой сессии. Шевченко пишет: "От делегатов, которые приехали из Москвы для участия в подготовительном комитете, я узнал, что основы советской позиции выработаны. Я передал ее детали ЦРУ".

В своих мемуарах Дж.Чавез высказывает предположение, что Шевченко работал над книгой "Разрыв с Москвой" с помощью ЦРУ ("Любовница перебежчика", с. 185-186). Она также утверждает, что ее русский клиент расплачивался с ней деньгами, которыми его снабжало ЦРУ.

Став на путь предательства, Шевченко испытывал страх и тревогу за свою судьбу. С тем,

чтобы успокоить его, представитель ЦРУ обещал ему сделать все для его безопасности, отработывал с ним необходимые для этого меры. Шевченко испугался, что будет обнаружен, просил Джонсона проверить, есть ли за ним наблюдение со стороны КГБ. Джонсон обещал незамедлительно этим заняться и сразу же поставить Шевченко в известность, если появятся малейшие подозрительные признаки, и заверил, что американцы сразу же вмешаются.

Джонсон: "Если они (КГБ) попытаются Вас отправить в СССР, они вынуждены будут воспользоваться аэропортом Кеннеди. Там-то мы вмешаемся и сможем выяснить, покидаете ли Вы страну по собственному желанию". "Если это произойдет (т.е. планирование по принудительному вывозу в СССР), то Вы должны подать сигнал, например, поднять правую руку, и мы будем знать, что Вам нужна помощь".

Джонсон оговаривал с Шевченко условные знаки на случай, если ему потребуется их помощь в здании миссии - вызов к дантисту означал, что Шевченко должен позвонить Джонсону.

"Почему бы Вам не попробовать работать по такой схеме. Я знаю, Вы можете это сделать. Это окажется гораздо проще, чем Вы думаете. Не волнуйтесь, мы не допустим, чтобы Вы попали в опасную ситуацию".

На одной из встреч Джонсон обратился к Шевченко: "Вы не будете возражать, если к нам присоединятся на последующей встрече еще люди? Некоторые из моих коллег хотят знать о других советских представителях в миссии и секретариате. Какова их реальная работа?".

"Вы имеете в виду КГБ? Это займет много времени. Их сотни, плюс военные. . .".

"ФБР хочет быть уверено, что они наблюдают именно за нужными людьми".

"Вы могли бы оказать большую услугу, указав на возможно большее число из них".

"Я согласился выполнить его просьбу. Я не испытывал никакого угрызения совести, указав на сотрудников КГБ в Нью-Йорке. . . Мне доставит удовольствие раскрыть все, что я знаю о них. И тем самым я продемонстрирую мои убеждения, помогая проникнуть в систему советского

шпионажа".

Совесть, честь для Шевченко - понятия отвлеченные. Во всех своих действиях и поступках он никогда не помышлял о высоких принципах, в приверженности которым пытался убедить пытливого корреспондента. В жизни он руководствовался только такими нормами морали, которые во всех странах и среди всех народов принято считать низкими и лишенными какой бы то ни было нравственности.

О скрытом характере Шевченко, его неискренности в отношениях с людьми может свидетельствовать его собственное признание в книге, что он "играл в лицемера не только на публике, на партийных собраниях, во время встреч со знакомыми, но даже в своей семье и с самим собой". Чавез подтверждает этот факт: "Он всегда вел жизнь, которая была ложью. Он никогда не доверял никому, даже своей собственной семье. Я знала, что это такое, потому что я была сама проституткой".

Она описывает состояние Шевченко, в котором он находился в первые недели после своего

ухода. "Что я увидела, представляло собой развалину человеческого существа. Состояние его здоровья было ужасно с психической и физической точки зрения, он пил днем и ночью. Он бывало даже просыпался среди ночи, вставал и выпивал глоток водки. Трудно было поверить, что он когда-то был таким важным..." Из ответа Шевченко на вопрос интервьюера о семье ("Какую же судьбу готовили Вы своей семье?") может создаться впечатление, что предатель искренне переживал разрыв с семьей. В беседе с корреспондентом он даже пытался "категорически" протестовать против выдвинутых со стороны общественности в СССР и США обвинений в том, что он бросил свою семью, детей. На деле все выглядело совсем иначе. В угаре своих "амурных" походов Шевченко вряд ли мог серьезно задуматься о той горькой участи, которую он уготовил своей семье.

Чавез "колоритно" повествует об отношениях с Шевченко, не скрывая, что была проституткой, "девушкой по вызову". Да и Шевченко знал об этом и, как положено в подобных ситуациях,

расплачивался с Чавез наличными за каждый ее "вызов". Она также не упускает повода заметить, что, кроме нее, у Шевченко была другая женщина, тоже проститутка, от которой он заразился венерической болезнью.

В лице Шевченко мы видим не просто человека, который потерял честь и достоинство гражданина. Он совершил тяжкое государственное преступление, предал Родину.

Из всего сказанного о Шевченко закономерно следует: "и все-таки иуда...". Но на этом не хотелось бы ставить последнюю точку. Прошло уже много лет, но у меня до сих пор вызывает недоумение тогдашняя позиция газеты "Советская культура" и автора статьи А.Макарова, которые со слов изменника проповедуют апологику предательства. Но нет, видимо, необходимости убеждать кого-либо в том, что любое предательство всегда отсвечивает тридцатью сребренниками.

Умер Шевченко 28 февраля 1998 года в своем доме в пригороде Вашингтона. Информация о его смерти попала в прессу через 10 дней,

в марте. Умер тихо, один, оставленный всеми. Представитель фонда "Джеймстаун фаундэйшн" Билл Геймер назвал "настоящим позором для США", что Шевченко закончил свою жизнь "таким несчастным и одиноким", превратившимся в отшельника.

На тайных похоронах присутствовало только несколько сотрудников американских спецслужб. Место захоронения держится в секрете.

Известно, что в октябре 1978 года Верховный суд РСФСР заочно приговорил его к смертной казни. Отрадно, что американцы в своих сообщениях о его кончине не стали связывать смертный приговор и неожиданную смерть от сердечного приступа. Пресс-секретарь местной полиции Энн Эванс заявила, что "это выглядит как естественная смерть, и здесь не было никаких грязных игр. . . "

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: ГЛАВА 12. ПРЕДАТЕЛИ: О Гордиевском

^ТТ:

Непродолжительное время он работал у нас в нелегальной разведке на вспомогательном участке. Его данные позволяли ему стать хорошим разведчиком, но ему показалось у нас трудно и опасно. Изменив Родине, он перешел на другой участок работы в легальной разведке и стал подниматься по служебной лестнице. Продавать же врагу он стал своих товарищей по прежней работе и известные ему дела, понимая, что искать причину провала мы начнем у себя. Первыми, кого он предал в самом начале 70-х годов, были нелегалы Г. и Т. Г. вовремя заметил слежку, стал искать ее причины, свои ошибки и не мог допустить, что на это способен легальный советский разведчик. Но слежка продолжалась. Высокое нервное напряжение, боязнь за судьбу двоих детей, жены, находившейся на последнем месяце беременности, стали причиной психического расстройства. Т., уловив неладное, прекратила всю оперативную работу мужа и свою, уничтожила все улики, прекратила связь с Центром и "увез-

ла" больного мужа на юг на лечение. В одной из стран она поместила мужа в больницу, родила ребенка, а затем нашла в себе силы всех четверых перебросить через чужие границы в Москву, зная, что английская контрразведка идет за ними по пятам. Такие предательства не забывают, Гордиевский. Мы могли бы припомнить еще кое-что, да рановато.

Так он продал и нелегалов Мартыновых с двумя малолетними детьми. Предавал хладнокровно, демонстрируя своим новым хозяевам, как он проводит переброску нелегалов. Сообщая даже отрывочные, подсмотренные у друзей данные, консультировал их, как быстрее и легче найти конкретного нелегала или агента.

У нас один за другим одно время происходили провалы и сбои в работе. Чувствуя утечку данных, мы искали, анализировали. Он оберегал себя, знал, что наша служба безопасности не перестает искать канал утечки, предателя. Он выдал себя, проявив чрезмерный интерес к своим личным друзьям, с которыми когда-то учился, тогда активным нелегалам, которых хотел про-

дать своим хозяевам - ведь 30 сребренников надо отработать. Он смог уйти, но мы спасли этих и других нелегалов из петли, которую спецслужбы противника пытались затянуть на их шее. Некоторых буквально вырывали из рук противника. Мы знали, что предатель, получив любую нашу шифровку, сначала показывал ее своим "боссам", а потом поручал сотрудникам резидентуры исполнить, засыпал нас дополнительными вопросами, надеясь помочь "разоблачить" нас.

Предательство Гордиевского нанесло определенный ущерб многим подразделениям разведки. Мы его преодолели. Приговор, вынесенный ему, остается в силе, и никакие конъюнктурные поправки не отменяют его. Он знает об этом. Именно поэтому он постоянно пребывает в состоянии страха, встречаясь с бывшими соотечественниками, впадает в истерику. Героя из него не получилось.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ГЛАВА 12. ПРЕДАТЕЛИ: О Кузичкине

^ ТТ:

Его переход на сторону противника был обставлен драматично, с элементами таинственности, произошел в трудный момент для советско-иранских отношений.

Мы всесторонне и детально анализировали последствия его поступка, ущерба, нанесенного внешней и нелегальной разведке.

Кузичкин любил подчеркнуть, что он "русский офицер". Я внимательно прочел его книгу. Я хотел бы сказать ему, как бывшему русскому офицеру, что в Соборном Уложении 1649 года царя Алексея Михайловича "О службе всяких ратных людей Московского государства" в статье 20-й записано: "А будет тот, будучи на службе государевой, учнет изменою из полков переезжати в неприятельские полки и там про вести и про государевых ратных людей сказывать... и сыщется про то допряма: и такова переезжика казнити смертию, повесити против неприятельских полков...".

Недавно знакомые, встречавшиеся с ним в Англии, рассказали мне, что он очень много пьет, стал молчалив, мрачен. В своей книге он был недостаточно откровенен даже с самим собой. Он оказался в один из трудных моментов своей жизни слабым и не может простить себе этого. Он сам вынес себе приговор, сам избрал свою судьбу. Как "русскому офицеру", ему это должно быть ясно. Он обесчестил себя. Ему и нести этот крест.

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ДТ: 15.05.1999

^АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ЗГ: ГЛАВА 12. ПРЕДАТЕЛИ: Еще об одном

^ТТ:

Я не назову его фамилии и имени. Просто ОН. В нашей стране продолжает жить и растить детей его жена, горюют престарелые родители.

... Она не просила за него. Она все поняла. Знала, что и она виновата, что не остановила его от этого шага, не уберегла от предательства,

а предала и самое себя и своих детей. Он залез в долги, растратив служебные деньги, задолжал товарищам. Она видела, получала подарки, но не спросила, откуда они, на какие деньги, ведь не из зарплаты.

Чтобы покрыть долг, он попросил недостающую сумму у американского разведчика в обмен за информацию о работе своего ведомства. Американец деньги дал, но потребовал многого. Он стал продавать все, придумав себе в оправдание, что продает не Родину, а лишь ведомство.

О его предательстве мы узнали от... его же новых хозяев. Между собой американские разведчики делятся куда больше, чем мы, русские. Он нанес бы большой ущерб, он выдал все, что знал. Мы смогли своевременно вывести из-под его удара почти всех нелегалов, агентуру, но были и потери.

Какова его судьба? Как и Кузичкин, он был офицером. Мы вынудили его новых хозяев направить его к нам. Они сами захотели сделать это с его личным участием. Его судьбу решали следственные органы.

В жизни каждый делает свой выбор, находит свой берег. Но если этот выбор связан с предательством интересов Родины, с причинением материального, морального, физического ущерба другим, ответственность и возмездие неизбежны. Попытки оправдать предательство делают любого соучастником содеянного ранее и будущих преступлений. Иуда всегда Иуда.

Через 11 лет германский журнал "Шпигель" (N 20 от 15.5.1995 г.) в рубрике "Секретные службы" опубликовал статью "Сотрудник ЦРУ выдал агентов, которые в СССР затем были приговорены к смертной казни": "По прошествии более одного года со времени разоблачения самого крупного случая предательства в американской истории сейчас стало известно, что бывший сотрудник ЦРУ и агент КГБ Олдридж Эймс, 53 года, виновен в смерти русского агента, который работал в Германии. Шпион ЦРУ Геннадий Вареник до ноября 1985 года работал в Бонне корреспондентом ТАСС. В действительности как сотрудник разведки он прибыл с семьей в Бонн в конце 1981 года и по линии управления КГБ "С" (осо-

бые операции) имел задание вербовать агентуру и снимать конспиративные квартиры - линия "Н" разведки СССР. Вареник, который был членом Союза иностранной прессы в ФРГ, в марте 1985 года якобы установил контакт с ЦРУ, так как имел долги в сумме 10 тысяч марок ФРГ. Эксперты по делам спецслужб в Бонне предполагали, что он выдал противнику 170 сотрудников и контактных лиц КГБ и военной разведки ГРУ. Когда в 1985 году Эймс, бывший руководитель советского отдела ЦРУ, стал агентом КГБ, он представил Москве список из десяти фамилий, среди которых был якобы и Вареник. Майор КГБ 7 ноября 1985 года под соответствующим предложением был вызван в Москву, арестован, осужден и 25 февраля 1987 года расстрелян. Семья казненного до сего времени не верит в его виновность и пытается добиться пересмотра дела. наряду с Вареником были расстреляны и другие выданные Эймсом офицеры КГБ".

В книге Пита Эрли "Признания шпиона, подлинная история Олдриджа Эймса", Г.Варенику уделено несколько страниц.

П.Эрли пишет, что в середине ноября 1985 г. пропал очередной шпион, на этот раз в Германии. "Чарльз Левен, сотрудник, работавший с офицером КГБ Геннадием Вареником, агентом по кличке Фитнесс, последний раз видел своего подопечного 4 ноября. Они договорились встретиться снова, но Вареник на встречу не явился. Устроив проверку Левен выяснил, что вместе с Вареником исчезли его жена и дети. Левен познакомился с Вареником в апреле 1985 года, вскоре после того, как молодой офицер КГБ предложил свои услуги в качестве шпиона. Вареник растратил казенные деньги - семь тысяч долларов - и был страшно напуган. На эти деньги он купил платье жене, новую мебель, одежду для дочерей и книги для себя. Наличных, выданных ему ЦРУ, с лихвой хватило, чтобы вернуть долги КГБ.

"Вареник сообщил мне, что КГБ на случай чрезвычайных обстоятельств разработал план проведения секретной операции, которая, по сути, предполагала убийство американских солдат и их семей, - вспоминал Левен позже. - По поручению КГБ Вареник должен был найти ресто-

раны, расположенные рядом с военными базами США, где можно было спрятать минибомбы. КГБ планировал взорвать бомбы, когда рестораны будут переполнены, а затем обвинить в убийствах немецких террористов. Советские спецслужбы надеялись, что взрывы расстроят отношения между США и Германией, создадут видимость того, что войска США больше нежелательны в Германии, и напомнят немцам, что и они не защищены от терактов".

"Геннадия была отвратительна сама мысль об убийстве ни в чем не повинных американцев, - позже сказал Левен. - Не то чтобы у него были проамериканские настроения. . . Просто то, что КГБ планировал убийство невинных мужчин, женщин и детей, приводило его в ярость.

Отчеты Левена о планах с минибомбами вызвали ажиотаж в Лэнгли. Некоторые офицеры отдела СВЕ из "стариков" сомневались, что КГБ когда-нибудь осуществит эту операцию в духе ковбойского боевика. Но остальные придерживались другого мнения, утверждая, что план с минибомбами был наглядным примером чудовищ-

ной жестокости КГБ.

"Мы сообщили Белому дому о плане с минибомбами, и можете себе представить, какова была реакция президента Рейгана и его советников, - вспоминал Эймс позже. Это лишний раз доказывало, что империя зла все еще существует".

Левен считал, что план с минибомбами не выдумка. ЦРУ отправило своих офицеров в некоторые из ресторанов, в которых, по словам Вареника, должны были быть заложены бомбы. "Вся его информация подтвердилась", - сказал Левен.

Но Вареник не ограничился предупреждением о плане с минибомбами. Он также утверждал, что три высокопоставленных члена западногерманского правительства работали на КГБ.

"Геннадий предоставил нам богатейшую информацию об операциях КГБ в Германии. Он хотел как можно больше насолить КГБ, - заметил Левен. - Со временем он его возненавидел".

В октябре Вареник в панике связался с Левеном. Он был уверен, что КГБ вот-вот начнет операцию с минибомбами.

"Геннадий сказал: "Я не знаю, что делать. Мы должны этому помешать". Потом он заявил: "Если вы хотите, чтобы я дезертировал, я так и поступлю и сделаю публичное признание". Но я попросил его повременить с этим и держать ухо востро, пока мы держим ситуацию под контролем", - вспоминал Левен позже.

4 ноября у Левена состоялась очередная встреча с Вареником на конспиративной квартире ЦРУ. "Геннадий сказал, что его посылают в Восточный Берлин за инструкциями относительно плана с минибомбами. Мы оба страшно нервничали, не зная, что случится дальше".

Офицеры договорились встретиться, как только Вареник вернется из Восточного Берлина и будет готов выйти на связь. Левен ждал сигнала, но его не последовало. Теперь он опасался, что Вареника арестовали, а его семью выслали в Москву".

Пытливому читателю, полагаю, известно, что любая разведка уделяет пристальное внимание объектам, где в свободной и непринужденной обстановке проводят свое свободное время полити-

ки, дипломаты и военные. Там легче всего развязываются языки и озвучиваются любые секреты. Чаще всего обрывками фраз, намеками, но наблюдателю понятными.

"Холодная" война, могущая в то время незаметно перерасти в "горячую", заставляла и советскую разведку, чтобы упредить внезапное нападение, обращать внимание на такие объекты, чтобы иметь "информацию к размышлению". Прибывшему на работу в Германию Г.Варенику, как журналисту было поручено найти такие объекты и заняться их изучением. Объекты он нашел, но дальше дело у него не шло. Зная, что ему надо освоиться со страной, Центр его не торопил с выполнением рутинного информационного задания. Став на путь предательства, выдав все, что знал, Г.Вареник дофантазировал содержание своего оперативного задания, а Пит Эрли развил тезис о борьбе с терроризмом, "осовременил" его, добавив минибомбы, о которых, как и о "ядерных чемоданчиках" в 1997-98 годах после выхода книги об О.Эймсе нет-нет да и шумели американские и новые российские средства

массовой информации.

Мы же вернулись к этому заданию Г.Вареника в ноябре 1985 года только для того, чтобы вернуть его и предотвратить дальнейшее нанесение ущерба нашей стране.

Жена Г.Вареника рассказала Питу Эрли, что ее "муж был и прекрасным отцом честным, добрым, сильным. Мы познакомились в театре и полюбили друг друга с первого взгляда. Летом 1970 года мы поженились. Я работала учительницей в школе, а он был офицером спецслужб. В отличие от большинства своих коллег, он не пил, не курил и не заводил связей на стороне. Он обожал читать приключенческие романы, например, Джека Лондона. В 1980 году у нас родилась первая дочь. Жизнь была просто сказкой... Мы очень любили друг друга. Сколько радости было, когда в январе 1982 года в КГБ ему сказали, что посылают в Германию. Его отец занимал высокий пост в КГБ, и мой муж делал все, чтобы тот мог им гордиться. В Бонне он просто выкладывался на работе, хотя остальные в его спецгруппе бездельничали и смеялись над ним. Там родилась

наша вторая дочь, но нам было очень трудно. Не хватало денег на одежду, даже на еду... Я не жаловалась, но он очень переживал, что не может обеспечить семью, и в конце концов у него началась депрессия. Он нашел немца, который согласился поставлять ему информацию, но потом оказалось, что этот немец шпион, и мой муж стал бояться, что нас всех с позором вышлют в Москву. В ноябре 1985 года он сказал мне, что уезжает в Восточный Берлин на важную встречу, и в тот же день один из его сослуживцев передал мне от него записку, где было сказано, что я должна взять детей и срочно выехать в Москву. Мы наспех собрались и поехали, но я забыла паспорт... Когда я вернулась в нашу квартиру, ее уже обыскивали офицеры КГБ, и меня туда не пустили".

Жена Г.Вареника в беседе с Питом Эрли недостаточно искренна и, видимо, отдает дань "духу времени" (модно ругать и обвинять во всем КГБ). Мне пришлось встречаться с ней и иметь весьма нелегкую беседу. Я рассказал ей горькую правду. Она не верила, не хотела верить, но и не

задавала там, в Германии, себе вопросов, откуда у него вдруг появились деньги, возможность покупать дорогие вещи. Она прозевала своего мужа, не сберегла семью, хотя знала его слабости.

Осенью 1984 года я прилетал в Бонн, чтобы познакомиться с работой группы. Я обратил внимание на его жалобы, что работа по прикрытию не дает возможности заниматься оперативной деятельностью, ни на что не хватает времени. Он подчеркнул, что завидует некоторым сотрудникам, у которых есть резудбтаты. Я порекомендовал ему не завидовать, а проанализировать все свои связи и педантично заниматься оперативной работой, тем более, что его личные и деловые качества способствовали этому. К сожалению он выбрал другое: привыкнув легко жить за спиной заслуженного отца, испугавшись первых встретившихся на жизненном пути трудностей, он за "30 сребреников" (7 тысяч долларов) продал героическое прошлое отца, боевых товарищей, жену и двоих детей.

Пит Эрли пишет, что по, утверждению отца Г.Вареника, его сын "... не предавал свою роди-

ну. Да он рассказал агентам ЦРУ о плане подложить бомбы в месте, где бывают американцы, но я не верю, что он сделал что-либо в ущерб своему народу. Я работал в КГБ, но сейчас я в отставке. Я участвовал в Великой отечественной войне и имею награды. После войны я отвечал за борьбу с диссидентством и допрашивал шпионов. Я хорошо справлялся со своей работой, и моя совесть чиста. Перед отъездом в Германию сын сказал мне: "Я отомщу фашистам за тех 20 миллионов, что погибли во время войны!" Но я никогда не хотел, чтобы он пошел по моим стопам. Он всегда был слишком доверчив, честен и добросовестен. Он идеализировал эту работу, наверное, прочел слишком много книг про разведчиков. Романтики всегда погибают первыми во имя долга. . . В разведке должны служить жесткие люди, а мой сын был мечтателем. Как-то он признался мне, что в Германии начальник заставляет водить его жену по магазинам и помогать ей по хозяйству.

Он говорил мне, что все его коллеги - алкоголики. Я предупредил его, что нужно держать

язык за зубами. Народ должен верить, что в КГБ работают одни крутые парни. Пусть иногда они перегибают палку, пусть их боятся - от этого их будут уважать еще больше. Зря он связался с этими хищниками из ЦРУ. Они его использовали. Он был всего лишь мальчишкой, славным мальчишкой, который совершил ошибку".

Отец не прав. Я понимаю всю глубину боли его сердца. Но Г.Вареник предал свою Родину, выдав состав резидентуры, характер и конкретное содержание оперативных заданий. Нам стоило больших усилий вывести всех из под удара контрразведки ФРГ и ФБР. В боннской резидентуре не было акоголиков, коллектив работал ритмично, смело, конспиративно провел все защитные мероприятия и стойко перенес суровую реакцию Центра. Свою ошибку офицер разведки Г.Вареник совершил в боевых условиях, а на войне такие ошибки не прощают, как бы это ни было больно родным.

Пит Эрли не случайно завершает "дело Г.Вареника" высказываниями следователя КГБ, который вел расследование: "Этот человек -

предатель. Зачем окружать его романтическим ореолом? Он был ничтожеством. У нас не было никаких оснований предполагать, что он совершил измену по идеологическим соображениям. На суде он, естественно нес всякую ересь про какой-т заговор с целью убийства американских солдат, про коррупцию в КГБ. Чего еще можно было от него ожидать? Приговор ему был известен заранее. Лично я горжусь проделанной мною работой и не собираюсь оплакивать этого предателя".

Со слов бывших американских разведчиков я знаю, что в ЦРУ, как и в русской зазведке, не любят предателей, как из числа своих сотрудников, так и перебежчиков из других спецслужб.

Великий Сервантес, этот "рыцарь печального образа", помнится, сказал, что "предательство может быть кому и нравится, но предатели ненавистны всем".

Справедливость сурового приговора суда в отношении этих лиц сомнению не подвергалась.

@

^ ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬ-

НОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ГЛАВА 12. ПРЕДАТЕЛИ: И последний случай...

^ ТТ:

В августе 1995 года журнал "Фокус" (N4) поместил небольшую заметку "Агент в рясе?" следующего содержания:

"Мюнхенский архиепископ подозревается в шпионаже

Архиепископ московского патриархата русской православной церкви архиепископ Игорь СУСИМИЛ подозревается в шпионаже. Представитель федеральной прокуратуры Рольф Ханниг подтвердил, что против служителя культа начато расследование в связи с подозрениями в проведении шпионской деятельности.

По сведениям, полученным журналом Фокус, он якобы много лет назад свел полковника американской армии Джорджа ТРОФИМОВА с одним из офицеров КГБ.

Трофимов работал в очень важном отде-

ле американской разведки: будучи сотрудником американского секретного органа в Нюрнберге он занимался опросом перебежчиков из состава Советской армии.

Чиновники федерального ведомства криминальной полиции провели обыски квартир священника и американского офицера. К расследованию подключилась и американская федеральная полиция ФБР. Оно в настоящее время проверяет предположение, не передавал ли Трофимов КГБ адреса бежавших русских солдат и не способствовал ли он косвенно похищению их агентами КГБ.

Архиепископ Сусимил в беседе с Фокусом отрицал то, что он свел Трофимова с КГБ".

По сведениям из осведомленных немецких источников, поводом для заведения проверочного дела в отношении архиепископа Сусимила явились публикации бывшего генерала КГБ Олега Калугина. Так что и бывшего агента советской разведки "Ладью" (он же Липка), работавшего в Агентстве национальной безопасности США, выявить сотрудникам ФБР не составляло никакого

труда. Как это называть- ответьте сами.

В период "холодной войны" - наиболее остро-го противоборства разведок - наши оппоненты не гнушались и прямого физического принужде-ния к предательству, что, как правило, никогда не удавалось. Помнится, в одной из стран Северной Африки весной 1987 г. в одном из городских рай-онов столицы был задержан наш разведчик В. К нему подошли шесть человек, окружили, свали-ли на землю, затолкнули в подъехавшую маши-ну, завязали глаза, изъяли из карманов ключи от автомашины.

Доставили на загородную виллу, обыскали, сняли носки, выдернули ремень из брюк, сняли часы, раздели догола. Посадили на стул и сняли повязку с глаз. Обращались с ним подчеркнута-грубо.

На его резкий протест против незаконного за-хвата (заявил, что он советский гражданин, со-трудник посольства СССР, потребовал вызова со-ветского консула и официального объяснения, кем он задержан) никак не реагировали.

Ему заявили лишь, что он находится в руках

местных властей и перед ним сотрудники разведки, удостоверения личности предъявлять отказались.

В течение двух суток с помощью угроз и шантажа, применения методов физического и психологического воздействия пытались сломить волю задержанного, вынудить его дать показания по существу предъявленных обвинений, добиться признания в принадлежности к спецоргану СССР.

На третьи сутки ему вновь завязали глаза, вывели во двор, где его "прогуливали", постоянно меняя направление движения, "шепотом советовали во всем признаться, не доводить дело до пыток". Затем В. вернули в помещение, и допрос продолжался примерно до трех часов утра, с уже открытым применением шантажа и угроз. Допрос стал жестким, вопросы задавались в резкой форме, чередовались с угрозами расправы.

В. было заявлено о том, что его могут вывезти в США, где он очутится в качестве "политического беженца". Последовало предложение о сотрудничестве с местной разведкой. После категорического отказа от сотрудничества были при-

менены меры физического воздействия.

В течение первой ночи пребывания в руках спецслужбы В. дали поспать всего лишь три часа - с трех до шести утра, заставляли стоять у стены босиком на каменном полу с поднятыми руками, стоять на одной ноге с запрокинутой головой. Если падал или терял равновесие, его заставляли поддерживать требуемую позу чувствительными ударами.

При этом задавали вопросы провокационного характера, требовали признания в проведении разведывательной работы, в том числе и против американцев. При этом представитель спецслужбы пообещал, что В. может в этом случае рассчитывать на освобождение.

Допросы проводились ежедневно с восьми утра до семи вечера. Допрашивающих всегда было двое. Один из них вел допросы в наступательной манере, жестко, второй - занимал более мягкую позицию, делал акцент на неофициальных, доверительных моментах, предлагал спиртные напитки, чай, кофе.

В течение всего времени его не оставляли од-

ного. В вечерние и ночные часы, когда не было официальных допросов, с ним в комнате постоянно находился сотрудник, в задачу которого входило ведение "непринужденных" разговоров проверялось морально-психологическое состояние В. Кроме этого сотрудника, в комнате постоянно дежурили два охранника, которым было запрещено разговаривать с В.

Одним из методов психологического давления было внушение ему мысли, что советская сторона не предпринимает активных шагов по его освобождению. Более того, они утверждали, у них есть основания полагать, что руководство В. не доверяет ему, они препятствовали контактам представителя советского посольства с В.

После захвата В. местные спецслужбы стали разыскивать его семью. Ему сказали, что посетили его местожительство, но никого там не застали, интересовались у него, где может находиться семья.

Затем сменили тактику, "сообщили" об "аресте" семьи советским посольством, что якобы свидетельствует о недоверии советского руковод-

ства к В.

В. упорно молчал и требовал освобождения. Потом отношение спецслужб к В. изменилось. Сказались наши настойчивые демарши перед высшим руководством страны. Местные спецслужбы освободили В., и он с семьей через несколько дней возвратился домой. А еще через некоторое время за стойкость ему был вручен орден Красной Звезды, а жену наградили почетной грамотой Комитета Госбезопасности.

Возникает вопрос: а как на эту провокацию ответили мы.

Нам ничего не оставалось, кроме тщательного анализа деятельности в этой стране наших оппонентов, чтобы точно определить, кто из американских разведчиков стоял за спиной местных спецслужб. Выявив его, мы стали искать сближения с ним, заметив, что он подбирается к другому нашему сотруднику Б. Мы "посопровтивлялись", затем стали податливее, уступчивее и вынудили сотрудника ЦРУ провести беседу с нашим разведчиком, попытаться привлечь его к сотрудничеству с ЦРУ.

Б. попросил у него разрешения подумать, но оставил у американца впечатление об успешно проведенной вербовке.

Они встретились на следующий день вечером. Б. с начала беседы взял инициативу в свои руки, предложив американцу сотрудничать с нами за крупное денежное вознаграждение. Американец был удивлен, пробормотал, что это противоречит его моральным принципам, он, мол, человек не того сорта, который нам нужен. Б. настойчиво и убедительно доказал сотруднику ЦРУ, что он для советской разведки подходит. Сотрудник ЦРУ оказался слабее В. и Б. Он был сломлен спокойной и убедительной логикой психологического давления советского разведчика и полностью ошарашен. Он сдался, пошел на сотрудничество с нашей разведкой, но потом, видимо, испугался и все, или частично все рассказал своему руководству. На третью после вербовки встречу он не пришел. Дворик его виллы не убирался, телефон не отвечал. Мы нашли его через некоторое время в США, он откликнулся. Но потом снова исчез. Мы не стали разыскивать его

дальше. . . Джентльмены должны понимать друг друга и соблюдать правила игры.

ГЛАВА 13. ЕЩЕ РАЗ К ИСТОРИИ РАЗВЕДОК, ИЛИ НУЖНЫ ЛИ НАМ СПЕЦСЛУЖБЫ

В последние годы в распоряжении пытливого читателя оказалось как никогда много публикаций о деятельности разведывательных служб. Их большая часть повторяет или подает в новом свете хорошо известные специальные операции, тем самым способствуя сохранению интереса широкой публики к теме, совсем недавно в своем общедоступном варианте носившей исключительно исторический или сугубо пропагандистский характер. Лишь отдельные, весьма немногочисленные книги и статьи содержат впервые упоминаемые факты, а заодно и имена, которые раскрывают многообразие разведывательной деятельности и некоторые колоритные фигуры ее участников.

Примечательно, что почти во всех публикациях говорится о прошлом и совсем не затрагивается будущее. Очень редко делаются попытки очертить складывающиеся новые контуры ра-

боты спецслужб. Тем не менее недавно появившиеся в открытой печати суждения ряда маститых разведчиков свидетельствуют о том, что процесс модернизации разведывательных сообществ идет вовсю.

Наблюдатели отмечают, что повсеместно совершенствуется мастерство оперативных и руководящих работников разведки, более взвешенно распределяются материальные и кадровые ресурсы по основным направлениям и объектам разведывательной деятельности, последовательно и с прицелом на будущее внедряется новейшая специальная техника, разумно пересматриваются приоритеты. В этой творческой работе перед кругом лиц, занятых поиском и разработкой эффективных нововведений, встает вопрос о целесообразности отказаться от некоторых форм разведывательной практики - тех самых, которые пережили свое время и сейчас уже не соответствуют складывающемуся новому характеру международных отношений.

Было бы неправильно и бессмысленно пускаться в рассуждения об отмирании разведки.

Государствам, как и прежде, нужно знать, что происходит по периметру их границ, а порой и дальше. Им требуется, и притом на самых законных основаниях с точки зрения международного права, информация о возможном распространении средств массового поражения, о международном терроризме и транснациональной мафии, действующей в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия и других средств, несущих угрозу здоровью населения. По-прежнему сохраняют разведывательное значение и сведения о назревающих переменах в политической жизни отдельных стран. Такого рода материалы были и остаются актуальными на протяжении очень длительного периода. В качестве иллюстраций можно привести ряд примечательных событий из отечественной и иностранной истории.

Накануне русско-турецкой войны 1677-1678 гг. казацкий атаман Иван Сирко послал в Турцию запорожца-разведчика, в совершенстве владевшего турецким языком. Тот раздобыл и привез фирман (указ) Магомета IV о предстоящем походе на Украину. Сирко направил документ в

Москву, где тот сохранился до наших дней в архиве Посольского приказа.

Русские и украинские войска были заблаговременно стянуты под Чигирин, нанесли туркам удары, которые заставили их отказаться от завоевательных планов и пойти на заключение в 1681 году Бахчисарайского мира.

Осенью 1776 года командующий вооруженными силами американских повстанцев генерал Вашингтон, осуществлявший непосредственное руководство разведывательной деятельностью, принял и лично проинструктировал молодого офицера Натана Хейли, отправлявшегося со специальным заданием в город Нью-Йорк, занятый английскими войсками. Под видом странствующего учителя Хейли проник в расположение противника и собрал необходимые сведения. На обратном пути он был задержан и арестован, найденные у него записи не оставляли сомнений о цели его пребывания на острове Лонг-Айленд.

Хейли отверг предложение спасти жизнь ценой измены и был повешен. Он стал национальным героем США. На территории штаб-квартиры

Центрального разведывательного управления ему воздвигнут памятник.

В ночь на 12 (24) июня 1812 года началась Отечественная война России против Франции. Получив сообщения о переходе французскими войсками русской границы, Александр I приказал генерал-адъютанту Балашову отправиться к Наполеону с предложением мирного урегулирования конфликта.

Миссия Балашова не принесла желаемых результатов. Широкой публике этот факт хорошо известен по роману Л.Н.Толстого "Война и мир". Однако в художественном произведении ничего не говорилось о другой задаче, с которой была связана поездка Балашова, - "получить сведения о состоянии французских войск". Выполнение ее было возложено на поручика М.Ф.Орлова, через два года прославившегося тем, что подписал акт о капитуляции Парижа и в 26 лет стал генералом.

Александр I лично распорядился прикомандировать М.Ф.Орлова к А.Д.Балашову, так как считал его способным провести важную разведывательную операцию. Храбрый офицер, полу-

чивший боевое крещение в битве при Аустерлице и отличившийся в сражении под Гейльсбергом, М.Ф.Орлов занимал ответственный пост в штабе главнокомандующего, принимал донесения военной разведки, обобщал их и передавал Барклаю де Толли.

По возвращении в Главную штаб-квартиру он поручил М.Ф.Орлову представить докладную записку. Орлов в ней сообщил, что первоначальный план Наполеона предусматривал дать генеральное сражение под Вильно, однако отход русских войск не позволил его осуществить. Принятый французами новый план "состоит в сковывании нашего левого фланга, чтобы разбить разделенную на части русскую армию".

С учетом изложенных М.Ф.Орловым сведений и соображений, русское командование отказалось от намерений дать сражение Наполеону в пределах Литвы и приняло решение продолжить отступление, чтобы обеспечить соединение армий Барклая де Толли и Багратиона.

За блестяще выполненное разведывательное задание М.Ф.Орлов получил

звание флигель-адъютанта и был произведен в штабс-ротмистры.

В 1821 году население Греции, ряда районов Валахии и Молдавии восстало против турецкого ига. Командование Второй армии, расквартированной на юге европейской России, приняло срочные меры по получению достоверной информации о положении во владениях соседней Турции и особенно о деятельности Гетерии организации греческих повстанцев. В город Яссы с негласной миссией был направлен адъютант главнокомандующего Второй армии подполковник Пестель.

Когда министр иностранных дел Нессельроде, прочитав донесение Пестеля о повстанческом движении в Турции, спросил у Александра I, кто этот дипломат, который так умно и верно сумел описать положение Греции и христиан на Востоке, царь, улыбнувшись, ответил: "Не более и не менее как армейский подполковник. Да, вот такие у меня служат в армии подполковники".

Спустя полгода Пестель был произведен в полковники и назначен командиром Вятского пе-

хотного полка.

Вряд ли можно исключать повторения подобных или схожих разведывательных операций и в наше время. Во всяком случае они представляются закономерными и оправданными, как это и было в прошлом. Однако совсем по-иному сейчас смотрится другая специальная операция, проведенная в отношении России в тот момент, когда народ Греции поднялся на восстание против турецкого господства. Эта акция имела самые серьезные последствия.

Через российского посла в Константинополе до сведения турецкого руководства было доведено мнение царя о том, что греческие мятежники достойны осуждения, поскольку они выступают против легитимной власти. Россия не оказала тогда помощи национально-освободительному движению в турецких владениях. Борьба греков только через восемь лет, т.е. в 1829 году, закончилась победой и привела к независимости страны. Что касается волнений в Валахии и Молдавии, то они были подавлены, и местному населению удалось освободиться от турецкого владычества

лишь спустя 50 лет.

Почему царь занял позицию, которая не совпадала с точкой зрения ряда близких ему лиц и противоречила общественным настроениям в его собственной стране? Судя по письму Александра I министру духовных дел и просвещения А.Н.Голицыну из Лайбаха от 10 (22) марта 1821 года, российский император считал, что восстания в Испании, Неаполе, Пьемонте и Греции организованы каким-то руководящим революционным комитетом, находящимся во Франции. В этой связи автор одной исторической работы, кстати, посвященной Пестелю, утверждает: "Австрийский канцлер Меттерних сумел как нельзя лучше сыграть на колебаниях и опасениях Александра I. На основании подложных документов он представил Гетерию отраслью какой-то всеевропейской подпольной организации".

Документальные фальшивки ведут свое начало с очень давних времен. Прогрепевшей, можно сказать, на весь мир является подложная грамота римского императора Константина I, правившего в IV веке н.э., согласно которой, папе Силь-

вестру I и его преемникам была предоставлена власть над Римом, Италией и западными провинциями империи, а также признавалось главенство папы над всеми другими владыками.

Вдумчивые исследователи, хотя и не сразу, но все же докопались, что так называемый "Константинов дар" был составлен по поручению папы Николая I в середине VIII века реймскими и аахенскими богословами. Этот документ на протяжении всего Средневековья использовался папской властью для подкрепления своих теократических притязаний. Однако в конце концов его постигло заслуженное разоблачение. Сомнения в достоверности "Константинова дара" высказывал известный философ Николай Кузанский, а неопровержимо доказал его подложность в 1440 году итальянский гуманист Лоренцо Валла, приверженец философии и этики Эпикура.

Другой известной фальшивкой, прочно вошедшей в европейскую историю, стало подложное письмо, призванное скомпрометировать Прокопия Ляпунова, выдающегося деятеля национально-освободительного движения рус-

ского народа на одном из этапов Смутного времени.

Ляпунов организовал рязанских дворян на вооруженное сопротивление иностранной интервенции, вступил в союз с воеводой из Зарайска князем Дмитрием Пожарским и стал главой Первого ополчения, которое осадило польский гарнизон в Москве, изолировав его от внешних сил, стремившихся прорваться к столице и оказать ему поддержку.

Власть в ополчении осуществлял постоянно действовавший Земский Собор, получивший наименование Совета всей земли. 30 июня 1611 года Совет утвердил документ, который стал своего рода земской конституцией, показавшей, что в России народилось новое, невиданное прежде правительство, не стесненное опекой Боярской Думы и высшего духовенства, подотчетное лишь сословным представителям.

Ляпунов первым осознал необходимость объединения всех патриотических сил в момент общенационального кризиса. Его имя стало олицетворением российского единства в борьбе про-

тив попыток вновь установить на Руси иностранное господство. Возникла реальная перспектива скорого освобождения Москвы, изгнания интервентов и возрождения государственной самостоятельности. И вот тогда в земский лагерь было привезено письмо, составленное от имени Ляпунова, якобы приказавшего хватать повсюду казаков, занимавшихся самовольными поборами с населения, и "побивать их на месте либо присылать под Москву". Казаки спешно собрали Круг и потребовали вождя ополчения к ответу. По прибытии Ляпунова они убили его. Это событие привело к развалу и поражению Первого ополчения.

Правда все же раскрылась. Спустя некоторое время после победы, одержанной Вторым ополчением, руководителями которого выступили Минин и Пожарский, после освобождения Москвы появились достоверные сведения о том, как начальник осажденного польского гарнизона пан Гонсевский, не имея сил одолеть Первое ополчение в открытом бою, решил погубить Ляпунова обманным путем, натравив на него казаков. Была подготовлена фальшивая грамота

насчет истребления "воровказаков", снабженная поддельной подписью Ляпунова. Ее доставил в таборы ополчения казацкий атаман Сидорка Заварзин, побратима которого, Александра Корвина, накануне выпустили из польского плена. Обо всем этом поведал в своих воспоминаниях международный авантюрист Н.Мархоцкий, бывший одно время помощником Гонсевского.

Самой известной и, пожалуй, наиболее изощренной акцией по изготовлению фальшивок является операция французских спецслужб, распространивших накануне вторжения армии Наполеона в Россию так называемое "Завещание Петра Великого". Это было сделано при прямом участии сотрудников "Бюро по контролю за общественным мнением", которое входило в состав Министерства полиции и известно как "ведомство Фуше".

В 1807 и 1811 годах это государственное учреждение пустило в обращение два варианта брошюры, включавшей текст "Завещания", в основу которых было положено сочинение польского эмигранта М.Сокольниковского, написанное в 1797

году. Данные материалы в свою очередь были использованы французским чиновником, занимавшимся делами печатной пропаганды, по имени Мишель Лезюр, который, будучи одновременно историком, написал книгу "Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века".

Произведение Лезюра было предназначено для того, чтобы двинуть в широкую публику "Завещание" с целью убедить ее в неизменно агрессивных устремлениях российской внешней политики, поскольку Петру Первому приписывалась идея о необходимости для России осуществлять территориальную экспансию в северном, южном и восточном направлениях, вплоть до покорения значительной части Европы, Персии и Индии.

Можно было бы разобрать несколько мест из "Завещания" и тем самым наглядно продемонстрировать его фальшивое нутро. Однако это было сделано еще в прошлом веке историками, специализировавшимися в области внешней политики России и Франции, так что повторяться не стоит. И все же представляется бесполезным упомянуть об одном исследовании, прове-

денном библиотекарем отдела "Россика" бывшей Императорской публичной библиотеки Петербурга Г. Беркхольцем. Немец по происхождению, он опубликовал в Брюсселе в 1863 году брошюру, где утверждается, что автором текста "Завещания" варианта 1811 года является Наполеон. Если вспомнить характеристики, данные чисто человеческим качествам этого великого полководца крупным французским историком Ипполитом Тэном и наполеоновским послом в России Арманом Коленкуром, то вряд ли возникнет желание торопиться с опровержением тезиса Беркхольца.

В период, когда на межгосударственные отношения накладывало свой отпечаток идеологическое противостояние, фальшивые документы порой оказывали влияние на международную обстановку и внутривнутриполитическое положение отдельных стран. Известно, например, что исход парламентских выборов в Великобритании в 1924 году был в значительной степени определен опубликованным газетой "Дейли мейл" подложным "Письмом Коминтерна". Консервативные английские круги ухватились за этот фальши-

вый документ и использовали его, чтобы свалить лейбористское правительство Р.Макдональда и разорвать дипломатические отношения с Россией. Сделано это было по сугубо политическим мотивам под влиянием момента и второпях, так что британские спецслужбы не смогли технически квалифицированно подготовить и провести сложную операцию. Когда спустя несколько десятилетий, т.е. уже в послевоенное время, были предприняты попытки найти оригинал этого "документа", то в архиве Министерства иностранных дел Великобритании смогли обнаружить лишь черновой текст... написанный рукой хорошо известного нам Сиднея Рейли. Эта рукопись была доставлена им в Лондон из Берлина, где в то время действовала потайная контора российских эмигрантов, занимавшихся изготовлением и продажей документальных подделок.

С русскими эмигрантскими кругами связано происхождение и другой, также наделавшей много шума, фальшивки. Судя по всему, вследствие своего технического несовершенства, она довольно длительное время хранилась под спудом. Ее,

видимо, опасались пускать в ход, не желая подставляться легкой критике, и впервые реализовали после XX съезда КПСС. Речь идет о "служебном письме" заведующего Особым отделом департамента полиции Министерства внутренних дел царской России полковника Еремина от 12 июля 1913 года на имя начальника Енисейского охранного отделения А.Ф.Железнякова, в котором Джугашвили-Сталин назывался источником ценных агентурных сведений.

Не вызывает сомнения, что решение об использовании этого документа в пропагандистских целях было в спешке принято весной 1956 года, когда мировая общественность находилась под шоковым воздействием доклада Н.С.Хрущева о "культе личности". Специалисты сразу разглядели многие недочеты и явные промахи в этой грубой и в общем-то неумелой работе. Обнаружилось, что: перепутаны инициалы Железнякова; искажено название служебного подразделения - Енисейского охранного отделения не существовало в природе, а был Енисейский розыскной пункт; подпись Еремина, све-

ренная с подлинными образцами, была признана поддельной; пишущая машинка "Адлер" из числа тех, которые были изготовлены в Германии и начали поступать в Россию в 1912 году, т.е. всего за год до напечатания документа, оказалась со старым, давно изношенным шрифтом; бланк служебного письма не соответствовал сохранившимся образцам, принадлежность которого к 1913 году не вызывала сомнений. Главный же просчет изготовителей заключался в том, что полковник Еремин 19 июня 1913 года был назначен начальником Финляндского жандармского управления и не мог подписать 12 июля 1913 года документ, исходящий от заведующего Особым отделом департамента полиции.

Поиски исследователей привели к первоисточнику "письма Еремина". Им оказался жандармский полковник В.Н.Руссиянов, который до эмиграции из России служил некоторое время в Сибири и вывез оттуда, по одним данным, некоторые служебные документы, по другим - бланки деловых бумаг. Оказавшись в Шанхае, он вступил в контакт с русским эмигрантом

М.П.Головачевым и то ли продал, то ли подарил ему "письмо Еремина".

Опубликовавший эту фальшивку в журнале "Лайф" американский советолог И.Левин сообщил, что сам он получил "письмо Еремина" еще в 1947 году от трех лиц безупречной репутации - Вадима Макарова, сына известного русского адмирала, Бориса Бахметьева, российского посла в США при правительстве Керенского и Бориса Сергеевского, одного из пионеров русской авиации, - к которым оно поступило от Головачева.

Если проследить процесс реализации этой документальной акции и внимательно взглядеться в способы привязки ее к "первоисточнику", то вывод о причастности к ней одной из солидных и влиятельных западных спецслужб представляется очевидным.

Сейчас мы уже не наблюдаем тех бушующих страстей, которые были характерны для 1956 года, отношения между США и нашей страной стали более спокойными. Начинает складываться ситуация, когда постановка любого вопроса, интересующего непредвзятых исследователей, не

вызывает болезненной реакции. Почему бы не попытаться разобраться в некоторых загадках истории? Так, например, некоторые специалисты утверждают, что вряд ли полковник Руссиянов вывез из России бланки служебных документов, которые ему в то время просто незачем было переправлять в Китай. Скорее всего, это были сами документы, относящиеся к 1914-1915 гг., по образцам которых впоследствии и составили "письмо Еремина". Технически вполне возможно определить, когда оно было изготовлено. Если раньше (до 90-х годов) американские власти вряд ли были заинтересованы в проведении подобной экспертизы, то теперь обстановка радикально изменилась. Что скрывать?

Критерии политических и нравственных оценок с течением времени смещаются. В этом можно воочию убедиться на примере некоторых библейских поучений, которые в наши дни явно устарели. Не все из того, что считалось прежде полезным и необходимым, может рассматриваться сейчас как возможное и допустимое. Поэтому в привязке к вышеизложенным историческим при-

мерам правомерным представляется следующий вывод: с наступлением эпохи цивилизованного межгосударственного общения такие формы соперничества и конкурентной борьбы, как изготовление и распространение фальшивок, должны быть изъяты из арсенала политиков и спецслужб. Принцип: "в борьбе все средства хороши" - не вечен.

Казалось бы, такой подход к политическим и оперативным делам имеет все шансы стать преобладающим, коль скоро международное сообщество радикально меняется. Объективная оценка глобальных изменений, которые носят необратимый характер, обязывают государственное руководство всех цивилизованных стран вносить необходимые коррективы в деятельность правительственных учреждений. Но, к сожалению, здравая логика не всегда берет верх.

Набор тайных операций, осуществляемых разведслужбами, разнообразен.

Бывший директор ЦРУ адмирал Тернер достаточно полно и квалифицированно поведал об этом в своей книге "Секретность и демократия".

Смысл сводится к тому, что определенные тайные операции утратили право на существование и могут рассматриваться лишь как исторические памятники. Однако руководство некоторых спецслужб до сих пор не желает воспринимать новую точку зрения, которая диктуется новыми жизненными реалиями.

Практика проведения некоторых специальных операций, переживших свое время и не совместимых с духом современной эпохи, в ряде столиц до сих пор признается законной и оправданной. В Москве, конечно, видят это, а чего не видят глазами, то, вне всякого сомнения, ощущают кончиками пальцев.

В поле зрения спецслужб многих стран мира - от Ромула и до наших дней находятся дела фальшивомонетчиков.

С незапамятных времен в уголовном праве всех стран содержатся законы, сурово карающие подделку денежных знаков. И тем не менее появление денег породило криминальную профессию, которая существует поныне. В старинных кладях и захоронениях до сих пор находят, наряду с бес-

ценными произведениями искусства, настоящие и фальшивые деньги. На протяжении многих веков монеты высшего достоинства изготавливались из драгоценных металлов. Государство, чеканившее деньги, удостоверяло точность веса и пробу. Номинальная стоимость монеты всегда была несколько выше фактической стоимости металла, из которого она изготовлена разница составляла так называемый монетный доход казны. Стремясь увеличить этот доход, правители государства фальсифицировали монеты, либо уменьшая их вес, либо добавляя сверх нормы к драгоценному металлу малоценные примеси.

Такого рода деятельностью некоторые государи занимались в течение длительного времени. Французский король Филипп IV вошел в историю с прозвищем "красноносый", так как выпускаемые им золотые монеты содержали столько меди, что тонкая золотая поверхность быстро стиралась и первым делом инородный элемент проступал на самой выпуклой части монеты, т.е. на носу короля. Английский король Генрих VI, придворный алхимик которого открыл,

что натертая ртутью медь приобретает серебристый оттенок, выпустил под видом серебряных монет большую партию монет медных, покрытых ртутью. В германских государствах начала XVII века владетельные князья без зазрения совести фальсифицировали монеты, а потом отказывались принимать в уплату налогов произведенные с их же одобрения деньги, требуя взамен монеты прежних выпусков.

Когда появились бумажные деньги, которые являются лишь представителями, знаком монет из драгоценных металлов, махинации в области денежного обращения вспыхнули с новой силой.

История знает немало примеров использования фальшивомонетничества в качестве орудия внешней политики. В 1517 году чешский король Людовик выпустил монеты, весьма сходные с польскими полугрошами, но содержавшие значительно меньше серебра, и эта порченная монета наводнила польский рынок. В начале XVII века, во время войны с Россией, Польша, а затем и Швеция, воспользовавшись обстановкой "смутного времени", чеканили поддельные рус-

ские монеты. Фридрих II во время Семилетней войны ввез в Польшу огромное число фальшивых золотых монет, содержавших втрое меньше золота, чем подлинные.

Во время гражданских войн прошлого фальшивомонетничество нередко использовалось как орудие экономической диверсии. Во время Французской революции XVIII века эмигранты-роялисты на специально оборудованных фабриках в Англии и Швейцарии изготавливали суррогатные ассигнации по образцу бумажных денег парижского Конвента. О масштабах этой подделки можно судить по тому, что только при поражении эмигрантов и поддерживающих их австрийских войск под Кибероном было захвачено липовых денежных билетов на сумму свыше 10 миллиардов ливров! В 1861-1865 гг. бунтовщики-южане выпускали поддельные деньги правительства США, чтобы подорвать экономику северных штатов.

Теперь известно, что Наполеон свои захватнические войны финансировал не только за счет контрибуций, но и путем изготовления фальши-

вых денег противоборствующих сторон. В 1806-1809 годах по его приказанию производилась подделка прусской разменной монеты и австрийских бумажных денег, в 1810 году английских банковских билетов, а затем и русских ассигнаций. О том, как изготовляли печатные формы и выпускали поддельные ассигнации, рассказал в своих мемуарах гравёр главного военного управления Франции Лаль, который был привлечен к этой работе "Особым отделением тайного кабинета его императорского величества".

В начале 1810 года, поведал Лаль, к нему домой явился незнакомый человек и предложил выполнить частный заказ - изготовить точную копию с одного текста, оригинал которого был сделан в Лондоне. Работа была закончена за неделю, ее качество вызвало восхищение заказчика. Вскоре тот же человек пригласил Лалю пройти с ним за получением нового заказа и привел его в министерство полиции, где ему предложили изготовить медные клише для печатания билетов английского банка. Гравёр вновь блестяще справился с заданием. Вслед за тем Лалю

поручили заняться клише для печатания русских ассигнаций. Через месяц уже было сделано свыше семисот клише: намечалось выпустить очень большое количество поддельных денег. В доме на Монпарнасском бульваре оборудовали типографию, ее возглавил брат личного секретаря Наполеона - Фен. В типографии была особая комната, где готовые ассигнации бросали на покрытый густым слоем пыли пол и переворачивали во всех направлениях кожаной метелкой; "от этого они, - пишет Лаль, - становились мягкими, принимали пепельный оттенок и выглядели так, словно прошли уже через многие руки".

На первых порах распространение фальшивых русских ассигнаций было поручено варшавскому банкиру Френкелю. Затем этим делом стали заниматься непосредственно французские военные власти.

По мере продвижения войск Наполеона типографии для печатания фальшивых денег оборудовались сначала в Дрездене, затем в Варшаве и, наконец, в Москве, где для этой цели было использовано помещение на Преображенском

кладбище. Когда после окончания Отечественной войны сенат России произвел замену ассигнаций на денежные билеты нового образца, то оказалось, что из 832 миллионов находившихся в обращении бумаг свыше 70 миллионов было поддельных.

После изгнания французских интервентов российское правительство выкупило миллионы рублей фальшивых ассигнаций, великодушно покрывая недобросовестность цивилизованного неприятеля.

Много симитированных российских ассигнаций появилось в период Крымской войны. Источники их изготовления до сих пор остаются тайной. Однако, по использованию для фальшивок отличной бумаги, по качеству работы, можно предположить, что выпускались они не без веденя государственных органов страны, где обосновался "монетный двор", занимавшийся производством поддельных российских денег.

Во время русско-японской войны 1904-1905 годов в Корее и Маньчжурии получили распространение изготовленные Японией фальшивые

русские рубли.

В условиях строгой секретности производили перед первой мировой войной подделку иностранных денег Германия и Австро-Венгрия. В архиве Особого отдела департамента полиции России хранится письмо министра юстиции Щегловитова начальнику департамента полиции Джунковскому о том, что почти по всей России "получили распространение государственные кредитные билеты пятисотрублевого достоинства, отпечатанные на специально приготовленной бумаге с водяным знаком, тем самым способом, который применялся исключительно Экспедицией заготовления государственных бумаг и считался до сих пор безусловно обеспечивающим государственные кредитные билеты от подделок". Вскоре после этого в городах Поволжья и на Кавказе были обнаружены фальшивые кредитные билеты достоинством до 100 рублей. Аналогичные донесения поступили из Курска, Иркутска, Варшавы и других городов России.

В том же архиве хранится протокол допроса военнопленного австрийской армии Иозефа

Быстрая, который показал, что его школьный товарищ обер-лейтенант Александр Эрдели работает в Вене, в Военно-географическом институте, где печатают поддельные русские кредитные билеты 10-, 25-, 50-, 100- и 500-рублевого достоинства. Это сообщение находит свое подтверждение в мемуарах одного из эсэсовских главарей Вильгельма Хетля (изданных под псевдонимом Вальтера Хагена), в которых описывается операция австрийской и венгерской разведок по подделке французских банкнот в 1923 году. Хетль пишет, что фальшивые французские франки печатались в здании Военно-географического института.

Опыт, приобретенный до Первой мировой войны, пригодился государственным деятелям Германии, Австрии, Венгрии и после ее окончания.

Так например, было решено заняться подделкой чешских банкнот (их изготавливали на территории Австрии), которую выполнили с большой тщательностью. Но операция все-таки провалилась. При первой же попытке сбыть фальшивые банкноты обман был обнаружен и агент аре-

стован. Высказывается предположение, что об этой операции стало заранее известно чехословацкой разведке, и поэтому афера была обречена на неуспех.

Вскоре после этого известный политический деятель Густав Штреземанн, бывший с 1923 года и до своей смерти в 1929 году министром иностранных дел Германии, разработал план подделки франков, вторым этапом которого было изготовление фальшивых фунтов стерлингов. Осуществление плана взяло на себя правительство Венгрии, а сама операция была поручена венгерскому князю Виндишгрецу. В первую очередь сиятельный князь подробно ознакомился с организацией работы на фабрике германской разведки по изготовлению фальшивых денег и документов близ Кельна, где были введены в действие самые серьезные маскирующие меры, которые предусматривали возможность взрыва фабрики в случае разоблачения аферы.

Операцию готовили тщательно. Один из ее руководителей, полковник генерального штаба Янкович, изучил в Париже технику упаковки

банкнот Французским банком. В 1925 году липовые франки были напечатаны, и агенты выехали за границу, в страны, где их предполагалось сбывать. Перевозку фальшивых денег возложили на дипломатических курьеров.

До начала операции банкноты хранились в посольствах Венгрии и ряда европейских стран. В Голландию в качестве дипломатического курьера с фальшивыми деньгами был направлен сам Янкович. В Гааге он обратился в банк с просьбой о размене валюты и среди подлинных денег подал один фальшивый тысячефранковый билет. Кассир банка распознал подделку и вызвал полицию. Венгерский посол немедленно информировал об этом происшествии правительство; последнее приказало всем находившимся за границей агентам немедленно уничтожить улики.

Французский банк усмотрел в этом случае с "тысячефранковым билетом" серьезную опасность и послал в Будапешт своих сыщиков. Им вскоре удалось выяснить все обстоятельства подделки, несмотря на то, что венгерская полиция, по указанию правительства, всячески стремилась

замести следы. Двое политических деятелей, намеревавшихся выступить в суде с разоблачениями, были убиты: один отравлен на званом обеде, другой подвергся нападению "неизвестных хулиганов".

Чтобы отвести удар от правительства, Виндишгрец и его помощники взяли вину на себя. В 1926 году они были осуждены, однако отбывали наказание с комфортом и после досрочного освобождения были вновь приняты в ряды венгерской армии.

Весьма примечательна операция по изготовлению португальской валюты, в свое время надевшая много шума в Европе. В декабре 1924 года к Вильму Ватерло, владельцу лондонской полиграфической фирмы, многие годы печатавшей денежные знаки и почтовые марки для различных стран, обратился доктор Маранг, совладелец голландской фирмы, также изготовлявшей по заказам правительств ряда государств бумажные деньги. Маранг предъявил Ватерло нотариально заверенный контракт, по которому его фирма должна была отпечатать для Португалии 600 ты-

сяч банкнот по 500 эскудо. За два года до этого типография Ватерло отпечатала то же количество тех же банкнот. Требовалось повторить тираж, снабдив новые банкноты теми же самыми обозначениями номеров и серий, что и в первый раз. Необходимость заказа мотивировалась глубоким экономическим и финансовым кризисом, охватившим Португалию, преодолеть который правительство рассчитывало путем разработки залежей полезных ископаемых в Анголе, и новый выпуск банкнот должен был обеспечить финансирование этих мероприятий.

Маранг заявил, что, хотя португальские власти обратились с этим заказом к его фирме, он тем не менее желает привлечь к его выполнению фирму Ватерло, поскольку та отпечатала первый тираж и у нее должны были сохраниться клише. Ватерло не усмотрел в предлагаемой сделке ничего предосудительного, поскольку такие эмиссионные операции время от времени производились правительствами отдельных стран. Он согласился выполнить заказ при условии его подтверждения Лиссабонским центральным банком.

Маранг вскоре привез соответствующее письмо, и в 1925 году была отпечатана новая партия португальских денежных знаков, которую по частям из одной страны в другую переправил Маранг, снабженный удостоверением португальского дипломатического курьера.

Впоследствии выяснилось, что все документы Маранга были фальшивыми. Его соучастники в Лиссабоне - Артур Рейси и Адольф Геннис - основали частный "Банк для кредитования хозяйственного развития Анголы", агенты которого на привезенные из Англии деньги стали скупать акции различных компаний. Они намеревались приобрести контрольный пакет акций Португальского государственного банка и стать его директорами. Рейс и Геннис рассчитывали, что с течением времени они незаметно изымут из обращения фальшивые купюры и тогда никто не узнает о факте их печатания в Лондоне.

Однако события приняли иной оборот. В Португалии стали часто попадаться банкноты с одинаковыми номерами, что привлекло внимание правительственных экспертов. Они установили,

что бумага, водяные знаки, оттенки красок, способ печати во всех случаях полностью совпадают. Обратились к Ватерло, и тогда происхождение фальшивых банкнот было установлено.

Марангу удалось скрыться, Рейс и Геннис были арестованы. Чтобы не вызвать биржевой паники, португальское правительство передало их суду лишь через пять лет после ареста. Стало известно, что Адольф Геннис - это псевдоним бывшего министра финансов Португалии Франческо де Костра, который в начале двадцатых годов практиковал выпуск двойных серий банкнот, а после отставки решил воспользоваться опытом незаконной государственной деятельности.

Разведки ряда западноевропейских государств неоднократно пытались использовать фальшивые деньги в качестве средства экономической диверсии против нашей страны. Еще в годы Гражданской войны для формирования "Русской добровольческой армии" в одной из тайных типографий Берлина было отпечатано три миллиона фальшивых рублей. Этой "продукцией" снабжались также контрреволюционные банды,

действовавшие на территории Советской России. Во время интервенции на Дальнем Востоке Япония вновь выпустила поддельные рубли. Фальшивые деньги должны были служить не только средством финансирования борьбы против молодого Советского государства, но и средством подрыва его финансовой системы.

В 1926-1927 годах органам ВЧК-ОГПУ удалось пресечь экономическую диверсию английской и германской разведок против СССР. Ее финансировал нефтяной концерн "Ройял датчшелл", возглавляемый Генри Детердингом, которого Октябрьская революция лишила огромных доходов от нефтяных промыслов в Баку и Майкопе. 10 июня 1926 года Детердинг "предсказал" в английской печати инфляцию в Советском Союзе, а министр финансов Уинстон Черчилль обратился к английским промышленникам с предостережением против кредитования советских заказов, намекая на то, что советские заказчики неплатежеспособны.

С помощью организации, которой руководил тесно связанный с английской разведкой бывший

царский генерал Глазенап, в СССР была переброшена первая партия - около 12 тысяч экземпляров фальшивых червонцев. Но операция была сорвана усилиями правоохранительных органов нашей страны. После разоблачения диверсии германская полиция была вынуждена провести обыск в типографии города Франкфурт-на-Майне, где печатались фальшивые червонцы. При обыске обнаружили около 120 тысяч полуготовых банкнот и огромные запасы бумаги с водяными знаками.

Огромный размах приобрела во время Второй мировой войны деятельность гитлеровских фальшивомонетчиков. В невиданных ранее масштабах подделывали они денежные знаки не только своих военных противников, но и своих союзников (например, Италии).

Безудержная эмиссия, которую гитлеровцы применяли в оккупированных государствах, позволяла им грабить материальные ресурсы этих стран.

28 мая 1941 года у министра хозяйства и президента Рейхсбанка Функа состоялось совеща-

ние, на нем было принято предложение Розенберга о печатании советских денежных билетов (протокол этого совещания находится среди материалов Нюрнбергского процесса).

Известно, однако, что советские деньги были изготовлены гитлеровской Германией заблаговременно, они ввозились в СССР под видом дипломатической почты и сбывались путем покупки драгоценностей, предметов антиквариата и произведений искусства. Цель совещания 28 мая - передать дальнейшее осуществление операции в связи с предстоящим началом военных действий против СССР хозяйственным и финансовым органам рейха.

Особенно большой размах приняла в период Второй мировой войны подделка английских банкнот. Эта операция, утвержденная самим Гитлером и имевшая вначале кодовое название "операция Андреас", а затем - "операция Бернгард", была начата еще до войны.

Скрупулезно изучив состав бумаги, краску и способ печати английских банкнот, расшифровав систему их нумерации, эсэсовские фальшивомо-

нетчики подделали огромное количество фунтов стерлингов и наводнили ими мировой рынок, и больше всего - страны Ближнего Востока, где они обращаются на черной бирже и поныне.

О степени тщательности подделки можно судить, например, по такому факту. Для изготовления бумаги из Турции на специально зафрахтованном судне было привезено несколько тонн льна определенного сорта. Из него было соткано полотно. Затем, по рекомендации химиков, куски этого полотна использовались на заводах для протирания машин. Через некоторое время лоскуты были очищены, вторично использованы в качестве ветоши и лишь после повторной очистки переданы для изготовления бумажной массы. Полученная таким путем бумага не отличалась от настоящей.

Столь же сложным было изготовление матриц для водяных знаков и клише для печатания изображений. Их выполнили лучшие граверы при участии рецидивистов-фальшивомонетчиков, которые отбывали в то время наказание. Оттиски готовых клише проецировались на экран внача-

ле с десятикратным, а затем с двадцатикратным увеличением рядом с подлинными банкнотами и сопоставлялись в мельчайших деталях, после чего вносились необходимые исправления. Достаточно сказать, что процесс изготовления клише длился семь месяцев! Гитлеровские фальшивомонетчики отпечатали банкноты достоинством в 5, 10, 20, 50, 100 и даже 500 и 1000 фунтов стерлингов, но из осторожности последние два вида банкнот не сбывались вовсе, а стофунтовые — лишь в виде исключения. Немецкие химики изучали процессы старения бумаги и красок в подлинных английских банкнотах и научились искусственно воспроизводить эти процессы в фальшивых деньгах. Пачки банкнот комплектовались "на совесть": старые и новые денежные билеты лежали вперемежку, ни в одной пачке не было билетов с последовательными номерами. Была разработана тщательно продуманная система сбыта фальшивых денег.

Английская разведка вскоре после начала реализации "операции Бернгард" установила, что немцы в большом количестве выпускают фаль-

шивые английские деньги. Но правительство Великобритании предпочло молчать об этом, чтобы не подорвать доверия к фунту стерлингов в нейтральных странах и особенно среди населения Северной Америки, Ближнего и Среднего Востока.

В начале 1945 года, понимая, что война проиграна, эсэсовцы создали в Австрии и Баварии тайники, где спрятали секретные документы, золото, драгоценные камни и оборудование лабораторий и фабрик, выпускающих фальшивые фунты стерлингов и доллары. Один из таких тайников был обнаружен на дне горного озера Торлиц в Штирии (Австрия). Удалось извлечь восемь ящичков, набитых фальшивыми фунтами стерлингов и содержащих документы, относящиеся к их изготовлению.

Руководители "операции Бернгард" стали известны. Это эсэсовец Хетль; технический руководитель операции, по имени которого она получила свое название, - Бернгард Крюгер; организатор сбыта фальшивых фунтов стерлингов Фридрих Швенд; один из главарей фашистской раз-

ведки Отто Скорцени.

Не только германские фашисты взяли на вооружение фальшивомонетничество. В 1963 году сотрудник американской разведки Стенли Ловелл, возглавлявший во время Второй мировой войны так называемый Научно-исследовательский отдел Управления стратегической разведки США, издал книгу, которую он озаглавил "О шпионах и военных хитростях". В этой книге он рассказывает, что в 1942 году недалеко от Нью-Йорка была создана секретная фабрика для подделки денежных знаков стран, оккупированных немцами и японцами. Так, были подделаны деньги Филиппин; по заказу эмигрантского голландского правительства - деньги Индонезии; для оплаты американских шпионов фабриковались фальшивые монеты - серебряные талеры Марии Терезии, имеющие широкое хождение в странах Ближнего и Среднего Востока.

В 1929 году в Женеве была заключена международная конвенция о борьбе с фальшивомонетничеством. Одним из авторов текста этой конвенции был первый президент междуна-

родной полицейской организации ("Интерпол"), полицей-президент, а впоследствии и канцлер Австрии Иоганн Шобер. Это тот самый Шобер, который в 1923-1925 годах активно поддерживал участников операции по подделке французских денег. Подобное сочетание в одном лице создателя международной конвенции о борьбе с фальшивомонетничеством и покровителя опаснейшей операции по подделке иностранной валюты оказалось тогда возможным.

В конце 1992 года заметно активизировались фальшивомонетки, специализирующиеся на наших отечественных купюрах. Можно утверждать, не погрешив против истины, что Россию захлестнул вал поддельных денежных знаков, в том числе и иностранных. Только в 1993 году число преступлений, связанных с изготовлением фальшивых денег, возросло в 18 раз! Липовые бумажки поступают не только из Чечни - тайные "монетные дворы" были созданы в Московской, Орловской, Тамбовской областях, Ставропольском крае. Есть свидетельства поступления в Россию фальшивых денег из стран Балтии,

Польши. Самая "любимая" фальшивомонетчиками купюра - 50 тысяч рублей.

В декабре 1993 года в Москве, Ростове, Пензе, Калуге, Ижевске и Перми обнаружены поддельные приватизационные чеки, изготовленные типографским способом с одинаковыми номерами. Выявлено 23 номера. На всех чеках - поддельная печать сбербанков Москвы и Ростова. Фальшивомонетчики "шлепали" эти ценные бумаги, похоже, впопыхах, даже не затруднив себя изучением правильного оформления ваучера. Так, на приватизационных чеках Ростова появилась печать Сбербанка Москворецкого района, что невозможно в принципе.

В 1994 году в одной только Москве зафиксированы 145 случаев изъятия фальшивых долларов. В марте Управлением по экономическим преступлениям был задержан гражданин, пытавшийся продать у станции метро "Баррикадная" 500 липовых долларов США за 180 тысяч рублей.

Так как 96% валюты прибывает в столицу из-за кордона, большинство подделок - то-

же иностранного производства, причем квалифицированного. Распознать их неопытным взглядом очень тяжело. Различные прокатные машинки, "карандаши" - так называемые детекторы на обнаружение подделки валюты, которые сейчас активно продаются в коммерческих ларьках, - очень часто подводят своих владельцев.

В последние годы получили широкое распространение новые виды подделок. Научно-технический прогресс охватил всю банковскую систему и породил широкое использование ЭВМ, что позволило существенно расширить клиентуру банков и при помощи создания пластиковых карточек.

Кредитная карточка была изобретена в феврале 1950 года, когда нью-йоркский бизнесмен Макнамара не смог расплатиться в ресторане, потому что забыл дома свой бумажник. И тогда он придумал способ, чтобы навсегда избежать подобных случаев в будущем, и основал "Дайнерс-клуб".

Новая форма платежей охватывает сейчас миллионы человек. Более 10 миллионов различ-

ных учреждений службы сервиса и торговли в 190 странах принимают к оплате пластиковые карточки. Соответственно растет число жалоб на неправильность отчислений и жульничество при платежах.

Можно утверждать, что чем дольше поливиниловые прямоугольнички будут заменять бумажные деньги, тем более искусным будет мошенничество, тем более дерзкими будут преступники, тем больше возрастут размеры обмана.

Быстрое развитие системы кредитных карточек делает ее легко уязвимой, и это - ее обратная сторона. Она является привлекательной не только для международных мафиозных банд, но и для мелких жуликов.

Вдвое быстрее, чем число выдаваемых кредитных карточек, растет связанная с ними преступность. По оценкам германской криминальной полиции, размеры мошенничества, например, с 1989 по 1992 год, увеличились вчетверо и достигли суммы свыше 100 млн. марок.

Центры мошенничества находятся в Гонконге, Малайзии, Таиланде,- именно из этих стран

иницируется 44% преступлений, совершаемых с кредитными карточками. Наиболее частыми жертвами мошенников становятся туристы и бизнесмены.

Внедрение в России новой для нее системы платежей породило для правоохранительных органов новые сложные проблемы.

Тем институтам в России, которые выдают карточки, еще предстоит наладить систему оптимальной оценки кредитоспособности своих будущих клиентов, чтобы перекрыть лазейку для организованной преступности, чьи представители уже пытаются устанавливать контакты с подобными учреждениями.

Не правда ли, по поводу всего сказанного выше, глядя на наше финансовоэкономическое состояние, стоит подумать поразмышлять...

* * *

У нас много и гневно говорят и пишут о КГБ, контрразведке, разведке, требуя не только пересмотра форм и методов работы специальных служб, но и полной их ликвидации. Чего только не выплеснули на головы тех, кто даже никакое-

го отношения не имел ни к репрессиям периода культа личности, ни к преследованиям диссидентов, а просто честно и преданно служил своей Родине и защищал ее интересы.

Проводя свои реформы, мы все время оглядываемся на Запад, мол, вот как там. А как - не говорили. В беседах с американскими, французскими, германскими коллегами, я каждый раз задавал вопрос: возможна ли в их странах такая открытость в освещении прошлой деятельности спецслужб, как у нас в России. И каждый раз следовал ответ: невозможно, не принято. Далее они объясняли, что такая открытость нанесла бы ущерб безопасности их государства, а это недопустимо.

Одна американская писательница, проявившая профессиональный интерес к подразделениям спецназа нашей спецслужбы и армии, была удивлена, когда ее попросили быть готовой на встрече подробно рассказать о деятельности специальных подразделений армии и флота США, которые, как утверждают их источники, располагают уникальными возможностями и перспекти-

вой дальнейшего развития. Она была готова рассказать только то, что уже опубликовано у нас. Встреча, к сожалению, не состоялась. В США строго берегут государственные секреты и раскрывают только то, что причинит вред оппоненту, облегчит оказание на него воздействия и подчинение его своему влиянию. Мы же у себя не всегда замечаем это.

В этой связи мне хотелось бы более детально коснуться вопроса отношения властей ФРГ к работе спецслужб.

В июле 1990 г. по заказу МВД ФРГ была издана брошюра "Задачи и контроль в области охраны Конституции".

Как сказано в предисловии, она явилась ответом на требования общественности ФРГ пересмотреть формы и методы работы специальных служб по защите конституционного строя вплоть до их полной ликвидации, что было вызвано позитивными изменениями в восточноевропейском регионе. Тогда правительство решило довести до массового сознания то обстоятельство, что во многом благодаря усилиям именно

этих спецслужб, отражавших атаки левого и правого экстремизма, ФРГ и является сейчас стабильным правовым государством с сильными демократическими традициями.

В брошюру вошли статьи, затрагивающие различные аспекты правового положения, задач, форм, методов и сфер деятельности ведомств, имеющих отношение к охране конституции, подготовленные руководящими сотрудниками МВД, БФФ (Бундес Феффассунс Феррейн - Федеральное ведомство по охране Конституции), ЛФФ (Ландес Феффасунс Феррейн - Земельное ведомство по охране Конституции), БКА (Бундес Криминаль Амт - Федеральное управление криминальной полиции), а также видными немецкими юристами, специализирующимися в данной области.

Касаясь кампании нападок на спецслужбы, профессор Клаус Штерн, директор Института государственного права и теории управления Кельнского университета в статье "Демократия, способная себя защитить по Основному Закону ФРГ", указывает, что когда спецслужбы стано-

вятся объектом особо эмоциональных атак, то зачастую это объясняется их специфическими закрытыми от общественности методами работы, что может дать основания для недоверия и подозрений, а иногда даже вызвать ассоциации с тайной полицией тоталитарной системы. Ошибочные, чего нельзя избежать, или спорные с правовой точки зрения отдельные акции часто используются для обоснования принципиального неприятия спецслужб. В настоящий момент генератором вновь появившихся высказываний, рисующих ужасную перспективу государства тотального контроля, стали планы правительства по обновлению законодательства в области обеспечения внутренней безопасности и охраны конституции.

Так, например, утверждается, что законодательство по вопросам обеспечения безопасности служит "для всеобъемлющего учета, криминализации и, в конечном счете, изоляции любой неконформистской по отношению к существующей системе оппозиции, более того - всего дезинтеграционного общественного потенциала. . .

Далее следует излюбленная аргументация: с одной стороны, клеймить недостаточную законность действий сотрудников спецслужб; с другой противопоставить принятию новых законов любое возможное сопротивление под предлогом опасности перехода к государству тотальной слежки. Порой предоставление информации спецслужбам преподносится как доносительство. Все это вместе взятое должно создать впечатление о том, что деятельность спецслужб является антидемократическим и антиконституционным репрессивным инструментом, против которого может быть мобилизовано даже право на сопротивление (в соответствии со статьей 20, раздела 4 Основного Закона ФРГ)".

Вице-президент БФФ Петер Фриш в статье "Охрана конституции в условиях изменяющейся европейской среды" также подчеркивает, что такое развитие (победа оппозиции в ГДР и восточноевропейских странах - Ю.Д.) ... должно вызывать вопросы. Разве оно не демонстрирует, что политические теории и руководства к действиям, которые мы характеризуем как экстре-

мистские и которые подлежат отслеживанию на государственном уровне, в конечном счете оказались безуспешными и должны были таковыми оказаться. Разве образ врага по меньшей мере в левой части политического спектра не устранен? Может, не последует ли то же самое на противоположной стороне спектра политических взглядов (правый экстремизм Ю.Д.)? Не следует ли вообще с большей выдержкой выступать против политического экстремизма, рассматривать его только лишь как альтернативу допустимым политическим взглядам, бороться с которой следует в любом случае сугубо политическими методами, как того всегда требовали критики государственных мер по защите демократии? Ответ на эти вопросы мы, сотрудники спецслужб, в последние месяцы слышали достаточно часто. Это был утвердительный ответ, и квинтэссенцией было требование о ликвидации, по меньшей мере - существенном ограничении мер по охране внутренней безопасности от экстремизма и шпионажа, а наряду с этим требование ликвидации или жесткого ограничения (можно перевести и

как "сокращения" - Ю.Д.) спецслужб. Министр внутренних дел ФРГ во вступительной статье к этому сборнику, говоря о демократии, напоминает, что "судьба Веймарской республики показала, куда может привести путь, если свободное государство оставляет поле (боя) своим противникам без сопротивления! В любом случае этого необходимо избежать." Ну как тут не вспомнить слова Томаса Манна из "Наблюдений стоящего вне политики" (1918 г.), заметившего, что "если двое говорят "демократия", то с самого начала весьма вероятно, что они подразумевают нечто весьма различное." Профессор Штерн в своей статье пишет, что атаки тоталитарных партий (на примере Веймарской республики - Ю.Д.) не затрагивали демократических институтов лишь до тех пор, пока они ими не завладели.

Созданием свободного демократического конституционного строя (ФРГ - Ю.Д.) законодатель не только окончательно порывал с предшествующей системой тоталитаризма, но и наполнил само понятие конституционного строя конкретным (материальным) содержанием, тем

самым отказавшись от относительной демократии так, как она понималась веймарской конституцией. Содержание (понятие) демократии нельзя далее толковать, сообразуясь с собственными желаниями, ей не разрешено теперь саморазрушение... Такое изменение в значительной мере стало следствием "реакции" на Веймар, обозначило переход к способной себя защищать, воинствующей демократии.

Штерн ссылается в своей статье на выступление К.Кауфмана в 1951 году на 39м заседании участников "Дня немецких юристов" в Штутгарте, который говорил: "Как мы можем законными средствами гарантировать и защитить свободу от врагов свободы? Как мы можем, не выходя за рамки закона, использовать власть против злоупотребления властью? Революции не будут происходить на баррикадах. Так же маловероятно - в результате государственных переворотов наверху вследствие одностороннего акта или внезапного захвата власти небольшой группой. В эпоху массовой демократии государственные перевороты подготавливаются постепенно путем про-

паганды идеологий, подрыва авторитета и институтов существующей системы, злонамеренной и язвительной критики проводимой этими институтами политики и практических мер, путем расшатывания государственного аппарата, инфильтрации туда, а также в экономические структуры и особенно те из них, от которых зависит функционирование органов управления хозяйственных, политических и общественных организаций, посредством создания ячеек из активных фанатизированных ударных групп, которые в подходящий момент могли бы быть использованы для захвата власти.

Клаус Штерн подчеркивает, что к основополагающим принципам такого конституционного строя (который закреплен в Основном Законе ФРГ - Ю.Д.) следует отнести, по меньшей мере: уважение конкретизированных в Основном Законе прав человека, прежде всего прав личности на жизнь и свободное развитие; суверенитет народа; разделение властей; ответственность правительства; независимость судов; многопартийность и равенство шансов для всех политических

партий, включая право на соответствующее конституционным нормам создание оппозиции и оппозиционную деятельность.

Этот конституционный строй должен быть поддержан и защищен от выхолащивания и устранения. На это нацелены в большей или меньшей степени все инструкции (спецслужб - Ю.Д.), в которых об этом идет речь. В оперативной практике это трансформируется таким образом, что демократия приобретает такие характеристики, как "способная себя защищать", "воинствующая", "боевая", "бдительная" (в массовое сознание через деятельность судов, прокуратуры, спецслужб ФРГ внедряется мысль, что, хотя граждане и живут в демократическом государстве, демократический строй готов к жесткой реакции на возникающую угрозу не то что своему существованию, а даже малейшему отклонению от конституционных норм - Ю.Д.). Конституционный суд отдает предпочтение определению "боевая демократия", говорит и о "способной себя защищать демократии", иногда объединяет эти две характеристики воедино.

Реализация на практике того, что подразумевается под "способной себя защищать" демократией осуществляется в предусмотренных конституцией формах: во-первых, в виде лишения гражданских прав из-за злоупотребления теми или иными свободами; во-вторых, в форме запрета федеральными или земельными госслужащими союзов/объединений; в-третьих, в форме объявления федеральным конституционным судом политических партий антиконституционными (например, националсоциалистической партии в 1952 г. и коммунистической партии Германии в 1956 г.); в-четвертых, в форме обвинения против судьи в нарушении конституционных . . . принципов (компетенция федерального конституционного суда); в-пятых, в форме административных мер по охране конституции, реализуемых БФФ и ЛФФ; в-шестых, в форме законодательно регламентированного обеспечения преданности конституции рабочих и служащих госаппарата, а также судей и военнослужащих; в-седьмых, в форме федерального или союзнического вмешательства.

В брошюре подчеркивается: "... опыт Веймарской республики показал, что ничем не ограниченная свобода является наилучшим путем к тому, чтобы эту свободу потерять. Создатели веймарской конституции и ее либеральные толкователи в свое время были горды тем, что она допускает столько свободы, сколько было бы необходимо для ее же собственного демонтажа. Наверняка, мало кто из этих свободолюбцев думал о том, что нечто подобное когда-либо произойдет.

И, тем не менее, национал-социалисты ясно осознали что в этом заключается их юридический шанс по устранению ненавистной демократии. Наряду с этим, нельзя недооценивать и другие причины, приведшие к режиму террора национал-социалистов. В частности, способом захвата власти стало достижение большинства в парламенте парламентскими же путями. Большинство, которое впоследствии вполне конституционно было использовано для того, чтобы лишиться силы конституцию, выступавшую гарантом прав личности и демократических процедур.

ФРГ же в своей конституции провозгласила себя демократией, способной защищаться. Это означает, что государство может, а при необходимости должно выступать и против устремлений, которые нацелены на ненасильственный, парламентский захват власти, с тем чтобы затем демонтировать или пересмотреть конституцию согласно собственным желанием. Против этих устремлений могут быть использованы предусмотренные конституцией меры, будь то лишение гражданских прав, запрет партий или общественных организаций.

Но, чтобы знать о таких устремлениях или подобной им деятельности, государство должно располагать точной информацией на этот счет.

Наибольший интерес для парламентариев, политиков и административного аппарата должны представлять задачи спецслужб ФРГ в том виде, как их понимает вице-президент БФФ П.Фриш, задача спецслужб заключается в сборе материалов о том, пытается ли кто конкретно и как - частично или полностью - устранить названные принципы (права человека, независи-

мость судов, многопартийность и т.д. - Ю.Д.). Такие устремления классифицируются, как "экстремистские" или как "антиконституционные". Еще одной задачей по охране конституции является борьба со шпионами. Сегодняшний шпион - это не подобие Джеймса Бонда, ночью с кошачьей ловкостью взбирающийся по вертикальному фасаду, натренированными приемами каратэ укладывающий оказавшихся у него на пути охранников, уверенно находящий спрятанный в стене под картиной сейф, с помощью супервзрывов чашки мгновенно вскрывающий его и затем, забрав секретные документы, под завывание сирен и топот контрразведчиков в один тридцатиметровый прыжок оказывающийся за рулем шикарного спортивного автомобиля... Сегодняшний шпион пытается подкупить человека, владеющего ключом к сейфу. Это связано с меньшим риском и более перспективно. Борьба со шпионажем означает, таким образом, обнаружение слабых мест у секретносителей или на объектах, где имеется закрытая информация, и анализ ставших известными случаев, фактов, следов и

"совпадений"...

В начале 70-х годов перед сотрудниками БФФ и ЛФФ была поставлена дополнительная задача по отслеживанию антиконституционных устремлений со стороны иностранцев: с середины 60-х годов приток иностранных рабочих имел следствием не только то, что вместе с ними прибывали и члены их семей, но частично означал и принесении внутривосточных проблем их стран (в ФРГ - Ю.Д.). Это привело к серьезным столкновениям с применением силы, которым полиция не могла эффективно противодействовать из-за недостаточного знания языков, национальных традиций, внутренних взаимосвязей, а также в силу применявшихся многими группами иностранцев конспиративных методов.

Из перечисленных приоритетных сфер компетенции и задач вытекало и оказание содействия при проверке благонадежности определенных категорий лиц с привлечением имеющихся в распоряжении БФФ сведений.

Именно так обстоит дело с проверкой будущих секретноносителей, персонала оборонных и

жизненно важных объектов, а также при проверке технических средств защиты. . . По мнению профессора университета г-на Майнца Христофа Гузи, оказание БФФ и ЛФФ ведомственной помощи - Mitwirkungshilfe - при проведении различного рода проверок на благонадежность и преданность конституции по своему объему выдвинулось на первое место среди прочих задач указанных ведомств. В своей статье "Место охраны конституции в системе правового устройства ФРГ" он, в частности, отмечает: "Сегодня практически в центре деятельности БФФ (и МАД, службы военной контрразведки бундесвера - Ю.Д.) стоят задачи оказания содействия при проверке благонадежности обслуживающего персонала и служащих госучреждений, кандидатов на работу туда, а также в военные объекты и объекты, относящиеся к системам жизнеобеспечения; задачи по охране в общественных интересах сведений, составляющих тайну.

Это были по сути чуждые задачи, которые, с одной стороны, повысили реальное значение спецслужб, с другой, однако, - привели к дискус-

сиям в обществе вокруг них.

Параллельно с расширением круга задач (по проверке на благонадежность, так как это затрагивало интересы все более широких слоев населения ФРГ - Ю.Д.) понижалась акцептация сотрудников спецслужб.

Почти все дискуссии в обществе вокруг сотрудников спецслужб, соответствия их деятельности основным правам личности и демократии, так же, как и почти все судебные процессы, инициированные против этой деятельности, были связаны с выполнением этих вспомогательных задач. В этом отношении расширение круга задач повысило административное значение БФФ (и МАД), в то же время ограничило их политическую легитимность.

Фриш в своей статье раскрывает средства и методы, которые используют специалисты ФРГ сегодня. Наиболее важную информацию и в особенности наводки на такие виды деятельности, которые как раз и пытаются скрыть от правоохранительных органов, ведомства по охране конституции (БФФ, ЛФФ), добывают с исполь-

зованием разведывательных средств... К средствам конспиративного добывания принадлежит использование агентуры - это члены экстремистских партий или организаций, работающие на БФФ/ЛФФ. Совершенно ясно, многие делают это в первую очередь по финансовым соображениям. Однако не так уж и редко это граждане, которые первоначально по идеалистическим мотивам стали членами экстремистских партий, но постепенно осознали, что эти партии или организации в конечном счете стремятся к господству террора или произвола, против чего они и сами выступали.

Задача сотрудников (спецслужб) заключается в этом случае в том, чтобы своевременно вскрыть процессы трансформации (взглядов, сознания) отдельных членов и склонить их к тому, чтобы они не покидали свои организации, однако впредь информировали компетентные государственные органы о конкретных планах и замыслах, нацеленных против конституции и государства.

К числу конспиративных разведывательных

средств относится наружное наблюдение (НН). С помощью этого метода подозреваемый находится под контролем круглосуточно. Речь идет в первую очередь о том, чтобы зафиксировать его связи, получает ли или прячет ли он у себя оружие, откуда и от кого поступают к нему финансовые средства и кто еще вместе с ним сотрудничает. НН требует значительного количества сотрудников. Совершенно не соответствуют действительности кинокартинные представления, в которых за подозреваемым идет один человек. Для того, чтобы в течении короткого промежутка времени конспиративно (без риска расшифровки - Ю.Д.) вести наблюдение за одним человеком, необходимо от 8 до 10 "наблюдателей". Наружное наблюдение осуществляется в основном в рамках борьбы со шпионажем и терроризмом.

Контроль почтовых отправлений и каналов связи связан с многочисленными оговорками и ограничениями. В основном эти меры разрешено применять по делам о шпионаже или о принадлежности к террористической организации.

В каждом конкретном случае решение принимает соответствующий министр (МВД ФРГ или МВД земли - Ю.Д.). Перед началом практической реализации каждая такая мера подлежит тщательному изучению (с точки зрения обоснованности и целесообразности - Ю.Д.) соответствующей комиссией парламентского комитета. Дополнительно каждые 6 месяцев необходимо информировать парламентский комитет. Срок действия мер по контролю ограничен тремя месяцами. Продление срока происходит в том же процедурном порядке, как при введении данных мер впервые.

Скрытое фотографирование - позволяет документировать конспиративные встречи шпионов со своими агентами или действия членов террористических организаций.

Использование так называемых "жучков", - миниатюрных подслушивающих устройств - в соответствии со статьей 13 Основного закона в принципе недопустимо. Исключения возможны лишь тогда, когда в отдельных случаях речь идет об устранении угрозы здоровью или жизни. Та-

кие случаи редки; это средство в практике работы сотрудников ведомств по охране конституции почти никакой роли не играет.

Вспомогательные разведывательные средства - все те средства или предметы, которые необходимы для зашифровки. . . . К ним, например, относятся паспорта на другие, "рабочие" персональные данные, используемые сотрудниками БФФ/ЛФФ при ведении расследований по делам о терроризме. Можно упомянуть и сменные автомобильные номера., а не те, которые указывают на принадлежность к парку государственных автомашин.

Президент земельного ведомства по охране конституции земли БаденВюртемберг доктор Эдуард Фермандер, затрагивающий "правовые проблемы при сборе информации, необходимой для охраны конституции", в своей статье обращает внимание на происхождение сведений, собираемых сотрудниками ведомств по охране конституции. В зависимости от источников получаемые сотрудниками БФФ/ЛФФ сведения распределяются следующим образом: - 60% поступает из от-

крытых источников. Это могут быть, например, общественные выступления (заявления) политических групп или конкретных лиц, находящихся под наблюдением; - 20% информации поступает в порядке оказания помощи и взаимодействия с другими административными служащими федерального или земельного уровня; - и, наконец, оставшиеся 20% получают с использованием конспиративных/разведывательных средств.

... То обстоятельство, что 60% получаемой БФФ/ЛФФ информации происходит из открытых источников, не должно удивлять. Поскольку... речь идет о политической активности, то со стороны объектов наблюдения существует стремление к открытым выступлениям. К этим открытым источникам, анализом и оценкой которых занимаются сотрудники БФФ/ЛФФ, обычно относятся партийные газеты, списки кандидатов на выборах, листовки, брошюры и т.п.

Конспиративные/разведывательные средства включают в себя отслеживание, так сказать, изнутри экстремистских организаций и групп с использованием агентуры связано с определенными

ми правовыми проблемами: как, например, поступать в случае совершения агентом уголовно-наказуемого действия?... Поскольку агент должен пользоваться доверием среди членов своей группы и не может на каждом шагу прибегать к совету сотрудника БФФ/ЛФФ, в отдельных случаях возникает определенный риск оказаться вовлеченным в уголовно-наказуемые деяния. Помочь может... правовая норма оправданной вынужденной необходимости (параграф 34 УК).

Другая проблема - использование полученных агентурным (или другим конспиративным) путем сведений в судебном процессе... Как правило, раскрытие этих источников перед судом запрещено из-за вытекающей отсюда опасности для жизни и здоровья. На этот счет существуют соответствующие правовые ограничения... В подобных случаях рассматривается вариант приглашения в суд в качестве свидетеля высокопоставленного сотрудника БФФ/ЛФФ.

Наружное наблюдение... Если речь идет о так называемом передвижном наблюдении, при котором слежка за объектом ведется сравнитель-

но длительное время, то требуется весьма значительное количество наблюдателей и автомашин. По количеству привлекаемого персонала и масштабам использования технических средств наружное наблюдение по праву можно отнести к числу самых дорогих "инструментов".

Брошюра "Задачи и контроль в области охраны Конституции" летом 1990 года была распространена среди депутатов Бундестага ФРГ. С ней ознакомились и приняли к сведению и исполнению.

В конце июня того же года эта брошюра лежала на моем столе. Мы внимательно изучили ее и доложили руководству КГБ. Разведка обращала внимание руководства страны на эти серьезные усилия западногерманских властей по укреплению своих спецслужб, их авторитета. У нас же шел пятый год перестройки, мы были ослеплены "свободой" и демократией, и со всех сторон нам рекомендовали, от нас требовали разрушить наши разведывательные и контрразведывательные структуры, раскрыться, обнажиться.

Что ж, они по-своему правы: голых, слепых

и глухих дурачить легче и безопаснее, особенно, если еще и натравить друг на друга. Им это удалось, при активном участии наших недалеких реформаторов и средств массовой информации. Громили историю, прошлое, забыв, что старые защитные стены рушат в последнюю очередь, когда новая добротная стена, плотно защищающая ход социальных и экономических преобразований внутри страны уже построена.

В сентябре 1991 г., уже после августовских событий, меня вызвал для беседы новый первый заместитель Председателя КГБ СССР генерал А.А.Олейников. Видимо, он хотел ознакомиться с тем, что из себя представляет нелегальная разведка и определить ее судьбу, если она была замешана в путче.

Анатолий Аввакумович Олейников был известен мне как один из руководителей областных управлений КГБ, обладающий опытом контрразведывательной работы. Мы долго беседовали. Я рассказал ему очень многое. Мы, как мне показалось, оба хорошо понимали эту государственную проблему. Генерал Олейников, прощаясь, сказал,

что меня должен будет принять Председатель КГБ Бакатин и попросил быть в пределах досягаемости. Но вызова так и не последовало. В пылу рьяного разрушительства новому председателю было не до проблем защиты государства, не до основательного изучения прошлого и перспектив настоящего развития. Он уже все успел узнать за два-три дня, нагородить столько, что страна еще долго будет искать и залечивать раны. Примечательно, что ни один из сотрудников спецслужб США и ФРГ, с которыми я встречался, не одобрили его шагов, хотя они и воспользовались плодами его действий незамедлительно.

Так нужны ли нам спецслужбы? И какие? Подумайте.

ГЛАВА 14. ЧТО ВПЕРЕДИ

В начале 1990 г. руководство Первого Главного Управления ознакомило меня с аттестацией, вывод которой гласил, что в связи с "достижением предельного срока службы" я подлежу увольнению в отставку. Шестьдесят пять лет. Действительно пора. За плечами 13 лет службы в Советской Армии, 35 лет в разведке, а всего 48 лет

(или 53 года, с учетом льгот за особые условия работы). Можно и на покой. Но увольнение затянулось.

В начале мая 1991 г. этот вопрос был окончательно решен руководством. Я подал рапорт, в котором просил уволить меня по возрасту. 3 июня я последний раз встретился со всем коллективом нелегальной разведки, объявил о своем уходе, поблагодарил всех за службу и покинул подразделение, которому посвятил двадцать один год жизни.

В конце июля 1991 г. я был приятно удивлен, узнав, что по представлению коллектива нелегальной разведки за "достигнутые конкретные результаты в работе" меня наградили знаком "За службу в разведке", которого удостоиваются не многие.

Оказавшись не у дел, я добросовестно перекопал все грядки на даче, косил траву, возил тачками землю и навоз, пилил и рубил дрова, возился с машиной и никак не мог привыкнуть к избытку свободного времени. Жена с опаской смотрела на меня: надолго ли хватит. И придумывала все

новые и новые задания.

3 августа 1991 г., видимо, перед подписанием Приказа об увольнении, меня принял и тепло простился Председатель КГБ СССР В.А.Крючков.

Приближалась 10-я годовщина группы специального назначения "Вымпел", и "каскадеры" пригласили меня на свой юбилей. Я с радостью согласился. 19 августа 1991 г. торжественный праздник по известным причинам не состоялся. "Вымпел" был поднят по тревоге. Я возвращался из Ясенево к себе на дачу мимо колонн танков, БМП, искал глазами "своих каскадеров". Я твердо знал, что "Вымпел", как и "Альфа", против своего народа не пойдут. В конце октября 1993 г., я еще раз убедился, что в них не ошибся.

В начале сентября 1991 г. меня попросили выступить на традиционном в ПГУ приеме молодого поколения - уже не как заместителя начальника разведки, начальника Управления "С", а как разведчика-ветерана. Я впервые поднялся на трибуну в качестве пенсионера. Что я скажу им, сидящим в зале, пришедшим в разведку в на-

ше сегодняшнее беспокойное, полное сомнений, сметений и разочарований время. . .

Я сохранил наброски выступления, сделанные тогда прямо за столом президиума. Ведь я выступал перед коллективом разведчиков в последний раз. Сегодня представляется необходимым сказать обо всем вновь.

"Дорогие друзья! Меня попросили выступить на нашей встрече, рассказать о себе. О себе мне сказать нечего. Все вы знаете. Все эти годы мы были вместе, весь я перед вами. Сказать мне хочется о другом.

В нашей с вами стране происходят серьезные изменения. Происходит смена вех, смена эпох. Пусть болезненно, но пройдет период очищения, завершится время реформ, начнется этап нового созидания со своими проблемами.

В период таких серьезных перемен задачей нашей разведки было и остается обеспечение безопасности внутренних преобразований специфическими средствами. Наши с вами возможности позволяли делать это, пусть не всегда успешно и с требуемой полнотой. Цели разведки - во-

енные цели. Главным всегда для всех нас было результатами нашего труда сделать ракетно-ядерное нападение на нашу Родину невозможным.

У наших противников, как известно, свои цели по отношению к нашей стране. И мы признательны тем, кто раскрыл эти замыслы и практические шаги "партнеров" и "доброжелателей". В конкретном видении и понимании этого возможность предупредить руководство страны, избежать серьезных ошибок.

Переживаемое нашей страной и народом время заставило меня вспомнить Воззвание генерала А.А.Брусилова 23 мая 1920года, обращенное "Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились". Брусилов призывал "... Служить не за страх, а за совесть. . . , не жалея жизни отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию, не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали

своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою Россию".

Смена эпох сопровождается и заменой флага. Это значит очень много. Для российской внешней разведки это преемственность возрожденных традиций разведчиков прошлых веков, что обогатит опыт и традиции нашей службы.

Вспомним только некоторые имена, которыми мы можем гордиться.

- Демьян сын Кондратьев (он же Уста-баши Дамян), лазутчик Ивана III, находившийся в Золотой Орде на нелегальной работе более 20 лет.

- монах-разведчик Матвей, - руководитель разведки Ивана III князь Хованский, - руководитель разведки Ивана IV Василий Иванович Колычев по прозвищу "Умной", его лазутчик Алексей Дуплев по прозвищу "Неупокой", - монах, ученый и разведчик Иакинф Бичурин (Китай), - капитан А.Фигнер - гвардейский офицер, партизан, неоднократно выполнявший задания с нелегальных позиций, - штабс-капитан II Отдела Омского генерал-губернаторства А.Иванов, известный своей разведывательной деятельностью

в Средней Азии, Синьцзяне, Китае, Афганистане, - полковник Генерального штаба, ученый-исследователь Семен Пржевальский, - ротмистр В.Шварц - военный разведчик и диверсант, активно использовавший китайских хунхузов против японцев в 1904-1905 годах.

Есть много других имен незаслуженно забытых разведчиков, русских и представителей других национальностей России, являющих собой пример верности присяге на славу Отечества.

Вот почему, избрав профессию разведчика, особенно в такое трудное время, мы должны твердо знать, что "правительства меняются, а Россия остается, и все должны служить ей по той специальности, которую выбрали" (А.Брусилов).

Берегите Россию."

Дома я не усидел. Новая жизнь позвала меня, как и многих других, закрутила и наполнила новыми заботами в Акционерном обществе "НА-МАКОН". Ничего не поделаешь. Хотелось бы, чтобы все строилось с учетом прошлого на действительно равноправной и взаимовыгодной ос-

нове. Пока вроде получается...

... Мы сидели в роскошном холле на втором этаже гостиницы "Славянская", которую облюбовали некоторые бизнесмены, приезжающие в нашу столицу. Мы - это американцы и русские. У нас деловая встреча. После нее, прощаясь, президент фирмы "US-CIS" Александр М.Хейгмладший, генерал в отставке, спрашивает: - Кем Вы были во время войны, генерал? Я был танкистом. Я бы тогда взял Вас к себе.

- Командиром взвода в противотанковой артиллерии. И как хорошо, что мы тогда не стояли друг против друга.

В лондонской "Файненшл Таймс" 27 мая 1993 года появилось объявление о совместной деятельности между фирмами "Алексис Интернэшнл, Инк" и "НАМАКОНОм". Нет, это не ирония судьбы. Бывшие противники и соперники отбросили в сторону топор тайной войны и подняли зеленую оливковую ветвь делового сотрудничества.

Блажен, кто верует.

Сделка с американской фирмой "MIS" (Машин Индастри Констракшен) из Вашингтона, где у руля Майкл Ансари, Александр Хейг-младший и Збигнев Бжезинский, сорвалась.

Мы подготовили для них маркетинговое исследование, они назвали нас своими уполномоченными в России. Ударили по рукам. Наши партнеры сказали, что их слово крепче письменного соглашения и... исчезли. Мы направили им счет, они не ответили, так и остались должниками.

Известная фирма, обеспечившая своими строительными машинами операцию "Буря в пустыне", оказалась несостоятельной на российском рынке, хотя и продолжает рекламу своих услуг. В нашей базе данных эта фирма значится в числе ненадежных, отношения с которой сопряжены с большим риском.

Позднее друзья сообщили мне из США, что американцев не интересовала сделка, они решали политическую задачу. Вот тут собака-то и зарыта! Именно по этой причине заглохли отношения и с Винсентом Каннистарро. О нашем кон-

такте с ним хорошо написал Питер Фурманн в лондонском журнале "Форбс" (07.11. 94): "Партнерские отношения и сотрудничество между отставниками из КГБ и ЦРУ не всегда развиваются продуктивно. Например, Винсент Каннистра-ро большую часть своей карьеры сделал в ЦРУ, поднявшись по служебной лестнице в конце 70-х годов до руководителя подразделения по борьбе с терроризмом. Затем определенное время работал в администрации президента США Рональда Рейгана, являясь директором по разработке разведывательных программ. Уйдя окончательно из ЦРУ в 1990 году на пенсию, Каннистра-ро устроился в небольшую коммерческую разведывательную фирму "Алексис Интернэшнл" со штаб-квартирой в Рэстоне (штат Вирджиния).

Юрий Дроздов, живая легенда среди шпионов, занимался, среди прочего, внедрением нелегалов на Запад. Дроздов был также причастен к тому, что в КГБ мягко называют "мокрые дела", т.е. акты терроризма и политические убийства. Сейчас Дроздову 69 лет. Он хорошо сложен, имеет военную выправку и серые жульнические

глаза.

Дроздов ушел из КГБ в мае 1991 года и организовал частную фирму "НАМАКОН". "За время службы в КГБ у меня накопился большой опыт, как подчинить себе волю противника, и я думаю, что это будет полезным и пригодится в бизнесе", - заявил Дроздов, сидя в своем просторном кабинете с большим стальным сейфом на столе.

Вначале Дроздов попытался готовить и продавать аналитические обзоры, подобные тем, какие КГБ писал для Политбюро. Никто, однако, не проявил к этому большого интереса. Тогда он попробовал приспособить западных партнеров к российской авиационной компании, которая изготавливает диски для авиационных колес. Опять же не повезло. Затем, в прошлом году, в Лондонской газете "Файнэншиал Таймс" появилось небольшое объявление, извещающее об образовании совместного предприятия, куда вошли Дроздовская фирма "НАМАКОН" и Каннистраровская "Алексис Интернэшнл". Объявление сообщало, что СП будет предоставлять помещения

для офисов и осуществлять проверку российских партнеров по заказу западных компаний, заинтересованных в ведении бизнеса в России.

В августе, однако, СП практически прекратило свое существование из-за невозможности найти хоть одного клиента.

"Я подготовил контракты для проведения работы в Москве по обеспечению безопасности отделений американских компаний "Сайпрус Минералз" и "Дэн энд Брэдстрит" и послал всю информацию Юрию, но он не довел дело до конца, и мы потеряли бизнес,- заявил Каннистаро.- Мне кажется, что нам не удалось даже договориться о принципиальных основах как делать бизнес".

Что бы ни послужило причиной разрыва между Дроздовым и Каннистаро, ясно, что заниматься бизнесом совсем не в диковинку для большинства бывших сотрудников КГБ."

И В.Каннистаро и П.Фурманн недостаточно искренны. "НАМАКОН" не получил от американской стороны ни одного клиента, а упомянутые в статье фирмы не откликнулись на наши звонки:

они увидели в нас серьезных конкурентов. Нами пытались руководить, а мы детально разбирали предложение, сделку и определяли соответствующее место себе и своим партнерам. Отношения постепенно заглохли, но опыт мы приобрели хороший. Мы получили поддержку со стороны российского бизнеса, для которого наши знания и опытгодились.

Оставим в стороне вопросы обстановки в нашей стране. Мы ее знаем, и каждый по-своему участвует в ее развитии. Оценку положения в мире, на мой взгляд, интересно дал в своем докладе на 32 Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 1995 года руководитель концерна "Даймлер Бенц" Ю.Шремп. Он заявил, что происходит дальнейшее обострение борьбы, которую ведут в глобальном масштабе индустриально развитые страны за рынки сбыта и прорыв к новым технологиям. Эта борьба является "сильным" компонентом политики безопасности государств. Страна, обеспечивающая своему народному хозяйству наиболее выгодное положение в ключевых технологиях, ос-

новых отраслях производства и выходящая на перспективные международные рынки, в стратегическом плане приобретает более выгодное положение в сравнении с другими государствами и с точки зрения политики безопасности. Партнерство в данном контексте возможно только между равными участниками. В противном случае возникают неконтролируемое соперничество и борьба за место в таком партнерстве.

В сравнении с США, РФ, Китаем и Японией Германия и другие ведущие страны Западной Европы по-прежнему принадлежит к "средней весовой категории" и не может с успехом в одиночку представлять на международной арене как свои политикостратегические, так и экономические и другие жизненно важные интересы. США являются единственным государством, имеющим все необходимые предпосылки (государственные, промышленные, технологические, военные и политические) для успешной реализации собственной внешней политики и политики в области безопасности. Технологическая, экономическая и внешняя политика США являются средствами

политики безопасности.

Соединенным Штатам необходима как партнер и союзник сильная Европа. Поэтому Ю.Шремп призвал к трактовке экономической политики как политики безопасности, имеющей свои внутренний и внешний аспекты. Он отметил, что стратегическими отделами промышленных фирм разработан сценарий "Conflict Prevention Initiative" (Инициатива по предотвращению конфликтов) для определения основных позиций такой новой политики безопасности.

Этот сценарий содержит ряд проектов, осуществление которых может содействовать реализации такой политики безопасности (создание объектов инфраструктуры в быстроразвивающихся районах Азии; коммуникационные услуги в Восточной Европе с применением технологий СНГ; создание станций раннего предупреждения для отслеживания изменений окружающей среды, включая проведение стратегической разведки; создание коммуникационных сетей для распространения знаний и услуг в области образования и медицины в слаборазвитых регио-

нах; создание мощностей и технологий по переработке отходов; разработка концепции орошения пустынных районов; помощь в создании местных сетей снабжения промышленными и сельскохозяйственными товарами в районах с бывшим до последнего времени плановым хозяйством; строительство мощностей для производства высокоэнергетического топлива и рефинансирование за счет его продажи в целях содействия становлению рыночной экономики; создание трансграничной транспортной системы для грузо-пассажирских перевозок.) Реализация такой комплексной политики безопасности представляется Ю.Шремпфу возможной при условии учета ряда предпосылок.

Политические структуры должны, по примеру США, создать в Европе конфиденциальную информационную систему о проектах европейской промышленности.

Правительства должны обеспечить более конкретное вовлечение промышленности в контакты с третьими странами на основе функционирования данной системы.

В случае необходимости государство должно перенять часть рисков промышленности, вовлеченной в реализацию такой стратегии.

Информационная система должна быть согласована с требованиями ГАТТ при более полном использовании европейской промышленностью имеющихся в международном плане возможностей.

Таким образом, вопросы экономики находятся на самом переднем плане мировой политики. Необходимо отметить, что они были предметом обсуждения и на слушаниях по угрозам для США в мировом масштабе во второй декаде января 1995 года, где нашей стране было уделено одно из центральных мест. Бывший госсекретарь США Д.Бейкер отметил, что "баланс политики США в отношении России может достигнуть критической точки". Он считает, что "при трезвом рассмотрении национальных интересов следует подходить с позиций селективного вмешательства, что необходимо вернуться к концепции "Мир через силу", обеспечившей США победу в холодной войне".

На этом же совещании бывший директор ЦРУ Дж.Вулси заявил, что мировая держава с глобальными интересами должна быть наиболее полно, насколько позволяют человеческие возможности, информирована о любых возможных угрозах. Вулси был весьма резок, когда в своем ответе на требования общественности США сократить расходы на спецслужбы заявил: "Если история нас чему-то учит о разведке, так это то, что высшей степенью идиотизма является игнорирование внешнего мира, который может представлять множество опасных проблем, серьезно угрожающих нашим национальным интересам". "Мы должны понять это, а также учитывать неопределенное будущее стран-гигантов, таких, как Россия и Китай".

Любыми путями - дипломатическими, построениями коалиций, методами устрашения и, при крайней необходимости, военными действиями, вместе с другими демократическими и миролюбивыми государствами, США должны помогать направлять события таким образом, чтобы обеспечивать для себя мир и безопасность.

Дав в целом объективную, хотя и неприятную, оценку положения у нас, он отметил наличие ряда противоречий между нашими странами, которые вызывают раздражение, но тут же оговорился, что не призывает к возврату холодной войны с Россией. Ведь по сути дела по целому ряду этих вопросов у США имеются противоречия и с ближайшими союзниками. Но абсолютно очевидно, что Россия пересматривает свою внешнюю политику и четко дает понять свое желание сохранить позиции влияния в мире. Российская внешняя политика будет зависеть от превратностей судьбы, возникающих во внутренних делах. Несогласие же России и США в некоторых подходах к основным международным вопросам, может оставить президента Ельцина уязвимым перед появляющимися оценками России, которой отведена роль младшего партнера. Масштабы таких настроений, безусловно, будут увеличиваться по мере приближения парламентских и президентских выборов.

Точку зрения Вулси на этом заседании поддержали еще более откровенно развил директор

Военного Разведывательного Агентства генерал-лейтенант Джеймс Р.Клэппер. Он также указал на три потенциальные угрозы: Северная Корея; политические и военные процессы в России; распространение технологий, связанных с оружием массового поражения. Завершение холодной войны все еще дает о себе знать в различных процессах и результируется в повышении степени угроз.

Если эти тенденции продолжатся, перспективы появления хорошо подготовленных и материально обеспеченных главных региональных агрессоров в начале XXI века представляются относительно маловероятными. Однако возможность возникновения напряженностей этнического, религиозного и сектантского характера как внутри определенных стран, так и за пределами их границ продолжит, видимо, повышаться. Более того, длительность развития политических процессов, особенно в Европе, Азии и на Ближнем Востоке, может принять обратный характер и свести к нулю достижения последних лет.

Генерал Клэппер отметил, что в приоритетной части спектра угроз находится ряд стран, ко-

которые способны до определенной степени проводить военные операции, влияющие на интересы Соединенных Штатов. В отношении этих стран США должны проводить исследования, включающие их военно-политические намерения, военные доктрины, стратегию, тактику, анализы военных операций, а также ряд подсобных исследований - военная подготовка, боеготовность, инфраструктура и т.п. Для этого необходимо иметь данные о всех технических деталях систем вооружений той или иной страны, чтобы обеспечить информацией американские вооруженные силы. США должны быть в состоянии смотреть вперед - на одно-два десятилетия.

Необходимо, кроме вооруженных сил страны, иметь представление и о географической среде, в которой могут оперировать войска США. Данные этого типа значительно отличаются от тех, которые требуются для обеспечения широкомасштабных конфликтов, но процессы их сбора и анализа такие же сложные. В заключении своего небольшого, но интересного во всех отношениях доклада он отметил, что в Пентагоне не сидят

сложив руки и предприняли несколько инициатив в военном разведывательном сообществе, которые помогут лучше понять явления внезапной или "нерегулярной" войны.

Это замечание генерала Клэппера меня особенно насторожило, ибо свидетельствовало о том, что уже проводится изучение вопросов войны в городских условиях и операций, которые "не являются войной"; что разработана методика подготовки анализов военных действий в городе и с (или между) племенами (т.е. этнических конфликтов. - Ю.Дроздов). Всем этим занимается группа аналитиков, изучающая проблемы "Третьей мировой нестабильности" и разрабатывающая практические рекомендации для армии США.

Что же касается последнего, то суммируя все сказанное на совещании, это звучит предупреждающе и для политиков, и для предпринимателей, и для финансистов, ответственных за морально-политическое и экономическое оздоровление России и ее национальную безопасность, особенно если учесть события в "горячих

точках".

Бог мой, можно было бы пройти мимо высказываний этого генерала, озабоченного сохранением бюджетных ассигнований для своего ведомства, если бы его аккуратно-тонко не поддерживали политики и такие советники, как С.Бжезинский, развернувший в конце февраля 1995 года широкую программу корректировки стратегии США по отношению к России. Центральным ее пунктом является сокращение помощи России и дальнейшая децентрализация нашей страны, предотвращение ее возрождения как сильного государства. И здесь можно было бы пройти мимо, тем более симпатии автора известны. Ан, нет, нельзя. Ибо уже в США, МВФ и МБ сделаны расчеты о прекращении помощи России с 1997-98 годов. Эта программа закреплена в "Стратегии США в области оказания технической помощи и экономического сотрудничества с Россией", одобренной соответствующим координатором США 3 февраля 1995 г. Это документ контроля за ходом выполнения статей упомянутого "Акта о свободе для России и возникающих

евразийских демократий и поддержке открытых рынков" N S-2532, 2.07.1992, который России свободы не оставляет. Уже требуют даже вернуть или отдать Калининградскую область. Можно было бы перечислять до бесконечности. . .

У нас есть твердое убеждение, что процессу укрепления прочных деловых, партнерских и дружеских связей наших предпринимателей внутри страны и за рубежом осторожно, с оглядкой, маскируясь, мешают, не желают видеть возрожденную и уверенную, самостоятельную Россию и не скрывают при этом откровенного желания подчинить богатства новых российских собственников интересам развития экономики своих стран.

Мой хороший знакомый, редактор журнала "Форбс" Питер Фурманн в одной из бесед обмолвился (и довольно интересно отразил это в январском номере своего журнала за 1995 год), что к экономическому проникновению в Россию они стали готовиться сразу же с 1985 года. Не потому ли всем нам иногда очень трудно? Нет никакого сомнения в том, что собственные специальные структуры американских корпораций, тесно

взаимодействуя с государственными, "освоили" российский рынок. По мнению американцев, в России сегодня нет системы обнаружения программ серьезных противников, равно как и системы планирования и осуществления мер противодействия этим программам.

Во времена СССР система проведения таких операций была жестко централизована. Она была неповоротлива, но, именно будучи системой, в целом не могла сделать ни одного незащищенного шага. Один из американских источников сравнил ее с неуклюжим, но бронированным со всех сторон рыцарем. Сейчас же, после развала СССР, старая система оказалась растащенной на куски. Упомянутый источник сказал (почти дословно): "Русские полагают, что они надели на ту руку, которой они непосредственно ведут бой, рыцарскую перчатку - и этого им вполне достаточно. Однако они не понимают, что к ним можно незаметно подкрасться сзади, и тогда перчатка не спасет".

"Имеющиеся у российского бизнеса службы безопасности эффективны только против примитивного рэкета; они способны также созда-

вать собственных "агентов влияния" в российских госучреждениях, но не более. Образно говоря, эти службы безопасности - собственная "милиция" российского бизнеса. Необходимость такого рода служб российские компании поняли. Но необходимость "собственной разведки" еще не осознали. Более того, руководители российских компаний пока не понимают разницы между "милицией" и "разведкой", и искренне полагают, что это одно и то же".

Все мои сомнения в справедливости испытываемых опасений развеял ни кто иной, как сам президент США Билл Клинтон. В своем выступлении на совещании в Объединенном комитете начальников штабов 24 октября 1995 года он заявил: "Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и

тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумен с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием - мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы затратили на это миллиарды долларов, а они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т.д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет ви-

деть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 миллионов долларов, а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военные также не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно - планы наши начали реализовываться.

Однако это еще не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще не достаточно сильно влияние США, необходимо решить одновременно несколько задач: - всячески стараться не допустить к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий; - особенное внимание уделить президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы.

Они принесут свои положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста прези-

дента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем.

Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное "полевение" нынешнего президента не означает для нас поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: - расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках нужных нам.

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна - США".

У меня много друзей среди американцев, но я не думаю, что кто-либо из них остался бы доволен, если бы кто-нибудь из руководителей России

позволил себе подобное.

Все пережитое в тесном переплетении с событиями сегодняшнего дня побуждает к размышлениям. Вечера, как правило, теперь провожу дома, сидя в кресле, перед телевизором или с книгой в руках. На полу, растянувшись поперек комнаты, у ног лежит своенравная красавица Айза, кавказская овчарка, которую иногда называем упрямой чеченкой. Не обижается. (К нашему большому сожалению, ротвейлер Вильма умерла два года назад).

Вчера вечером в который раз раскрыл томик великого Г.Гейне на немецком языке. Мне были понятны переживания французского гренадера-барабанщика Ле Гранда, проткнувшего шпагой старый военный барабан после возвращения из плена и крушения идеалов. Но я не француз.

Мне уже много лет. За плечами жизнь. За плечами моей страны - тысячелетие. Я русский. Со времен скифов мы были доверчивы, гостеприимны, но не любили, чтобы нас ставили на колени. Мы очень терпеливы, но не дай бог пе-

регнуть. . .

Иногда я проезжаю по кольцевой московской дороге мимо участка, где располагается комплекс зданий разведки. И каждый раз я благодарен судьбе за то, что мне было дано право быть офицером разведки.

Москва июль 1994 - октябрь 1998

ПРИЛОЖЕНИЯ

1992

JOINT MILITARY

NET ASSESSEMENT

CHAPTER 11

SPECIAL INTEREST AREAS

Intelligence, Counterintelligence, and Warning
Intelligence

The steps taken by CIS leaders to reform fundamental political, security, and economic institutions in the aftermath of the failed Moscow coup promise a new phase in global relations. Before this development in the former Soviet Union, the intelligence efforts of both East and West had continued with relatively modest changes. However,

despite statements by CIS leaders about dismantling their intelligence structures and subjecting their intelligence organizations to greater public scrutiny, a huge collection apparatus remains available to the political entity assuming power. Whatever intelligence services emerge from the current upheaval will most likely continue to collect against traditional military and political targets (albeit at a lower level), while redirecting their efforts to Third World security issues and economic and commercial objectives.

A number of former Soviet client states and developing countries pose effective, regionally oriented, and frequently multidisciplinary intelligence threats. Although these countries' capabilities are often technologically inferior to counterintelligence systems of the developed West, their capabilities will improve as enhanced collection systems are developed or acquired.

DOD

counterdrug operations present an additional target of opportunity for counterintelligence by states or

groups.

Secure communications and other operations security measures will remain important for effective counterdrug operations.

Counterintelligence

In the post-Cold War era, the increase in personal, technical, and commercial contacts among nations has broadened substantially the opportunities for overt collection of sensitive information. Conversely, former adversaries face difficult challenges because of burgeoning East-West relations and commercial ventures, intrusive arms-control inspections, loss of internal controls and restrictions, defectors and emigrants from the East, and "volunteers" spies for the West.

Little change in extant organizational structures and bilateral relationships among the Western democracies is expected, but dissipating perceptions of remaining military threats are likely to reduce investment in counterintelligence functions. However, the potential for divergent economic interests resulting from increased global competitiveness may elevate the potential for

intelligence threats, even from traditional allies.

Thus, the United States probably will continue to experience espionage damage to plans, programs, operations, and technological advantages.

Changing intelligence relationships with allies and expected cooperation with traditional adversaries pose intelligence risks. Lack of language capabilities, unfamiliarity with the local environment, and a lack of prior relationship with indigenous counterintelligence and security services hinder the capabilities of US counterintelligence personnel deployed to nontraditional assignment locations.

Warning

Overall US intelligence capabilities are assessed to be good to excellent in providing information on changes in the military capabilities of potential adversaries. This military data, analyzed in the context of early political and economic indicators of an increased threat to the United States or its interests, provides the basis for warning time assumptions. Reliably determining an adversary's exact intent remains elusive, but it is nevertheless a goal of the warning process.

Warning of a specific time of attack based on military capabilities is unrealistic, as essential final political decisions are invariably the determining factor.

The future of US warning capabilities will be dependent on a number of factors. Resource constraints and personnel reductions in the Intelligence Community will have a negative effect, but the reduction in the forward presence of US forces-inevitable as the global security environment changeswill have the greatest impact on our ability to obtain timely warning of changes in the capabilities of potential adversaries.

ОБЛАСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Разведка, контрразведка и система предупреждения

Разведка

Предпринятые руководителями СНГ шаги по коренному реформированию после провала в Москве попытки государственного переворота политических, экономических учреждений и специальных служб свидетельствуют о новой фазе в глобальных отношениях.

Перед этим поворотом обстановки в бывшем Советском Союзе разведывательные усилия как Востока, так и Запада продолжались с незначительными, скромными изменениями. Тем не менее, несмотря на заявления руководителей СНГ о демонтаже из разведывательных структур и введении большего общественного контроля за разведывательными организациями, огромный аппарат сбора информации остается в распоряжении политических групп, приходящих к власти. Какая бы разведывательная служба не появилась из сегодняшнего беспорядка, она скорее всего продолжит сбор информации в отношении традиционных военных и политических объектов (хотя и на более низком уровне), перенацеливая свои усилия на вопросы безопасности в Третьем мире и коммерческую информацию.

Ряд стран-клиентов бывшего Советского Союза и развивающиеся страны представляют из себя эффективную, ориентированную на регионы и часто весьма дисциплинированную разведывательную угрозу. Хотя потенциал этих стран в техническом плане не может состязаться с контр-

разведывательными системами, разработанными Западом, их возможности будут расти по мере того, как будут развиваться или становиться необходимыми улучшенные системы сбора информации.

Операции Министерства обороны против распространения наркотиков представляют собой дополнительный объект контрразведывательных служб государств или отдельных служб. Защищенные линии связи и мероприятия по обеспечению безопасности других операций будут иметь значение для эффективного осуществления борьбы с наркотиками.

Контрразведка

После "холодной войны" рост контактов между частными гражданами разных стран, а также по линии коммерции и техники значительно расширил возможности для открытого сбора серьезной информации. И наоборот, бывшие противники столкнулись с проблемами в связи с расцветом отношений между Востоком и Западом и совместных предприятий, проведением контрольных инспекций на местах в рамках со-

глашений по сокращению вооружений, утратой контроля за внутренней обстановкой и отменой ограничений, в связи с предательствами и выездами эмигрантов с Востока, а также из-за "добровольных" шпионов с Запада.

Ожидается, что в остающихся организационных структурах и двусторонних отношениях между западными демократиями произойдут незначительные изменения, однако рассеивающееся ожидание возможной военной угрозы скорее всего приведет к снижению финансирования контрразведывательных функций. Однако потенциал различия экономических интересов, проистекающий от роста глобальной конкурентной борьбы, способен создать угрозу активизации разведывательной деятельности, в том числе со стороны традиционных союзников.

Таким образом, Соединенные Штаты, очевидно, будут продолжать нести потери от шпионажа, теряя преимущества своих планов, программ, операций и технологий.

Изменения в соотношениях с союзниками и ожидаемое сотрудничество с традиционными

противниками в области разведывательной деятельности представляют собой определенный риск.

Недостаток специалистов с соответствующими языками, незнание местной обстановки и отсутствие предшествовавших взаимоотношений с местными контрразведывательными и разведывательными службами подрывают способность американских контрразведывательных организаций, решающих свои задачи в необычных для них условиях.

Предупреждение

В целом эффективность разведки США оценивается как хорошая или прекрасная в плане добывания информации об изменениях в военном потенциале возможных противников.

Эта военная информация, анализируемая под углом зрения выявления на ранней стадии политических и экономических признаков растущей угрозы Соединенным Штатам или их интересам, составляют основу для прогнозов в плане предварительного оповещения. Достоверное определение точных намерений противника представляет-

ся затруднительным, однако именно это является целью процесса предварительного оповещения. Делать предупреждение о конкретном времени нападения только на основе анализа военного потенциала не является реалистичным, определяющим фактором при этом является принятие окончательных политических решений.

HERBERT APTHEKER.

Imperialism's Intelligence (Political Affairs).

Colonel Corson, the author, comments on the Doolittle matter: "By accepting the Doolittle report Eisenhower not only embraced the idea that there was no Geneva convention to guide American conduct, but also communicated to the intelligence community from Akron to Afganistan that he was amenable to a no-holds-barred approach on their part."

Less than a year later the Doolittle Report became formal U.S. policy through the adoption of National Security Council directive 5412/1, issued March 12, 1955. The essence of that directive lies in its six authorization paragraphs directed to the CIA; the latter was told to do the following (we are

quoting):

1) Create and exploit problems for international communism.

2) Discredit international communism, and reduce the strength of its parties and organization.

3) Reduce international communist control over any areas of the world.

4) Strengthen the orientation toward the United States of the nations of the free world... increase the capacity and will of such peoples and nations to resist international communism.

5) In accordance with established principles, and to the extent practicable in areas dominated or threatened by international communism, develop underground resistance and facilitate covert and guerrilla operations.

6) Specifically, such operations shall include and covert activities related to: propaganda, political action, economic warfare, preventive direct action, including sabotage, anti-sabotage, demolition, escape and evasion and evacuation measures; subversion against hostile states or groups including assistance to underground resistance

movements, guerrillas and refugee liberation groups, support of indigenous and anticommunist elements in threatened countries of the free world; deception plans and operations and all compatible activities necessary to accomplish the foregoing.

The fact is, writes the author, that the CIA wanted "to finish the job of the Soviet Union started by Hitler."

Meanwhile, by CIA of Hitlerian methods, progressive governments were overthrown in Iraq and Guatemala and the Dominican Republic and Guyana, the invasion of Cuba was undertaken and since then programs like Mongoose have subsidized sabotage, murder and - the author tells us - at least eight different attempts to assassinate Fidel Castro.

Other murder efforts, including one aimed at Chou En-Lai some twenty years ago, failed, while that against Lumumba succeeded.

The author suggests that it is possible some of these murder efforts were not known to the President but he is sure Rockefeller was in on the secrets. He suggests also that there is evidence that CIA operations have degenerated in terms of

responsibility; he cites, for example:

"President Carter's admission that he didn't know that King Hussein of Jordan was on his (the CIA) payroll."

Beginning in 1948, the Colonel notes, "The CIA's Office of Policy Coordination and the Deputy Director for Plans had been engaged, without much success, in inserting agents provocateurs into Eastern European satellite countries for low-level espionage and sabotage purpose'. By the 1950s these efforts had been sophisticated and developed into full-scale secret wars - code named Red Sox/Red Cap - having as their essential purpose the provocation of uprisings especially in Hungary, Poland and Czechoslovakia. In this period so-called defectors from these countries as well as from Rumania "were trained to become the CIA's entry into anti-Soviet struggles" with most of this training being done in West Germany.

Considerable detail - some of it new - is offered in this volume on the significant role of the CIA in the Hungarian events of 1956; the author makes explicit that the purpose at that time was the

complete overthrow of the system of socialism and the restoration of the situation that prevailed prior to World War II. This will make instructive reading for those souls who insisted that the aim of that 1956 counterrevolutionary move was socialism's "purification".

"Полковник Корсон, комментируя предложения Дулитла (о формах и методах борьбы против СССР - Др.), отмечает, что Эйзенхауэр, согласившись с положениями доклада, не только пришел к выводам, что американцы в своих действиях вряд ли должны строго руководствоваться положениями Женевской конвенции, но и обратился к представителям разведывательного сообщества за рубежом, высказав свое убеждение в том, что подход к их деятельности не должен иметь элементы чисто запретительного характера (т.е. разрешены любые действия - Др.).

Менее чем через год Доклад Дулитла лег в основу официальной американской политики, пройдя стадию трансформации в директиву Совета Национальной безопасности N 5412/1 от 12 марта 1955 года. Суть директивы, которой долж-

но было руководствоваться Центральное разведывательное управление США, сводилась к шести основным параграфам, определяющим главные направления работы:

- создавать проблемы в международном коммунистическом движении и использовать их в своих целях;

- дискредитировать международное коммунистическое движение, снижать силу влияния коммунистических партий и организаций;

- снижать степень влияния и контроля международного коммунизма на отдельные регионы и страны мира;

-

- укреплять ориентацию на Соединенные Штаты государств свободного мира, усиливать потенциал и желание народов этих стран противостоять международному коммунизму;

- в соответствии с установившимися принципами и существующей практикой в регионах, контролируемых или подвергаемых угрозе распространения, международного коммунизма, развивать подпольное движение сопротивления и уси-

ливать тайные операции и партизанские действия;

-в частности такая деятельность должна включать в себя тайные операции, относящиеся к вопросам пропаганды, ведению политической деятельности, подрыву экономики, превентивным прямым акциям, включая саботаж и анти-саботаж, разрушение и подрыв объектов, уклонение и обход законов, эвакуационные меры, ведение подрывной деятельности против враждебных государств или групп, включая оказание помощи и поддержки подпольному движению сопротивления, партизанским и эмигрантским группам освободительного движения; оказания поддержки местному населению и антикоммунистическим элементам в странах свободного мира, которым угрожает распространение коммунизма; разработка любых других планов и мероприятий, направленных на достижение поставленных целей."

@

^ИС: ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАЗВЕДКИ

^ ДТ: 15.05.1999

^ АВ: ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ЗГ: ПРИЛОЖЕНИЯ. СОЛДАТ РОССИИ -
ЮРИЙ ДРОЗДОВ

^ ТТ:

Душу имей яко воеводу, а тело яко
воина, дабы воин воеводе покорялся,
а не воевода воину.

Рукопись IX века

Дорогой читатель!

Из всех терминов, обозначающих скрытное проникновение в чужие "закрома" для сбора информации в свою пользу, самым популярным и интернациональным стало немецкое слово "шпион". Мне больше по душе (и милее уху) русское слово "разведка" - от слова "ведать", знать. Красиво звучит этот термин и на болгарском: разузнаване. Разведка, безусловно, существовала еще в эпоху первобытно-общинного строя и в ближайшем обозримом будущем профессия разведчика останется одной из наиважнейших.

Книга, которую вы прочли, - второй, значительно расширенный вариант записок генерала

Дроздова. Первый вышел в 1994 году в издательстве "ВлаДар".

Дважды автор записок оговаривается: "Пусть читатель меня не ругает за недосказанность. Интересы Родины превыше всего"... Именно это ощущение пронизывает все повествование: для автора превыше всего интересы Родины. Государственный деятель, дипломат, разведчик - и еще несколько профессий, обладатели которых ежедневно, а в иных ситуациях и ежечасно, должны помнить о главном - об интересах Родины. Тяжкая ноша, завидная судьба, поле деятельности избранных.

Любые рассуждения человека "со стороны" о тонкостях работы разведчиканелегала для посвященного за версту будут отдавать наивностью - как бы автор ни надувал щеки, не "вживался в роль", сколько б литературы ни перелопатил, какой бы фантазией ни обладал. Непрофессионала (в любой области знаний и деятельности) всегда выдает незнание профессиональных мелочей, но коль нелегальная разведка часть нашего планетарного мироустройства, и от качества ее рабо-

ты опосредованно, но весьма ощутимо зависит существование государства, то, стало быть, хочется знать о ней немного больше кроме того, что она существует. Рассказать о ней лучше, чем бывший нелегал, никто и никогда не сумеет. Поль Бурже говорил, что "самый простой анекдот искажается даже в самых правдивых устах". Что уж тут говорить о разведке, если писать о ней возьмутся посторонние. Пример тому интервью Ю.И. Дроздова, напечатанное в журнале "Профиль", где журналисткой был столь изящно применен "творческий подход", что в результате ветеран-разведчик выглядит эдаким щебетуном, которому наконец-то дозволили высказаться, и по ходу беседы - по секрету всему свету - выдает государственные тайны. Вспомнишь поневоле Михайлу Ломоносова и слова его о профессоре Шлецере!

Юрий Иванович, взявшись за этот нелегкий труд, опять-таки вынужден сделать оговорку: "Всего о работе разведки сказать никогда нельзя". Ну, всего нельзя, это понятно, но где же та незримая разрешительная черта, до которой приподнять завесу все же хотя бы допусти-

мо? На разной высоте увидели ее Аркадий Шевченко ("Разрыв с Москвой"), Владимир Резун-Суворов ("Аквариум"), Олег Калугин ("Первое управление", "Прощай, Лубянка").

Первые два - откровенные изменники Родины, третьего называют предателем бывшие соратники, но сам он факт предательства отрицает. Генерал-майор СВР (Службы внешней разведки) в отставке Борис Соломатин признает нанесение ущерба национальной безопасности России публикацией последней книги Калугина и считает, что "написать такую книгу - это никакая не смелость, а точный расчет на безнаказанность, на бессилие Российского государства защитить свои интересы". Поневоле задумаешься над такой оценкой сегодняшних возможностей государства Российского!..

В книге Ю.И. Дроздова есть глава "Предатели: каждый решает сам - быть им или не быть". Не случайно в ней одна страница уделена О.Калугину. Как и генерал Соломатин, генерал Дроздов опирается лишь на факты, заканчивая главу весьма прозрачной фразой: "Как это назы-

вать - ответьте сами". Казалось бы, ясно и так: Калугин - предатель. Но ни Дроздов, ни Солома-тин, ни руководитель пресс-бюро Ю.Г.Кобаладзе (на прямой вопрос о Калугине) таких слов не выговаривают. Наверное, здесь имеет место быть ряд причин: нет официального приговора, роль прокурора не подходит всем троим и, наконец, приверженность к особой терминологии разведчиков, когда в деликатной форме повествования между строк бывает сказано гораздо больше, чем если бы отвечающий на вопрос взялся рубить "правду-матку". Некоторые страницы записок генерала Дроздова следует читать, помятуя это правило.

В августе 1995 года, с подачи корреспондента "Известий" в Бонне, закрутилась "собачья свадьба" и вокруг имени генерала Дроздова. "Российский шпион, зарегистрированный под агентурным номером "Д-104" и завербованный еще в 1974 году, по-прежнему занимает высокое положение в немецкой разведке и снабжает Москву ценными сведениями", - так захватывающе начиналась статья. Автор ее, в угоду сенсации, "чуть-

чуть" перефразировал строчки из германского журнала "Фокус", вышедшего в свет четырьмя днями раньше. Там значилось: "Бывший генерал КГБ Юрий Дроздов признает: "Наш ценный агент в Федеральной разведывательной службе до сих пор не разоблачен". Разница существенная! Правда, немцам тоже для чего-то понадобилась сенсационность: открыто изданные мемуары бывшего разведчика они назвали "брошюрой для внутреннего пользования". Стоит заметить, что опус немецкого журналиста читается с большей признательностью к автору, чего не скажешь про "своих". Вербовка агента "Д-104" - остроумнейшая комбинация, которой советская разведка по праву может гордиться. На всякий случай я поинтересовался у Дроздова:

- В БНД не успокоились, ищут "Д-104"?
- Ищут.
- А вдруг найдут?
- Это невозможно.

Одной из самых интригующих глав можно считать, главу "Агенты влияния и последствия развала СССР". Об агентах влияния говорил на

закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года председатель КГБ СССР В.А. Крючков. Многим памятна шумиха в демократической прессе по поводу агентов влияния (этому термину неизменно придавалось ироническое звучание!) после публикации в "Правде" (1992 г.) статьи В.А. Крючкова "Посол беды", где он, в частности, объявил агентом влияния США А.Н. Яковлева. Во время одной из случайных встреч с Владимиром Александровичем я спросил его, может ли он доказать, что Яковлев агент влияния США. Он ответил буквально следующее: "Об этом будет сказано в нужное время и в нужном месте". В "нужное место" (Прокуратуру Российской Федерации) Ю.И. Дроздова и пригласили по делу А.Н. Яковлева. Забегая вперед, скажем, что перед следователем непотопляемый академик от политики оказался "чист" (то-то было восторгу в средствах массовой информации), ибо... принадлежность к агентуре влияния фактически недоказуема. Не утратил он доверия и у президента. На память приходит контрастный и показательный в историческом смысле диалог

между героем Отечественной войны 1812 года Ф.И. Глинкой и императором Николаем I:

- Государь, меня оклеветали!

- Глинка, я знаю, что ты совершенно чист, но тебе надобно окончательно очиститься.

Агент влияния (термин придуман в недрах ЦРУ, а вовсе не "краснокоричневыми") - это человек, исповедующий ценности и идеологию противной стороны и насаждающий ее у себя дома всеми возможными способами, работает не за деньги, а за идею. Впрочем, поощрить его для более крепкой привязки есть десятки возможностей: всякого рода премии, присвоение международных званий, приглашение к участию в престижных международных семинарах и симпозиумах, издание книг за рубежом и мощная их реклама, заурядная лесть - в том числе и "сильных мира сего"... Государственный деятель высокого полета и огромного влияния может быть агентом влияния чужой страны как сознательно, так и сам того не подозревая, воспринимая дарованные ему жизненные блага и почести не как "подкормку" чужих спецслужб, а как междуна-

родное признание своей величины или гениальности. "Почести меняют нравы, однако редко в лучшую сторону", - писал еще Плутарх 18 столетий тому назад.

На упомянутом закрытом заседании Верховного Совета СССР В. А. Крючков зачитал документ с грифом "Особой важности", адресованный ЦК КПСС 24 января 1977 года, "О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан". Он невелик, и процитировать часть его я считаю нужным, чтобы дополнить повествование Ю.И. Дроздова: "Американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную и идеологическую обработку. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является пре-

подавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, направит научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие кон-

такты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях. По заявлению американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества. . . "

Пожалуй, достаточно. С августа 1975 по октябрь 1979 года резидентурой разведки в Нью-Йорке руководил Ю.И. Дроздов. Датировка приведенного документа подсказывает, что он составлен на основе разведданных его "команды".

Я привел доклад В.А. Крючкова еще для того, чтобы читатель сопоставил его основные положения с текстом указанной главы из книги Дроздова и смог убедиться, что дальнейшие события в СССР - России развивались по заявленному "сценарию". В заключение В.А. Крючков привел строки из американского документа "Требования к разведке в 90-е годы": "В предстоящем десятилетии тайные операции американских

разведывательных органов против СССР будут важным инструментом внешнеполитической деятельности правящих кругов США".

В августе 1995 года мне случилось попасть на просмотр документального фильма, снятого по этой книге, и участвовать в его обсуждении. Из зала прозвучал довольно странный вопрос: "Юрий Иванович, как вы считаете: насколько ваша деятельность разведчика совместима с понятием нравственности?" Лицо Дроздова мгновенно преобразилось - у губ легли две жесткие складки. Он ответил коротко: "Это - война!" И действительно, что тут добавишь?..

Это война - тайная, глубоко законспирированная, невидимая для посторонних, но война. Победы и поражения разведок легко могут обернуться победами и поражениями государств. Вспомним "августовский путч" 1991 года. Радио "Свобода" сообщило сенсационные известия: "Уже через несколько часов после того, как Горбачева блокировали в Форосе, Агентство национальной безопасности США вплотную занялось перехватом разговоров, которые Язов и Крючков

вели из своих кабинетов с командующими округами и прочими крупными военачальниками"; "...американским разведорганам было поручено помочь Ельцину в укреплении охраны и налаживании связи. Что они и сделали." Бывший директор АНБ (самого засекреченного разведывательного сообщества США) Уильям Одом сокрушался, что США принесли "ужасную жертву" и что "в будущем это колоссальный минус". Решение, однако, принимал дальновидный политик Джордж Буш - президент и бывший директор ЦРУ. Сегодня уже очевидно, что спасение Ельцина для США значило гораздо больше, чем некоторая утечка секретности. Дальнейший развал страны, насильственная американизация России ("мы решили, что лучше всего учиться у США, где демократия существует на протяжении двухсот лет"), сдача позиций на международной арене и т.д. - ярчайшее тому подтверждение.

Известно, что в ноябре 1961 года президент США Дж.Кеннеди дал санкцию на проведение секретной подрывной операции против Кубы, назначив куратором своего брата Роберта. Бывший

разведчик, а затем начальник аналитического отдела КГБ, Николай Сергеевич Леонов в одном из интервью описывает механизм поворота событий в нужное русло, когда действия спецслужб переходят в мощное и умелое давление государства. Речь идет о неугодном США правительстве Сальвадора Альенде. "Американцы организовали бойкот чилийской меди, от продажи которой Чили получала основные валютные поступления. Они заморозили в банках чилийские счета. Местные предприниматели стали перекачивать свой капитал за границу, свертывать рабочие места на предприятиях, создавать искусственную нехватку продовольствия в стране. Подобный нажим применялся и в других странах, когда это было необходимо США. Я помню, так было в Панаме при Норьеге и в других странах."

В советское время рассказывали анекдот - в меру смешной, в меру патриотичный (во наши дают!): Флорида, мыс Канаверал. Готовится запуск суперсекретного спутника. Место запуска окружено тройным кольцом охраны. Кругом - ни живого существа, только на вершине сухо-

го дерева сидят две вороны. "Взлетит", - говорит одна ворона. "Не взлетит!" - отвечает другая. "Взлетит...". "Не взлетит!". Ракета поднимается в воздух - взрыв, летят на землю осколки. "Накаркала" - довольно бормочет первая ворона. "Служу Советскому Союзу!" отвечает вторая.

Какую же разведку можно считать самой сильной в мире? Ю. И. Дроздов в своей книге об этом не пишет. Упоминает, правда, об одном американском контрразведчике, в кабинете которого рядом с портретом Э. Гувера висел портрет Ю.В. Андропова, как "руководителя сильнейшей разведки в мире". Бывший нелегал Вадим Мартынов, которого сдал вместе с женой и детьми предатель Гордиевский, рассуждает так: "ЦРУ в профессиональной среде не очень котируется. Их можно обмануть, если выдумать что-то новое, иногда можно перекупить, поймать на чем-нибудь. Традиционно серьезным противником всегда была британская МИ-6. ЦРУ предлагало мне стать их консультантом по разведке! Англичане никогда бы не сделали такой ошибки. Тайная служба Израиля "Моссад" пожалуй,

самая сильная разведка мира. Она опирается на патриотические и религиозные чувства еврейских общин, разбросанных по всему миру и имеющих влияние в самых высокопоставленных кругах. У нее есть огромные деньги и начисто отсутствует какой-либо кодекс чести и уважения к закону". В самом деле, "Моссад" - как говорится, особ статья в "дружной семье" разведок мира: она создана в 1937 году - задолго до образования государства Израиль. Подобных примеров история не знает. Возможно, правильнее сказать - еврейская разведка создала еврейское государство? Леон Юрис, автор книги "Экodus", подчеркивает (ч.1, гл.8): "У евреев было еще то преимущество, что любой еврей в любой стране мира был потенциальным источником информации и поддержки для агента Моссад Алия Бет". Сегодня уже нельзя не считаться с исламскими разведчиками, спецслужбами транснациональных корпораций и международных банков.

В книге одна из глав называется "Нужная работа". Для тех, кого содержание главы не убедило в нужности работы разведчика, приведу лишь

один пример. За два месяца до начала Курской битвы наша авиация нанесла серию бомбовых ударов по семнадцати аэродромам фашистов и уничтожила 500 немецких самолетов. Цели были выбраны с учетом полученной информации от нашего агента Джона Кернкросса. Представьте теперь, что эти самолеты "хорошо поработали" в Курской мясорубке. . .

В эпоху "перестройки" и "всеобщей демократизации" обывателя покупали на такие примитивные декларации, вроде "нам никто не угрожал, а СССР сам был угрозой мировой стабильности", "мы всегда жили за "железным занавесом" и нам не хватало открытости" - и т. п. Когда я слышу слово "открытость", мне почему-то вспоминается фраза из "Записной книжки" А. П. Чехова: "Почему ты не даешь мне читать письма своей жены, ведь мы же с тобой родственники!"

Вот как, например, потешаются над нашей "открытостью" англичане (газета "Гардиан", май 1992 г.) "По прошествии пяти лет после распада Советского Союза один факт остается очевидным: у западных разведывательных служб появи-

лась широкая возможность для вербовки информаторов в некогда мощном российском ВПК.

Два года назад российская Федеральная служба контрразведки заявила, что выявила в 1994 году больше шпионов, чем за предыдущие 5 - 7 лет. Как сообщила тогда ФСК, после ликвидации в 1991 году КГБ и централизации его основных составных элементов у ведущих разведывательных ведомств мира появилась возможность "почти без помех" действовать в России, создавая по всему Российскому государству и во всех его политических структурах шпионские сети".

Можно добавить, что сегодня над нашей территорией круглосуточно ведут космическую разведку около 50 спутников-шпионов. Самолеты-разведчики стран НАТО (и не только!) регулярно курсируют вдоль наших границ. Об иностранных кораблях радиотехнической разведки, замаскированных под рыболовные траулеры и научные суда, нарушающих наши территориальные воды, мы периодически узнаем из средств массовой информации. Мелкоячеистая сеть наземных

станций радиоперехвата ныне усилилась за счет стран - бывших союзников по Варшавскому договору (своеобразный их "взнос" для будущего вступления в НАТО!). Но, как справедливо считают в ЦРУ, "ни один спутник не может ощутить настроение людей на рынке, обстановку в столице иностранного государства, кризисную ситуацию в каком-либо регионе, причины, ее обусловившие". То есть главный добытчик информации - человек, нелегал, надежно защищенный "легендой" от малейших подозрений со стороны контрразведки.

Кто же такой нелегал? Это человек, примеривший на себя чужую биографию, национальность, психологию, интеллект, образ жизни, язык, стиль мышления, культуру, привычки, историческую память, существующие законы, обычаи... и оставшийся тем, кем был до этого часа - верным солдатом Отчизны, ради защиты которой он добровольно и бескорыстно взялся за свой тяжкий и опасный подвиг. Для этих людей понятия Долг, Честь, Родина имеют максимальную и безоговорочную смысловую напол-

ненность. Эти люди однажды в жизни принимают свою особую схиму, и большинство их имен, свершений, свидетельств пределов их мужества останутся неизвестными для ближайших потомков. Легко ли представить степень их самоотречения: перечеркнуть свою, единожды дарованную жизнь, и прожить чужую - "по легенде"??..

В.А. Крючков в своих воспоминаниях пишет: "Длительное время возглавлял эту службу (нелегальную разведку - В.М.) опытный, влюбленный в свою профессию генерал-майор Дроздов. В прошлом сам был на нелегальной работе, однажды сыграл роль фашистского офицера. Знал каждого сотрудника лично, гордился ими, их успехами, переживал неудачи, когда попадали в беду, делал все, чтобы выручить. У него никогда не сдавали нервы."

Из беседы журналиста В.Григорьева с Ю.И. Дроздовым: "- Как вы готовили легенды? - Легенда похожа на китайскую корзинку. Дернешь за один прут развалится. Должна быть привязка к реальной действительности. Если и была, например, в доме кошка, то надо знать, как ее звали и

что она вообще была. У одного разведчика однажды спросили: какая в том доме, где вы раньше жили, ступенька была с выбоиной? Их контрразведка потом проверяла, ответ совпал. - И сколько таких ступенек? И про все он должен знать? - Про все".

... Низкий вам поклон!

Вячеслав Морозов

PDF Generation

Generated on *24 декабря 2008 г.* by **fb2pdf** version
3.14

<http://www.fb2pdf.com/>